

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19(82)

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19 (82)

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

Ответственный редактор
член-корреспондент Академии наук СССР
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВАВИЛОНСКИЙ ДОКУМЕНТ О НЕЗАКОННОЙ ПРОДАЖЕ ХРАМОВОЙ РАБИНИ

Из вавилонских архивов VII—IV вв. до н. э. сохранилось большое количество контрактов о продаже рабов. По свидетельству этих документов, рабовладелец нес ответственность за то, что проданный им раб не являлся свободным человеком, не принадлежал государству, храму или другому частному лицу и поэтому не должен был выполнять никаких повинностей в их пользу. Если на проданного раба претендовал кто-нибудь, его прежний владелец обязан был доказать необоснованность таких претензий, а в противном случае должен был вернуть полученную за раба сумму и уплатить штраф.¹

Однако документы, фиксирующие расторжение сделок о продаже рабов и объявляющие недействительными соответствующие контракты, встречаются чрезвычайно редко. Поэтому большой интерес представляет документ времени Камбиза из архива храма Эанна в Уруке, по свидетельству которого один храмовый раб продал свою дочь, но позднее судьи объявили эту сделку незаконной.

Насколько нам известно, это единственный документ, свидетельствующий о продаже храмовым рабом своей дочери, хотя единичные контракты о продаже детей свободными людьми известны.²

Упомянутый документ издан А. Полем только в клинописной автографии,³ поэтому мы даем его транслитерацию и перевод:

- 1) (f)nu-up-ta-a mārtu šá (m)é-an-na-ibni
- 2) (amēl)nappaḫi siparri (amēl)širku (d)ištar uruk(ki)
- 3) šá (m)é-an-na-ibni abu-šú rit-tu₄-šú šá-ṭa₄-ru
- 4) šá (amēl)si-pi-ru iš-ṭu₄-ur ù ina bābili(ki)
- 5) a-na kaspi a-na (amēl)ar-ba-a-a id-di-nu
- 6) šá (amēl)sar-tin-nu ù (amēl)ḫa-za-nu (f)nu-up-ta-a
- 7) a-na (md)a-nu-aḫḫē(meš)-iddin māri-šú šá (m)bēl-šú-nu
- 8) id-di-nu um-ma a-na (amēl)qī-pa-a-nu šá é-an-na
- 9) i-din (md)a-nu-aḫḫē(meš)-iddin (f)nu-up-ta-a
- 10) ina é-an-na maḫīr(ir) (f)nu-up-ta-a
- 11) ina pa-ni (md)bēl-gimil-an-na ri-da-at
- 12) ina ú-šu-uz-zu šá (md)nabū-mukīn-apli (amēl)šā-tam é-an-na

¹ Ср.: O. Krückmann. *Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen*. Weimar, 1931, S. 19—20.

² См., например, изданные А. Л. Оппенгеймом документы, составленные в 3-м году царствования ассирийского царя Син-шар-ишкуна (627 г. до н. э.), согласно которым во время осады города Ниппура вавилонянами некоторые родители продавали в рабство своих малолетних детей, по-видимому, для того, чтобы спасти их от голодной смерти. (А. Л. Оппенгейм. „Siege-Documents“ from Nippur. Iraq, XVII, 1955, pp. 87—89).

³ А. Pohl. *Neubabylonische Rechtsurkunden aus der Berliner Staatlichen Museen*. *Analecta Orientalia*, 8, Roma, 1933, N 74.

- 13) māri-šú šá (m)na-di-nu mār (m)da-bi-bi
 14) (md)nabū-aḥ-iddin (amēl)rēš šarri (amēl)bēl pi-qit-ti é-an-na
 15) (amēl)mu-kin, (m)arad-(d)marduk mār-šú šá (m)zēri-ia mār (m)e-gi-bi
 16) (md)sin-ēreš mār-šú šá (md)nabū-šum-lišir mār (m)jibni-ilu
 17) (md)bēl-nādin-apli mār-šú šá (md)marduk-šum-iddin mār (md)bēl-
 apla-ušur
 18) (md)šamaš-mukin-apli ṭupsarru mār-šú šá (m)na-din mār (m)e-gi-bi
 19) uruk(ki) (arah)du'ūzu ūmu 7 (kám) šattu 4 (kám)
 20) (m)ka-am-bu-zi-ja šar bābili(ki)
 21) šar mātāti

„(Документ относительно) Нупты, дочери Эанна-ибни, медника, храмового раба (богини) Иштар Урукской, заплата которой Эанна-ибни, отец ее, отметил клеймом⁴ sipiru⁵ и продал в Вавилоне за серебро арабу⁶ (и) которую председатель суда и градоначальник передали Ану-аххе-иддину, сыну Белшуну, сказав следующее: „Отдай (ее) полномочным (представителям храма) Эанна“. Ану-аххе-иддин взял Нупту в Эанну. Нупта поступила⁷ в распоряжение Бел-гимиланни.

„(Документ составлен) в присутствии Набу-мукин-апли, управляющего (храмом) Эанна, сына Надина, потомка Дабиби, (и) Набу-ах-иддина, царского уполномоченного, распорядителя (имуществом храма) Эанна.

„Свидетели: Арад-Мардук, сын Зерии, потомка Эгиби; Син-эреш, сын Набу-шум-лишира, потомка Ибни-илу; Бел-надин-апли, сын Мардук-шум-иддина, потомка Бел-апла-удура; Шамаш-мукин-апли, писец, сын Надина, потомка Эгиби.

„Урук, (месяц) ду'узу, 7-й день, 4-й год Камбиза,⁸ царя Вавилона, царя стран“.

Толкование этого текста, если мы его правильно понимаем, не вызывает сомнений. Храмовый раб, медник Эанна-ибни, поставил клеймо рабыни на кисти руки своей дочери Нупты, затем отвез ее из Урука, где они жили, в Вавилон и продал там одному арабу. Эти интересные подробности легко объясняются. Эанна-ибни поставил клеймо, по-видимому, свидетельствующее о принадлежности Нупты в прошлом другому лицу,⁹ чтобы при продаже можно было заверить контрагента в том, что продавец ранее купил эту рабыню у прежнего владельца с соблюдением всех существующих законов.¹⁰ Нет сомнения также в том, что в Вавилоне, где, вероятно, никто не знал Эанна-ибни, легче и безопаснее было осуществить такую продажу, чем в Уруке, откуда он сам происходил. По-видимому, не случайным является и тот факт, что Нупта была продана арабу, вероятно недостаточно хорошо знавшему местные законы.

⁴ Дословно: „писанием“.

⁵ Значение слова sipiru пока не вполне ясно. А. Л. Оппенгейм с ссылкой на рассматриваемый нами документ, часть которого он дал в переводе, полагает, что этим термином обозначалась определенная категория рабов. См.: A. L. Oppenheim. Assyriological Gleanings. Bull. of the American Schools of Oriental Research, N 93, 1944, p. 14.

⁶ В ахеменидское время в Вавилонии жили представители многих народов (египтяне, арамеи, евреи, фригийцы, персы, мидийцы, индийцы и т. д.), в том числе и арабы.

⁷ Дословно: „последовала“.

⁸ 526 г. до н. э.

⁹ По мнению А. Л. Оппенгейма, sipiru при определенных условиях можно было продавать, и именно поэтому Эанна-ибни хотел заверить покупателя в том, что она являлась sipiru. (A. L. Oppenheim. Assyriological Gleanings, p. 15). Однако Эанна-ибни, по-видимому, стремился скрыть, что Нупта была храмовой рабыней и выдавал ее за рабыню, купленную у частного лица.

¹⁰ Судя по контракту времени Дария I, на запястьях обеих рук одной рабыни были написаны имена ее прежнего и настоящего владельцев. См.: M. San Nicolò — A. Ungna d. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden, Bd. I, Leipzig, 1929, N 85. Иногда число таких клейм доходило и до трех, см.: J. N. Strassmayer. Inschriften von Darius, König von Babylon. Leipzig, 1897, N 537.

Поэтому Эанна-ибни рассчитывал без труда обмануть этого чужеземца и заключил с ним контракт о продаже Нупты. Возможно также, что Эанна-ибни рассчитывал на то, что его дочь сможет бежать от своего нового хозяина и вернуться в Урук.

Об этой продаже узнали судебные и гражданские власти, и после разбора дела председатель суда и градоначальник Вавилона (или, может быть, староста одного из округов города) сочли сделку недействительной, так как по закону Нупта должна была принадлежать тому же храму, которому принадлежал ее отец. Поэтому Нупту отправили под надзором некоего Ану-аххе-иддина обратно в храм Эанна в Уруке и там ее передали в распоряжение Бел-гимилани, который, судя по другому документу,¹¹ сам являлся храмовым рабом. После этого в присутствии двух высших чиновников храма Эанна был составлен рассмотренный выше протокол, подлинность которого подтвердили три свидетеля и писец.

Следующие документы из того же храма Эанна в Уруке содержат интересные аналогии, показывающие, что жрецы стремились вернуть храмовых рабов обратно, когда последние оказывались либо на свободе, либо в распоряжении других лиц.

Некий Набу-мушетик-урри явился в храм Эанна и заявил представителям последнего, что в 35-м году царствования Навуходоносора II (570 г. до н. э.) он видел в городе Шадату рабыню частного лица, на руке которой было нарисовано клеймо богини Белет Урукской.¹² Это показание было занесено в присутствии свидетелей в протокол, датированный 4-м годом Набонида (552 г.), очевидно, для того, чтобы начать поиски рабыни с целью возвратить ее обратно в храм, откуда она исчезла более 18 лет до этого при неизвестных нам обстоятельствах.¹³

По свидетельству другого документа, в 541 г. до н. э. чиновники храма Эанна арестовали некоего Шамаш-шум-иддина, надеясь обратить его в рабство, так как его бабушка (мать отца) принадлежала этому храму.¹⁴

Наконец, согласно документу, датированному 2-м годом Нергал-шаруцра (558 г.), один храмовый раб отдал своего сына в распоряжение кредитора, чтобы отработать долг в 42 сикля серебра и проценты на них. Через десять лет после этого, когда уже ни кредитора, ни должника не было в живых, а заложник продолжал работать на наследника кредитора, судьи вынесли решение, что долг и проценты полностью отработаны,¹⁵ и вернули этого раба обратно в храм.¹⁶

¹¹ A. Tremayne. Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses. New Haven, 1925, N 129, 2.

¹² Храм Эанна был святилищем Белет Урукской.

¹³ R. P. Dougherty. Records from Erech, Time of Nabonidus. New Haven, 1920, N 57. См. транслитерацию и перевод: R. P. Dougherty. The shirkātu of Babylonian Deities. New Haven, 1923, p. 39.

¹⁴ R. P. Dougherty. Records..., N 224.

¹⁵ Для сравнения отметим, что средняя наемная плата взрослого человека (безразлично свободного или раба) равнялась 12 сиклям серебра в год.

¹⁶ V. Scheil. La libération judiciaire d'un fils. Revue d'Assyriologie, XII, 1915, pp. 5—9.

A BABYLONIAN DOCUMENT CONCERNING
THE ILLEGAL SALE OF A TEMPLE SLAVE-GIRL

As far as we know, Pohl I, 74, compiled in Uruk in the 4th year of Cambyses, is the only babylonian document relating to the sale of a girl by her father, one of the temple slaves. A certain oblate of Ištar of Uruk sold his daughter in Babylon to an Arab without telling him that she belonged to the temple Eanna in Uruk. The authorities of Babylon learnt about it, nullified the contract, and sent her under the supervision of a certain man back to the temple officials in Uruk.

ТОВАРНЫЙ СОСТАВ И ЦЕНЫ В ТОРГОВЛЕ ДРЕВНЕГО УГАРИТА

Из Угарита XIV—XIII вв. до н. э. до нас дошло немалое количество документов, говорящих как о торговле движимым имуществом,¹ так и его дарении и распределении тамкарам для дальнейших торговых операций. Значительная часть этих документов, в основном на угаритском языке, уже издана. Отчеты о раскопках в Угарите изобилуют перечислением неугаритской керамики и постоянно отмечают иноземное происхождение ряда прочих предметов, однако до сих пор, если не считать вопроса об ее организации,² никто не попытался еще обобщить и исследовать данные о торговле и ценах в торговле Угарита.

Исследование этого вопроса и сопоставление товаров и цен в Угарите второй половины II тысячелетия до н. э. с товарами и ценами близлежащих стран — Хеттского царства, Касситской Вавилонии, Аррапхи и Алалаха — дают нам возможность выявить немало и для истории экономического развития древнего Ближнего Востока.

Нам кажется, что для установления наличия товаров и их цен следует взять тексты, которые мы можем весьма условно разделять на следующие группы: а) тексты о купле-продаже и эквивалентном обмене товаров; б) тексты о дарах; в) тексты о передаче товаров царским тамкарам(?); г) списки дани Хеттскому царству; д) списки товаров и сходные с ним тексты.³

а) Документы купли-продажи и эквивалентного обмена, как и почти все другие тексты Угарита, происходят из дворцового архива. Это не юридические акты о торговой сделке, известные в большом количестве из Двуречья, а лишь памятки с записью товара, его количества и полученной цены. Чаще всего товары продаются с царских складов. Сюда относятся:

1. С.131. Сильно фрагментированная табличка. Начало не сохранилось во всех строках, однако вторым словом всюду является *l̄bš* — „одежда“. Следовательно, первое слово могло быть числительным „один“ (*aḥt*), иногда стоящим в угаритском языке перед существительными или же каким-то служебным словом. Далее в пяти читаемых строках

¹ Мы здесь не исследуем вопросов о работоторговле и о купле-продаже земли, которые являются предметом отдельного исследования.

² См.: С. Н. Gordon. Abraham of Ur. HSS, Oxford, 1963, стр. 77—87; A. F. Rainey. 1) Business Agents at Ugarit. IEJ, XIII, 1963, Nr 4, pp. 313—321; 2) Merchants of Ugarit and the Patriarchal Narratives. ChNI, XIV, 1963, Nr 2, pp. 17—26; М. Гельцер. Тамкар и его роль в Передней Азии XIV—XIII вв. до н. э. (по материалам Угарита). ВДИ, 1964, № 2, стр. 3—16.

³ Мы оставляем в стороне сильно фрагментированные и не дающие никаких определенных данных тексты, равно как и так называемые тексты о приданом царицы Угарита (PRU, III.16.146 и др.), полученном ею из царства Амурру, ввиду того что перечисленные там предметы не обязательно являлись объектом торговли.

указывается имя лица, кому одежда выдавалась, и следует указание цены: в трех случаях по 2 сикля серебра, а в двух — 4 сикля.

2. Текст С.207. Табличка дошла в крайне фрагментарном виде. Читаются лишь имена числительные и в одном месте восстанавливается слово r[qh] „благовоение“.⁴

3. PRU, II.88. Текст озаглавлен [yn]⁵.d.ntn[.b.]⁵ksp „[Вино], которое дано [за] серебро“. В первом разделе этого текста перечислены 52 „кувшина“ (kd), причем в последней строке это количество оценивается в $14\frac{5}{6}$ (сиклей) серебра.

4. PRU, II.97. Текст не озаглавлен. В нем указан эквивалент обмена одних товаров на другие. Речь идет о продовольствии.

5. PRU, II.103. Первый раздел текста (строки 1—15) сильно разрушен, однако ясно, что в нем упоминается сплошь и рядом серебро в сиклях. В следующем разделе текста (строки 16—23) упоминаются одни лишь товары без указания на их цены.

6. PRU, II.108. Вся табличка (строки 1—8) говорит о текстильных товарах — одежде — и цене на них.

7. PRU, II.110. Документ о продаже за серебро некоему Tt'u (bdm:Tt) и „наместнику“ (bd.skn) шерсти и текстильных товаров (хитонов).

8. PRU, II.115. Фрагментированный текст с перечислением текстильных товаров и указанием цен на них. Целиком сохранились итоговые строки 5) tgmr.ksp.iltm, 6) tqlm.kbd. „Итого серебра — 32 тяжелых сикля“.⁶

9. PRU, II.127, озаглавленный 1) tt.mat.ksp. htbn Ybnn „600 (сиклей) серебра, счет Ybnn'a“. Далее следует перечисление товаров, стоимость каждого из которых отдельно указывается не во всех случаях.

10. PRU, II.156. 1) b.ym.hdt 2) b.yr<h>. Pgrm 3) lqh B'lm'dr 4) w. bn. Hpr 5) Mihd<y> 6) b.arb' mat.hrş 1) „В день новолуния, 2) в месяце Pgrm 3) купили⁷ в'lm'dr 4) и bn. Hpr житель 5) (селения) Mihd⁸ (?) 6) золота на 400 (сиклей серебра)“.

11. PRU, V.100. Большая табличка, во многих разделах которой говорится о продаже разным лицам разных товаров, причем всегда указывается и сумма совершенной сделки. Продажа шла явно из дворцового склада. Текст сохранился полностью, и итог его гласит: 22) tgmr.ksp mitm 23) hmšm kbd „Итого серебра — 250 тяжелых (сиклей серебра)“. Интересно в этом тексте еще и другое. В строках 20—21 перед итогом отмечено w.šb'šr šmn.d.l.yša.bt. mlk „17 (кувшинов) масла, которые не были отправлены (отпущены) дому царя“.⁸ Следовательно, склад учитывал как продаваемое, так и поставляемое царскому дому.

⁴ Данный текст относится к маленькой группе табличек, написанных особой клинописью из 22, а не 30 знаков, как обычно в Угарите, и справа налево, а не слева направо, как обычно.

⁵ Восстановление наше вместо [d.] ksp. в PRU, II.111.

⁶ Угаритский сикль равнялся примерно 7.8 г, мина — 469 г, талант соответственно 28 кг 140 г; полсикля (nšr) — свыше 3.9 г; то же слово kbd „тяжелый“ обозначало не двойную весовую единицу (сикль, мина, талант), как предполагалось раньше, а „тяжелый“ сикль равнялся⁹ 9—10 г, как об этом свидетельствуют найденные весовые гири. Соответственно тяжелая мина равнялась 540—600 г; о метрологии см.: М. Гельцер. Новые проблемы истории Угарита. ВДИ, 1965, № 1, стр. 20; С. Ф. А. Schaeffer. Ugaritica, IV. Paris, 1962, pp. 95—97.

⁷ О глаголе lqh в значении „покупать“ в угаритском см.: М. Da hood. Proverbs and Northwest Semitic Philology. Roma, 1963, p. 61.

⁸ Возможная описка Mihd вместо Mihd<y>; в противном случае мы должны понимать текст в том смысле, что вышеназванные лица купили это селение, что противоречит как логике, так и последующему изложению, относительно селения Mihd см.: М. Гельцер. Новая публикация текстов из архивов Угарита. ВДИ, 1966, № 3, стр. 202.

12. PRU, V.101, озаглавленный 1) spr. ḥṭbn.sbrdnm „Список счета sbrdnm“.⁹ Далее следует перечисление товаров с указанием их цен в серебре, а строка 28, подводя итог, говорит о [tgm]r [alp.w]tlt mat „[Все]го [1] 300 (сиклей серебра)“. В то же время и разделы этого текста (строки 2—8) явно говорят о ценности меди („бронзы“ — tlt), не идущей в продажу, а вручаемой ремесленникам для обработки, причем определенные лица вперед вносили определенную сумму в казну. Они вероятнее всего должны были получить и эти изделия из меди (tlt). Таким образом, наряду с торговыми операциями в данном тексте фигурируют также и данные о сдаваемой на откуп работе царских ремесленников.¹⁰

13. PRU, III. 12.33 — фрагмент текста на аккадском языке. Речь идет в нем о торговле шерстью такилту и хушмани.¹¹ Еще более важно, что мы имеем здесь единственное известное нам из Угарита ясное указание на торговлю зерном.^{11a}

14. PRU, III. 15.63 говорит о тамкарах и получении от них причитающихся товаров или денег (ṣāti^m — „поставка“). Речь идет также о 45 сиклях серебра в связи со стоимостью драгоценных(?) камней (abnu^m).

15. PRU, III. 15.108 говорит о какой-то торговой сделке в 100 сиклей серебра, уплаченных человеку по имени Нахуя, а затем речь идет о бронзе (siragu) стоимостью в 30 сиклей серебра.

16. PRU, III. 16.180, в котором речь идет о продаже лошади кархемищем царю Угарита за 200 сиклей серебра.

17. PRU, III. 16.357. Сильно фрагментирован. В первой строке сохранилось [...]kasru — „серебро“, причем перед этим, вероятно, обозначалось его количество. Далее следует 2) [ša i-l]e-qi „[которые ку]пил“, а в строках 5—6 дается прочесть [i-n]a p[u]-ḥa-ti immerāti^m „[в обмен на овец“. Таким образом, мы имеем здесь товарообменную сделку.

18. PRU, III. 16.181, в котором в очень фрагментированном контексте упоминается серебро и кувшины масла.¹²

19. PRU, III. 16.110. Фрагмент текста, упоминающий разные количества abanKA.BI „(Камя) KA.BI“, тысячи сиклей льна [kit(?)], медь (erū^m). Возможно(?), что речь идет о торговле.¹³

20. PRU, IV. 17.129. Юридический документ, говорящий нам о большом количестве движимого имущества. Несмотря на наличие его общей оценки, мы не можем определить цены входящих в него компонентов.

21. PRU, IV. 17.152. Письмо царя Амурру к царю Угарита. Речь в нем идет о торговой сделке, так как в заключительной части текста говорится 15) ù iṣ-tu amēl[...] 16) li-il-qi-ma [...] 17) šim-šu a-na-din „15) И от (человека) [...] 16) он возьмет [...] 17) цену его я дам“.

б) К сожалению, имеется лишь один текст, относительно которого мы можем с полной уверенностью сказать, что в нем речь идет о даре.

⁹ Слово это пока никакого удовлетворительного объяснения не имеет; ср. sṛdnm, PRU, II.124.

¹⁰ См.: М. Гельцер. Организация ремесленного производства в Угарите. Палест. сборник, вып. 13, 1965, стр. 51—55.

¹¹ Т. е. окрашенную в синий и красный пурпурные цвета соответственно; см.: К. Dietrich, O. Loretz. Der Vertrag zwischen Suppiluliuma und Niqmandu. Eine politische und kulturhistorische Studie. WO, III, 1966, № 3, SS. 227—230.

^{11a} Автор письма говорит Немет, царице Угарита, 5) aš-šum šē^m ša tāš-pu-ra б) šē^m-ki ka-am-ma-a il-te-qi „Что касается зерна, о котором ты писала, то твое зерно соответственно взято“, в строке 8 отмечается mi-sil-šu [...] ù-šal-lam „половину его [...] я ошати(?)“.

¹² См. также фрагмент текста PRU, III.16.291.

¹³ См. также PRU, III.16.359, C; 16.292, A; 16.292, B.

Это табличка С.141, озаглавленная 1) *mnḥ.bd Ybnn* „дар *Ybnn'y*“ (букв. в руки *Ybnn'a*), где перечисляются разные товары.¹⁴

в) Следуют тексты, говорящие о вручении весьма разнообразного списка товаров отдельным лицам, перечисленным поименно. Вполне возможно, что они и являлись царскими тамкарами, отправляющимися в торговое путешествие с этими товарами. Во всех текстах этого рода всегда отсутствует указание на цену.

1. PRU, II.109. 1) *spr.npšm.dyšu* в *Milḥ* „список снаряжения“¹⁵ [может быть товаров(?), которые были выданы в *Milḥ*]¹⁶. Далее следует перечисление товаров, а в заключительной строке под итоговой чертой значится 7) *bd.Anḡm* „в руки *Anḡm*“, т. е. указывается лицо, в чьи руки товары выдавались.

2. PRU, II.112. Сильно фрагментированный текст, перечисляющий разные товары и заканчивающийся отметкой, что все они отдавались „в руки *'lpy*“ 20) *bd 'lpy*.

3. PRU, II.128. Большой текст, лицевая сторона которого почти целиком разрушена, а оборотная сторона говорит о скоте, домашней птице и ремесленных изделиях. Заключительная строка указывает, что все это давалось „в руки *Šm'y*, сына *Bdn'a*“, (33) *bd.Šm'y.bn.Bdn.*

4. PRU, V.50. 1) *spr.npš.Krw* „список снаряжения [товаров(?)] *Krw'a*“. Далее, до строки 10, следует перечисление разных товаров — ремесленных изделий.

5. PRU, III.15.43. Текст фрагментарен. Упоминает о выдаче бронзовых предметов (строки 1—3) Абии, сыну Хараму. Он же получает синюю и красную пурпурную шерсть, туники (^{subat}*kitu*) и 80 камней... (80 ^{aban}*mi-ki-ša-na-ši*). Далее в тексте отмечается, что все эти товары 9) *iš-tu ekal-lim^{lim}* а-на *'A-bi-ya* „Из дворца для Абии“.

г) Сюда следует отнести дошедшие списки, являющиеся копиями одного и того же документа, перечисляющие дань царя Угарита XIV в. до н. э. Никмадду II хеттскому царю Суппилулиуме. К рассматриваемым текстам относится С.64 на угаритском языке и PRU, III.11.732; PRU, IV.17.227; 17.330; 17.347; 17.377, В; 17.373; 17.446.¹⁷

Лучше всего мы узнаем о целях этих документов из текста С.64. В нем говорится 17) *hlpy. argmn d[ybl.N]qmd* „Вот дань,¹⁸ которую доставил Никмадду“. В то же время упоминаемые здесь изделия даются без указания цены.

д) Далее следуют всевозможные товарные списки и сходные с ними тексты. Приводим, однако, лишь те, где речь явно идет не о выдачах царским людям из царских складов продовольствия и вознаграждения натурой, равно как и не об обычных складских ведомостях этих продуктов и изделий. Указание на цену изделий в текстах этого рода отсутствует. Вполне возможно, что часть этих текстов относится к первым трем группам (а, б, в) табличек, однако ввиду их фрагментарности мы

¹⁴ Вполне возможно, хотя у нас и отсутствуют доказательства, что *Ybnn*, упоминаемый в тексте С.141, идентичен *Ybnn'y* (PRU, II. 127.1).

¹⁵ Относительно *npš* — „снаряжение“ см.: М. Гельцер. Новая публикация текстов... стр. 199.

¹⁶ Слово неясно, возможно, что здесь описка и вместо знака *l* следует читать *d*, тогда нужно читать *Midḥ*, и речь идет о селении *Midḥ* или о царском складе, или *gt* в этом селении.

¹⁷ См. также фрагмент PRU, III.16.187, А, являющийся вероятнее всего одним из списков подобного же содержания.

¹⁸ Относительно этимологии *argmn* „дань“ см.: Ch. Rabin. *Hittite Words in Hebrew. Studies in the Bible, presented to M. H. Segal, Jerusalem, 1964, p. 156—157* (на языке иврит); слово убедительно возводится к хеттскому *arkamma(n)* — „дань“; в связи с этим автор отказывается от своего толкования этого слова, см.: М. Гельцер. Организация ремесленного производства... стр. 52.

не можем этого утверждать. Сюда, на наш взгляд, следует отнести следующие тексты:

1. С.142. Фрагментарный текст, характер которого не указывается. Речь идет о разных товарах, в первую очередь сельскохозяйственных. Возможно, что в начале строк, которые не сохранились на протяжении всего текста, указывалось, для кого продукты предназначались.

2. С.143. Сходен с предыдущим, однако дошел до нас в еще более фрагментарном виде, чем С.142.

3. PRU, II.106. Сильно фрагментированный большой текст, в котором упоминаются разные товары (одежды — lbšm, драгоценные (?) камни — abn šr и др.). В строке 40 сказано [в yr]h Pgrm [...] „[в мес]яце Pgrm [...]“.

4. PRU, II.107. Текст, состоящий из 23 строк, разделенных на 5 разделов, говорит о hpn.d.iqn „hpn из лазурита (или синей шерсти)“, š'rt — „шерсти“ и mlbš — „одежде“, pttm — „льне“, но неясно, кому и с какой целью эти товары выдавались.

5. PRU, II.111. Сильно фрагментированный текст. Перечисляются разные товары, известные и из торговых текстов.

6. PRU, II.113. Сохранилась лишь нижняя часть таблички (строки 4—11). В тексте перечисляется разное количество одежды и текстильных изделий.

7. PRU, II.114. Перечисление разных текстильных изделий с указанием их количества, без каких бы то ни было дальнейших пояснений.

8. PRU, II.130. Текст с перечислением разных товаров и указанием их количества.

9. PRU, V.102. Перечисление разных товаров с указанием их количества. Как и в предыдущих текстах, цены не указаны.

Таблица 1 дает характеристику предметов угаритской торговли по товарным группам. Отдельно нами даны те товары, названия которых для нас абсолютно не ясны. Опущены также некоторые названия сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий из текстов группы „д“ ввиду того, что у нас нет пока данных о том, что они являлись товарами.

Таблица 1 дает возможность сделать вывод, что в Угарите был весьма широкий круг товаров и в разных случаях наблюдалось определенное колебание цен. Возможно, что причиной этого являлось то, что в различные годы существования Угарита ввиду всевозможных (не известных пока нам) причин в этом царстве наблюдались разные цены, однако такие тексты, как PRU, V.100 и 101, указывают нам, что в один и тот же отрезок времени цены на одно и то же изделие колебались. Это могло зависеть от качества продаваемых товаров, характера торговой сделки и, возможно, прочих не известных нам обстоятельств.

Мы имеем частичную возможность сравнить известные нам цены из Угарита XIV—XIII вв. до н. э. с соответствующими ценами близлежащих к Угариту обществ середины и конца II тысячелетия до н. э. Для сравнения возьмем некоторые данные о ценах на товары в Алалахе, Касситской Вавилонии, Хеттском царстве и Аррапхе.^{18а} Таблица 2 должна нам проиллюстрировать как средние цены Угарита, так и цены на соответственные товары в вышеперечисленных странах.

^{18а} Об Алалахе см.: М. Гельцер. Новые тексты из древнего Алалаха и их значение для социально-экономической истории Древнего Востока. ВДИ, 1956, № 1, стр. 27; в целом данные о ценах в Алалахе очень скудные; о Вавилонии см.: В. Meissner. Warenpreise in Babylonien. Berlin, 1936; о ценах в Хеттском царстве: Э. А. Менабде. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, стр. 78—81; об Аррапхе см.: F. R. Steele. Nuzi Real Estate Transactions. New Haven, 1943, p. 34—35.

Т а б л и ц а 1

№ п/п	Издание или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Зерно и продукты земледелия					
1	šēM — „зерно“	PRU, III.12.33	—	—	—
2	š'rm — „ячмень“	PRU, V.102	300 мер ¹	—	—
3	„Оливки“ — zt	C.141	20 мер ²	—	—
4	„Вино“ — up	PRU, II.88	52 кувшина (kdm)	14 ^{5/6} сиклей серебра ³	Ок. 3,5 кувшинов за 1 сикль
5	šmn — „масло“ ⁴	C.141 C.207 PRU, II.97 PRU, V.102	1400 (мер) ⁵ ? „За 5 (мер) масла“ 100 (мер) масла ⁸	— За 15 (сиклей) ⁶ 10 š'rm ⁷ —	— — 2 š'p'a за 1 меру масла —
6	t'dt „свежие финики“ ⁹ (?)	PRU, II.97	„За 5 (мер) t'dt и 5 (мер масла)“	„20 козлят“ ¹⁰ (или ягнят)	За 1 (меру) [+ (меру) масла] — 4 козленка (или ягненка)
7	n'r ¹¹	PRU, V.102	50 (мер) ¹²	—	—
8	tznt — „пища“ ¹³ (?)	PRU, II.130	Талант — tznt'a ¹⁴	—	—
Скот					
9	alpm — „быки“	PRU, V.102 PRU, V.101	„5 пар быков“ ¹⁵ Бык	— 20 (сиклей) серебра	— 20 сиклей за быка ¹⁶
10	šin — „мелкий скот“	PRU, V.100 PRU, V.101	10 (голов) мелкого скота 9 (голов)	За 6 (сиклей) серебра и kmsk ¹⁷ За 9 (сиклей) серебра ¹⁸	3/5 сикля + 1/10 kmsk за 1 голову 1 сикль за 1 голову
11	gdy — „ягненок“ или „козленок“	PRU, II.97	20 (голов)	За 5 пар t'dt и 5 мер масла ¹⁹	1 козленок за 1/4 меру масла + 1/4 меру t'dt
12	s ₂ s ₂ w(m) — „лошади“ akk. sīsū	PRU, II.127 PRU, III.16.180	2 лошади 1 лошадь	За 70 ²⁰ сиклей серебра 100 (сиклей) серебра ²¹	1 лошадь — 35 сиклей (серебра) 1 лошадь — 200 сиклей серебра

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п/п	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Текстильное сырье					
13	přtm — „лен“	PRU, II.114	200 (сиклей) ²² льна	—	—
14	š'rt — „шерсть“	PRU, II.118	9 талантов ²³	—	—
		PRU, II.127	1 талант	7 (сиклей) ²⁴ серебра	1 талант шерсти 7 сиклей (ок. 8 мин 35 сиклей шерсти за 1 сикль серебра)
		PRU, V.100	3 таланта синей шерсти (пурпур- ной)	16 (сиклей) ²⁵ серебра	1 талант за 5 сик- лей серебра
		PRU, V.101	2 таланта шерсти štт (пряжи)	За 10 (сик- лей) ²⁶ се- ребра	1 талант за 5 сик- лей серебра
		PRU, V.100	10 талантов шерсти	За 40 (сик- лей) ²⁷ се- ребра	1 талант за 4 сик- ля серебра
		PRU, III.12.33	100 (сиклей) шерсти такилту ²⁸	—	—
15	Красная пур- пурная шерсть (хус- мани — рђт)	PRU, III.12.33	100 сиклей шерсти хусмани ²⁹ (рђт)	—	—
		С. 64	Сотни сиклей рђт	—	—
		PRU, II.110	2000 (сиклей) рђт, 200 рђт ³¹	500 тяжелых ³⁰ (сиклей)	1 сикль рђт за ^{1/4} тяжелого сикля серебра
		PRU, II.130	4000 (сиклей) рђт	500 тяжелых ³² (сиклей)	1 сикль рђт за ^{1/4} тяжелого (сикля) серебра
Благовония и посуда (?) для них					
16	Мастика — zřw ³³	PRU, V.102	10 kat ³⁴ мастики	—	—
17	„Масло мир- ра“ — šmn mř	C.141	40 (мер) мирро- вого масла ³⁵	—	—
		C.142	1 кувшин ³⁶ мир- рового масла	—	—
18	„Пряное мас- ло“ — šmn rřř	C.141	600 (мер) ³⁷ пря- ного масла	—	—
		C.207	Пряное масло	За 16 (сик- лей) ³⁸	—
19	Сосуды для благовон- ия (?) ³⁹ — trřт	PRU, II.103	Два trřт ⁴⁰	—	—

Таблица 1 (продолжение)

№ п.п.	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
20	mr̄hm ⁴¹ (может быть, посуда для благовоной)	PRU, V.50	2 mr̄hm ⁴²	—	—
Металлы (благородные)					
21	hr̄ṣ — „золото“	PRU, V.101	2 сикля золота	За 8 (сиклей) ⁴³ серебра	1 сикль золота за 4 сикля серебра
		PRU, V.100	12 тяжелых сиклей	За 40 (сиклей) серебра ⁴⁴	1 сикль золота за 3.5 сикля серебра
		PRU, V.100	5 (сиклей) золота дома (бога) Эла	За 15 (сиклей) серебра ⁴⁵	1 сикль золота за 3 сикля серебра
		PRU, V.100	14 (сиклей) золота	За 42 тяжелых сикля ⁴⁶	1 сикль золота за 3 сикля серебра
		PRU, V.100	10 (сиклей) золота	За 40 (сиклей) серебра ⁴⁷	1 сикль золота за 4 сикля серебра
22	Серебро ⁴⁸ — ksp	—	—	—	—
Металл					
23	„Медь“ или „бронза“ — $\frac{1}{2}$ акк. ēgu „медь“ si- raru — „бронза“	PRU, II.130	8 талантов меди (бронзы) ⁴⁹	—	—
		PRU, V.101 ⁵⁰	5 талантов 1000 тяжелых (сиклей) + 600 (сиклей) очищенного (см. ниже)	За 83 тяжелых (сикля) серебра ⁵¹	Ок. 229 сиклей меди за один (1) сикль серебра ⁵²
		PRU, V.101	5000 (сиклей) меди (бронзы)	25 тяжелых (сикля) серебра ⁵³	200 сиклей меди (бронзы) = $3\frac{1}{3}$ мины за 1 сикль серебра)
		PRU, III.15.108	si-raru — „бронза“	За 30 (сиклей) серебра ⁵⁴	—
		PRU, III.15.43	Фрагментарен	—	—
PRU, III.16.110	Фрагмент	—	—		
24	„Очищенная медь“ — br̄r ⁵⁵	C.141	20 талантов очищенной меди ⁵⁶	—	—
		PRU, II.130	8 талантов очищенной меди ⁵⁷	—	—
		PRU, II.130	1000 (сиклей) очищенной меди ⁵⁸	—	—
25	„Железо“ — br̄dl	C.141	2 таланта железа ⁵⁹	—	—

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п/п	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Камни и минералы					
26	„Камень“ — $\text{\textcircled{C}}\text{r}$ — $\text{abn } \text{\textcircled{C}}\text{r}$	PRU, II.114	1000 камней $\text{\textcircled{C}}\text{r}$ ⁶⁰	—	—
27	Камень — КА. ВІ abn КА. ВІ	PRU, III.15.43 PRU, III.15.63 PRU, III.16.110	} Все эти тексты дошли во фрагментарном виде		
28	„Гипс“ (?) — algbt ⁶¹	PRU, II.127		4 таланта гипса?	За 4 (сикля) серебра ⁶²
29	iqni — „лазу-рит“	С.64 PRU, II.130	См. выше 4000 (сиклей?)	$\text{p\text{h}m-h\text{u}sm\text{a}n\text{u}}$ 500 тяжелых (сиклей) ⁶³	1 сикля iqni за $\frac{1}{8}$ сикля
30	„Карнеол (?) яшма (?)“ — $\text{\textcircled{S}mt}$ ⁶⁴	PRU, V.100	500 $\text{\textcircled{S}mt}$	За 10 (сиклей) серебра ⁶⁵	50 $\text{\textcircled{S}mt}$ за 1 сикля
		PRU, V.101	50 $\text{\textcircled{S}mt}$	За 1 сикля серебра ⁶⁶	50 $\text{\textcircled{S}mt}$ за 1 сикля
Древесина и строительные материалы					
31	almg ⁶⁷	С.141	30 almg ⁶⁸	—	—
32	„Можжевелик“ — dprn ⁶⁹	PRU, II.127	1 (бревно) можжевелика ⁷⁰	За 1 сикля серебра	1 бревно за 1 сикля
33	„Эбеновое дерево“ — hbn ⁷¹	PRU, V.102	20 (бревен) $\text{hbn}'\text{a}$ ⁷²	—	—
34	„Кипарис“ (?) — $\text{ti\text{s}r}$ ⁷³	С.141	100 (бревен) кипариса ⁷⁴	—	—
		PRU, II.127	140 (бревен) кипариса ⁷⁵	—	—
35	adrm ⁷⁶	PRU, II.127	100 adrm	За 10 (сиклей) серебра ⁷⁷	10 adrm за 1 сикля
36	„Тростник“ — qnm ⁷⁸	С.141	50 талантов тростника ⁷⁹	—	—
		PRU, II.127	5 талантов тростника	За 6 (сиклей — 3 и 3) серебра ⁸⁰	1 талант тростника за $1\frac{1}{5}$ сикля

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п.п.	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Ткани и одежда					
37	„Одежды“ ⁸¹ — uṭb(m)	PRU, V.101	3 uṭb(m)	За 10 (сиклей) серебра ⁸²	1 uṭb за 3 ¹ / ₃ сикля
38	„Одежда“ — ḥlṛn ⁸³	PRU, V.50	2 (одежды) ḥlṛn ⁸⁴	—	—
39	Одежда ḥṛn ⁸⁵ — „по- пона“ (?)	PRU, II.111	[4]0 ḥṛn льня- ных ⁸⁶	—	—
		PRU, II.113	4 одежды ḥṛn льня- ных	—	—
		PRU, II.113	5 одежд шерстя- ных ⁸⁷	—	—
		PRU, II.115	1 (одежда) ḥṛn	За 2 сикля ⁸⁸	1 ḥṛn за 2 сикля
		PRU, II.115	1 (одежда) ḥṛn льняная	За 10 (сик- лей) ⁸⁹	1 одежда ḥṛn льняная за 10 сиклей
40	Одежда kdwṭ ⁹⁰	PRU, II.112	Новый kdwṭ ⁹¹	—	—
		PRU, II.113	13 (одежда) kdwṭ ⁹²	—	—
		PRU, V.100	4 (одежды) kdwṭ и 2 ṭṛtm ⁹³	За 20 (сиклей) серебра ⁹⁴	5 сиклей (цена ṭṛtm) за 1 kdwṭ
		PRU, V.101	1 kdwṭ	За 1 или 2 сикля ⁹⁵	1 kdwṭ за 1 или 2 сикля
41	Верхняя одеж- да kst ⁹³	PRU, II.114	30 (одежда) kst ⁹⁷	—	—
		PRU, V.50	2 kst ⁹⁸	—	—
42	Хитоны — ktn(t)	C.64 ⁹⁹	—	—	—
		PRU, II.110	3 хитона	8 (сиклей) се- ребра ¹⁰⁰	1 хитон за 2 ² / ₃ сикля
		PRU, II.110	1 хитон тирского (покроя с пур- пурной тканью) (?)	2 сикля се- ребра ¹⁰¹	1 хитон (особен- ный) за 2 сикля
		PRU, II.110	2 хитона	5 ¹ / ₂ (сиклей) серебра ¹⁰²	1 хитон за 2,5 сикля серебра
		PRU, II.114	10 хитонов ¹⁰³	—	—
		PRU, II.130	35 хитонов (боль- ших) ¹⁰⁴	—	—
		PRU, V.101	3 хитона	За 10 (сиклей) серебра ¹⁰⁵	1 хитон за 3 ¹ / ₃ сикля
		PRU, V.102	5 хитонов ¹⁰⁶	—	—

Таблица 1 (продолжение)

№ пп	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
43	Льняные туники или хитоны акк. $\text{\textcircled{š}ipat\text{\textcircled{kitū}}$ уг. $\text{\textcircled{ktt}}$ ¹⁰⁷	PRU, II.130	2003 $\text{\textcircled{ktt}}$ ¹⁰⁸	—	—
		PRU, III.12.33	1 $\text{\textcircled{š}ipat\text{\textcircled{kitū}}$?	—
		PRU, III.15.43	2 $\text{\textcircled{subat\text{\textcircled{kitū}}}$?	?
		PRU, III.11.732	$\text{\textcircled{subat\text{\textcircled{kitū}}}$ (не менее десяти) ¹⁰⁹	—	—
44	Одежда — $\text{\textcircled{lbs/lpš}}$ ¹¹⁰	C.135	1 одежда	4 сикля ¹¹¹	1 одежда — 4 сикля
		C.135	1 одежда	4 сикля ¹¹²	1 одежда — 4 сикля
		C.135	1 одежда	2 сикля ¹¹³	1 одежда — 2 сикля
		C.135	1 одежда	2 сикля ¹¹⁴	1 одежда — 2 сикля
		C.135	1 одежда	2 сикля ¹¹⁵	1 одежда — 2 сикля
		PRU, II.108	1 одежда	За 10 (сиклей) ¹¹⁶	1 одежда за 10 сиклей
		PRU, II.108	2 одежды	За 5 (сиклей) ¹¹⁷	1 одежда за $2\frac{1}{2}$ сикля
		PRU, II.108	2 одежды	За 10 (сиклей) ¹¹⁸	1 одежда за 5 сиклей
		PRU, II.108	1 одежда пурпурная	За 12 (сиклей) ¹¹⁹	1 одежда за 12 сиклей
		PRU, II.112	1 одежда с застежкой, тонкая ¹²⁰	—	—
		PRU, II.112	1 одежда разноцветная, тонкая ¹²¹	—	—
		PRU, II.115	1 одежда	За 2 сикля ¹²²	1 одежда за 2 сикля
		PRU, V.101	8 одежд и 1 $\text{\textcircled{mšlt}}$	За 18 (сиклей) серебра ¹²³	$2\frac{1}{4}$ сикля (— $\text{\textcircled{mšlt}}$) за 1 одежду
PRU, V.101	70 одежд	105 тяжелых (сиклей) серебра ¹²⁴	1 одежда за 1,5 тя- желого сикля серебра		
45	„Покрывала“ или „одеяла“ — $\text{\textcircled{mrbd}}$ ¹²⁵	PRU, II.111	8 $\text{\textcircled{mrbd}}$ ов царских ¹²⁶	—	—
		PRU, V.50	1 $\text{\textcircled{mrbd}}$ ¹²⁷	—	—
46	Одежда $\text{\textcircled{mrdt}}$ ¹²⁸	PRU, II.112	1 $\text{\textcircled{mrdt}}$, обшитый (?), льняной ¹²⁹	—	—
		PRU, II.112	2 $\text{\textcircled{mrdt az}}$ ¹³⁰	—	—

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п/п	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Сосуды и посуда					
53	Сосуды (?) irp(m) ¹⁵⁹	PRU, II.103	2 (сосуда) ¹⁶⁰ irp	—	—
54	Сосуд hršh ¹⁶¹	PRU, V.100	100 (сосудов) hršh	За 2 сикля ¹⁶²	50 сосудов hršh за 1 сикль
55	Кубки [ks(t)] акк. rabitu	C.64 PRU, III.11.772 и 12.33	Из серебра (ksp) Из золота (hrš)	— —	— —
56	„Крапер“ — mmskn ¹⁶³	PRU, II.103	1 mmskn ¹⁶⁴	—	—
57	Сосуды (?) — mqd(m) ¹⁶⁵	PRU, II.127	5 сосудов mqd d пуп	За 1 сикль ¹⁶⁶	1 сосуд mqd за 1 сикль
58	Миски (?) mqrt(m) ¹⁶⁷	PRU, II.103	2 миски ¹⁶⁸	—	—
59	Миска spl ¹⁶⁹	PRU, II.103 PRU, V.50	1 миска 1 миска ¹⁷¹	300 (сиклей) серебра ¹⁷⁰ —	1 миска за 300 сиклей —
60	Корзина (?) ящичек (?) qpt, var mqp ¹⁷²	PRU, II.103 PRU, II.145	1 qpt ¹⁷³ 200 mqp ¹⁷⁴	— —	— —
Разные ремесленные изделия					
61	„Острое ору- жие“ — drb ¹⁷⁵	PRU, V.50	1 drb ¹⁷⁶	—	—
62	Ситечки (?) htr(m) ¹⁷⁷	PRU, V.50	2 htr'a ¹⁷⁸	—	—
63	Щипцы или щипчики — mqhm ¹⁷⁹	PRU, II.103 PRU, II.145 PRU, V.50	1 пара щипцов ¹⁸⁰ Перевод не- ясен ¹⁸¹ 1 пара щипчиков (и чехол их) ¹⁸²	— — —	— — —
64	„Кровать“, „ло- же“ — mškb ¹⁸³	PRU, V.50	1 ложе ¹⁸⁴	—	—
Торговый инвентарь					
65	Весы mzm ¹⁸⁵	PRU, V.50	Ящик и весы ¹⁸⁶	—	—

Таблица 1 (продолжение)

№ пп	Изделие или продукт	Текст	Количество	Цена	Цена за 1 единицу измерения
Неясные термины					
66	ḥt	PRU, II.114	1 талант ḥt'a ¹⁸⁷	—	—
67	ydt	PRU, II.127	10 ydt	За 10 (сиклей серебра) ¹⁸⁸	1 ydt за 1 сикль
68	mšrrt ¹⁸⁹	PRU, II.111	33 тяжелых (сикля) mšrrt ¹⁹⁰	—	—
69	mṭyn	PRU, II.108	1 mṭyn	За 6 (сиклей серебра) ¹⁹¹	1 mṭyn за 6 сиклей серебра
70	npš	C.141	20 npš ¹⁹²	—	—
71	'rgz	PRU, II.127	50 'rgz	За 5 (сиклей серебра) ¹⁹³	10 'rgz за 1 сикль
72	pḡdr	PRU, II.111	12 тяжелых pḡdrm ¹⁹⁴	—	—
73	šml ¹⁹⁵	PRU, II.127	5 талантов šml'a	За 10 (сиклей серебра) ¹⁹⁶	1 талант за 2 сикля
		PRU, V.100	5 талантов	За 10 (сиклей серебра) ¹⁹⁷	1 талант за 2 сикля
74	šṭp(m) ¹⁹⁸	PRU, II.97	10 šṭp	За 5 (кувшинов) масла ¹⁹⁹	2 šṭp за 1 кувшин масла
75	tr[m] (деталь колесницы) ²⁰⁰	PRU, II.127	300 tr[m]	За 10 (сиклей) серебра ²⁰¹	—
76	tyt ²⁰²	PRU, II.130	5 талантов tyt'a ²⁰³	—	—
		PRU, V.101	1 талант [. . .] tyt'a ²⁰⁴	За 70.5 (сикля) серебра ²⁰⁵	$\frac{5}{6}$ мины tyt за 1 сикль

Примечания к табл. 1

¹ Строки 7) ṭṭ.mat. dd 8) š'rm.² 14) 'šrm.zt.mm „20 (мер) оливок mm“.³ См. выше относительно группы текстов а) № 3.⁴ Вероятнее всего оливковое масло, так как в юридических текстах о купле-продаже и пожаловании земли встречается упоминание оливоковых рош (ⁱserdi^M), в то же время в угаритских текстах C.142, 4 и 10 и C.143, 8 встречается слово ššmn, ко-

торым, вероятно, обозначался сезам или кунжутное масло; ср. WUS, стр. 317, № 2.700.

⁵ Строки 2) arb'.mat 3) l.alp.šmn 4) nḥ последнее слово А. Эрднер (С. стр. 231) сравнивает с акк. nḥu „жир“ или nḥu „масло“.

⁶ Строка 11) bḥmt 'tr tḥn [...]; текст написан алфавитной клинописью из 22 знаков.

⁷ Строки 1) 'šr štpm 2) b.ḥmš šmn; ср. WUS, стр. 305, № 2.599, где štp сопоставляется с акк. šūtaru „подмастерье“, „компаньон“, что к данному контексту абсолютно не подходит, и значение слова остается неясным.

⁸ Строка 9) mit šmn.

⁹ WUS, стр. 340, № 2906 ср. с ар. ta'd „свежие финики“.

¹⁰ Строки 3) 'šrm gdy 4) b ḥmš šmn 5) w.ḥmš t'dt.

¹¹ Слово неясно, однако, как об этом свидетельствует текст PRU, V.94, говорящий о муке (qmḥ) и где говорится также о 3) arb' 'š[r.jdd n'r 4) d.apu [...]] „14 мерах n'r пекаря [...]“; поэтому возможно, что это продукт, необходимый для выпечки хлеба из муки.

¹² Строки 1) ḥmšm dd 2) n'r.

¹³ Ср. WUS, стр. 98, № 884, где слово сравнивается с др.-евр. и араб. zūn „питаться, кормить“.

¹⁴ Строка 16) kkr tznt.

¹⁵ Строка 5) ḥmš tnt. alp.

¹⁶ Строка 21) 'šrt ksp b alp [...].

¹⁷ Строка 9) 'šr.šin. . b.ttt.w. kmsk; до сих пор kmsk нам было известно лишь как единица измерения площади: ср. PRU, II.79 1—2) arb'.'šrh šd.w.kmsk.d.lwrkl „14 полей и kmsk lwrkl'a“, 4) kmsk.šd.lḥmn „kmsk поля lḥmn'a“; ввиду этого цена овец в данном случае не поддается выяснению.

¹⁸ Строка 22) tš'šin.b.tš't.ksp.

¹⁹ См. № 6 таблицы t'dt, а также прим. 10 к табл. 1.

²⁰ Строка 6) s₂stm.b. šb'm.

²¹ 2 me-at kaspa.

²² Строка 4) mitm pttm; лен в необработанном виде упоминается также в целом ряде текстов, не перечисляющих товары; см. PRU, II.107 11) ttt.mat.pttm „300 (сиклей) льна“, PRU, V.51 7) tḥn.mat.pttm „800 (сиклей) льна“.

²³ Строка 1) lqh š'rt „взяли (купили) шерсть“; далее в тексте перечисляются поименно 7 человек, взявших (купивших) по одному таланту (kkr) шерсти, и 1 человек — 2 таланта (kkr).

²⁴ Строки 17) kkr š'rt 18) šb't.ksph.

²⁵ Строки 3). . . ttt kkr š'rt 4) iqn[y]m.ttt.'šrt.ksph; ср. šipat uqnu „(шерсть) укну“ в текстах о дани хеттам PRU, III.11.732 и др. Относительно uqnu || takiltu „сияная пурпурная краска“ см.: K. Dietrich, O. Loretz, Der Vertrag zwischen Suppiluliuma. . ., SS. 227—230.

²⁶ Строки 9—10) kkr.m.š'rt.št . . . b.'šrt.ksp; относительно št „нити основы“ см.: М. Гельцер. Новые проблемы истории Угарита, стр. 20.

²⁷ Строки 14—15) 'sr.kkr. š'rt . . . b arb'm.

²⁸ šipat ta-kil-tu; ср. с др.-евр. t'kēlet „фиолетовая пурпурная краска“, а также прим. 25.

²⁹ šipat ḥu-us-ma-ni; Ж. Нугероль, PRU, IV, стр. 40 сл. и стр. 70 убедительно доказывает идентичность акк. ḥusmānu и угар. ḥm; таким образом, прежняя интерпретация термина ḥm как „вид драгоценного камня“ (WUS, стр. 255, № 2211) не годится по крайней мере для некоторых текстов; об этом говорят а) количество ḥm; б) цена ḥm, которая явно слишком мала для драгоценных камней; в) параллельный, аккадоязычный и угаритский текст (PRU, IV. 17.227 и 11.772 С. 64 соответственно), где ḥusmānu = ḥm. см.: K. Dietrich, O. Loretz, Der Vertrag zwischen Suppiluliuma. . ., SS. 227—231.

³⁰ Строка 1) alp.m.ḥm.ḥm[š] mat.kbd.

³¹ Строка 4) mitm.ḥm.

³² Строка 3) arb' alp.m.ḥm.

³³ См. PRU, V, стр. 137, где приводится ханаанейская глосса из Тель-эль-Амарнской переписки zurwa, др.-евр. šōri „мастика“.

³⁴ Строки 10—11) 'šr.kat.zrw; kat — вероятно, единица измерения; встречается пока в текстах впервые; возможно, вавилонское ka (?).

³⁵ Строки 15—16) arb'm.šmn.mr.

³⁶ Строка 2) . . . kd.šmn mr; kd „кувшин“ являлся в Угарите единицей измерения, объем которой пока определить не удалось.

³⁷ Строка 4) . . . tt.mat.šm[n].rqḥ.

³⁸ Строка 2) btt.'tr tḥn r[qh], текст написан особым клинописным алфавитом из 22 знаков.

³⁹ См. WUS, стр. 329, № 2810.

⁴⁰ Строка 20) . . . ḥn. trqm.

⁴¹ В остальных контекстах угаритских табличек слово *mrḥ* означает „копье“, однако текст PRU, V, 50 говорит в основном о предметах женской косметики; мы принимаем точку зрения И. М. Дьяконова: *mrḥ* „посуда для благовоний (?)“ от $\sqrt{grwḥ}$ „пахнуть“.

⁴² Строка 7) *tt. mrḥm.*

⁴³ Строка 20) *tqlm.ḥr[s].b.ṭmnt.ksp.*

⁴⁴ Строки 1—2) *šš[r]t.ḥrṣ.tqlm.kbd.šrt.mznh.b[ar]b'm ksp; šš[r]t.* Виролло, PRU, V, стр. 123, „цепочка“, очевидно, по аналогии с др.-евр. *šarš'erōt* „цепи“, акк. *šaršarratu* „цель“; таким образом, мы имеем здесь дело не с самим золотом в необработанном виде, а с ювелирным изделием; текст гласит „цепочка из золота, весом в 12 тяжелых сиклей за 40 (сиклей) серебра“.

⁴⁵ Строки 5—6) *ḥmšt.ḥrṣ.bt.il.b.ḥmšt.šrt.ksp.*

⁴⁶ Строки 16—17) *arb' šrt.ḥrṣ.b.tqlm.kbd.arb'm.*

⁴⁷ Строка 18) *šrt.ḥrṣ.b.arb'm.*

⁴⁸ См. данные о пересчете цены товаров на серебро.

⁴⁹ Строка 1) *ṭmn.kkr.tṭt.*

⁵⁰ См. об этом тексте выше (тексты группы а) № 12.

⁵¹ Строка 2) *ḥmš.kkrm.alp kb[d] 3) tṭt... 4) ...w.tṭ mat.brr 5) b.ṭmnm.ksp. tṭt.kbd.*

⁵² Расчет сделан, включая очищенную медь (*brr*).

⁵³ Строки 6) *ḥmš.alp.tṭt... 7) ... b.šrm.ḥmšt 8) kbd.ksp.*

⁵⁴ Текст фрагментарен.

⁵⁵ Ср. с др.-евр. *barūr* „чистый, ясный“; см. также WUS, стр. 60, № 593.

⁵⁶ Строки 11—12) *šrm.kk[r] brr.*

⁵⁷ Строка 2) *ṭmn.kkr.brr.*

⁵⁸ Строка 15) *alp.brr.*

⁵⁹ Строка 6) *kkrm.brdl.*

⁶⁰ Строка 6) *alp.abn.šrp*; значение слова неясно; см. также PRU, II.107.10... *tṭt.mat.abn.šrp* „300 *abn.šrp*“ и PRU, V.51.10, однако эти тексты неторговые по содержанию и не говорят о товарах.

⁶¹ Ср. с др.-евр. *'elgabīš*. WUS, стр. 20, № 194.

⁶² Строки 14) *arb'.kk 15) algbt.arb't 16) ksph.*

⁶³ Строки 5) *arb' alp.m.iqni 6) ḥmš.mat.kbd.*

⁶⁴ Перевод условный; см. WUS, стр. 311, № 2644; см. PRU, II.107, 1) *ḥpn.d. iqn.w.šmt 2) l.ṭyb'l* „(одежда) *ḥpn* из синей пурпурной шерсти и карнеоля (?) для *ṭyb'l'a*. Возможно, что одежда была отделана этим камнем.

⁶⁵ Строка 7) *ḥmš.mat.šmt 8) b.šrt.ksp.*

⁶⁶ Строка 25) *ḥmšm.šmt.b.tql [...].*

⁶⁷ Ср. с др.-евр. *'almuggim*, дерево, произрастающее в Ливане; традиционное толкование „сандаловое дерево“ сейчас неприемлемо; см.: L. Koehler, W. Baumgartner. *Lexicon in Veteris Testamenti Libros*. Leiden, 1958, p. 55.

⁶⁸ Строка 8) *tṭt almg*; вероятно, единицей измерения здесь служило бревно.

⁶⁹ Ср. акк. *darḡani* „можжевелик“; вполне возможно, что здесь идет речь о растущем в Ливане древовидном финикийском можжевелике *Juniperus phoenicea*.

⁷⁰ Строки 20) ... *dprn aḥd 21) b.tql.*

⁷¹ Ср. с др.-евр. *habnim* (*hōbanim*); см. все указанные лексические параллели: L. Koehler, W. Baumgartner. *Lexicon...*, стр. 224.

⁷² Строка 6) *šrm. hbn.*

⁷³ Ср. др.-евр. *t'aššur*. L. Koehler, W. Baumgartner. *Lexicon...*, стр. 1017; см. также: Ch. Rabin. *Hittite Words in Hebrew*, p. 177, где автор возводит рассматриваемое слово к хеттскому *tieššār* „лес, чаща“.

⁷⁴ Строка 7) *mit.tišrm.*

⁷⁵ Строка 4) *arb'm.l.mit.tišr.*

⁷⁶ Мы предполагаем, что данное слово обозначает какое-то дерево, ибо а) слово это в контексте PRU, II.127 встречается поблизости от *tišr* „кипарис“, *dprn* „можжевелик“; б) согласно тексту II D, V, 7 Даналь садится вершить суд *tṭt adrm d bgrn*, причем трудно окончательно высказаться, следует ли переводить текст „среди великих (т. е. старейших), которые на гумне“, или „под могучими (деревами), которые на гумне“.

⁷⁷ Строка 8) *mit.adrm.b.šrt.*

⁷⁸ Ср. с др.-евр. *qane* „тростник“; см. также WUS, стр. 278, № 2423; нам также кажется, что упоминаемое большое количество тростника и сравнительно низкая цена на него указывают на то, что мы имеем дело не с благовонным тростником, а с обычным, применявшимся в строительстве и домашнем хозяйстве.

⁷⁹ Строки 9) *ḥmšm.kkr 10) qnm.*

⁸⁰ Строки 12) *ḥmš.kkr.qnm 13) tṭt.w.tṭt.ksph.*

⁸¹ Ш. Виролло, PRU, V, стр. 125 сравнивает с аккадским названием одежды *eṭiptu, eṭippatu, eṭapatu*.

⁸² Строка 11) *tṭt. uṭbm ... b.šrt[k]sp.*

83 Ш. Виролло сравнивает слово с акк. *naḥlaptu* „(вид) одежды“ (может быть, туника); см. PRU, V, стр. 65, 67; O. Eissfeldt, NKTU, стр. 24; ср. также с др.-евр. *maḥlafōt*. Jud. 16, 13, 19 „заплетенные волосы, косы“; возможно, что и здесь мы имеем дело с плетеной одеждой или тканью.

84 Строка 6) *tn.hlpnm*.

85 См. Ш. Виролло, PRU, V, стр. 65: *hpnt* (*saparaçon*) „попона“; см. также WUS, стр. 115, № 1066 и рец. M. Weippert, GGA, 216, 1964, стр. 191.

86 Строка 7) [*arb*]'m.*hpnt.ptt*.

87 Строка 9) *arb*' *hpnt.ptt* 10) *ḥmš.s'rt*.

88 Строка 2) [*h*]pn.*aḥd.b.tqlm*.

89 Строка 4) *hpn.pttm.b.'sr*[...]; на наш взгляд, нет никакой необходимости в восстановлении текста, как это делает Ш. Виролло.

90 См. WUS, стр. 146, № 1287; этимология слова до сих пор не ясна, однако во всех текстах слово *kdwt* перечисляется в едином контексте с изделиями, явно являющимися одеждой.

91 Строка 19) *kdwt.hdt*.

92 Строка 11) *tlt.'sr.kdwtm*.

93 О *tprtm* см. ниже, примечание к товару *tprt*.

94 Строки 10) *arb*' [*k*]dwtm.w.tt.*tprtm* 11) *b.'sr*[m] *ksp*.

95 Строка 24) *kdwt* ... *b.tq[?]* ... — восстановление Ш. Виролло; возможно, что более правдоподобно восстановить *tq[lm]* „2 сикля“, что более соответствует приведенной ранее цене на *kdwt*.

96 См. WUS, стр. 154, № 1355.

97 Строка 5) *tltm*[...]kst.

98 Строка 2) ... *tn.kst*.

99 Список дани хеттам; *ktnt* встречается часто в этом тексте; см. о слове WUS, стр. 158, № 1406; см. также: K. Dietrich, O. Loretz. Der Vertrag zwischen Suppiluliuma... , p. 224—225. *ktn*, акк. *kutanum* „одежда“, однако в ряде случаев акк. *kutum* „вид ткани“.

100 Строки 2) ... *tlt.ktnt* 3) *w.tmnt.ksp.hn* „3 хитона ... и восемь (сиклей) серебра они (стоят)“.

101 Строки 4) *ktn.d.sr.pḥm.bh.w.tqlm* 5) *kspḥ*.

102 Строка 6) ... *tt.ktnm.ḥmšt.w.nsp.ksp.hn*.

103 Строка 1) *'sr.ktnt*.

104 Строка 7) *tltm.ḥmš.kbd.ktn*; или речь идет о хитонах больших размеров, или здесь дополнительно указано количество серебра, уплаченное за неуказанное количество хитонов.

105 Строки 18) *tlt.ktnt* ... 19) *b.'srt.ksp* ...

106 Строка 4) *ḥmš.ktnt*.

107 Не исключается, что слово идентично *ktnt* с ассимиляцией *n* во множественном числе; см. также K. Dietrich, O. Loretz. Der Vertrag zwischen Suppiluliuma... , стр. 226, „льняная одежда“.

108 Строка 14) *alpm.tlt.ktt*; ввиду очень большой цифры и обстоятельства, что в следующей строке следует *alp brg* „1000 (сиклей) очищенной (меди)“, мы приводим данное место лишь условно.

109 Списки дани хеттскому царю и его придворным; см. также PRU, IV, стр. 38 (таблица).

110 См. WUS, стр. 168, № 1444; стр. 172, № 1478.

111 Строка 1) [...]bš.Mtn.b.ar't 4) „[...]одежда Mtn'у за 4 (сикля серебра)“.

112 Строка 2) [...]bš.bn Ykn'b.ar't.

113 Строка 3) [...]bš.bn.Grbn.b.tqlm.

114 Строка 4) [...]lbš.bn.Sgryn.b.tqlm.

115 Строка 5) [...]lbš.bn.Ully.b.tqlm].

116 Строка 1) *lbš.aḥd* 2) *b.'srt*.

117 Строка 3) *w.tn.b.ḥmšt*.

118 Строка 6) *tn.lbšm.b.'srt*.

119 Строка 8) *lbš.tn.b.tnt.'srt*; нам не представляется необходимой эмендация Виролло *[(m)nt'srt]* вместо написанного в тексте *tnt*; слово *tn* после слова *lbš* не числительное 2, а обозначение материала, из которого одежда изготовлена.

120 Строка 2) *lpš.sgr.rq*; *sgr* „застежка, пряжка“ см. WUS, стр. 218, № 1890; *rq* там же, стр. 296, № 2539.

121 Строка 5) *lbš.psm.rq*; *psm* ср. с др.-евр. *k^ctonet passim* Gen, 37, 23, 32 „разноцветный хитон“; толкование слова см.: L. Koehler, W. Baumgartner. Lexicon... , p. 768.

122 Строка 3) *lbš.aḥd.b.tqlm*.

123 Строки 14) *tmn.lbšm.w.mšlt* 15) ... *b.tmnt.'srt ksp*; относительно *mšlt* см. ниже, товар № 47.

124 Строки 16) *šb'm.lbš.d.'rb.bt.mlk* 17) *b.mit.ḥmšt.kbd ksp* „70 одежда, которые внес дом царя (или „понесли в дом царя“) за 105 тяжелых (сиклей) серебра“.

125 См. Ш. Виролло, PRU, V, стр. 66; Eissfeldt, NKTU, стр. 24, см. также WUS, стр. 287, № 2483; др.-евр. marbaddim (мн. ч., Prov. 7, 16; 31, 22), M. Da-hood рец. на PRU, V, „Orientalia“, XXXIV, 1965, № 4, стр. 482—484.

126 Строка 11) *tmn.mrbdt.mlk*.

127 Строка 9) *mrbd*.

128 См. WUS, стр. 195, № 1668.

129 Строка 4) *mrtd.prqṭ.pṭt*; см. WUS, стр. 261, № 2282; исходя из перевода Айтлейнера мы предлагаем перевод „обрубить, обшить“.

130 Строка 6) *ṭn.mrdt.az*; аз встречается единственный раз и не может пока быть переведен, вероятнее всего это какое-то качество одежды *mrtd*.

131 Слово встречается также в неизданном тексте RS, 24.643, где, как отмечает О. Эйсфельдт (NKTU, стр. 47), семь *mšlt* перечислены наряду с четырьмя *ḥpnt* (прим. 123), среди которых встречаются *ḥpn pṭtm* „ḥpn льняные“ и *ḥpnt š'rt* „ḥpn шерстяные“; в тексте PRU, V, 50 слово *mšlt* также упоминается рядом с текстильными изделиями, что дополнительно говорит о том, что слово обозначает ткань или одежду.

132 Строка 3) ... *mšlt* ...

133 См. прим. 123.

134 Строка 23) *mšlt.b.ṭql.ksp*.

135 См. WUS, стр. 219, № 1906; ср. др.-евр. *šak* „грубая ткань, ветище“.

136 Строка 6) [..] *ṭš'.kbd.skm*.

137 См. WUS, стр. 255, № 2220; этимология слова неясна; слово *pld* постоянно встречается в текстах рядом с другими текстильными изделиями.

138 Строка 7) *pld.b.arb't*.

139 Строка 8) [*š*]r.pldm.dt.š'rt.

140 Строка 12) *'šr.pld.š'rt*.

141 Строка 1) *ṭn pld mt* [..]; восстановление наше вместо *mḥ* [..] у Виролло.

142 Строка 7) *ḥmš.pld.š'rt*.

143 Строка 8) *ṭt.pld.pṭt*.

144 См. WUS, стр. 293, № 2509, где сравнение идет с араб. *riṭ* „легкая ткань“; перевод Виролло, PRU, V, стр. 125 — „одежда *riṭ*“; можно согласиться, что речь идет о ткани или одежде, так как слово *riṭ* встречается обычно между строками, в которых говорится о тканях и одеждах.

145 Строка 2) *'šr.rṭm*.

146 Строка 8) *ḥmš. .rṭm*.

147 Строка 12) *rṭ. . . . 13) b.ṭql.w.nsp.ksp*.

148 Ср. с др.-евр. *šani*; Koehler—Baumgartner, „Karmensinrot“ („пунцово-красный“), см. WUS, стр. 339, № 2894.

149 Строка 16) *nps.bt ṭn.ṭṭ mat*.

150 Строка 9) *ḥmš.ṭnt.d.ḥmšm*.

151 Строка 10) *ḥmš.ṭnt.d.mit*.

152 Строка 11) *ḥmš.ṭnt.d.ṭl(12)ṭ mat*.

153 Строка 13) *ṭt.ṭnt.d alp*.

154 Возможно, вариант от *ṭnt* с ассимиляцией *n* и появлением *ṭ* вместо *t*; ср. *Tbq* и др.

155 Строка 3) *ṭt.prqṭ*; насчет *prqṭ* см. прим. 129.

156 Ш. Виролло (PRU, V, стр. 123—124) предполагает, что ввиду того что слово *ṭprt* встречается в паре с *kdwt* (см. прим. № 90 сл.), оно также обозначает, как и *kdwt*, вид одежды; ср. WUS, стр. 342, № 2924, где сравнивается с акк. *šarpartu* „шерсть“; поэтому возможно, что речь идет о шерстяной одежде или ткани.

157 Строка 4) *ṭprt.b.ṭṭt*.

158 Строки 10) *arb' [k]dwṭm.w.ṭt.ṭprtṭm II) b.'šr[m] ksp*.

159 Вывод основан только на контексте, см. WUS, стр. 36, № 417.

160 Строка 20) . . . *ṭn irpm. . .*

161 Ш. Виролло (PRU, V, стр. 123) указывает на наличие этого слова в письмах Тель-эль-Амарны *ḥa-ru-uš-ḥu*; см.: A. Salonen. Die Hausgeräte der alten Mesopotamier nach sumerisch-akkadischen Quellen, Teil II. Gefässe, Helsinki, 1966, S. 94, *aḥrušḥu*; автор отмечает, что слово встречается также в текстах из Алааха; обозначает сосуд для жира и растительного масла, в который обычно макали хлеб или иную пищу; изготовлялся из металла или глины; судя по цене, мы имеем дело с глиняными сосудами.

162 Строка 19) *mit.ḥršḥ.b.ṭqlm*.

163 См. WUS, стр. 189, № 1611 и Виролло, PRU, II, стр. 131, где этимология слова возводится убедительно к *msk* „смешивать“, отсюда „сосуд для смешивания вина“, „кратер“.

164 Строка 18) *w.mmskn*.

165 См. WUS, стр. 193, № 1651 без перевода; A. Salonen. Hausgeräte. . . , II, S. 222: акк. *makdu* „кувшины“ (который носят висящим на веревке). Мало убедителен перевод Виролло (PRU, II, стр. 159) „жаровня“, сближаемая с др.-евр. *mšqed*.

166 Строки 19) hmš.mqdm.d нун 20) b.ḫl ; „5 (сосудов) makdū для нун'а за (1) сикль“; слово нун неясно, см. WUS, стр. 205, № 1779.

167 См. WUS, стр. 283, № 2455, где слово сравнивается с арабск. miqrāt „миска“.

168 Строка 19) ... ḫt.mqrṭm .

169 WUS, стр. 222, № 1945, др.-евр. sēfel , араб. sifla , акк. saplu ; A. Salonen. Hausgeräte ..., II, S. 111, — „миска средней величины из металла — бронзы или золота весом до 1.6—1.8 килограмма“.

170 Строка 17) w.spl ḫṭ.mat „и миска ... 300 (сиклей)“; исходя из цены миски, надо предполагать, что она была изготовлена из серебра или золота.

171 Весь текст говорит о принадлежностях дамского туалета; поэтому, вероятно, мы имеем здесь дело с маленькой мисочкой или подставкой (курильницы), как предлагает переводить saplu И. М. Дьяконов (Эпос о Гильгамеше. М., 1961, Комментарий, стр. 201).

172 WUS, стр. 279, № 2433.

173 Строка 21) w. qpt .

174 Строка 2) [... $\text{m}]\text{itm.mqr}$...

175 Виролло, PRU, V, стр. 66 приводит др.-евр. $\sqrt{\text{drb}}$ „быть заостренным“, ср. с др.-евр. darbān (Koh. 12.11) „металлическое орудие для того, чтобы погонять животное (вьючное)“; вполне возможно, что в данном тексте речь идет о какой-то острой женской туалетной принадлежности.

176 Строка 8) drb .

177 Ср. с др.-евр. ḫiššurīm (I Reg. 7, 33), точный перевод которого не совсем ясен; и мишнайский др.-евр. ḫašar , араб. ḫašar „просеивать, рассыпать“; отсюда наш перевод „ситечки“, так как в тексте речь идет о туалетных принадлежностях.

178 Строка 2) ḫt.ḫṭm .

179 Двойств. число; см. WUS, стр. 174, № 1482.

180 Строка 21) ... w.mqḫm .

181 Строка 4) ... ḫḫ.mqḫ.mqḫm .

182 Строка 3) mqḫm 4) w.mdh ; весь контекст таблички говорит за то, что речь идет о туалетных щипчиках; mdh ср. с др.-евр. mad „одежда“, „покрывало“; учитывая, что мы имеем перед словом союз w „и“, а после него суффикс h „его“, ясно, что слово md относится к предыдущему слову „щипчики“; поэтому „и чехол их“ — наиболее вероятный перевод.

183 См. WUS, стр. 304, № 2603.

184 Строка 10) mškbṭ .

185 Др.-евр. mōznayīm .

186 Строка 5) arṇ.n.mznm , речь идет, по-видимому, о ящичке, в котором находились портативные весы.

187 Строка 3) kkṛ[...]ḫt ; слово встречается в контексте, где в первых двух строках речь идет об одежде, а в строке 4 о льне; возможно, что ḫt — какое-то текстильное изделие или текстильное сырье.

188 Строка 9) 'šr.ydt.b.'šrt .

189 См. WUS, стр. 271, № 2362, где автор считает, что речь идет о сплаве золота; у нас нет оснований принять это объяснение.

190 Строка 9) ḫṭm.ḫṭ.kbd.msrṭ .

191 Перевод, предложенный Виролло (PRU, II, стр. 143), от акк. из Мари mešenu „сандалии“, вряд ли подходит, ибо 6 сиклей за пару сандалий — цена непомерно высокая; строка 5) mṭyn.b.ḫṭt .

192 Строка 13) ['šrṃ.npš ; текст в целом говорит о mḫḫ bd Ybnn „даре в руки Ybnn'u “; в данном контексте значение слова npš целиком неясно.

193 Строка 22) ḫmšm.'rgz.b.ḫmšt .

194 Строка 10) 'šr.ṭn.kbd.pḡdṛm ; значение слова неясно; в тексте в основном фигурируют текстильные изделия.

195 Возможно, название материала; см. WUS, стр. 267, № 2325.

196 Строка 10) ḫmš.kkrṃ.šml .

197 Строка 12) $\text{ḫmš.kkr.šml 13) b.'šrt}$...

198 Слово неясно; речь явно идет о товарах; перевод (WUS, стр. 304, № 2599) „подмастерье, товарищ“.

199 Строка 1) $\text{'šr šṭṛm. 2) b.ḫmš.šmṇ}$.

200 См. WUS, стр. 328, № 2800; PRU, II, 121, 5; 122, 3, откуда явствует, что речь идет явно о деталях колесницы.

201 Строка 3) ḫṭ.mat.tṛm.b.'šrt .

202 См. WUS, стр. 325, № 2754 „благовоние“ или „вид продовольствия“; см. текст PRU, II, стр. 166.

203 Строка 17) ḫmšt.kkr.tyt .

204 Строка 26) $\text{kkṛ.w. [...]ḫt tyt [...]}$; восстановление третьего слова, которое предлагает Виролло [ml]ḫ , не вполне убедительно.

205 Строка 27) $\text{[b] šb'[m.w.n]šp ... ksp}$.

Приведенные здесь данные позволяют нам сделать целый ряд выводов как о ценах, так и о товарной структуре и экономике Угарита.

Несомненно то, что зерно и основные продукты земледелия производились на месте. К сожалению, мы лишены возможности установить рыночную стоимость зерновых.

Что касается скота, то и здесь не следует предполагать, что он ввозился извне. Наши данные говорят, что он разводился как в царско-государственном хозяйстве, так и в хозяйствах общинников Угарита и держателей повинностной земли.¹⁹ Цены в целом на быков и мелкий скот находились на одном уровне с таковыми в близлежащих к Угариту странах в рассматриваемый нами период. Цена же на коней сильно колебалась как в Угарите, так и в окружающих его государствах. Вероятнее всего это следует объяснить разным качеством продаваемых коней. Отметим также, что в одном случае (PRU, III.16.180) мы узнаем, что конь ввозился из Хеттского царства.

Вполне вероятно, что овцеводство в Угарите было даже очень сильно развито, так как цена шерсти была на одном уровне с ценой ее в Вавилонии. В то же время лучшие сорта шерсти, возможно и специально обработанной и подкрашенной пурпурными красками пряжи, стоили значительно дороже (до 100 раз). Это указывает нам на особую тщательность выделки и обработки этой шерсти, а возможно, и на монопольное положение финикийского (включая угаритское) ремесла в подобной обработке шерсти. К сожалению, мы до сих пор имеем мало данных об обработке шерсти в Угарите.

Льняные изделия были значительно дороже шерстяных. Возможно, что культура льна, известная в Угарите,²⁰ была здесь весьма трудоемкой и не очень продуктивной.

Похоже, что благовония в основном были не местного, а частично явно южноарабского происхождения (мирра). Не исключается, что и иные благовония были привозными. Однако нам не ясны сухопутные торговые пути Угарита XIV—XIII вв. до н. э. Хотя у нас и не сохранились цены на благовония, их упоминание по крайней мере в 6—7 текстах указывает на их весьма большое распространение в торговле Угарита. Тамкары привозили, вероятно, благовония из-за рубежа.

Золото в Угарите не добывалось, но в то же время нам известны в Угарите „литейщики серебра (nsk ksp — ювелиры)“,²¹ которые обрабатывали не только серебро, но и золото. Золотые изделия явно северо-сирийского и, вероятнее всего, местного производства имеются и среди вещественных находок из Угарита.²²

Цена золота была сравнительно невысокой — оно было лишь в 3—4 раза дороже серебра, как и в Касситской Вавилонии. Вполне вероятно, что золото это было далеко не чистым по своему составу, однако бросается в глаза, что в Арпахе XV в. золото было в 9 раз дороже серебра. Возможно, что золото из некоторых близлежащих стран, в первую очередь из других стран Средиземноморья, попадало в результате торговли и соответственной продажи изделий Угарита в Угарит в сравнительно больших количествах.

Медь (или бронза — *tl*) тоже в пределах царства Угарит не добывалась, однако большое количество меде(или бронзо)литейщиков было

¹⁹ См.: М. Гельцер. 1) Сельская община в Угарите. ВДИ, 1963, № 1, стр. 35—56; 2) Повинностное землевладение в Угарите. LAMMD, IX, Вильнюс, 1968, стр. 183—208; 3) „Царские люди“ (bnš mlk) и царские хозяйственные центры (gt) в Угарите. ВДИ, 1967, № 2, стр. 32—46.

²⁰ См. PRU, II.107.11; PRU, V.51.7.

²¹ М. Гельцер. Организация ремесленного производства в Угарите, стр. 54—55.

²² См.: F. A. Schaffner. Ugaritica, I. Paris, 1939; Ugaritica, III, Paris, 1956.

Т а б л и ц а 2

№	Товары ¹	Цена в Угарите	Цена в Адалахе	Цена в Касситской Вавилонии	Цена в Хеттском царстве	Цена в Аррапхе
8	Бык	20 сиклей серебра	3500— 5700 сиклей меди ²	30 сиклей серебра ³	10—12 сик- лей серебра	10 сиклей серебра
9	Мелкий скот	1 сикль за голову	—	1—2 сикля ⁴	$\frac{2}{3}$ —1 сикля	1.5 сикля
11	Лошадь	35—200 сик- лей за го- лову	—	30—230 сик- лей ⁵	15—20 сик- лей	Ок. 30 сик- лей
13	Шерсть	1 талант за 4—7 сик- лей серебра	—	1 талант и 2 мины за 5 сиклей серебра ⁷	—	—
14	Шерсть пур- пурная	4—8 сиклей за 1 сикль серебра ⁶	—	—	—	—
20	Золото	1 сикль золота за 3—4 сикля серебра	—	1 сикль золота за 3 сикля серебра ⁸	—	1 сикль зо- лота за 9 сиклей серебра
22	Медь или бронза	$3\frac{1}{3}$ мины за 1 сикль серебра	—	2— $2\frac{1}{3}$ мины за 1 сикль серебра ⁹	4 мины за 1 сикль серебра	Ок. $6\frac{2}{3}$ ми- ны за 1 сикль серебра ¹⁰
28	Гипс (?)	1 талант за 1 сикль серебра	—	—	—	—
29	Лазурит	8 сиклей за 1 сикль серебра	—	Ок. 5 сиклей за 1 сикль серебра ¹¹	—	—
30	Карнеоль яшма (?)	50 штук за 1 сикль	—	—	—	—
31	Древесина можжевель- ника	1 бревно за 1 сикль серебра	—	1 талант дерева супату за 9 сиклей	—	—
35	Древесина	1 бревно 1 сикль	—	1 талант кедра за 10 сиклей ¹²	—	—
36	Тростник	1 талант за $1\frac{1}{5}$ сикля серебра	—	10 мин тростника за 1 сикль ¹³	—	—
38	Ткани и и одежды	От 1 до 500 сиклей серебра за 1 штуку одежды или ткани	—	От 1 до 9 сиклей серебра за одежду ¹⁴	От 1 до 20 сиклей за штуку *	—
54	Сосуды hrsh	50 сосудов за 1 сикль	—	—	—	—
57	Сосуды mqd	1 сосуд mqd за 1 сикль	—	—	—	—
59	Миска spl	1 миска за 300 сик- лей серебра	—	—	—	—

Примечания к табл. 2

¹ Мы приводим данные лишь о тех товарах, относительно которых мы можем определить их точный эквивалент.

² Нам неизвестен эквивалент стоимости быка в Алахе в пересчете на серебро, ввиду того что нам неизвестна цена меди в пересчете на серебро.

³ Meissner, стр. 16; согласно данным Б. Мейсснера, цена на корову или быка отражена в документах каситского времени только 1 раз; обычная цена старовавилонского времени 17—20 сиклей.

⁴ Meissner, стр. 18, данные старовавилонского времени.

⁵ Там же, стр. 17, конец II тысячелетия до н. э.

⁶ Возможно, пряжа.

⁷ Meissner, стр. 23.

⁸ Там же, стр. 26; автор отмечает, что золото нечистое; данные старовавилонского времени.

⁹ Meissner, стр. 30, данные первой половины II тысячелетия до н. э.; медь.

¹⁰ Отношение серебра к меди (бронза) 1:400.

¹¹ Meissner, стр. 33, данные нововавилонского периода.

¹² Там же, стр. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 25.

связано с ее обработкой.²³ Помимо литейщиков меди, тексты упоминают также и „литейщиков стрел“ (nsk ḥzm).²⁴ Медь (или бронза) подразделялась на несколько сортов, различавшихся, вероятно, по качеству. Так, нам известна „очищенная медь (или бронза)“ — bgr.

Цена этого металла колебалась, насколько мы можем судить по тексту PRU, V. 101, где отмечается стоимость меди, данной мастерами-литейщиками для обработки, между 200—229 сиклями (т. е. $3\frac{1}{3}$ — $3\frac{5}{6}$ мины) за 1 сикль серебра. Это на одну треть дороже, чем в Вавилонии первой половины II тысячелетия до н. э., однако она примерно равна цене на медь в Хеттском царстве и почти вдвое дешевле цены на медь в Аррапхе. Вероятно, это объясняется более интенсивной морской торговлей в Угарите по сравнению с Аррапхой и большей близостью медедобывающих областей, из которых Кипр (древняя Алашия) находился ближе всего к Угариту.

Железо, хотя еще было сравнительно редким металлом, все же фигурирует в Угарите. Оно было, вероятнее всего, малоазиатского происхождения.²⁵

Что касается разных минералов и камней, то в большинстве случаев нам не известно абсолютно точно значение их названий. Возможно, что algbt — это гипс, который в Угарите не ценился особенно дорого. Можно поэтому предполагать, что он добывался где-то поблизости.²⁶

Лазурит стоил значительно дороже ввиду того, что этот минерал являлся импортным,²⁷ по-видимому из Бадахшана в Средней Азии. Обращает на себя внимание, что упоминаемое количество лазурита составляет 4000 сиклей, что немало для столь редкого и ценного минерала.

Ввиду того что в окружающих Угарит горных районах да и вообще в северной Сирии²⁸ в рассматриваемый нами период, как и во всей Финикии, находилось немало лесов, то следует предположить, что древесина не являлась объектом импорта, а добывалась на месте или на не большом расстоянии от Угарита,²⁹ но во всяком случае в пределах этого

²³ М. Гельцер. Организация ремесленного производства в Угарите, стр. 51—54.

²⁴ PRU, V. 11.

²⁵ О добыче железа в Малой Азии см.: Э. А. Менабде. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства. ПСЭИДМ, 1963, стр. 84—85.

²⁶ О широком распространении гипса в древнем Египте см.: А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 40—41. 619—621.

²⁷ Там же, стр. 276, 600—602 (об импорте лазурита).

²⁸ M. B. Rowton. The Topological Factor in the Napiru Problem. Ass. St., 16. 1965, pp. 376—382.

²⁹ См.: ЕА, № 126, 4—6, где речь идет о заготовке древесины в Угарите.

царства. Похоже, что единицей измерения для древесины служило бревно. При этом имеющиеся у нас сведения указывают, что средняя цена бревна равнялась одному сиклю серебра. Такая цена может быть принята за среднюю, учитывая несовершенную технику добычи и транспортировки дерева по суше. Древесина, вероятнее всего, в основном применялась в кораблестроении; можно предположить, что строительство корабля не обходилось дешево. Приведенные для сравнения цены на древесину из Вавилонии, безлесной страны, указывают нам, что цена импортной древесины была по крайней мере в 10 (если не больше) раз выше, чем ее цена в Угарите. Говоря о тростнике, употреблявшемся как при строительстве мелких зданий, так и для циновок, следует предположить, что в районах Угарита в прибрежных зарослях у моря или в каких-либо заболоченных местах тростник рос. Об этом говорят и большое количество упоминаемого тростника (50 и 5 талантов), и его относительная дешевизна — $1\frac{1}{5}$ сикля серебра за 1 талант. Для сравнения укажем, что в Вавилонии тростник стоил по крайней мере в 4 раза дороже. Сказанное исключает возможность предположить, что в текстах из Угарита речь идет о благовонном тростнике.

Среди всех текстов те, которые свидетельствуют о торговле одеждой или тканями, представлены шире всего. К сожалению, мы лишены возможности охарактеризовать все виды тканей и одежды, однако это уже само по себе говорит о весьма широком распространении прядения и ткачества в Угарите,³⁰ а также и об изготовлении одежды. Лишь в одном случае говорится о хитоне (ktnt) тирском.³¹ Возможно, что мы имеем здесь дело с импортом одежды, однако, судя по остальным текстам, где происхождение одежд и тканей отдельно не оговаривается, в основном они были местного происхождения, тем более что сельское хозяйство Угарита поставляло как лен, так и шерсть, а в стране, вероятнее всего, имелись и источники сырья для выделки красок.

Цена текстильных изделий колеблется (согласно приведенным данным) от 1 до 500 сиклей за одно изделие, хотя столь высокая цена, как 500 сиклей, была единичным явлением и не характерна для текстильных товаров в целом. Так, одежда utb стоила 3.5 сиклей, одежда hrp — 2 сикля (вероятно, шерстяная), а льняная — 10 сиклей, одежда kdwt — 1—2 + x сиклей; хитон (ktnt) — 2—3 сикля; одежда lbš/lpš — 2—10 сиклей, а окрашенная пурпурной краской — 12 сиклей; mšlt — 1 сикль; одежда pld — 4 сикля; rṭ — 1.5 сикля; красная пурпурная ткань (или одежда) — 300 сиклей; одежда (или ткань) tnt — 10—500 сиклей; tprt — 3 сикля.

К сожалению, мы не можем указать цену соответствующих перечисленных одежд и тканей в Вавилонии и Хеттском царстве, откуда у нас имеются сведения, не отождествляемые с данными Угарита. Дело в том, что названия дошли до нас на угаритском языке и нам не известны их аккадские и хеттские соответствия. Однако надо сказать, что в тот же отрезок времени цена одежд в Вавилонии и Хеттском царстве колебалась от 1—9 до 1—20 сиклей серебра соответственно. В целом эти цены соответствуют угаритским, если исключить особо дорогие, роскошные одежды и ткани ценой в 60—500 сиклей, которые резко выделяются по цене и из общего списка аналогичных товаров в самом Угарите.

Касаясь посуды из разных материалов, мы лишены возможности сравнивать их цены с ценами соответственных изделий в окружающих Угарит странах. Возможно, что сосуды hršh, предназначенные для небольшого количества продуктов питания, изготовлялись из глины и

³⁰ О ткачестве см.: М. Гельцер. Организация ремесленного производства в Угарите, стр. 55—56; о прядильщиках gšlm см.: Eissfeldt, NKU, p. 34.

³¹ См. табл. 1, № 42; PRU, II, 110.

стоили недорого — 50 штук за 1 сикль. Это говорит и о том, что керамическое ремесло было в Угарите сильно развито.³²

Сосуд *mqd* был, вероятно, деревянным или медным, так как стоил целый сикль, а упоминаемая миска (*spl*), стоившая 300 сиклей серебра, явно была изготовлена из серебра или золота, скорее всего ювелирами (*nsk ksp*). В общем производство посуды, как керамической, так и металлургической, может быть и деревянной, было широко развито в Угарите, что подтверждается и данными археологии.

Конечно, наши данные о товарной структуре и ценах в торговле Угарита далеко не полны. Каждая новая публикация текстов, касающаяся торговли, может существенно изменить общую картину. В то же время не мешает рассмотреть соотношение цен в Угарите, беря те продукты земледелия или ремесла, металлы и древесину, где особенности их обработки и выделки специально не обуславливали резкого колебания цен на них.

Поэтому мы в основу кладем один сикль меди или бронзы, сопоставляя все прочие цены с ним. Таким образом, мы получаем следующую картину:

1 сикль меди (или бронзы)	1
1 сикль серебра	200—229
1 сикль золота	600—916
1 бык	4000—4580
1 голова мелкого скота	200—229
1 лошадь	7000—45800
1 сикль шерсти	23—27
1 талант гипса	200—229
1 бревно древесины	200—229
1 талант тростника	240—275

Весьма важным является сравнение товарных цен в Угарите с ценой земли. К сожалению, в подавляющем большинстве текстов, говорящих о купле-продаже земли, указывается лишь местоположение земли и перечисляются усадьбы и виды угодий. Однако в четырех случаях указаны и площади земли. Так, согласно текстам PRU, III.15.136, продается 6 ику поля за 520 сиклей серебра, т. е. 86.6 сиклей за 1 ику;³³ PRU, III.16.135—4 ику поля за 270 сиклей, т. е. 67.5 сиклей за 1 ику; PRU, III.15.156—20 ику за 420 сиклей серебра, т. е. 21 сикль за 1 ику; PRU, III.16.154—2.5 ику поля с оливковой рощей за 130 сиклей, т. е. 52 сикля за 1 ику. (К сожалению, нам не известна доля явно более ценной оливковой рощи в общей площади).

Ясно, что цена земли колебалась в зависимости от ее плодородия, условий орошения и прочих факторов, составляющих ее реальную ценность. Хотя наши данные о цене земли в Угарите XIV—XIII вв. до н. э. очень неполные, но из имеющихся цен можно вывести среднюю цену на землю, равную 55.5 сиклям серебра за ику. Конечно, опубликование новых документов внесет определенные изменения, однако если исходить из полученной нами средней цены земли, то она соответствовала 11 100—12 710 сиклям меди. Эти данные говорят о том, что земля в Угарите являлась сравнительно дорогой, как вообще, так и по сравнению с товарами, продававшимися в Угарите. Соответствующая цена 100 сар земли, т. е. 1 ику, равняется в Аррапхе 12 сиклям серебра; в Касситской Вавилонии—12.4 сикля серебра;³⁴ в Хеттском царстве—1—3 сиклям серебра.³⁵

³² О горшечниках см.: М. Гельцер. Организация ремесленного производства в Угарите, стр. 51; PRU, V. Rev. 5; 68.24; 103.10.

³³ 1 ику—0.35 га в Вавилонии.

³⁴ Данные взяты из: F. R. Steele. Nuzi Real Estate. . . , p. 75, table 5.

³⁵ См.: Э. А. Менабде. Хеттское общество, стр. 79.

Исходя из этого, следует сделать вывод, что товары в Угарите являлись весьма дешевыми, что подтверждают выводы археологии: Угарит являлся крупнейшим торговым центром XIV—XIII вв. до н. э. в Передней Азии. В то же время возможно, что высокая цена на землю обуславливалась не только естественными качествами последней, ибо в Двуречье при наличии ирригации земля была, конечно, плодороднее, но и наличием денежного капитала (возможно, тамкаров), владельцы которого стремились вкладывать в приобретение земли. Надо учитывать и ограниченность земельного фонда в Угарите, что в свою очередь могло влиять на ценообразование, даже учитывая запрет для иноземных купцов (тамкаров) приобретать землю в Угарите.³⁶ Сделанные выводы должны нам помочь в изучении и правильном освещении экономической истории не только Угарита, но и других стран Древнего Востока II тысячелетия до н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПСЭИДМ — Проблемы социально-экономической истории Древнего мира.
 Ass St. — Assyriological Studies. Chicago.
 C. — A. Herdner. Corpus des tablettes cunéiformes alphabétiques découvertes à Ras-Shamra-Ugarit, I—II. Paris, 1963.
 ChNI — Christian News from Israel.
 GGA — Göttingische Gelehrte Anzeigen.
 HSS — Hebrew and Semitic Studies presented to G. R. Driver, Oxford, 1963.
 LAMMD — Lietuvos TSR Aukštųjų Mokyklų Mokslo Darbai, Istorija.
 NKTU — O. Eissfeldt. Neue Keilalphabetische Texte aus Ras Schamra — Ugarit. Berlin, 1965.
 PRU, II — Ch. Virolleaud. Le palais royal d'Ugarit, II. Paris, 1957.
 PRU, III — J. Nougayrol. Le palais royal d'Ugarit, III. Paris, 1955.
 PRU, IV — J. Nougayrol. Le palais royal d'Ugarit, IV. Paris, 1956.
 PRU, V — Ch. Virolleaud. Le palais royal d'Ugarit, V. Paris, 1965.
 WUS — J. Aistleitner. Wörterbuch der Ugaritischen Sprache, Berlin, 1963 (1965).

M. Heltzer

THE GOODS AND PRICES IN THE UGARITIC TRADE

The author presents a study about the goods in the trade of Ugarit, comparing their prices with the contemporary ones in Alalah, Arrapha, Cassite Babylonia and the Hittite Empire. Most of them were comparable, with only timber copper and textiles as more frequently occurring in Ugarit were sometimes cheaper. Surprisingly, land-prices in Ugarit, a society whose economics were not based on irrigation, were approximately 4.5 times higher than in contemporary Babylonia or Arrapha, whose economics were based on irrigation. It seems, that in such trade-center as Ugarit, free currency taking into consideration the political instability, tried to be invested into land-property. Although the productivity and real worth of land was lower than in Mesopotamia, such investment necessitated the rise of land-prices.

³⁶ PRU, IV.17.130, согласно которому тамкары Уры из Малой Азии лишены права захватывать землю своих должников в Угарите; см. исследование этого текста: М. Гельцер. Тамкар и его роль в Передней Азии. . . , стр. 7—8.

ЦАРСКИЕ ЛЮДИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ СИРИИ И МАЛОЙ АЗИИ

Положение лиц, которые в греческой документации эллинистического времени из Сирии и Малой Азии обозначаются термином *λαοί*, представляет значительный интерес как для решения вопроса о социальной структуре эллинистического общества, так и для анализа путей развития общества на Ближнем Востоке в целом. Не случайно поэтому она привлекла к себе внимание многочисленных исследователей.

М. И. Ростовцев заметил, что *λαοί βασιλικοί* находятся на положении крепостных, образуют вместе со своим хозяйством и имуществом экономическое целое с поместьем и обязаны выполнять *φόροι* этого поместья; не лишены свободы передвижения, они тем не менее в правовом отношении принадлежат к *χώμη* и не являются собственниками своего имущества.¹ Позднее М. И. Ростовцев утверждал, что *λαοί* были *adscripti glebae* — прикреплены к своему поселению и к тому участку земли, который обрабатывали.² Указывая на свободу передвижения и наличие какой-то корпоративной организации, М. И. Ростовцев отказывался считать *λαοί* рабами. Аналогичной точки зрения придерживались С. Бредфорд Уэллес³ и Э. Бикерман.⁴ П. Жуге также считал, что *λαοί βασιλικοί* были порабощенным населением, которое было прикреплено к земле и обрабатывало царскую землю.⁵ В. Тарн характеризует крестьянское население Селевкидской державы как „крепостных“; по его мнению, однако, для времени Селевкидов характерна тенденция к ликвидации „феодалного землевладения“ и „фактической частной собственности на крепостных“.⁶

В советской историографии этот вопрос исследовал А. Б. Ранович, который писал: „Крестьяне в селевкидской Малой Азии не были ни рабами, ни крепостными. Напротив, они имели свои организации и народные собрания, выносили декреты или участвовали в вынесении декретов от имени полиса, к которому тяготели. Они были привязаны к своей *ιδία*, но именно потому, что только в своей *ιδία*, пережитке древней общины, они могли владеть землей“.⁷ „Никто не может отрицать, — говорил он в другом месте, — что *λαοί* или *γεωργοί βασιλικοί* были лично свободны“.⁸

¹ M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Leipzig, 1910, S. 258.

² M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941, pp. 507—508.

³ C. Bradford Welles. Royal Correspondence of the Hellenistic Period. New Haven, 1934, p. 94.

⁴ E. Bickerman. Institutions des Séleucides. Paris, 1938, pp. 178—179.

⁵ P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient. Paris, 1926, p. 420.

⁶ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 136—138.

⁷ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 155.— Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. Л.—М., 1956, стр. 3—106.

⁸ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 156.

„Продажу“ крестьян Лаодике он понимал как передачу тех доходов, которые поступали с царской земли в казну. Близка к этому и точка зрения Т. Завадзкого.⁹ По мнению К. К. Зельина, основное ядро λαοί составляли мелкие арендаторы царской, храмовой и частной земель, которые были полурабскими издольщиками; на условиях их жизни и труда должны были сказаться как практика восточной деспотии, так и перемены вследствие македонского завоевания — развитие рабовладения и усиление центральной власти.¹⁰ И. С. Свенцицкая осторожно замечает, что к крестьянам применялись „такие формы внеэкономического принуждения, которые могли быть выработаны только в условиях рабовладельческого общества“.¹¹ Наконец, А. Г. Бокщанин считает λαοί царской собственностью, которой цари могли либо пользоваться лично, либо передавать вместе с землей в пользу отдельных лиц, города или храма. Такие λαοί не могли самовольно бросить свое селение или поле.¹²

Термин λαοί в эллинистическом осмыслении, возможно, связан с бытовавшим в доэллинистической Палестине и, надо полагать, в остальных районах Сирии, термином 'am hā'arāš („народ земли“, „народ страны“), которым обозначались свободные граждане, полноправные члены сельских общин.¹³ В подтверждение этой гипотезы можно указать, что в греческом тексте Библии выражение 'am hā'arāš дважды переводится словом λαός без каких-либо определений. Однако, как правило, греческий текст дает перевод ὁ λαός τῆς γῆς или близкий ему по значению. Термин „народ земли“ сохранился и в публической литературе, где он относится к лицам, враждебно настроенным к фарисейству и фарисейской учености, противопоставленным в сакральном отношении фарисеям (ср., например, Сота, 22а).¹⁴ Поскольку среди сыновей одного и того же лица могли быть и фарисеи, и 'am hā'arāš (Мишна, Демай, 6, 9), очевидно, что социальное различие при этом не имело в виду. Вряд ли можно сомневаться, что это противопоставление восходит к обозначению „мужиков“ — людей наиболее грубых и невежественных.

Одним из важнейших документов эллинистического времени, упоминающим λαοί, является указ Птолемея II, которым этот царь пытался ограничить порабощение свободного населения принадлежавшей ему части Сирии (PER 24552, соотв. SB 8008). В вводной формуле указа предусматриваются следующие способы порабощения: покупка, увод, захват и — что достаточно неопределенно само по себе — какой-либо иной способ порабощения (εἰ τινες τῶν κατὰ Συρίαν καὶ Φοι[νικήν] ἀγοράκασιν σῶμα λαϊκ[ὸν] ἐλεύθερον ἢ ἐξενέ[κασιν κ]αὶ κατεσ[χ]ή[κασιν ἢ κατ' ἄλλον τρόπον κέκ[τηνται]). Надо полагать, что перечисленные методы были наиболее распространенными. Указ требует зарегистрировать купленных λαοί у эконома соответствующей гипархии под угрозой штрафа и последующего наказания; он запрещает на будущее покупку или продажу свободных λαοί, уже купленные подлежали освобождению. Следует согласиться с издателями и комментаторами текста, что в нем слово σῶμα не означает строго юридически раба, как во многих других случаях. По-видимому, в данном контексте оно имеет значение, аналогичное современному русскому „лицо“, „персона“.

⁹ T. Zawadzki. Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów Maloazjatyckich w epoce Hellenizmu. Poznań, 1952.

¹⁰ К. К. Зельин. Основные черты эллинизма. ВДИ, 1953, № 4, стр. 148.

¹¹ И. С. Свенцицкая я. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963, стр. 16.

¹² А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. М., 1960, стр. 138—140.

¹³ И. Д. Амусин. „Народ земли“. ВДИ, 1955, № 2; J. A. Soggin. Der jüdische 'am ha'areš und das Königtum in Juda. Vetus Testamentum, XIII, 1963, pp. 187—195.

¹⁴ Подробно см.: A. Büchler. Der galiläische 'Am ha'Areš des zweiten Jahrhunderts. Wien, 1906.

В подтверждение этого понимания можно привести надпись IG XII, 386 из Эгиалы (III в. до н. э.), где речь идет о нападении пиратов на город, во время которого они „захватили девушек, и женщин, и других лиц, и свободных, и рабов, всего более тридцати“ (*ἀλουσῶν παρθένων τε καὶ γυναϊκῶν καὶ ἄλλων σωμάτων καὶ ἐλευθέρων καὶ δούλῳν τῶν πάντων πλειόνων ἢ τριάκοντα*). И далее: „освободить лиц свободных, и некоторых из вольноотпущенников и рабов“ (*ἀπαλῶσαι τὰ τ'ἐλεύθερα σώματα καὶ τινα [τ]ῶν ἐξελευθέρων καὶ τῶν δούλων*).

Формула *σῶμα λαϊκὸν ἐλεύθερον* обычно рассматривается как обозначение свободных, принадлежащих к социальным низам и одновременно к коренному населению Сирии.¹⁵ Выказывалось также предположение, что она применялась к свободным (*ἐλεύθερα*), превращенным в рабов (*σώματα*).¹⁶ Наиболее правдоподобной представляется трактовка лиц, упоминаемых в папирусе, не как свободного коренного населения, а как принадлежащего к сословию *λαοί*,¹⁷ на что прямо указывает прилагательное *λαϊκόν*. Формула *σῶμα λαϊκὸν ἐλεύθερον* позволяет предполагать существование несвободных лиц, принадлежащих к этому сословию. Впрочем, и сам папирус содержит достаточно ясные указания на этот счет. Здесь упоминаются *σώματα λαϊκὰ οἰκετικὰ*, которые могли быть проданы на законном основании. В том случае, если дознанием устанавливается, что данное лицо продано, уже будучи рабом (*[ἡγορα]κότες ὄντα οἰκετικὰ*), оно должно быть возвращено владельцу.

Из сказанного следует, что принадлежность к социальной группе *λαοί* еще не была связана с сохранением или утратой личной свободы.¹⁸ В папирусе SB 8008 упоминаются воины и катеки, живущие в Сирии и Финикии, женатые на женщинах *λαοί* (*τῶν δὲ στρατευομένων καὶ τῶν ἄλλων τῶν κατοικοῦντων ἐν Συρίαι καὶ Φοινίκῃ, ὅσοι συνοικοῦσιν γυναιξὶ λαϊκῆς, [ἄς] ἀνειλήφασιν*). Глагол *ἀνειλήφασιν* и то обстоятельство, что эти женщины упоминаются вместе с незаконно лишенными свободы *λαοί*, показывают, что и в данном случае речь могла идти о захвате; однако мужья освобождаются от обязанности их регистрировать в качестве *σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα (μὴ ἀπογραφέσθωσαν)*.

Указ Птолемея II Филадельфа показывает, таким образом, что существовали две категории лиц, принадлежавших к сословию *λαοί*: свободные и рабы. Это представляется нам решающим для определения статуса проданных *λαοί*.

Заметим прежде всего, что известны документы из канцелярии Селевкидов, по которым царские земли и поселения отчуждались без *λαοί*. Так, в переписке о пожаловании Аристоклиды царских земель (OGIS 221, соотв. WC 10—13), когда возникает предположение передать ему крепость Петра в Малой Азии, *λαοί* упоминаются только в одной связи: царь обязывает Аристоклида предоставить им в случае необходимости убежище в Петре (*οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα εἰμὲν βοῦλῶνται οἰκεῖν ἐν τῇ[ι] Πέτραι ἀσφαλείας ἕνεκε, συντετάχμεν Ἀριστο(το)δικίδῃ: εἰν αὐτοῦς οἰκεῖν*). В письмах, где речь идет о пожаловании Аристоклиды других земель, *λαοί* даже не названы. В подписи из Бэотеке

¹⁵ H. Liebeschne. Ein Erlass des Königs Ptolemaios II Philadelphos über die Deklaration von Vieh und Sklaven in Syrien und Phönicien. *Aegyptus*, 16, 1936, SS. 257—283; U. Wilcken. Urkundenreferat. *Archiv für Papyrussforschung*, 12, 1936, S. 222; R. Taubenschlag. *Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire*. JJP, 3, 1949, pp. 49—50.

¹⁶ W. L. Westermann. Enslaved Persons who are Free. *AJPh*, 59, 1938, p. 1.

¹⁷ L. Wenger. Jüristische Litteraturübersicht IX. *Archiv für Papyrussforschung*, 14, 1941, S. 185.

¹⁸ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 52. Он указывает на отсутствие, как он полагает, точной границы между статусом рабов и свободных.

(OGIS 262, соотв. IGRR III, 1020), где воспроизведен указ одного из Антиохов о посвящении этого поселения местному храму, оно отчуждается вместе с принадлежащими ему в пределах существующих границ имуществами (κώμην τὴν Βαϊτοκαί[κ]ήνην... σὺν τοῖς συνκώρουσι καὶ καθήκουσι πᾶσι κατὰ τοὺς προϋπάρχοντας περιουσιαμοὺς), но ничего не говорится об отчуждении людей, населяющих Бэтокеке;¹⁹ речь идет только о предоставлении храму „плодов“ текущего года (σὺν τοῖς τοῦ ἐνεστώτος ἔτους γενήμασιν). Таким образом, одновременно с предоставлением храму прав собственности на данное поселение царь отчуждает в его пользу налоги, поступающие в царскую казну, т. е. одно из своих суверенных прав. Характерно, что отчуждается налог только за один год; отсюда, как нам кажется, следует, что передача налога в пользу храма не была непременно результатом отчуждения поселения. В связи с этим возникает вопрос: каково было содержание собственнических прав на поселение?

Ответ даст, очевидно, анализ иного параллельного материала. Владение поселениями было достаточно широко распространено в эллинистическо-римской Сирии и Палестине. Как показывает надпись из Бэтокеке, это поселение первоначально принадлежало Деметрию сыну Деметрия сына Мнасэя (ἦν πρότερον ἔσχευ Δημήτριος Δημητρίου τοῦ Μνασαίου). При неясных обстоятельствах оно оказывается в руках царя и передается храму. Один из сыновей Ирода, Птолемей, владел поселением Арус неподалеку от Самарии (Fl. Ios., Antt., 17, 289). Сестра Антигона, не названная по имени, имела в собственности χωρίον Гирканя (Fl. Ios., VJ, I, 364). Филипп сын Иакима, эпарх царя Агриппы, владел несколькими поселениями (Fl. Ios., Vita, 47). Поселение, принадлежащее одному лицу (ὑγ ślyhyd), упоминается и в Мишне (Эрувин, 5, 6), причем здесь даже предусматривается возможность его перехода из частной собственности в коллективную и обратно. Другое указание Мишны (Бава Батра, 4, 7) свидетельствует, что подобные поселения могли служить объектом купли-продажи: „Тот, кто продает город (h'yr), продает дома, ямы, колодцы и пещеры, бани, голубятни и постоянный двор, но не движимость. А если он (продавец, — И. Ш.) сказал ему (покупателю, — И. Ш.): он, и все, что в нем, даже если есть в нем скот (bhmh) и рабы ('bdym) — вот, все это продано“. Подобные поселения могли также сдаваться в аренду (Тосефта, Бава Мецца, 9, 26). Интересно, что и сирийский судебник V в. н. э. (L 43 и 64) среди объектов купли-продажи упоминает селение (qritā).²⁰

Мишнаитская формула о продаже „города“ (поселения) вместе с рабами почти точно совпадает с содержанием документов, касающихся продажи Лаодике поселения Паннукоме (OGIS 225, соотв. WC 18—20). Покупательница получает в собственность поселение, дом, принадлежащую к поселению землю (Πάννου κώμην καὶ τὴν βάρην καὶ τὴν προσώσαν χώραν τῆς κώμης) и наряду с этим τόποι и относящиеся к ним λαοί со всем их имуществом (καὶ εἰ τινας <εἰς τὴν χω[ρα]ν ταύτην ἐμ[πι]πτουσιν τόποι καὶ τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λαοῖς παῖνοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν), которые могли находиться на этой территории. В пользу Лаодики передаются и поступления (προσόδου) за сто пятидесятый год в размере тридцати талантов, а также те λαοί, которые происходят из данных τόποι, но переселились в другие места (ὁμοίως δὲ καὶ εἰ τινας ἔ[κ] τῆς κώμης ταύτης ὄντες λαοὶ μετεληλύθασιν εἰς ἄλλους τόπους). Таким образом, владельческие права Лаодики распространялись не только на поселение и τόποι, но и на личность,

¹⁹ Неясно, почему М. И. Ростовцев (M. Rostowzew. Studien, SS. 274—275) полагает, что одновременно с землей храму было пожаловано и право распоряжаться λαοί, населявшими Бэтокеке. Надписи, посвященные Лаодике, показывают, что столь важное обстоятельство не могло не быть оговорено.

²⁰ Ср.: Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье.

и имущество *λαοί*, которые служат одним из объектов сделки. Следовательно, *λαοί* данного поселения являются объектом собственности царя и могут быть отождествлены с рабами мишнаитского источника. Однако определенно говорить о продаже *λαοί* можно только при наличии соответствующей формулы в документе.

Эти *λαοί* были административно связаны с определенными *τόποι* и через них с *κώμη*, которое, надо полагать, было административным центром для *τόποι*. Эта связь не прерывалась и при переселении *λαοί* из одного места в другое. Она не препятствовала передвижениям этих лиц: употребленный в надписи глагол *μετέρχουμαι* не указывает, что переселение *λαοί* происходило противозаконным путем; оно, следовательно, совершалось с ведома соответствующих органов царской администрации (коль скоро речь шла о лицах, зависимых от царя). Если бы переселения *λαοί* противоречили установленному порядку, вряд ли подобная возможность (а в документе речь идет о возможности, а не о реальности) могла быть особо оговорена. Против таких *λαοί* следовало бы принять полицейские меры для возвращения на место. В документе трактуется лишь возможность подобного положения, что объясняется, по-видимому, неосведомленностью царя: конкретное положение вещей должно было быть уточнено при вводе Лаодики во владение.

Источник не указывает, чем была вызвана связь продаваемых *λαοί* с *τόποι*, каковы причины этого своеобразного явления. Теоретически можно представить себе два пути возникновения подобной категории населения. Один — посадить рабов на землю, превратить их в зависимых земледельцев.²¹ Другой — превратить свободное население завоеванной территории в зависимое. Судя по тому, что во время войн между эллинистическими государствами не практиковались массовые переселения, хотя бы отдаленно напоминая то, что в свое время проделывали ассирийские цари, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело со вторым путем.

Документы о сделке между Антиохом II и Лаодикой почти не содержат сведений о тех повинностях, которые должны были нести зависимые *λαοί*. Единственное указание содержит клаузула о передаче Лаодике доходов (*προσδοί*) за текущий год в размере 30 талантов. Однако эти доходы могли поступать к царю как налоги, взыскиваемые в порядке осуществления его публично-правовой власти. Не случайно отчуждаются *προσδοί* только за один год: царская казна не могла лишиться регулярных налоговых поступлений. Повинности зависимых *λαοί* по отношению к владельцу взимались, очевидно, помимо общегосударственных налогов. Более подробные сведения об этом содержит известная надпись Мнесимаха из Сард.²² Хозяйство Мнесимаха, служившее обеспечением долга храму Артемиды в Сардах, состояло из поселений и клеров, приносивших владельцу доход, обозначенный термином *φόρος*. В одной из клаузул этой надписи понятие *φόρος* конкретизируется: *καὶ τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ λητουργικοῦ*. Иными словами, он может быть денежным, трудовым или смешанным. Поэтому не исключено, что повинности зависимых *λαοί*, о которых говорится в документе Лаодики, носили как денежный, так и натуральный характер. Человек, переселившийся из данного *τόπος*, обязан был вносить свой *φόρος ἀργυρικός* в том *τόπος*, к которому он был приписан. Что же касается *φόρος λητουργικός*, то переселенец, очевидно, либо вызывался для его обработки, либо вносил его денежный эквивалент.

²¹ Ср.: И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 103—104.

²² W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek Inscriptions from Sardes I. AJA, 16, 1912, 1, pp. 1—82.

Как показывают документы Лаодики и Мнесимаха, зависимые *λαοί* имели принадлежавшее им лично имущество, в том числе, очевидно, и орудия производства. Но в этом они не отличались от рабов, которые, по данным последнего документа, также располагали собственными *οἰκίαι*. Не случайно и те и другие поставлены в один ряд: *οἰκίαι τῶν λαῶν καὶ τῶν οἰκετῶν*. В связи с этим возникает вопрос о правовом положении таких *οἰκίαι*. Мы сталкиваемся с имуществом зависимых *λαοί* и ойкетов (терминологическая разница определяется, по нашему мнению, различиями в происхождении обеих категорий) в тот момент, когда над ними осуществляя право собственности лица, от которых *λαοί* и *οἰκέται* зависели. Отсюда, очевидно, следует, что их имущество было одновременно и собственностью их владельца. В то же время кажется возможной продажа зависимых *λαοί* и ойкетов без *οἰκίαι*. Об этом свидетельствует специальная оговорка, которая была бы излишней, если бы продажа *λαοί* и рабов вместе с *οἰκίαι* была правилом.

Весьма интересна надпись, опубликованная И. Х. Ландау.²³ Она содержит переписку Антиоха III (и его преемника) с Птолемеем сыном Фрасеи. Она была найдена в 1960 г. во время дорожных работ в местности Телль ал-Фирр, в 7 км к северо-западу от Бет-Шеана (Скифополиса), но при этом повреждена бульдозером. Переписка велась, чтобы подтвердить права собственности Птолемея на земли и поселения, перешедшие после IV Сирийской войны под власть Селевкидов. В особенности существуют меморандум Птолемея сына Фрасеи (раздел IVa по Ландау), где перечисляются различные группы поселений, принадлежавших просителю: те, что находились в его собственности (*εἰς τὰς ὑπ[αρχ]ούσας μοι κώ[μ]ας [ἐγ]κτῆσαι*), в наследственном владении (*καὶ εἰς [τ]ὸ πα[τρ]ικόν*), а также пожалованные царем (*καὶ εἰς [ἄς] οὐ προ[σ]έταξας*), возможно в условное владение. Птолемей сын Фрасеи просит царя освободить эти поселения от постоев, защитить их от посягательств на имущество, а также (что для нас особенно существенно) не допускать угона *λαοί* (*μηδὲ λαοὺς ἐξάγειν*). Последняя клаузула имела смысл, как нам кажется, только в том случае, если проситель был собственником *λαοί*. Она показывает, что и в конце III в. до н. э., очевидно, в ходе и вследствие военных столкновений увод оставался довольно распространенным явлением. В другом меморандуме (*ὑπόμνημα*) (по Ландау IIIa) Птолемей сын Фрасеи предлагает, чтобы товары, находящиеся в принадлежащих ему поселениях, были записаны за *λαοί* и доставлялись его, Птолемея, людям (*τῶν μ[ε]ν ὠν[ίων] χρη[μ]άτων ἀξιώ γραφῆναι [ταῦθ'] ὅσα μὲν ἂν ᾖ ἐν ταῖς κώμαις [μου το]ῖς λαοῖς π[ρ]ὸς αὐτοὺς εἶναι ἐξα[γώ]γμα ἐπὶ τῶν παρ' ἐμοῦ*). Последнюю клаузулу можно понять в двух смыслах: либо речь идет о доставке товаров „чиновникам“ Птолемея, либо речь идет о продаже товаров людям, находящимся под его властью. Во всех случаях, как нам кажется, владелец поселений устанавливает свой контроль над торговлей в их пределах.

Подводя итоги, можно, как нам кажется, утверждать, что термином *λαοί* в эллинистической Сирии и Малой Азии обозначались как свободные, так и лично зависимые люди, принадлежавшие к особому сословию. Мы встречаемся с *λαοί*, как правило, только в документах, характеризующих ситуацию на землях, находившихся под царской юрисдикцией, за пределами полисной организации. Это позволяет думать, что термином *λαοί* обозначались люди, бывшие непосредственно под царской властью и населявшие царские земли. Отсюда и использованный в надписи Аристодикида термин *λαοί βασιλικοί* — „царские люди“. Правда, при этом остается неясным вопрос о статусе зависимых *λαοί*, когда земля, проданная вместе

²³ Y. H. L a n d a u. A Greek Inscription found Near Hefzibah. IEJ, vol. 16, 1966, 1, pp. 54—70.

с *λαοί*, приписывалась к территории какого-либо полиса (возможность, предусмотренная надписью Лаодики). Нам представляется, что в этом случае их положение определялось личной зависимостью от владельца, что позволяет характеризовать их статус в конечном итоге как рабское состояние.

После гибели эллинистических государств свободные *λαοί* составили, очевидно, основную массу населения поселков, находившихся за пределами полисной территории. Зависимые же *λαοί* постепенно слились с рабами, от которых они фактически не отличались уже и прежде.

I. Schiffmann

DIE LEUTE DES KÖNIGS IN DER HELLENISTISCHEN SYRIA UND ASIA MINOR

In dem Aufsatz wird die Probleme der gesellschaftlichen Stellung der *λαοὶ βασιλικοί* erörtert. Der Autor kommt zu dem Ergebniss, dass sie waren die Untertanen des Königs, die (ob frei oder unfrei) im königlichen Gebieten wohnten und ausserhalb der Polis-Organisation standen.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ НОВОЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

„Грамматический способ — это материальное выражение грамматических значений, как реляционных, так и деривационных“.¹ Число грамматических способов, используемых самыми разнообразными языками, ограничено, а именно: аффиксация; внутренняя флексия; повторы; сложения; супплетивизм; ударение; служебные слова; порядок слов; интонация.² „Грамматика любого языка может выражаться только этими способами. Одни языки используют все грамматические способы, другие... только некоторые“.³ Далее тот же автор тонко отмечает: „Все грамматические способы можно разделить на два принципиально различных типа: 1) способы, выражающие грамматику внутри слова, — это внутренняя флексия, аффиксация, повторы, сложения, ударение, супплетивизм; 2) способы, выражающие грамматику вне слова, — это способы служебных слов, порядка слов и интонации. Первый ряд способов называется синтетическим, второй — аналитическим“.⁴

Наряду с грамматическими способами можно констатировать наличие синтаксических способов, или „приемов“, подразумевая под этим термином способ формального выражения синтаксических отношений между членами предложения. И. И. Мещанинов, разработавший эту проблему, насчитывает одиннадцать способов, или „приемов“.⁵ Среди них мы находим два — локализация (порядок слов) и интонация, — которые полностью совпадают с двумя из вышеперечисленных грамматических способов, относящихся к аналитическим. Таким образом, грамматические способы и синтаксические способы — это пересекающиеся понятия.

Характеристика языка в какой-то степени может основываться на грамматических способах, которыми он пользуется. Эта характеристика может быть предложена в виде утверждений или чисел. Но для чисел нужен предварительный тщательный подсчет. В настоящей статье предлагается опыт характеристики, покоящейся на утверждениях, являющихся обобщениями фактов, и единственными квантативными элементами в этих утверждениях являются слова „часто“ и „редко“, „больше“ и „меньше“ и т. д.

Характеристика новоегипетского языка, основанная на исследовании его грамматических способов, может быть более или менее конкретной лишь в том случае, если она является сравнительной, причем сравниваются те же параметры новоегипетского и среднеегипетского языков.

¹ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 253;
О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 488.

² А. А. Реформатский. Введение в языковедение, стр. 253—254.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 314.

⁵ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, стр. 22 и 105.

Такое сравнение выявляет основные тенденции исторического развития языка.

Данные о грамматических способах среднеегипетского языка взяты из моей работы „Введение в египетскую филологию“ (М., 1963, стр. 189—191), так как проблема грамматических способов египетского языка в лингвистической литературе, отечественной и зарубежной, никогда до этого не затрагивалась.

Сложение. Суть сложения состоит в том, что в одном слове соединяются две корневые морфемы и получается сложное слово. При сложении могут сливаться и полные, и усеченные корни. Таким образом, сложение — это способ словообразования. Проблема словообразования в египетском языке почти не разработана. Однако можно указать на беглые замечания Т. Лефевра в его грамматике. Следует подчеркнуть, что сложное слово чаще всего не является механическим результатом сложения, т. е. дающим сумму значений слагаемых элементов. Этот результат может быть и фузионным, т. е. сложное слово приобретает новое значение, например: *st* „место“ + *drt* „рука“ = „ловкость“. Здесь надо отметить следующее: *st* и *drt* — отдельные слова; но является ли *st—drt* одним сложным словом или словосочетанием, с абсолютной достоверностью мы утверждать не можем. Это явление встречается и в среднеегипетском, и в новоегипетском. Но так или иначе, сложение не является распространенным ни в среднеегипетском, ни в новоегипетском и не может рассматриваться как типологическая черта языка, несмотря на его наличие.

Супплетивизм. В среднеегипетском и новоегипетском супплетивизм почти отсутствует. Его наличие наблюдается лишь у глагола *rdi* „давать“ и у глаголов *ij*, *iw* „приходить“, которые очень распространены. Императив этих глаголов образуется от других корней: императив глагола *rdi* — *imi*, императив глаголов *iw* и *ij* — *mi*. Таким образом, супплетивизм в египетском языке — исключительное явление и как таковое не относится к типологическим чертам языка.

Повторы. Сущность этого грамматического способа состоит в полном или частичном повторении одного и того же корня в одном слове. Повторы в египетском языке служат главным образом для словообразования, например: *sp* „поворачивать“, „поворачиваться“, *spsp* „отражать“, „отбивать“, *dn* „отрезать“, *dndn* „отрезать“, *nd* „спрашивать“ и *ndnd* „спрашивать“. В ряде случаев семантическое различие между словом и ординарным корнем и редуцированным корнем остается неуловимым. Но в общем слова с удвоенными корнями не очень многочисленны. Хотя способ повторов в египетском встречается чаще, чем предыдущие два способа, в нем вряд ли можно видеть типологическую черту египетского языка.

В одном случае повтор служит не словообразованию, а заменяет превосходную степень прилагательных и наречий. Слова *sp snw* „два раза“ пишутся после этих определений, выражая их превосходную степень. Повтор как средство усиления данного сообщения встречается не только в египетском, но и во многих других языках мира.

Ударение. Наши сведения об египетской вокализации весьма скудны, так как египетское письмо вообще не имеет знаков для обозначения гласных фонем: на письме обозначены только согласные фонемы. Поэтому непосредственно из самих египетских текстов извлечь прямые указания на египетскую вокализацию невозможно. Но, опираясь на косвенные показания текстов разных семитских языков, содержащих транскрипцию египетских имен и в редком случае слов (тексты вавилонские, ассирийские, древнееврейские), древнегреческих и коптских текстов, египтологи все же сумели восстановить хотя бы гипотетически некоторые принципы египетской вокализации. Ударение играло существенную роль в некото-

рых грамматических формах. Например, в прямом родительном „падеже“ управляющее слово из *status absolutus* переходило в *status constructus*; ударный гласный управляющего слова подвергался редукции; в управляемом же слове ударение оставалось без изменения.⁶ В завершённом виде это явление засвидетельствовано для коптского языка. Но если его следы можно обнаружить уже в среднеегипетском, то, очевидно, что оно было и в новоегипетском.

Аффиксация. Как для среднеегипетского, так и для новоегипетского аффиксация в виде суффиксации — широко распространенное явление типологического порядка. Суффиксация происходит путем присоединения местоименных личных суффиксов к тому или другому слову. Но в зависимости от слова, к которому присоединяются суффиксы, изменяется и значение самих суффиксов. Приведем для наглядности таблицу суффиксов:

Единственное число		Множественное число	
1-е л.	i		n
2-е л. мужск. рода	k	}	tn
2-е л. женск. рода	t		
3-е л. мужск. рода	f	}	sn, w (новоегипетский суффикс)
3-е л. женск. рода	s		

Суффиксация в среднеегипетском. Личные суффиксы, не подвергаясь никаким морфологическим изменениям, могли принимать следующие значения:

а) субъекта-местоимения в глагольных формах суффиксального спряжения: *sdm·f* „слушает он“, *sdm·s* „слушает она“; здесь „он“ и „она“ соответственно выражены суффиксами *f* и *s*;

б) после предлогов значение личного местоимения в „косвенном падеже“ — *n·f* „ему“ „для него“; *n·s* „ей“ „для нее“;

в) после инфинитива транзитивного глагола значение прямого объекта местоимения: *šms·f* „сопровождать его“;

г) после существительных — притяжательного прилагательного: *pr·f* „дом его“; *pr·k* „дом твой“ и т. д.

Суффиксальное спряжение содержит десять глагольных форм, отличающихся лишь тем, что между корнем и личным суффиксом вкливаются различные морфемы, придающие той или иной форме специфическое значение. Таковы, например, формы *sdm·f*; *sdm·n·f*; *sdm·in·f*, *sdm·hr·f* и т. д.

Таким образом, суффиксация как глагольных форм, так и суффиксация после существительных имеет типичный характер агглютинации.

Суффиксация в новоегипетском языке имеет точно такой же характер, но она гораздо уже, ограниченнее. Это сужение использования суффиксации проявляется в двух моментах:

1) употребление форм суффиксального спряжения в новоегипетском значительно реже, чем в среднеегипетском, так как суффиксальные формы спряжения вытесняются формами описательного спряжения, в котором спрягается только вспомогательный глагол; в коптском суффиксальное спряжение вообще исчезает;

2) притяжательное значение суффиксов после существительных исчезает, притяжательность выражается не суффиксами, а парадигмой притяжательных прилагательных типа *p3j·f*, *t3j·f*, *n3j·f* и т. д. Эти притяжательные прилагательные образовались путем сложения указательных местоимений *p3j*, *t3j*, *n3j* „этот“, „эта“, „эти“ и личных местоименных суф-

⁶ А. Н. Gardiner. *Egyptian Grammar*. London, 1957, § 85.

фиксов. Так, среднеегипетское $pr'f$ „дом его“ передается в новоегипетском $pr\}i'f$ pr , т. е. уже не синтетически, а чисто аналитически.

Таким образом, в новоегипетском по сравнению со среднеегипетским мы обнаруживаем явно выраженную тенденцию к сужению суффиксации — тенденцию, нашедшую свое завершение в коптском.

Вместе с тем в новоегипетском мы обнаруживаем очень незначительную префиксацию некоторых глагольных форм: у релятивных — $isdm'f$, $isdm'n'f$; у эмфатической формы: — $isdm'f$; у причастия — $isdm$; у императива — $isdm$. У всех этих глагольных форм один префикс — i .

Внутренняя флексия. Внутренняя флексия в египетском языке (следовательно, в средне- и новоегипетском) имеет свои особенности, зависящие от структуры слов в языках хамито-семитской семьи. М. Коэн показал, что не только в соответственно семитских языках, но и в других языках этой семьи корень состоит только из согласных фонем.⁷ Конечно, основа слова не тождественна корню: она содержит в качестве двух своих компонентов согласный корень и „прослойку“ из гласных фонем. Эта „прослойка“ не является частью корня, она представляет собой прерывистый аффикс, по терминологии В. П. Старинина, — диффикс.⁸ Внутренней флексии, выражающей разные грамматические изменения слова, иначе говоря, разные словоформы, подвергаются и диффикс глагола, изменяя число и качество своих гласных форм, и согласный корень. В последнем, например у глаголов *tertiaef infirmae* и *secundae geminatae* (а также у некоторых других), наблюдается в определенных грамматических формах геминация предпоследней корневой фонемы. Так, например, от глагола *iri* „делать“ образуются формы $ir'f$ и $irr'f$; от глагола *miri* „любить“ — формы $mr'f$ и $mrr'f$; от глагола *wn* — формы $wn'f$ и $wnn'f$. Поскольку египетское письмо обозначало только согласные фонемы, то вокализация египетского языка нам из текстов неизвестна, поэтому судить о внутренней флексии диффикса мы можем лишь предположительно.⁹ Это утверждение относится и к среднеегипетскому, и к новоегипетскому языкам. Что же касается внутренней флексии корня, то мы ее видим в текстах, она примерно одна и та же в среднеегипетском и в новоегипетском.

Несомненно, что внутренняя флексия — широко используемый в египетском языке грамматический способ. Тем не менее и в отношении этого способа мы можем вполне обоснованно утверждать, что этот способ в новоегипетском использовался значительно реже, чем в среднеегипетском: это объясняется тем, что в новоегипетском языке по сравнению со среднеегипетским суффиксальное спряжение глагола в значительной степени вытеснено описательным спряжением, а в последнем спрягается (следовательно, подвергается внутренней флексии) только незначительное число вспомогательных глаголов, знаменательные же глаголы в описательных формах спряжения выступают неизменно в форме инфинитива и гораздо реже — квалитатива.

Таким образом, египетское спряжение при переходе от среднеегипетского к новоегипетскому проявляет явную тенденцию к аналитическим

⁷ M. Cohen. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.

⁸ В. П. Старинин. Структура семитского слова. М., 1963, стр. 26.

⁹ Ценные в этой области работы: T. W. Thacker. The Relationship of the Semitic and Egyptian Verbal Systems. Oxford, 1954; J. Vergote. 1) Vocalisation et origine du système verbal égyptien. Chronique d'Égypte (Brussel), t. XXXI, N 61; 2) La vocalisation des formes verbales égyptiennes. Mededelingen van de koninklijke vlaamse voor wetenschappen Jaargangs XXII, N 7, 1960, относящиеся к среднеегипетскому, а также исследование: E. Edel. Zur Vokalisation de Neuägyptischen. Mitt. Inst. für Orientforschung, Bd. 2, 1954, — все еще носят предварительный характер.

конструкциям. Эта тенденция находит свое полное завершение в коптском, где суффиксальное спряжение фактически исчезает.

Служебные слова. Служебные слова в противоположность знаменательным лишены какой бы то ни было номинативной функции. Их специфическая функция состоит в том, чтобы выражать синтаксические отношения между знаменательными словами, или же они заменяют словоизменительную аффиксацию.

Служебные слова в среднеегипетском и новоегипетском в общем те же. Это предлоги, выполняющие также функцию отсутствующих союзов; неэнклитические и энклитические частицы модального и немодального значения; вспомогательный глагол *iw*, не имеющий никакого знаменательного значения и известный только в одной форме. Он не имеет ни времени, ни видов, ни наклонений, ни залогов. Строго говоря, это „квантор предикативности“. Этот глагол широко используется и в таких именных предложениях, которые никакого знаменательного глагола не содержат. Например, *gmꜥ m pr* „человек в доме“ — описание ситуации, но *iw gmꜥ m pr* — описание той же ситуации с явным оттенком предикативности — „человек находится в доме“.

Новоегипетский отличается от среднеегипетского тем, что в новоегипетском появляется широко распространенный определенный артикль и значительно реже неопределенный. Следует отметить, что артикль мы находим уже в среднеегипетских текстах, передающих не литературный, а разговорный язык. Предлоги очень широко распространены. Следует отметить три их очень важные функции. Во-первых, в соединении с существительными они заменяют словоизменительную функцию аффиксации склонения в других языках. Например: *n sn'i* „брату моему“, тогда как просто *sn'i* (т. е. с нулевым предлогом) означает „брат мой“. Именно благодаря предлогам египетский язык обходится без словоизменительных падежей. Сравни французское *le père, du père* и т. д. Во-вторых, предлоги широко используются при образовании сложных глагольных форм описательного спряжения, например: *iw'f hr sdm* „он слушает“. В-третьих, посредством сочетания предлога с определенным существительным образуются сложные наречия, например *m-ht* „после“; *hr-s* „затем“; *tp-im* „прежде“ и т. д.

Роль артикля в новоегипетском очень существенна: он служит для выражения определенности или неопределенности, для субстантивации разных частей речи и даже целых предложений; для выражения рода и числа существительных.

Посредством способа служебных слов, т. е. не внутри слова, а в его окружении, в египетском языке выражается ряд важных грамматических значений. Это способ аналитический. Таким образом, мы видим явное усиление в языке тенденции к аналитизму.

Порядок слов (локализация). Этот грамматический способ в египетском языке вообще и в новоегипетском в частности является одним из самых важных. Следует особенно подчеркнуть, что в египетском языке он является не факультативным, а строго обязательным. Любые отступления от установившегося порядка слов ограничены очень жестко совершенно определенными правилами. При нарушении порядка слов или этих правил египетское предложение превращается в явно неправильную конструкцию или даже в бессмыслицу.

Порядок слов развернутого глагольного предложения в новоегипетском языке в принципе ничем не отличается от порядка слов такого же предложения в среднеегипетском. Исключение (и то далеко не всегда) мы находим для косвенного местоименного личного объекта в дательном падеже; если в среднеегипетском это дополнение должно стоять немедленно после субъекта, то в новоегипетском оно может быть

в конце предложения.¹⁰ Пожалуй, только этим жесткий порядок слов новоегипетского развернутого глагольного предложения отличается от порядка слов в таком же предложении в среднеегипетском.

Инверсия при эмфазисе происходит по одним и тем же правилам и в среднеегипетском, и в новоегипетском.

Здесь следует добавить, что отрицательные и вопросительные предложения не отличаются своей структурой от утвердительных.

Обязательный и строгий порядок слов предложения является типологическим признаком новоегипетского языка.

Интонация. „Интонация ... относится не к слову, а к фразе, и тем самым грамматически связана с предложением и его строением“.¹¹ Интонация, как и ударение, тесно связана с вокализацией, не обозначаемой на письме. Безусловно она существовала: в текстах встречаются вопросительные предложения, абсолютно ничем не отличающиеся по своей структуре от утвердительных; их вопросительный смысл устанавливается из контекста. Несомненно они звучали иначе, чем утвердительные, именно благодаря интонации.

Подведем некоторые итоги всему сказанному.

Новоегипетский язык является аналитическим языком. „Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции. Чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность“.¹² В новоегипетском степень изоляции выше, чем в среднеегипетском.

Сравнительное изучение грамматических способов двух или больше языков представляет несомненный интерес для типологических исследований.

M. Korostouzof

LES MODES GRAMMATICaux DU NÉO-ÉGYPTIEN

Les modes grammaticaux du néo-égyptien sont les mêmes que de toutes les autres langues, c'est à dire: 1) l'affixation, 2) la flexion interne, 3) la composition des substantifs, 4) le suppletivisme, 5) le redoublement, 6) l'accent, 7) les mots vides, 8) l'ordre des mots, 9) l'intonation.

Quoique très différents ces modes peuvent servir à une caractéristique typologique de la langue.

Ce basant sur la fréquence de l'emploi de certains d'eux on a le droit de définir la langue néo-égyptienne comme une langue analytique.

L'étude comparative des modes grammaticaux de deux langues semble être utiles dans les études égyptologiques.

¹⁰ A. Eрман. Neuägyptische Grammatik. Leipzig, 1933, § 693.

¹¹ А. А. Реформатский. Введение в языковедение, стр. 309.

¹² Н. В. Солидева, В. М. Солдцев. Анализ и аналитизм. Сб. „Аналитические конструкции в языках разных типов“, М., 1965, стр. 84.

СИМВОЛИКА КРАТКОСТИ—ДОЛГОТЫ В ОСНОВАХ СЕМИТСКИХ СПРЯГАЕМЫХ ФОРМ

Как известно, в центре видо-временной системы семитского глагола лежит противопоставление так называемых „спряжений“ краткой и долгой основ (тем). Обозначим эти основы условно --у- :: -а-а(а).¹

Противопоставление данных основ (тем) как „краткой“ („односложной“) и „долгой“ („полной“, „многосложной“) уже имеет место в семитологической литературе.² На наш взгляд, это противопоставление отражено не только в количестве (числе), но и в качестве гласных фонем (узкий = закрытый гласный в краткой основе :: широкий = открытый гласный в долгой [полной] основе).³

Попытку истолковать данное противопоставление как исконно символическое, т. е. найти его естественную связь со значением указанных форм, нам не приходится строить на полностью не разработанной почве. Несомненной точкой опоры нам представляется факт, отмеченный одним из крупнейших современных семитологов — Г. Р. Драйвером: „Аналогия из других языков, например латинское *fac* и *dic*, подсказывает, что кратчайшая возможная форма глагола привлекается для выражения команды; для этого ей придается отрывистый тон. В соответствии с этим естественно обнаружить, что семитская императивная форма в своем простейшем виде состоит из коренных согласных без всякого преформативного или афформативного элемента“, причем „на отрывистость команды указывает ... поспешное стремление (*hurrying*) к конечному слогу“.⁴

¹ Знаком у („дигрек“, читай *ü* или *ы*) обозначаем узкий гласный, объединяя легко чередующиеся фонемы *i/u* (С. Brockelmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd. I. Berlin, 1908, § 52a-e; An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages, ed. by S. Moscati, Wiesbaden, 1964, § 8.96). Дефисом обозначаем места всех трех согласных фонем (составляющих корень). :: — знак противопоставления. Мы рассматриваем здесь лишь подлинный, исконный глагол — „глагол действия“ (поэтому не приводим вариантов огласовок, характерных для отыменных „глаголов состояния“).

² Например: Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, ч. II, гл. 4 (*passim*).

³ Первый, естественно, ближе к нулю гласного, второй — к предельному полногласию. Следы этого отчетливы и в семитских языках (ср., например, одинаковое обозначение на письме **i/u* и нуля гласного в эфиопском языке); подробное обоснование этого, однако, вышло бы за рамки данной статьи.

⁴ G. R. Driver. *Problems of the Hebrew Verbal System*. Edinburgh, 1936, p. 32, ch. IV. Автор приводит в качестве примеров из аккадского *kušûd*, *piqid* и т. п. (первый гласный он называет „вспомогательным“). Как известно, односложность повелительного наклонения сохранилась в арабском языке (--*u/i*-); лишь в начале фразы грамматисты рекомендуют разрешать двусогласное начало предваряющим гласным ([*u*]-*u*-/[*i*]-*i*-; ср., однако, в передаче прямой речи: *qâla* „*hûrû!*“ „Он сказал: «Выйди!»“ и т. п.). В прочих семитских языках это начало разрешается вспомогательным вставным гласным, по возможности беглым и уподобленным основному по качеству.

Однако на этом названный автор останавливается, не делая попытки рассмотреть с этой позиции прочие случаи употребления той же самой („краткой“, „отрывистой“) основы, а именно при вхождении ее в одно из „спряжений“ (так наз. „префиксальное“).

Нам кажется, что и здесь основа сохраняет отмеченное Г. Р. Драйвером, вытекающее из ее отрывистости значение немедленности (временной непосредственности) исполнения или следования. Нужно только учитывать, что исходный момент, всегда необходимый для отсчета этой немедленности (быстроты), в разных случаях не может быть одним и тем же. А именно: в области настояще-будущего времени (включая как повелительное, так и прочие наклонения) этим исходным моментом, естественно, является сам момент речи, т. е. настоящий момент. В области же прошедшего времени такого неподвижного, заранее подразумеваемого момента, конечно, нет, и там за исходный момент может браться лишь какое-то предыдущее (упомянутое говорящим) положение или действие. Так, в русской фразе „Я тотчас (сейчас, скоро) выхожу/выйду“ за исходный момент отсчета немедленности (быстроты) исполнения наиболее естественно принимается момент речи, и это не нужно дополнительно уточнять; но фраза „Я тотчас (сейчас же, скоро) вышел“ непременно подразумевает предварительное указание на какой-то момент в прошлом, который и является исходным моментом отсчета, причем передаваемым с ходом повествования, рассказа.

Основным материалом, на котором мы постараемся подтвердить вы сказанное выше положение, послужит древнееврейский язык Библии. Среди памятников подавляющей по численности западносемитской ветви (охватывающей все семитские языки, кроме аккадского) Библия является древнейшим огласованным (сохранившим традицию огласовки) сборником, к тому же самых разных жанров.⁵ Гласный состав древнееврейских текстов будем давать в масоретской традиции, но — в соответствии с направлением работы — с учетом общепризнанных данных этимологии.⁶ Как известно, краткая, „отрывистая“ основа употребляется, кроме своего чистого вида, в составе так называемого „префиксального спряжения“ (включающего и ряд окончаний), а долгая, „размеренная“ основа — в составе „суффиксального спряжения“, что позволяет легко различать эти основы, несмотря на фонетические изменения (особенно в случаях „слабых“ корней, а также в усложненных глагольных „породах“).

I. Область настояще-будущего времени

а. Повелительное наклонение. Об особой связи повелительного наклонения с чистой формой отрывистой основы уже говорилось. Но следует уточнить, что это относится с полной неременностью лишь к единичному (отдельному) повелению или просьбе. Иное положение создается при выражении цепи повелений, просьб, где вторичные звенья, естественно, не могут содержать требования такой же немедленности (срочности). Рассмотрим разные типы такой цепи.

Особым является случай, когда звенья цепи не связаны союзом. Это бывает при цепи повелений „по ходу действия“ или же при от-

⁵ Библейские памятники оформлены в I, реже — во второй половине II тысячелетия до н. э. Угаритские тексты записаны во второй половине II тысячелетия до н. э., но не огласованы, и выделение в них указанных основ зависит от сравнения с другими языками; кроме того, в них не представлен разговорный язык (С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1965, стр. 56—57 и 60. §§ 7.30—32.50).

⁶ Невытисняемые долгие („по происхождению“): \hat{a} , \hat{o} , \hat{u} , \hat{e} , \hat{i} ; удлинившиеся („по положению“): a' , o' , e' ; обычные краткие: a , o , u , e , i ; вставные (облегчительные) краткие: \hat{a} , \hat{o} , \hat{e} , \hat{i} ; сократившиеся в беглые: a^o , o^o , e^o ; вставные беглые опускаем.

даче особо срочных приказов, например военных команд. В этом случае целиком господствует повеление в форме „отрывистой основы“: „Встаньте (qûm | û), князья, мажьте (mîšh | û) щит!“ (Исайя 21 : 5).

Сложнее вопрос о цепи повелений, просьб, соединенных союзом w.../u 'и'. При одновременности действия, когда они, следовательно, мыслятся одинаково срочными, как в выражении „Слушай и смотри!“ (šîm' | î ... u | r' | î — Псалмы 45 : 11), также употребляется лишь отрывистая основа. То же может сохраняться, если действия тесно связаны в виде единого процесса или цикла: „Сейте и жните (zîr' | û w° | qîšr | û), и садите (w° | nîṭ' | û) виноградники“ (Исайя 37 : 306).

Если же нужно подчеркнуть промежуток во времени между исполнением повелений, просьб (что особенно необходимо в цепи с неравномерными промежутками), то после этого промежутка, снимающего требование срочности, употребляется уже противоположная, размеренная основа:

Отрывистая основа

„Иди, спустись (lek- ge'd),

„Тотчас, сын мой, послушай (šma') меня и встань, беги (w° | qûm brah) к Лавану, брату моему, в Харран,

„Препояшь (hgo'r) свои чресла, и возьми (w° | qaḥ) мой посох в руку, и поди (wa' | le:k); ...

Такая формула для цепи повелений, просьб характерна для всей Библии (см. также: Бытие 45 : 9; I Самуил 6 : 7, I Цари 2 : 31 и т. д.).

Иногда слово со значением 'потом', 'затем' (которое мы добавляли в переводе в скобках), означающее больший промежуток между действиями, стоит и в тексте оригинала; тогда союз перед глаголом выглядит формальным, стоящим не на месте:

„Подготовь (ha' | kên)⁷ на улице работу свою, и предвари ее (w° | 'att°d | a'h)⁸ себе в поле,

и [лишь] потом строй ('aḥar û | ba'ni | ta') свой дом“ (Притчи 24 : 27).⁹

Итак, в отличие от формы немедленности, срочности (отрывистая основа), форма несрочности (размеренная основа) может занимать лишь вторичное, замыкающее положение.¹⁰

^{7, 8} Основы усложненных глагольных пород, фактически ликвидирующих их „отрывистость“.

⁹ Киттелевское издание Библии подозревает какой-то пропуск в тексте. Ср., однако, русское „... тогда и строй...“ и т. п. Ср. ниже пример: Исход 16 : 6—7 (в изъяснительном наклонении).

¹⁰ Причем изредка даже не в глагольной цепи: „Я Рут (Руфь), раба твоя, и [потому] простри (û | ra'raš | tá') крыла твои над рабой твоей“ (Руфь 3 : 9), так как поставление повеления, просьбы на вторичное место уже само по себе говорит об отсутствии требования особой срочности.

Можно добавить, что когда-то, как видно из образцов архаической (и архаизованной) поэзии, союз w.../u 'и' не обязательно должен был стоять непосредственно перед глаголом размеренной основы в такой цепи (известные примеры — Псалмы 22:22, 31:6). Но в прозе, как мы видели, союз уже обратился в нечто вроде неперемного префикса при этом глаголе (именно в связи с вторичным положением его).

Здесь уместно привести аналогию с русскими сверхкраткими (усеченными) формами повеления. Они требуют непременно (в еще большей степени, чем семитские краткие формы) немедленного исполнения: „Пли!“, „Гли!“ и т. д.; если же требование немедленности отпадает, они заменяются полногласными формами: „Подпусти врага и пали“, „Стой там и гляди“, „В следующий раз гляди в оба“, и т. п.

б. Пожелательное (требовательное) и изъявительное наклонения. Наклонение пожелательное, как известно, отличается от повелительного добавлением личных префиксов, в связи с чем получает полную систему спряжения. Во 2-м лице добавление префиксов фактически не меняет значения, с отрицаниями же вообще возможны только префиксальные формы.

Наклонение изъявительное некогда отличалось от пожелательного, видимо, добавлением конечной гласной флексии (в формах без окончаний); но на историческом этапе и она отпала, оставив некоторые следы лишь в небольшом числе глаголов „слабых“ корней. Что же касается выражения цепи действий, то оно и здесь остается тем же, что было описано выше. Более того, различные наклонения, если встречаются в одной фразе, дают единую цепь:

Отрывистая основа

„Встань (mo'd) у двери шатра,
если кто-либо придет (ja' | bô')“

Размеренная основа

и пусть будет так (w⁹ | ha' | jâ):
и спросит тебя (u | s⁹ | e' | le' k),
и скажет (w⁹ | a' mar): „Есть ли
здесь кто-нибудь?“, — то скажи
(w⁹ | a' mar | t): «Нет!» (Судии 4:20).

Абсолютно одинаковая трактовка наклонений в отношении такой цепи ярко выступает в изложении древних законоположений (например, Исход, главы 21—22).¹¹

Здесь пора напомнить, что понятие „будущее немедленное (непосредственное, ближайшее)“, выражаемое в большинстве языков одинаково с настоящим временем, является достоянием общей лингвистики.¹² Конечно, отделение этого „ближайшего“ будущего от более „отдаленного“ всегда весьма относительно. С этим и следует сопоставить построение указанной цепи глаголов (связанных союзами) в древне-еврейском языке.¹³

Хотя построение этой цепи в изъявительном наклонении значительно формализовано (по сравнению с повелительным наклонением, где выражение немедленности живее сохраняет свое реальное значение), все же вполне осмысленный выбор форм сохраняется и здесь. А именно, если

¹¹ С какого-то времени, однако, намечается (в связи с отпадением конечной флексии) склонность к следующему различию цепей разных наклонений в звеньях после союза: пожелательного наклонения — к формам отрывистой основы (ввиду его большей близости к повелительному, которое особо связано с чистой отрывистой основой), а изъявительного наклонения — к формам размеренной основы.

¹² О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 68.

¹³ Следует добавить, что как настоящее, так и ближайшее будущее в древне-еврейском, кроме спряжения отрывистой основы („префиксальное“), нередко выражается также причастием.

несколько начальных действий одновременны (особенно в стилистических параллелизмах) и поэтому являются одинаково „ближайшим будущим“, они одинаково выражаются спряжением отрывистой основы (независимо от присутствия союза):

Отрывистая основа

„Ибо стыдно будет (je·|bôš|û) за рощи, которые вы любили, и посрамитесь (w^ota|hp^or|û) за сады, которые вы предпочитали...“

„Вот, все эти произнесут (ji|šša·|û) о нем притчу, насмешки и прибаутки насчет него, и скажут (w^ojô|mar): «Горе умножающему взятое у других... Вот, внезапно встанут (ja·|qûm|û) уязвляющие тебя, и воспрянут (w^oji|q^oš|û) устрашающие тебя;“

Если наречие времени ясно указывает, что действие произойдет еще не сейчас, отрывистая основа может быть заменена размеренною даже в качестве начального звена, но все же предваренного союзом (ставшим формально необходимым в этой форме): „И сказали Моисей и Аарон всем сынам Израиля: «Вечером — и узнаете вы (w|ida·|tem), что Яхвэ вывел вас из земли Египетской; а утром — и увидите вы (ur^o·|tem) славу Яхвэ»“ (Исход 16: 6—7; ср. выше подобный пример Притчи 24: 27 в повелительном наклонении).

В древнейших же поэтических пророчествах эта разница между настоящим/ближайшим будущим и отдаленным будущим, видимо, сохраняется вне всякой формальной зависимости от союза, как видно на примере „Пророчества Валаама“ (Бильама):

Отрывистая основа

„...С вершины скал я вижу это, и с холмов взираю на это: Вот, народ отдельно живет (ji|ško·n)...“ (Числа 23: 9); „Вот, народ как лев встает (ja·|qûm), ... не ляжет (lô· ji |škab)“... и т. д. (там же, 23: 24).

Размеренная основа

...И [тогда] будет (w^o|ha·jâ) сильный подобен отрепью, а дело его — искре, и возгорятся (û|ba·^ar|û) оба вместе, и некому гасить“ (Исайя 1: 29—31).

и [тогда] ты будешь (w^o|ha·ji|ta·) им на разграбление“ (Аввакум 2: 6—7).¹⁴

Размеренная основа

„Я вижу это, но не теперь(!) взираю на это, но не близко(!): Взойдет (da·rak) звезда от Иакова, и восстанет (w^o|qâm < *qa?am) скипетр от Израиля; и поразит (û|ma·haš) края Моава, и сокрушит (w^o|qarqar) всех сынов Шета; и будет (w^o|ha·jâ) Эдом под властью, и будет (w^o|ha·jâ) под властью Сеир, враги его“¹⁵ (там же, 24: 17—18).

Последний способ, остаток которого мы находим только в предсказаниях, т. е. в речи о далеком, еще не обозримом для других будущем,

¹⁴ Позднее, однако, выбор форм после союза становится, видимо, произвольным (ср. позднейшую книгу Ветхого Завета — кн. Даниила, например, главу 11).

¹⁵ И далее, видимо: „А Израиль сотворит (‘a·šâ ·?) доблестное“, хотя масореты читают здесь причастную форму (‘ôše). Ниже текст считается испорченным.

как известно, получил специальное название „пророческих“ форм будущего.¹⁶

Кратко упомянем некоторые побочные, вторичные функции глагольной цепи, обычной для настоящего-будущего времени. Одной из функций форм настоящего времени в самых различных языках является обозначение постоянно повторяющихся действий („настоящее постоянное“), где в одной цепи могут быть действия как одно-, так и одновременные. В древнееврейском языке описанная цепь форм настоящего-будущего времени также выполняет эту побочную функцию, причем она без всякого изменения может означать постоянно повторяющиеся действия не только вне времени вообще, но и конкретно в области настоящего, будущего или прошедшего времени (ср. Бытие 2:6 и 10, а также 29:2—3 [ki etc] и др.).¹⁷ Формы, характерные для выражения будущего, постоянны и после частиц *l'má'an* 'чтобы', *rep* и др. 'чтобы не', так как еще не сбывшееся естественно ассоциируется с будущим (Бытие 3:226 и др.). То же после частицы *ṭémet* 'еще (пока) не' в любом контексте: как в пророчестве (Иеремия 13:16), так и в повествовании о прошлых событиях (судя по первому звену цепи: цепь из нескольких глаголов здесь не засвидетельствована). Изредка отмечаются, как и в прочих языках, и другие случаи „будущего в прошедшем“ (II Цари 3:27, *j|ml'o'k*), а также стилистический перенос форм настоящего времени в прошлое для оживления рисуемой картины (I Самуил 1:13а, Иов 4:15—16 и т. п.).

II. Область прошедшего времени

Как уже говорилось, в области прошедшего времени быстрота, немедленность исполнения действия могут определяться лишь в отношении какого-либо предыдущего, указанного говорящим действия или положения.

Видимо, наиболее живой пример передачи этой быстроты, немедленности исполнения формой отрывистой основы мы находим в эпизоде Яаила и Сисары из „Песни Деворы“, которая, согласно распространенному мнению, считается древнейшим (по времени окончательного оформления) памятником библейского канона.

Размеренная основа

„Воды просил он (*ša'al*) — молока подала (*na'ta'n|a'*), в чаше вельможеской поднесла (*hiqrib|a'*) сливок.

— и ударила (*w^o|ha'l^om|a'*) Сисару...“, [и далее та же основа (*ma'h^aq|a'* ... *u|ma'h^aš|a'* ... *w^o|ha'l^op|a'* ... *ka'ra' na'pal ša'ka'b* ... *ka'ra' na'pa'l* ... *ka'ra'* ... *na'pal*)] — Судии 5:25—27].

Здесь форма отрывистой основы выражает момент внезапности (полный поворот — от гостеприимства к убийству), резкого убыстрения хода

¹⁶ Впрочем, некоторые из таких случаев могут быть поняты как прошедшее время (описание уже бывшего пророку видения), но в данном примере это и формально невозможно.

¹⁷ Поэтому неточно мнение, будто с передачей повторности связано именно „префиксальное спряжение“: это может относиться лишь к звену без союза, после союза идет „спряжение суффиксальное“.

Отрывистая основа

[Вдруг] руку к колу простерла (*ti|šláb|na'*), и десницу — к рабочему молоту!

событий и может быть сравнена с русскими формами эмоциональной речи, где передача внезапности и быстроты также сопровождается отрывистой интонацией: ≈ „[Вдруг] как схватит!“, „хватя!“ . Необычный (архаичный?) суффикс или окончание еврейской формы, возможно, также указывает на энергичность действия (так наз. „-п энергическое“). Видимо, для контраста все остальные глаголы в эпизоде (числом 14!) стоят в формах размеренной основы (как без союза, так и с союзом). Трудно с уверенностью сказать, объясняется ли эта уникальная конструкция текста только его древностью или также особенностями жанра эмоциональной победной песни.¹⁸

В остальных библейских текстах (особенно в прозе) употребление формы (спряжения) отрывистой основы освобождено от эмоциональной оценки, формализовано и служит выражением чисто грамматической немедленности (непосредственности) следования за предыдущим действием или положением в составе одного эпизода. Как известно, формы спряжения отрывистой основы в прошедшем времени называются именно „консекутивными“, т. е. передающими последовательность. Здесь формула цепи такова: первый глагол или глаголы, выражающие исходное положение эпизода (или особенно отдельного произведения), стоят в форме от основы размеренной, последующие же глаголы после союза w... 'и', если он указывает на развитие действия во времени, поставлены в форме от основы отрывистой (союз приобретает при этом особый вид — wa- с удвоенным согласным звука префикса — и также называется „консекутивным“).¹⁹ Эта цепь естественно прерывается тогда, когда нарушается последовательность событий, например при возврате к более давним событиям („предпрошедшее“). Вот тот же эпизод Йаили и Сисары в более позднем, прозаическом изложении:

Размеренная основа

„А Сисара убежал (nās < *naʔas) пеший в шатер Йаили...“

Отрывистая основа

и сказал (wajjōl'mer) ей: «Напои меня...». И открыла она (wattij-ptah) мех с молоком, и напоила его (wattašqē|hū) ... И схватила (wattiqqaḥ) Йаиль, жена Хэвэрова, кол от шатра, и взяла (watta'sem) молот в руку, и подошла (watta'bdō) к нему потихоньку, и ударила (wattitqa') его...»

— а он [в то время] задремал (w^ohū' nirdam)²⁰ —

и обессилел он (?-wajja'ap),^{20a} и умер (wajja'mot)“ (Судии 4: 17—21).

¹⁸ Ср. слова С. Р. Драйвера (S. R. Driver. A Treatise on the Use of the Tenses in Hebrew. Oxford, 1892, p. 31, § 27, Ia) о передаче момента „простирания руки“: „Эта идиома — одна из тех, которые наш язык не способен воспроизвести; изучающий должен чувствовать силу“ этой формы; Драйвер отмечает эту „силу“ знаком '!' в переводе. Данный автор привлекает и другие примеры из языка библейской поэзии, но уже не столь уникальные по форме и смыслу (опущение союза — см. ниже; „настоящее в прошедшем“, см. выше — последнюю фразу в разделе I).

¹⁹ Понятие „консекутивности“ в еврейской грамматике зародилось именно в области прошедшего времени, и связь ее с „конверсией“ (переходом на противоположную основу после союза, иногда и без него) безусловна лишь здесь (при цепи однократных действий). В настоящее-будущем, как мы видели, последовательность действий далеко не достаточна для „конверсии“ (особенно в цепи повелений).

^{20-20a} Так согласно масоретской огласовке (вариант); однако эти две формы можно огласовать и как причастные с переводом „дремлет, усталый“ (nirdam w^oja'e'p, √J'P = 'JP).

Здесь цепь кончается ввиду начала нового эпизода: „И вот, Барак гонится за Сисарой...“ (в данном случае сказуемое выражено причастной формой).

Впрочем, язык выработал связующую формулу „... И было (wajj^o|hî) после этого“ или т. п., при помощи которой можно было не прерывать консекитивной цепи и при переходе к следующему эпизоду: „... И было (wajj^o|hî) после этого, и подняла (wattî|šša[’]) жена его господина глаза на Иосифа, и сказала (wattô|’mer)...“ (Бытие 39:7). Но если новый эпизод более оторван от предыдущего, особенно при полной смене действующих лиц, цепь может все же начинаться заново:

Размеренная основа

„Согрешили (ḥa’ṭ^o|û) виночерпий царя египетского и хлебодар,...

Отрывистая основа

„И было (wajj^o|hî) после этого:

и разгневался (wajjî|qšo’p) фараон, и отдал (wajjî|tte’n) их под стражу“... и т. д. (Бытие 40:1, начало главы: ср. 22:1, 27:1 и др.).

Таким образом, форма спряжения отрывистой основы после союза wa- („консекитивное повествование“) передает не просто последовательность, а преимущественно тесное, немедленное (непосредственное) следование в пределах одного эпизода (хотя, конечно, граница „тесного“ и „менее тесного“ следования весьма условна).

Как мы видим, „консекитивные“ формы, естественно, по самой своей сути связаны с передающим последовательность союзом, но морфологически они первоначально от него не зависели, что засвидетельствовано во множестве примеров, сохраненных более архаической поэзией. А именно, эти формы не страдали от стилистического опущения союза: „Ты простер (na’ṭî|ta’) десницу Твою — поглотила их (ti|bla[’]|e’mô) земля“ (Исход 15:12, „Песнь Моисея“), или ввиду его отделения от глагола вследствие порядка слов: „... И дрогнула (wattî|g’aš), и потряслась (wattî|r’aš) земля, и (û) основания гор поколебались (ji|rga’z|û [!])...“ (Псалом 18:8 ≈ II Самуил 22:8, и другие стихи этой „Песни Давида“). Однако в прозе, как известно, этот союз (в форме wa-) стал обязательным морфологическим компонентом „консекитивной“ формы (и при невозможности снабдить им глагол из-за порядка слов описанная цепь должна прерваться, хотя практически это случается редко).²¹

Впрочем, и в прозе роль союза может играть также частица ’a’z ‘тогда’, ‘тут’, после которой может следовать спряжение любой из обеих основ (ср. I Цари 9:24 и 11:7 и т. д.).

Как известно, отрывистая основа в составе „консекитивной“ формы наиболее хорошо (для данного языка) сохраняет свою краткость и, по общему признанию, никогда не имела добавочной конечной флексии. Поэтому она как после союза wa-, так и при его опущении (Второзаконие 32:86), а также после частицы ’a’z (Судии 5:13 дважды [?]; I Цари 8:1 ≈ II Хроники 5:2) склонна к так называемому „усечению“ (аналогично повелительному и пожелательному наклонениям или даже более).

Склонность „консекитивной“ формы повествования к передаче не любого, а преимущественно быстрого следования, быстрой смены действий видна и в том, что при передаче действий постоянно повторных

²¹ С полной неизбежностью союз отделяется от глагола только отрицанием, но в этом случае последовательность и не имеет значения, так как действия вообще нет.

эта форма не употребляется, кроме эпизодических исключений. Здесь господствует спряжение противоположной, размеренной основы: „А Израиль любил (*a'hab*) Иосифа... и делал (*w^o|a'sâ*) ему разноцветную одежду“ (Бытие 37:3; ср. Исход 36:1, тот же глагол); „Пастухом был (*ha'jâ*) раб твой у своего отца при овцах, и [бывало] приходил (*û|bâ*) лев или медведь, и уносил (*w^o|na'sa'*) овцу из стада; а я выходил (*w^o|ja'sa'*) за ним...“ и т. д. (I Самуил 17:34—35).²² Видимо, позднее вошла в употребление „всевременная“ формула (цепь) так называемого „настоящего постоянного“ времени;²³ причем оба способа совпадают в отношении звеньев после союза, что, вероятно, способствовало их сосуществованию.

Не будем подробно останавливаться на том факте, что употребление спряжений обеих основ в древнееврейском отражает положение в древних западносемитских языках (как северной, так и южной групп). Известно, что рассмотренные глагольные цепи с „конверсией“ (переходом на противоположное спряжение) отмечены достаточно широко — от крайнего севера (угаритские тексты) до крайнего юга (южноаравийские надписи).²⁴ Сходно и дальнейшее развитие системы в языках этих групп (что уже выходит за рамки данной статьи).²⁵

Что касается стоящего особняком аккадского языка,²⁶ то в нем глагольные цепи с „конверсией“ отсутствуют, но в остальном можно наблюдать весьма сходные проявления описанной выше символики и аналогичные процессы развития. Наибольшие морфологические отклонения существуют здесь в „префиксальном спряжении“, где наряду с отрывистой основой в кратчайшем ее виде существует расширенная (путем изменения внутренней флексии с удвоением среднего коренного), но и эти разновидности (сходные, между прочим, с таковыми в эфиопском и живых южноаравийских диалектах) имеют весьма точные функциональные соответствия упомянутым „усеченной“ и „удлиненной“ (путем добавления конечной флексии) разновидностям в западносемитских языках. Как и там, в области настоящего-будущего времени первая играет роль пожелательного наклонения, а вторая — изъявительного²⁷ (включая и частный случай настоящего постоянно-повторного, употребляемого также „всеременно“).²⁸ В области же прошедшего времени (для

²² Здесь в длинную цепь из 10 глаголов вклинивается лишь одна „консеквативная“ форма: „... и [тут] он бросался (*wajja' |qom < *wajja |qim*) на меня!“. Возможно, здесь пересиливает присущая отрывистой основе функция передачи внезапности в эмоциональной речи: ≈ „как... брсьится!“ (ср. выше, о Песне Деворы).

²³ См. выше, последний абзац раздела I с прим. 17.

²⁴ О трудностях исследования этих источников см. выше (прим. 5). Так, в настоящее-будущем времени в связи с отсутствием жанра пророчества такая цепь достоверно известна лишь для повелительного и желательного наклонений. В прошедшем времени соответствующая цепь известна лучше (и еще шире по языкам, включая древнеарамейские и другие надписи), но ее смысловая нагрузка считается в угаритском достоверно не установленной (С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1955, стр. 59—62, §§ 7. 50, 59—61; Г. М. Бауэр. Язык южноаравийской письменности. М., 1966, стр. 70 [пункт а], 77).

²⁵ Основным является то, что начальное звено каждой цепи вытесняет вторичные звенья (в еврейском это побиблейский период. Ср. арамейский [см. прим. 24], арабский, эфиопский).

²⁶ Мы склоняемся к распространенному мнению о сравнительно слабой сохранности прасемитской глагольной системы в аккадском (см. особенно многочисленные работы Ф. Рундгрена — F. Rundgren).

²⁷ Ср., кроме того, прим. 11.

²⁸ Ср. выше последний абзац раздела I. Интересно также мнение, что эти две разновидности в аккадском некогда вообще выражали соответственно моментальное и длительное действия (W. von Soden. Grundriss der Akkadischen Grammatik.

однократных действий) „префиксальное спряжение“ и там, и здесь употребляется в первой (кратчайшей) разновидности, причем и в аккадском она (с добавлением формы с инфиксом -t-, ср. VIII „породу“ в арабском) склонна к передаче развивающихся событий, в то время как „суффиксальное спряжение“, имеющее измененную размеренную основу,²⁹ передает так называемый статив, или пермансив, выражающий, как гласят сами его названия, постоянные действия или положения.

Итак, имеющееся во всех семитских языках противопоставление отрывистой (краткой) и размеренной (долгой) основ (первичной глагольной „породы“) сохраняет в древний период их естественное символическое значение. Конкретно это отразилось (по крайней мере в западных, т. е. всех, кроме аккадского, семитских языках) в передаче соответственно действий немедленных, с одной стороны, и лишенных этого качества, — с другой. Определение немедленности требует исходного момента для ее отсчета, который не может быть одинаковым в различных временах. Естественно, в *настояще-будущем* времени (всех наклонений) этим моментом является сам момент речи, а в прошедшем — любой упомянутый говорящим и потому подвижный по ходу речи предыдущий момент. Именно такое положение наблюдается в еврейском языке Библии. Здесь спряжение отрывистой основы, включая наиболее яркие случаи — срочные приказ, просьбу и форму внезапности в рассказе — выражает: I. В *настояще-будущем* — так называемое „немедленное (непосредственное, ближайшее) будущее“ (считая с настоящего момента). II. В прошедшем — немедленное (непосредственное) следование („консекутивное“ повествование). Спряжение размеренной основы употребляется в противоположных этим случаях. Союз (w.../u) вначале только естественно сопутствует этой системе (язык поэзии), но затем становится как бы префиксом ряда форм, определенно ее формализуя (язык прозы).

Время	Характер речения	Функция форм отрывистой основы [(...)-y-]	Функция форм размеренной основы [-a-(a...)]
I (Настояще-будущее)	Повеление/просьба, пожелание, предсказание, указание на цель и т. п.	Немедленное (быстрое) исполнение (настоящее/„немедленное будущее“)	Сравнительно отдаленное исполнение
(“Настоящее [> всевременное] постоянно-повторное“ подражает тому же)			
II Прошедшее	Повествование, рассказ, констатация факта	Немедленное (быстрое) следование (особенно внутри эпизода), включая внезапность	Отсутствие (тесного) следования (ряд случаев); постоянно-повторное действие

Установленное с помощью обращения к естественной символике противопоставление обеих спрягаемых основ как выражающих немедлен-

Roma, 1952, SS. 102—103, §§ 78—79; Л. А. Липин. Аккадский язык. М., 1964, стр. 94; возможно, это вторичное приложение общих принципов символики краткого—долгого.

²⁹ В форме -a-a*/â... (>-a-î/-a--â...; ср.: G. R. Driver. Problems... р. 45), потерявшей отличие от формы спрягаемых имен.

ность :: отсутствие ее кажется нам заслуживающим внимания еще и потому, что (насколько нам известно) оно наиболее сжато, при помощи единого общего правила объясняет все случаи их употребления на реальной, письменно засвидетельствованной стадии древнего семитического языка.

A. M. Gazov-Ginzberg

THE SYMBOLISM OF THE SHORT AND LONG BASES OF „ASPECTS“ IN SEMITIC

We treat here the well known pair of patterns: „-y-“ and „-a-a(a)“ (so fixed in the I. [simple] stem of the verb of action [„true verb“], of regular roots).

The symbolism of the short, abrupt base as a word—the imperative form—is the most evident (G. R. Driver). We dare say, that the same symbolism of temporal immediacy is present in this base in all its functions (the „prefix-conjugation“). But there must be an initial temporal moment, necessary for measuring off the immediacy, which (the moment) is naturally different in different tenses: 1. in the present-future (including the imperative) it is the moment of the speech, 2. in the past it is any preceding moment (action or state) mentioned by the speaker.

This system is reflected well in the Biblical Hebrew, where the short (abrupt) base signifies: 1. in the present-future (including the imperative)—a kind of so-called „immediate (proximate) future“ (leading off with the present moment), 2. in the past—the immediate consequence („consecutive narration“).

The long, monotonous base (it is present in the „suffix—conjugation“) has the opposite functions.

The conjunction w/u „and“ naturally accompanies this system (in the most archaic [poetic] language), only later becoming a kind of morpheme in certain verbal forms.

ВАРИАНТНОСТЬ КАК ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ЛИМИТ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

1

Рассматриваемая в настоящей работе проблема не нова, она давно занимает лингвистов.¹ В статье развернут конкретный материал с целью выделить некоторые аспекты вариантности языковой системы и в первую очередь подчеркнуть значение диахронического лимита, наличного в любом синхроническом срезе. Нижеследующие заключения выведены главным образом из анализа текстов на курдском языке, составленных природными курдами в начальный период фиксации курдской речи средствами пофонемного письма.

Любая языковая система, посредством которой осуществляется общение, вариантна. Это само собой разумеется в отношении совокупности родственных диалектов, определяемых как язык, но это также приложимо и к литературно развитому нормализованному языку, и к отдельно взятому диалекту любой дробности, и к языку отдельного человека. У одного и того же лица в пределах определенного текста возникают два, три и большее число вариантов одной и той же языковой единицы в одних и тех же условиях, тогда как другие единицы повторяются без вариации, т. е. остаются, по-видимому, неизменными.

Речь идет, таким образом, о колебаниях, свободном варьировании, о неполном осуществлении, незавершенности определенных языковых процессов в силу того, что с ними скрещиваются, сталкиваются подобные же языковые процессы, но действующие в ином направлении. Варианты и являются материальным выражением противоречивых тенденций. Это относится ко всем сторонам языка — к фонетике, грамматике, лексике, и, следовательно, за вариантностью всегда стоят соответствующие процессы — фонетические, морфологические, синтаксические и т. д.

Автор изучал ряд учебных пособий на курдском языке, составленных одним и тем же лицом — Г. Г. Пехлеви — в начале 30-х годов

¹ Вопросы вариантности в связи с динамическими процессами в языке систематически разработаны, например, во многих работах И. А. Бодуэна де Куртене, начиная с ранних, относящихся к прошлому веку. См. вступительную статью Вит. Дорошевского „Об И. А. Бодуэне де Куртене“ в кн.: И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, I, II, М., 1963 (в особенности т. I, стр. 22 и сл.). Ср. также работу В. Матезиуса, опубликованную в 1912 г. в Праге; русский перевод: В. Матезиус. О потенциальности языковых явлений. Сб. „Пражский лингвистический кружок“, М., 1967, стр. 42—69. Из последних исследований см.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

в Ашхабаде для курдов Туркмении, говорящих на хорасанском курманджи (на одном из говоров северного наречия курдского языка). Г. Г. Пехлеви стремился единообразно² (однозначно) отразить речь курдов Туркмении средствами принятой тогда для советских курдов латиницы, не имея в этом деле предшественников. И все же его тексты отличаются исключительной вариантностью. Чем она вызвана? Возможно, что, если бы деятельность Г. Г. Пехлеви продолжалась, вариантность с течением времени в известной мере сгладилась бы. Но замечателен именно первый период фиксации речи, когда вариантность еще не стерта навязанным письменной традицией единообразием.

Автор имел также возможность тщательно изучить рукопись известного курдского писателя Араба Шамилова, составленную им в середине 30-х годов, спустя 6—7 лет после принятия письменности для курдов Армении. Письмо курдов Армении и сейчас еще нельзя считать устоявшимся, а тогда тем более. Повтому рукопись А. Шамилова, представляющая собой первую редакцию воспроизведенных им на письмо курдских сказок, с большой непосредственностью отражает вариантность его речи, хотя и не в такой мере, как книги Г. Г. Пехлеви отражают вариантность речи Г. Г. Пехлеви.

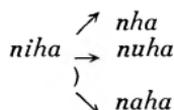
И тот, и другой материал, дающий представление об индивидуальной языковой системе, оценивается на фоне большого количества литературных и фольклорных текстов на говорах курдов Армении, издававшихся начиная с конца 20-х годов на протяжении около 40 лет.

2

Фонетические процессы вызывают варьирование фонем в корневых, словообразующих и формообразующих морфемах.

Слово *niha* [nəhã] 'теперь' дано в четырех вариантах: наряду с исходным и наиболее часто встречающимся *niha* наличны также варианты *nha*, *nuha*, *naha*. Вариант *nha* отражает наибольшую степень редукции предударного гласного в соседстве с сонантом *h*. Два других варианта выражают прямо противоположный процесс закрепления гласного в связи с действием лабиализующей ассимиляции: губная артикуляция *a* проникает сквозь „прозрачный“ сонант *h*, превращая *i* либо в его огубленный коррелят *u* (ассимиляция частичная), либо же в *a* (ассимиляция полная). Точнее, в вариантах *nuha*, *naha* отражена „упреждающая“ губная артикуляция.

Поскольку вряд ли возможно было бы доказать, что путь к *naha* обязательно лежит через *nuha* (хотя в *nuha* и *naha* представлены, по видимому, две ступени усиления и закрепления редуцированного *i*), наличные варианты располагаются так:

Иначе говоря, пучок синхронных вариантов (*nha*, *niha*, *nuha*, *naha*) обладает одновременно и диахроническим аспектом, представляя собой диахронический лимит для данной детали синхронической системы: соотношение исходного варианта *niha* с модификациями *nha*, *nuha*, *naha*. Необходимо, однако, не упускать из вида, что хотя ва-

² Можно доказать, что пишущий стремится к единообразию в передаче речи на письме, но необходимо исследовать, какие именно различия он идентифицирует. Например, всегда ли идентифицируются варианты фонем? А фонетические варианты морфем?

рианты в пучке соотносятся в диахроническом плане, они все же функционируют как варьирующая деталь системы синхронической.

Суть дела в данном случае не меняется от того, что для одного носителя языка исходным (или основным, фактически предпочтительным) вариантом представляется архетип, а для другого — один из неотипов.³ Важно, что для говорящего варианты и равноправны (поскольку они фактически замещают один другой), и неравноправны (поскольку один из вариантов представляется видоизменением — часто нежелательным — другого).

Фонетический процесс лабиализации, о котором говорилось выше, затрагивает большое число слов.⁴ Когда позади или впереди лабиализующего элемента оказывается морфема, включающая гласный *i*, соответственно образуются формы с варьирующими морфемами. Ср. *du+xwest* (< *di+xwest*) 'хотел' с вариантами префикса *di-¹⁵du-*; *ez kuşt+um* (< *ez kuşt+im*) 'меня убили' с варьирующим окончанием *-im/-um*.

Фонетический процесс лабиализации способен еще глубже вторгаться в область морфологии, вызывая не только вариантность грамматических показателей, но и более существенные изменения в строении форм.

Так, разнообразную, и притом весьма существенную, вариантность (в пределах и речи индивида) дают формы настоящих времен глагола *xwarin* 'есть', с лабиализующим элементом *xw*. Уже в форме *di+xu+m* (< *di+xw+im*) 'ем' преобразование гласного исхода *i* в *u* не привело к появлению варианта окончания *-um* (< *-im*), а спровоцировало переразложение в составе морфем, в результате которого форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. глагола *xwarin* переведена из согласного спряжения (*di+xw+im*) в гласное спряжение (*di+xu+m*).⁵ Возникла новая основа *-xu-* с гласным исходом взамен старой основы *-xw-* с согласным исходом. Иначе говоря, фонетический процесс *di+xw+im* > *di+x+um* сопровождается морфологическим процессом *di+x+um* > *di+xu+m*. Фонетически допустимая форма *di+x+um* морфологически невозможна, и, таким образом, на поверхность она всплывает грамматически преобразованной, в виде *di+xu+m*, относясь уже к другому спряжению. То же касается и 2-го л. ед. ч. *di+xu+y* (< *di+xw+i*) 'ешь' и обобщенной формы мн. ч. *di+xu+n* (< *di+xw+in*) 'едим', 'едите', 'едят'.

Следовательно, в данном случае варьируют не формы с фонетическими вариантами морфем, а формы с разным морфологическим составом, относящиеся к разным типам спряжения:

$$di+xw+i | > di+xu+y$$

³ Ср. у К. К. Курдоева для одинаково варьирующих слов *bîha* 'цена', *bîhar* 'весна', *dîha* 'еще', *nîha* 'теперь' и т. д. в качестве основного (или предпочтительного) дан вариант с *i* в первом слоге (К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1960); у Ч. Х. Бакаева в качестве основного (или предпочтительного) дан вариант с *a* в первом слоге: *baha*, *bahar*, *daha*, *naha* и т. д. (Ч. Х. Бакаев. Курдско-русский словарь. М., 1957). Оба автора дают смычки и на альтернативный вариант.

⁴ Лабиализующее влияние оказывают гласные *u*, *a*, реже *û*, согласные *xw* [*x¹⁶*], *w*. Это своеобразный губной сингармонизм ограниченного (односторонне-альтернативного) действия: преобразованию подвергаются, помимо подударного гласного (ср. *lawik* < *lawîk* 'юноша'), обычно либо гласные предударные, либо гласные заударные. Подробнее об этом см.: И. И. Цукерман. Заметки по курдской фонетике. Об ассимилятивном переходе *i* в *u*. Иранский сборник, М., 1963, стр. 159—165.

⁵ Знак / означает в данной статье свободную вариацию.

⁶ Согласное спряжение — спряжение глагола с конечным согласным в основе: *di+bêj+im* 'говорю', *di+bêj+i* 'говоришь', *di+bêj+e* 'говорит', *di+bêj+in* — общая форма мн. ч.; гласное спряжение — спряжение глагола с конечным гласным в основе: *di+drû+m* 'шью', *di+drû+y* 'шьешь', *di+drû-¹⁷шет*', *di+drû+n* — общая форма мн. ч. В гласном спряжении окончание 3-го л. ед. ч. нулевое.

Диахронический лимит в этом случае действует явно в пределах морфологии.⁷

И все же возникшее для глагола *xwarin* рядом с согласным спряжением (*di+xw+im*, *di+xw+i* и т. д.) новое гласное спряжение (*di+xu+m*, *di+xu+y* и т. д.) не могло утвердиться, так как к нему оказалась неприспособленной форма 3-го л. ед. ч. *di+xw+e* 'ест'. Фонетические преобразования внутри *dixwe* не приводят к появлению новой формы с основой *-xu-* (**di+xu*),⁸ и, таким образом, форма 3-го л. ед. ч. не в состоянии подключиться к новому гласному спряжению.

В результате новое гласное спряжение для глагола *xwarin*

1. *dixum dixun*
2. *dixuy dixun*
3. **dixu dixun*

оказалось некомплектным, дефектным, чреватым новым противоречием.

Далее. Рядом со старым согласным и новым гласным спряжением в тех же пределах индивидуальной речи отмечены такие варианты форм глагола *xwarin*, которые могли бы составить новую согласную парадигму, как будто бы преодолевающую неустойчивость, противоречивость двух предыдущих. Таковы формы *du+x+i* ($\langle du+xw+i \langle di+xw+i \rangle$) 'ешь', *du+x+e* ($\langle du+xw+e \langle di+xw+e \rangle$) 'ест' и т. п.⁹ Однако и эти формы, по-видимому, не могут возобладать потому, что в их составе не может быть обоснован префикс *du-*, не имеющий более опоры в последующем губном элементе.¹⁰ Поэтому и третья (согласная) парадигма (*du+x+im*, *du+x+i*, *du+x+e*, *du+x+in*) вряд ли может быть признана устойчивой, и в результате неминуемо обращение к старым, исходным формам.¹¹

В общем итоге одни только формы глагола *xwarin* в настоящих временах в связи с действующим ассимилятивной лабиализацией дают подлинный „взрыв“ вариантности, вариантный „веер“. Ср. для 2-го л. ед. ч. наст. вр.:

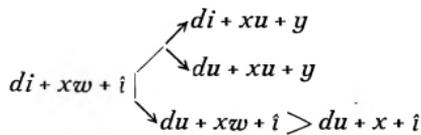
⁷ Может быть, именно поэтому формы *dixum*, *dixun*, *noxum*, *noxun* и т. д., в отличие от других фонетически ассимилированных форм (ср. *kuştum*), нашли отражение в орфографии курдов Армении, т. е. как-то „узаконены“.

⁸ Форма **dixu* могла бы появиться в результате распространения по аналогии, но этому препятствует непривычность неустойчивого *u* в исходе. С другой стороны, фонетически возможная форма **di+xa* ($\langle di+xw+e \rangle$) (ср. варьирующие *xa* / $\langle xwe$ 'свой', *dixast* / $\langle dixwest$ 'хотел', *dixand* / $\langle dixwend$ 'читал' и т. д.) вызвала бы разноречивость в основе [разные основы (-*xu-*, -*xa-*) внутри одной и той же парадигмы настоящего времени], и, что, возможно, еще более важно, — для формы настоящего времени **dixa* нет в говорах курдов Армении привычной аналогии; **dixa* скорее воспринималось бы как форма прошедшего времени какого-то глагола (ср. *dima* 'оставался', *dida* 'давал' и т. п.).

⁹ Вариант префикса *du-* образуется на почве „упреждающей“ губной артикуляции, которая как бы и вовсе перемещается из пределов последующего слога в предыдущий.

¹⁰ Эти варианты носят временный, мгновенный характер. Сугубо окказионален, например, вариант *duxī*. Он появляется на почве *dixwī*, но не способен вытеснить *dixwī*, так как существует только в паре с ним: *duxī* / $\langle duxwī \rangle$ / $\langle dixwī$. Вообще преобразования в фонетическом облике производных или малопроизводных основ предельно облегчены в сравнении с подобными преобразованиями в грамматических, в особенности формобразующих показателях. Такие изменения, как *niha* > *nuha*, *naha* 'теперь', *bihar* > *bahar* 'весна' и т. п. не затрагивают грамматики, остаются, в сущности, в пределах фонетики. Изменения же, подобные преобразованию префикса *di-* > *du-* или окончания *-im* > *-um*, должны быть „согласованы“ по длинной цепи бесконечных парадигм.

¹¹ Если бы такая парадигма закрепилась, то это означало бы, что живое фонетическое чередование превратилось в историческое, что префикс *du-* из фонетически обусловленного варианта превратился в независимый морфологический вариант. Но такой диахронический разрыв ликвидировал бы и „мигание“ в этом пункте системы — варьирование префикса *di-/du-* для соответствующих форм.

При этом все пять вариантов не только диалектно распределены, но и сосуществуют в пределах одного говора или даже речи индивида как диахронический лимит для одной из единиц данной языковой системы.

Только строгая нормализующая рука могла бы вернуть — разумеется, только письменный язык — к исходной согласной парадигме (*di + xw + im*). Но это означало бы не больше того, что вариантность, изгнанная из письма, продолжает гнездиться в устной речи. На письме же все свелось бы только к более сложным отношениям орфографии. Для того чтобы ликвидировать вариантность форм глагола *xwarin*, нужно „отметить“ ассимилятивную лабиализацию в курманджи. А это вряд ли кому-либо доступно.¹²

3

Морфологическая вариантность находит для себя питательную базу не только в фонетике. Внутри морфологической системы борьба моделей и, в частности, процессы регуляризации и явления иррегуляризации приводят к варьированию отдельных словоформ и целых парадигм (для данной лексической единицы).

Так, любой курдский диалект (и это находит отражение в индивидуальной речи) изобилует многочисленными переходами глагольных основ из одного класса в другой.¹³ Например, форма *jimiri* ‘сосчитал’ (относительно продуктивный класс с основой на *-i*) возникает параллельно исходному *jimart* (непродуктивный класс с основой на *-t*) без видимого изменения значения. Точно так же на грамматической основе (на основе грамматической корреляции) параллельно форме *qelaşt* ‘порвал’ (класс на *-t*) появляется вариант *qelişand* (относительно продуктивный класс на *-and*) с тем же значением ‘порвал’. Мотивировка здесь такая: средствами некаузативного класса на *-i* осуществляется интранзитивация формы *qelaşt* ‘порвал’. Образуется регулярная некаузативная форма *qelişi* ‘порвался’, а уже коррелятивно ей — регулярная каузативная форма *qelişand* с тем же значением ‘порвал’. Иначе говоря, нерегулярное соотношение „*qelaşt* — *qelişi*“ сменяется регулярным соотношением „*qelişi* — *qelişand*“ и варьирует с ним.

Относительно продуктивный класс глаголов с основой на *-and* „перетягивает“ в свой состав глаголы из непродуктивного класса на *-a*. Ср. *pêç'an / pêç'andin* ‘свертывать’, *k'olan / k'olandin* ‘копать’, *k'ilan / k'ilandin* ‘сбивать (масло)’ и др. Подобно этому варьирующие формы *dîrevî / dîrevîya* ‘бежал’, *dîbezî / dîbezîya* ‘бежал’ и др. возникают в процессе перехода соответствующих глаголов из „чужого“ класса (с дусложным корнем) в „свой“ класс (с односложным корнем).¹⁴

Конкурирующие варианты образуются (хотя и реже) в связи с явлениями иррегуляризации — выпадения слова (или словоформы) из состава класса, с неминуемой в таких случаях большей или меньшей индивидуализацией форм. Например, употребление „усеченных“ форм *di* (< *dît*)

¹² Сознательное нормализующее воздействие на язык далеко не всемерно. Оно состоит большей частью из множества отдельных запретов, редко касаясь процессов широкого охвата. Поэтому мощные противоречивые тенденции продолжают действовать в обход всем нормам.

¹³ См.: И. И. Пукерман. Очерки курдской грамматики. М., 1962 (далее — Очерки), стр. 76—128.

¹⁴ Там же, стр. 117 и сл.

‘увидел’, *go* (< *got*) ‘сказал’ и т. п. обуславливает и их индивидуализацию — несоответствие этих форм хотя и непродуктивному, но многочисленному классу глаголов с прошедшей основой на *-t*, отнесение их к „исключениям“.

Источником многообразной вариантности несомненно является неустойчивость грамматического рода в курманджи.¹⁵ Наряду с семантически или грамматически детерминированными разрядами имен, регулярно распределяемыми между женским и мужским родом,¹⁶ имеются многочисленные имена, родовая принадлежность которых держится только на традиции.¹⁷ Когда же традиция в каком-либо звене слабеет, прерывается, на действие вступают разнородные ассоциации, влияния, процессы, неминуемо возникают колебания и их спутник — вариантность. Ср. в пределах одной буквы в двух курдско-русских словарях, подготовленных и изданных почти одновременно представителями одного и того же поколения курдов Армении:¹⁸

Помечено в словаре:

К. К. Курдоева Ч. Х. Бакаева

<i>mehsâl</i> ‘продукт’	м.	ж.
<i>metik</i> ‘грудь’	м.	ж.
<i>meqam</i> (<i>miqam</i>) ‘мелодия’	м.	ж.
<i>merc</i> ‘пари, заклад’	ж.	м.
<i>merem</i> ‘цель’	м.	ж.
<i>mewûj</i> ‘изюм’	м.	ж.
<i>meḫber</i> ‘могила’	м.	ж.
<i>meḫrib</i> (<i>meḫreb</i>) ‘запад’	м.	ж.
<i>meyt</i> ‘труп’	ж.	м.
<i>meuwe</i> (<i>mêve</i>) ‘фрукт’	м.	ж.
<i>mezel</i> ‘могила’	ж.	м.
<i>me'zme'zk</i> (<i>mazmazk</i>) ‘позвоночник’	м.	ж.
<i>mij</i> ‘туман’	м.	ж.
<i>mik'an</i> ‘возможность’	ж.	м.
<i>mis</i> ‘медь’	м.	ж.
<i>moz</i> ‘теленка, бычок’	м.	ж.

Причины таких расхождений многообразны, и анализ их увел бы нас слишком далеко. Не всегда они соответствуют подлинным различиям в восприятии родовой принадлежности имени. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что пометы „ж.“ и „м.“ в принципе должны сокращенно обозначать принадлежность имени существительного к одной из двух парадигм (женской или мужской), каждая из которых включает по крайней мере 7 альтернативных форм. Иначе говоря, колебания в отнесении имени к тому или иному роду отзываются (могут отозваться) во всей цепи форм, состав-

¹⁵ Соответствующие грамматические процессы подробно исследованы в диссертационной работе Ш. А. Гасаяна „Система словоизменения имен существительных в говоре курдов Армении“. (Рукопись). См. также: И. И. Цукерман. Очерки грамматики курдского языка. Грамматический род имен существительных. Труды Инст. языкознания АН СССР, VI, 1956, стр. 5—56.

¹⁶ Например, имена существительные с лексическим признаком женского пола (*mî* ‘овца’, *lûşk* ‘сестра’) относятся к женскому роду, имена с лексическим признаком мужского пола (*beran* ‘баран’, *bira* ‘брат’) — к мужскому роду. Имена существительные отвлеченные, образованные суффиксами *-î*, *-ayî*, *-tî* и т. д. (*germî* ‘жара’, *bilindayî* ‘высота’, *biratî* ‘братство’), автоматически отходят к женскому роду. То же — глагольные имена *hatin* ‘приход’, *çandin* ‘сев’ и т. д.

¹⁷ Ср. *dev* ‘рот’ — м. р., *lêv* ‘губа’ — ж. р., *ba* ‘ветер’ — м. р., *baran* ‘дождь’ — ж. р., *derman* ‘лекарство’ — м. р. и т. д.

¹⁸ К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1960; Ч. Х. Бакаев. Курдско-русский словарь. М., 1957.

ляющих женскую или мужскую парадигму. Следовательно, и в этом случае для того или иного слова могут варьировать не только отдельные словоформы, а целые парадигмы.

Широко представлена в курманджи вариантность формы косвенного падежа единственного числа имен мужского рода, включающих в свой состав открытые гласные *a*, *e* (*nan* 'хлеб', *gavan* 'пастух', *se* 'собака' и т. п.). Такие имена в косвенном падеже либо остаются неизменными, либо образуют внутреннюю флексию, заменяя, например, открытое *a* основы закрытым *ê* или *i*. Ср. пр. пад. *nan* 'хлеб', косв. пад. *nan/nên/nîn*; пр. пад. *gavan* 'пастух', косв. пад. *gavan/gavên/gavîn/gêvên/gêvîn*.

4

Число возможных вариантов, естественно, возрастает, когда мы обращаемся к синтаксическим сочетаниям, включающим несколько компонентов.

Последние два десятилетия пристальное внимание специалистов привлекает пассивно-объектный строй (пассивная, эргативная, агентивная конструкция, объектное спряжение) в курманджи.¹⁹

Пассивно-объектный строй в курманджи противоречив, неустойчив и поэтому склонен к деформации (преобразованиям, видоизменениям). Иноязычные влияния ускоряют процесс деформации, они расширяют сферу его действия и способствуют интенсивности его протекания.

Пассивно-объектному строю предложения с переходным глаголом в прошедших временах противостоит активно-субъектный строй предложения с тем же глаголом в настоящих временах. Ср. *te ez şand+im* 'ты меня послал', *tu min dişin+i* 'ты меня посылаешь'; *te em şand+in* 'ты нас послал', *tu me dişin+i* 'ты нас посылаешь'. То и другое предложение — независимо от конструкции — выражает значение действительного залога, и им совершенно одинаково противостоит предложение с формой страдательного залога. Ср. *qiz ç'êlek+ê didoşe* 'девушка доит корову', *ç'êlek tê dotinê* 'корова доится'; *qiz+ê ç'êlek dot* 'девушка подоила корову', *ç'êlek hate dotinê* 'корова подоена'.

Предложению с косвенным падежом подлежащего при переходном глаголе противостоит предложение с прямым падежом подлежащего при непереходном глаголе. Ср. в особенности безобъектные предложения: *qiz+ê got* 'девушка сказала' и *qiz hat* 'девушка пришла'.

Таких противоречивых отношений множество. Они скрыты в парадигмах, и они же постоянно реализуются синтагматически. Например, *ez dibê+m*, *min şand* 'я говорю, [что] я послал'; *ez hat+im*, *min got* 'я подошел и сказал', 'я взял и сказал'; *min nikaribû ez syar bû+ma* 'я не мог сесть верхом' и т. п. С другой стороны, переходные и непереходные глаголы гармонически соединяются в настоящих временах (*ez dikarim heřim* 'я могу пойти'), более или менее мирно уживаются в 3-м лице прошедших времен (*ewi nikaribû syar biya* 'он не мог сесть верхом', *ewana hatin*, *pirs kirin* 'они подошли и спросили'). И поскольку для выражения отношений действительного залога, по-видимому, в большей мере приспособлены активно-субъектные формы, в конечном счете дефор-

¹⁹ Литературу вопроса см.: И. И. Цукерман. К уточнению понятия пассивно-объектного спряжения в северном наречии курдского языка (курманджи). Палест. сборник, вып. 15 (78), 1966, стр. 197—200; см. также: Ш. А. Гасаниян, И. И. Цукерман. О нарушениях пассивно-объектного строя в литературных текстах курдов Армении. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тез. докл. на III годичной науч. сессии ЛО ИНА, Л., 1967. В сообщении реферирована работа Ш. А. Гасанияна „Явления деформации пассивно-объектного строя в курманджи“. Нижеследующее наше изложение во многом опирается на эту работу Ш. А. Гасанияна.

мации подвергается пассивно-объектный строй, претерпевая такого рода изменения, которые его сближают с активно-субъектным (номинативным) строем.²⁰

По степени отклонения от нормы модели группируются следующим образом:²¹

1. Переориентация глагольной формы с дополнения на подлежащее без деформации подлежащего: *wana lê nihêrî + n* ($\int < nihêrî$) / *ewana lê nihêrîn* 'они посмотрели'; *xala K'ulik dit + in* ($\int < dit$) 'дядя увидели Кулыка'; *xalê xarziyêd xwe nas nekîr* ($\int < nekîr + in$) 'дядя не узнал своих племянников'.

2. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом при глаголах генетически и формально переходных, но постоянно (а), обычно (б) или в каком-либо из своих значений (в) функционирующих без прямого дополнения:

а) *ew* ($\int < ewî$) *li min nihêrî* 'он на меня посмотрел', *ew* ($\int < ewî$) *banz da ser xwe* 'он вскочил';

б) *qizik* ($\int < qizik + ê$) *gote wê* 'девушка сказала ей', *ew* ($\int < ewî$) *nikarbû syar bûya* 'он не мог сесть верхом';

в) *zûda em* ($\int < me$) *nelist + ine* ($\int < nelist + iye$) 'давно мы не танцевали', *zabitek* ($\int < zabitek + i$) *siyari ajote nav e'reba* 'один из офицеров верхом врзался в арбы'. Деформация подлежащего в таких случаях несомненно сопровождается (или обусловлена) процессом переквалификации и указанных безобъектных (узואלно или окказионально) глаголов, полным или частичным (в каком-либо значении) переводом их из разряда переходных в разряд непереходных.²²

3. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом (при наличии в предложении прямого дополнения в прямом падеже): *bav* ($\int < bav + ê$) *ji kuř paç kir* 'отец тоже поцеловал сына', *kalek* ($\int < kalekî$) *t'ulum ji destê sazband girt* 'один из стариков взял волынку из рук музыканта'.

4. Замена прямого падежа дополнения косвенным падежом (при наличии в предложении подлежащего в косвенном падеже): *Sh'id zembil + ê* ($\int < zembil$) *hilda* 'Сыхид взял корзину', *me wî* ($\int < ew$) *şandiye* 'мы его послали'.

В пределах обследованных Ш. Гасанияном литературных текстов курдов Армении в одном и том же предложении возможно: либо изменение падежной принадлежности подлежащего, либо изменение падежной принадлежности дополнения, но не одновременное изменение формы подлежащего и дополнения. Таков предел деформации именных компонентов предложения пассивно-объектного строя. За этой гранью стояли бы, в сущности, смена пассивно-объектного строя активно-субъектным и, следовательно, ликвидация в этом пункте колебаний и вариантности.

Употребление прямого падежа подлежащего вместо косвенного связано также с неустойчивостью (и, следовательно, факультативностью) флексии косвенного падежа для некоторых разрядов имен существительных, а также для некоторых сочетаний имен существительных с числительными и местоимениями. Отмечен, например, ряд колебаний в употреблении флексии косвенного падежа единственного числа для некурдских имен собственных женских (*Hasmik* / *Hasmik + ê nan anî* 'Хасмик принесла еды'); для заимствованных имен с непривычным исходом основы (*radio* /

²⁰ См.: Л. А. Пирейко. Эргативная конструкция в северо-западных иранских языках. Автореф. дисс., стр. 11 и сл.

²¹ Ниже приводится ограниченное число моделей по материалам литературных текстов курдов Армении.

²² См.: И. И. Цукерман. К определению понятия переходного глагола в курдском языке (курманджи). Палест. сборник, вып. 11 (74), 1964, стр. 39.

radio + yê xeber dida 'говорило радио'); для имен мужского рода, относящихся к первому (женскому) склонению (*E'merik | E'merik + ê lez nedikir* 'Амарик не спешил') и др. Ср. такие же колебания в употреблении флексии косвенного падежа множественного числа: *ew sed mēr* (*| mēr + a*) *êmê panzde deqa şêwx kirin* 'эти сто мужчин в течение пятнадцати минут совещались'; *hinek kurmanç* (*| kurmanç + a*) *ek'in diçandin* 'некоторые курды занимались земледелием' и др.

Во всех перечисленных случаях формы, представляющие отклонения от нормы, включая те из них, которые осознаются как ошибочные, уживаются у одного и того же лица рядом с формами нормативными, правильными, составляя в целом диахронический лимит данной конструкции. Отмеченные отклонения являются, таким образом, изменениями обратимыми, они допускаются бессознательно и, будучи осознаны, обычно (но далеко не всегда!) заменяются исходными формами.

Такова одна из возможных иллюстраций вариантности в синтаксисе

5

Вариантность в лексике (и семантике) носит несколько иной характер, чем в фонетике и грамматике. Вряд ли можно говорить о грамматическом или фонетическом обогащении. Зато обогащение (не только обновление) лексического состава новыми словами и значениями идет постоянно и в широких пределах. Возможно, поэтому свободно варьирующие слова с самого начала стремятся к семантической или стилистической дифференциации. Кроме того, лексическая вариантность, по-видимому, в большей мере осознана, связь слова со смыслом теснее, непосредственнее, чем грамматического форманта, тем более звука, и это тоже способствует детерминации вариантов.

Не углубляясь в этот вопрос, сошлемся на некоторые лексические процессы, связанные с опытом становления литературной речи на базе хорасанского курманджи в Туркмении в начале 30-х годов.

При составлении оригинальных и переводных текстов для своих учебных пособий Г. Г. Пехлеви,²³ естественно, столкнулся с необходимостью обогащения говора курдов Туркмении новыми словами или использования ранее бытовавших слов в новых, часто терминологических значениях.

Обычно поиски нужного слова, перебор возможностей для передачи нужного значения — весь этот процесс в значительной части остается за пределами изучаемого текста; на бумагу в каждом конкретном случае ложится лишь результат — одна из возможностей. Исследователь, разумеется, может обнаружить некоторые из колебаний, сравнивая и сопоставляя употребление слов во многих контекстах. Что касается Г. Г. Пехлеви, то он значительно облегчает задачу анализа тем, что часто рядом с подобранным словом (обычно в скобках) помещает другое, поясняющее слово или выражение, давая возможность читателю оценить сделанный выбор.

Ориентируясь на своего читателя (в первую очередь школьного учителя, недавнего выходца из Хорасана), который владеет не только курдским, но и местным персидским, часто тюркским и в какой-то степени русским, Г. Г. Пехлеви сопоставляет в одном значении слова различного

²³ Обследованы следующие пособия G. G. Pehlewî: 1) El[ê]fbayê k'ormancî. Sewa xizanan, Işqabad, 1933; 2) Kitawê qeraetê. Sewa mek't'ewê ibtedaî. Salê ewel, Işqabad, 1934; 3) Kitawê xandinê. Bolekê dowwom. Salê 2-m, Eşqabad, 1934; 4) Kitawê xandinê. Sewa giranra. Klâş ewel. Qêsmete 2-om, Eşqabat, 1935; в переводе с русского Г. Г. Пехлеви: N. S. Попова. 1) Hesaw. Salê ewel. Sewa xizanan, Işqabad, 1933; 2) Hesaw. Sewa mek't'ewêde ibtêdaîra. Bolekê 2-om. Salê dowwomi tehsîlê, Işqabad, 1934.

происхождения, объединяемые тем, что они более или менее понятны грамотному хорасанскому курду.²⁴ В целом можно заметить, что при выработке новой терминологии преобладает стремление опереться не только на курдский язык, но и на лексические средства персидского языка (включая, разумеется, арабские заимствования), встречается, однако, термины русские и тюркские, нередко в сопоставлении с персидскими или курдскими синонимами. Так или иначе вариантность как результат сталкивающихся тенденций и влияний, как выражение колебаний между разными возможностями здесь лежит на поверхности.

Приведем некоторые из наиболее ясных сопоставлений.

Сопоставляются между собой заимствования из персидского (включая арабизмы): *hêywanêde ehli (xanegi)* (33)²⁵ 'домашние животные'; *sermayedarân (dowletmendan) we molkdaran* (93) 'капиталисты (богатеи) и помещики'; *Le wi yasla 3—4 nefer jinêde we sewad kardek'in. We wanra dewên morebbi (terwiyet dihende)* (89) 'В этих яслях работают 3—4 грамотные [т. е. образованные] женщины. Их называют воспитательницами'.

Заимствование из персидского разъясняется при посредстве курдского или ранее усвоенного в курдском; курдский термин копирует персидский: *le zavodêde necariyê (şûnê ki textan debirrin)* (61) 'на лесопильных заводах (где изготавливают [букв. пилят] доски)'; *Xizanêde xwe we xadî dek'in we hem jî wan je doşmen hîvz dek'in, dadegirin* (66) 'Они растят своих птенцов и также оберегают их от врагов'; *temir dek'in (çê dek'in)* (65) 'чинят'; *Her dest'ek' reisek' (girek) xwe hene* (63) 'Каждая группа имеет своего вожака (старшего)'; *hêywanatêde karî perweriş dedin (we-xadî dek'in)* (72) 'разводят рабочий скот'; *Temî we bavêva çûne şikarê (çûne niç'irê)* (53) 'Тами с отцом отправились на охоту'; *Le wi yasla doktor t'ê, xizanan toayine dek'e (temaşe dek'e)* (89) 'Эти ясли посещает доктор, он осматривает детей'; *rehber (rêwer)* (96) 'вождь'.

Курдское слово (или термин) разъясняется при посредстве персидского: *le kinarê deryê yex girêdayê (moncemid)* (49) 'на берегу Ледовитого океана', букв. 'покрытого льдом (обледеневшего)'; *maşinêde kone dirûnê (xeyatiyê)* (103) 'швейные машины'; *fabrikê kone dirûnê (lebas-dûzi)* (103) 'швейные фабрики'.

Разъясняется при посредстве заимствований из тюркского: *Me wan nist k'ir (yox k'ir)* (78) 'Мы их уничтожили'; *hevîrşomê (ipegê) derêsin* (102) 'прядут шелк'; *Polisêde padişê wi degirt'in, qezamet dek'irin, wi dekirine zindanan, wi deşandine şûnini dûri welatê Sibîrê (yatax dek'irin)* (93) 'Царские полицейские хватали его, сажали его в тюрьмы, бросали в казематы, ссылали в далекую Сибирь'.

Сопоставляются слова (термины) персидские, курдские, тюркские, вообще „местные“ с русскими: *rûzname (gazêt) we jûrnal dexwînin* (87) 'читают газеты и журналы'; *destrencê batrakan (yêtiman)* (77) 'плоды трудов батраков'; *we bayanwa (kolak we sowdager)* (77) 'с баями (кулаки и торгаша)'; *sabrani (meclis)* (96) 'собрание'; *Ew pêşez wext pilan (neqşe) çê dek'in* (102) 'Они заблаговременно составляют план'; *jinêde ûdarnik (zerwedâr)* (105) 'женщины-ударницы'.

²⁴ Как известно, большая часть заимствований, независимо от их бывшей принадлежности, легко ассимилируется. Так, огромное число арабизмов воспринимается всеми народами ареала как „свои“, то же можно сказать относительно многих персизмов, тюркизмов. Тем более это относится к сообщая выработанным, „ареальным“ значениям слов.

²⁵ Все иллюстрации из: G. G. Pehlewî. Kitawê qeraetê. Sewa mek't'ewê ibtedaî. Salê ewvel, Işqabad, 1934. В скобках указана страница издания.

Возникающие варианты в определенных условиях функционально дифференцируются, и в меру этого они перестают быть свободными вариантами. Это заметнее всего в лексике [ср. у Г. Г. Пехлеви: *tarixê wefatê (mirinê) wî* (95) 'дата его кончины (смерти)'], но и грамматика дает немало примеров вторичной дифференциации вариантов.

Так, в говорах курдов Армении отмечена не очень ясная тенденция к распределению значений 'шить', 'жать', 'косить' между варьирующими формами глагола *dirân / dirûtin*; значений 'спрашивать', 'интересоваться' — между варьирующими формами глагола *pirsin / pirsîyan*.²⁶ В некоторых случаях можно наблюдать процесс закрепления служебно-грамматической функции за деформированными („стертыми“, „усеченными“, „стяженными“) вариантами глагольных словоформ, между тем как глагол в полных вариантах продолжает выражать вещественные значения. Ср., например, форму *got* в лексическом значении 'сказал' и форму *go* в функции „устного знака препинания“, в грамматическом значении частицы, отделяющей прямую речь от косвенной, указывающей в монологе на то, что все еще продолжается речь данного лица, в диалоге — на смену говорящих лиц и т. д.: *K'eçelok got, go: „Tu qe şaişa mek'işine, go, ez zanim“* 'Плешивец сказал, говорит: „Не беспокойся, говорит, я знаю“'.²⁷

7

Из всего сказанного вытекает вывод о том, что вариантность представляет собой явление синхронии и диахронии в одно и то же время. Совокупность свободно варьирующих единиц языковой системы составляет ее диахронический лимит.

В пределах диалекта, тем более индивидуальной языковой системы, изменения, составляющие диахронический лимит, обратимы: исходный вариант легко заменяется неотипом, неотип легко возвращается к исходному варианту. Напротив, необратимость вариантов есть показатель их диахронической или диалектной распределенности, разобщенности.

Это относится, например, к переходам глаголов из одного класса в другой. В говорах курдов Армении можно повсеместно наблюдать варьирование форм *ditin / > din* 'видеть' (хотя оно не охватывает с одинаковой интенсивностью всю парадигму). В говоре же курдов Туркмении нам встретились только формы *din*; формы *ditin* здесь, по-видимому, забыты.²⁸

У отдельного лица необратимость варианта означала бы разрыв диахронический, потерю вариантом его синхронической соотнесенности с другим вариантом.

Большой, но еще далеко не достаточно изученный материал показывает, что переход слов из одного разряда в другой обычно осуществляется не фронтально, по всей парадигме, а первоначально касается отдельных словоформ или, наоборот, охватив большую часть слова, останавливается, „застревает“ на отдельных словоформах. Весьма показательны в этом отношении одиноко стоящие глаголы *karibûn* 'мочь' и *zanibûn* 'знать', проявляющие явную тенденцию к переходу в класс *şewitîn* (с прошедшей основой на *t*). В говорах курдов Армении широко распространено варьирование положительных форм настоящего времени

²⁶ См. Очерки, стр. 96 и сл.; стр. 121.

²⁷ Очерки, стр. 72 и сл.

²⁸ Как забыты в курманджи формы с конечным переднеязычным смычным для глаголов *birin* 'носить, уносить', *kirin* 'делать', *mirin* 'умирать', *xwarin* 'есть' и др.; ср. соответствующие южнокурдские формы *birdin, kirdin, mirdin, xwardin*.

(*karim* / > *dikarim* 'могу', *zanim* / > *dizanim* 'знаю'), в меньшей мере — форм конъюнктива и будущего времени (*bizanbe* / > *bizane* 'узнает'); оно возможно и у одного лица. Вариантность же в масштабе парадигмы (слова) (*karibûn* / > *karîn* 'мочь', *zanibûn* / > *zanîn* 'знать') — если она вообще имеет место — диалектно распределена. Во всяком случае варьирование, например *min nikaribû* / > *min nedikari* 'я не мог', явно разделяет диалекты.²⁹

Нередко переходы начинаются с таких словоформ (или останавливаются на таких словоформах), которые устраняют нежелательную омонимию. Замечено, например, что процесс „водворения“ глаголов *revîn* 'бежать', *bezîn* 'бежать' и других в „свой“ класс начался с форм 2-го л. ед. ч. прошедшего длительного времени: *dîrevî* / > *dîreviya* 'бежал' потому, что *dîrevî* означает также 'бежишь', 'бежит'. Точно так же, по-видимому, остаточное варьирование *didrût* / > *didrû* 'шил', 'косил', *dijît* / > *dijî* 'жил' и др., возможно, связано с омонимией форм *didrû* ('шил' и 'шьет'), *dijî* ('жил' и 'живешь', 'живет').³⁰

Такие же наблюдения сделаны в отношении процессов переквалификации имен существительных — перехода их из одного класса (рода) в другой. Переход может затронуть все слово, совокупность его форм, но может коснуться лишь отдельных словоформ.

Необратимые (диалектно или диахронически распределенные) варианты более или менее легко идентифицируются. Отсюда один только шаг к восстановлению синхронической соотнесенности ранее разорванных вариантов, к возникновению вторичного варьирования. Ср. диалектно распределенные, но легко идентифицируемые *dibihê* / < *dibihîze* 'слышит'; *dibihîze* способно задеть не только как диалектизм, но и как несколько грубая или, наоборот, возвышенная форма и, таким образом, „пристроиться“ к *dibihê* как его стилистический вариант. Чем ближе диалекты между собой (или чем меньше диахронический разрыв), тем в большей степени облегчено возникновение вторичного варьирования в каком-либо пункте системы. Поскольку, однако, вторичное варьирование отражает движение вспять, оно в целом носит, по-видимому, эпизодический характер.

8

Изолированная индивидуальная языковая система давала бы мало оснований для движения за пределы усвоенного диахронического лимита. Но реально она никогда не бывает изолированной. Она и отражает общий язык, и находится под постоянным его воздействием. Диахронический лимит индивидуальной системы уже лимита общего языка, и, по-видимому, нет ничего существенного в индивидуальном языке, чего не было бы в общем языке. Что касается диахронического лимита общего языка, то он, естественно, отражает более сложную и вместе с тем более противоречивую систему.

Количество говорящих на каком-либо языке и их диалектное группирование, как известно, постоянно меняются, тем самым меняется диалектное распределение процессов, тенденций и их соотношений, обуславливающих наличие и характер диахронического лимита. В результате обратимые изменения становятся необратимыми, чередования свободных вариантов — соответствиями.

²⁹ Сильное тормозящее действие оказывают формы отрицания в настоящем времени: **nazanîm* (< *nizanîm*), **nakarîm* (< *nikarîm*) и т. п. нам вообще не встречались. См.: Очерки, стр. 105 и сл.

³⁰ Очерки, стр. 120 и сл.; 86 и сл.; 96 и сл.

В языке, включая индивидуальную языковую систему, даны процессы, тенденции; в речи — их воплощение: варьирующие фонемы, словоформы, парадигмы, лексемы, синтагмы и т. д.

9

Из изложенного, как нам представляется, вытекает следующий вывод.

При описании языка как живой системы, включая диалект любой дробности или язык отдельного человека (отраженный, например, в рукописных или печатных текстах, составленных одним лицом), необходим всесторонний учет вариантности единиц (деталей и узлов) этой системы, дающий представление о ее диахроническом лимите, о ее устремленности, характере и направлении ее движения, изменчивости.

Новые поколения усваивают язык не как застывшую, мертвую систему, а вместе с присущими ему на данном этапе противоречивыми тенденциями. То, что иногда воспринимается как недостойные внимания, внешние по отношению к языку описки, обмолвки, ошибки, на самом деле может оказаться закономерными вариантами, необходимо характеризующими систему. Во всяком случае целесообразно опираться на презумпцию правильности текста, и любые представления об ошибках и непоследовательностях должны быть строго обоснованы.

I. I. Tsukerman

VARIANTS AS A DIACHRONIC LIMIT OF LANGUAGE SYSTEM

Every language system serving as a means of communication has variants. There are variants in the language of a separate individual as well. In the limits of one text of the same person under the very same circumstances one linguistic unit may appear in two, three or even more variants, while other units may repeat without any variation.

In fact, those are fluctuations which testify to the incompleteness of certain processes in the language. Variants appear at the points where contradictory processes and tendencies cross. Variants embody those processes and reveal them in speech.

Variants are simultaneously a phenomenon of both diachrony and synchrony. Every bunch of synchronic variants possesses some historic aspect representing the diachronic limit of some particular detail of the synchronic system.

The combination of all the variable units of the language system is its diachronic limit.

Language, the individual language system included, contains processes and tendencies; in speech we find the embodiment of the processes and tendencies, variable phonemes, wordforms, forms composing a paradigm, syntagmes, etc.

К ЧТЕНИЮ СТРАСБУРГСКОГО АРАМЕЙСКОГО ПАПИРУСА

1. 'trwdn или 'tdwrn?

Слово, о котором пойдет речь ниже, находится в седьмой строке текста, написанного на оборотной стороне Страсбургского арамейского папируса.¹ Напомним, что этот папирус имеет вид длинной и узкой ленты (63 × 7.3 см), исписанной с обеих сторон. На лицевой стороне строки расположены вдоль папируса двумя столбцами. В обоих столбцах, в правом (А) и в левом (В), сохранилось по пяти строк. В верхней и нижней части столбцов папирус оборван во всю длину, при этом линия отрыва проходит очень близко от крайних строк, частично их задевает и лишь в нижней части столбца В несколько отступает от последней строки. Следов продолжения текста в этом месте не видно, так что пятая строка столбца В, возможно, была последней. На оборотной стороне текст (С) размещен в правой части папируса под прямым углом к тексту, находящемуся на лицевой стороне, так что здесь с оборванными частями папируса утраченными оказались начала и концы строк. В тексте С 14 строк, в шестой строке сохранились только две буквы. Судя по факсимиле, изданному Эйтингом, над первой строкой других строк не было. Тексты А и В, являющиеся частями одного документа, и текст С написаны разными почерками. Почерк лица, писавшего текст С, можно назвать непрофессиональным. Этот почерк встречается еще в одном документе. Им написано начало, с первой по середину одиннадцатой строки, петиции,² обращенной к Багавахье, ахеменидскому наместнику в Иудее, в связи с разрушением в Элефантине в 410 г. до н. э. храма бога Йахо. Продолжение петиции, с середины строки одиннадцатой по тридцатую, дописано писцом-профессионалом.

Не было замечено, что слова в первой строке текста А и во второй строке текста С совпадают:

¹ Приобретен в Луксоре в 1898—1899 гг. О нем впервые сообщил проф. Ю. Эйтинг из Страсбурга в одном из заседаний секции семитологии XII Конгресса ориенталистов в Риме (октябрь 1899 г.), см.: П. К. Коковцов, ЗВО, XII, стр. 087—088. Публикации: J. Euting. Notices sur un papyrus égypto-araméen de la Bibliothèque Impériale de Strasbourg. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres de l'Institut de France. 1-re série, tome XI, II-e partie. Paris, 1904, pp. 297—311 et 1 pl.; он же в книге: E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine. Altorientalische Sprachdenkmäler des 5. Jahrhunderts vor Chr., Leipzig, 1911, S. 26—27, Taf. 75; M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, 2. Bd., 1. Heft, Giessen, 1903, SS. 210—217. П. К. Коковцов. О новом арамейском папирусе Императорской Страсбургской библиотеки. ЗВО, т. XVI, 1904—1905 (1906), стр. XXII—XXVII; A. Ungnad. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Leipzig, 1911, S. 8; A. Cowley. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxford, 1923, pp. 97—103, par. N 27.

² См.: A. Cowley. Aramaic Papyri. . . , par. N 30, 31.

A (1) .. tngn 'nḥnh 'w'byn dg[l]n zy mšryn mrdw
C (2)....n 'nḥnh wbyn d...

Судя по форме и далее идущему местоимению 'nḥnh „мы“, .. tngn — перф. 1-го л. мн. ч. м. р., так что корень ngn, к которому возводил это слово Каули, здесь неприемлем. Если допустить, что .. tngn — 'itpa'al, то при отражении gg > ng корнем в .. tngn могут являться: а) sgy „идти“ — 'istagginā > 'ištanginā „мы удалились“, б) šgy „расти“, „увеличиваться“ — 'ištanginā „мы умножились“, в) šgy „ошибаться“, „заблуждаться“ — 'ištanginā „мы были введены в заблуждение“. Последнее значение хорошо согласуется с контекстом фрагментов:

A ... [l'] (1) [š]tngn 'nḥnh 'w'byn dg[l]n zy mšry' mrdw 'nḥnh mnṣrt
l' šbqn (2) wmd'm mḥbl [l'] 'štkḥ ln

„Мы не были введены в заблуждение, тогда как среди воинских подразделений подразделения египтян (zy mšry') восстали. Мы не оставили наших постов и никакого вреда не было за нами замечено“.

C (1) k bḥsny' zy bYb b[yr]t'....
(2) l' 'štn[gn]n 'nḥnh wbyn d[gl]n....
(3) h l' 'štkḥ l[n]....

... на склады, которые в крепости Элефантины... мы [не были введены в заблуждение], тогда как среди [воинских подразделений]... не было замечено за н[ами]...“

Из совпадения начальных строк текстов А и С возможен только один вывод, а именно, что текст С не является продолжением текста АВ и представляет собой самостоятельный документ.

Текст С

- (1) ...k bḥsny' zy bYb b[yr]t'
- (2) ...n 'nḥnh wbyn d[gl]n ...
- (3) ...h l' 'štkḥ l[n]....
- (4) ...y' lhytyh mn
- (5) ...lm'bd tmh lYhw '[lh]' ...
- (6) ...
- (7) ... lhn 'trwdn/'tdwrn ḥr' ...
- (8) ... 'šrn' lḳḥw lnpš[hwm] 'bdw...
- (9) ...h]n 'l mr'n ṭb šgy' 'š[t] ...
- (10) ... 'nḥnh mn ḥyl'
- (11) ...m]r'n ṭb ytšym ...
- (12) ... 'nḥnh hn 'l m[r'n] ṭb
- (13) yt]gnwn lmd'mt' zy '[....
- (14) ...]' zy ln zy ndšw l[mbnh] ...

Примечания. Стк. 2, Каули — 'nḥnh dkyw.

Стк. 7, Эйтинг — lhn 'tbwdn ḥnh, Угнад — lhn 'tdwdn ḥnh, Каули — lhn 'trwdn ḥdh. Похоже на то, что первоначально написанное ḥrh исправлено на ḥr'; ср. араб. ḥr' „знатные люди“, „свободные люди“, ḥry id. в папирусах 30:19, 31:18 (Cowley); Beh, (34) Wyzdt 'hdw whr' zy ... „они захватили Вахьяздата и знатных людей, которые...“ (= Beh. III 47—49).

Стк. 13, Эйтинг — gzwv, Угнад — hzwv, Каули — gnwn; yt]gnwn — имперф. 3-е л. мн. ч. м. р. 'itpa'al от gny „порицать“, „винить“ — „пусть они понесут кару“, „пусть они будут покрыты позором“.

В трех первых строках текста С говорится о непричастности его составителей к восстанию египетских воинских подразделений, происшедшему в 14-й год правления Дария II в крепости Элефантины. В строках

9—14 изложены просьбы, обращенные к *mr'p* „нашему господину“, последняя касается, очевидно, восстановления разрушенного храма. И лишь пять строк (4—8) отведено в документе описанию самих событий. В одной из них (7) употреблено слово, которое Каули прочитал *'trwdn*, заметив, что оно является „perhaps a compound of Persian *atar*, „fire“. Бенвенист,³ сославшись на отсутствие контекста, представил *'trwdn* как древнеперсидскую параллель **ātr-wadana-* „*éventoir à feu*“ к авест. *ātrə.vazana-* „*Feuerwedel*“. Однако контекст документа С, как было показано выше, не настолько утрачен, чтобы можно было принять эту этимологию. В подобного рода документе, затрагивающем политические события, едва ли могла идти речь о каком-то незначительном предмете из утвари, об „одном раздувале“ (*'trwdn ḥdh*). Не лучше обстоит дело со следующими гипотетическими словами, если их составить из иранских компонентов: 1) **ātr-dāna-* „вместилище огня“, „печь“, ср. шугн. *arōp* „печь“ с *dāna-* от *dā-* „власть“, и 2) **ātr-dāna-* „дом огня“, „храм“ с *dāna-* от *dam-* „строить“. При сведении *'trwdn* к **ātrdāna* нужно объяснить букву *w*. Соответственно возникают вопросы: не является ли обсуждаемое слово арамейским, если его прочесть *'tdwrn*, и нельзя ли в *'tdwrn* видеть перф. 1-го л. мн. ч. м. р. *'itpa'al* от корня *dwr* (с согласным *w*) „быть круглым“, „кружиться“, „обходить кругом“, широко засвидетельствованном в семитских языках, т. е. *'itdawwarnā* „мы были окружены“, „мы были собраны, согнаны в круг“? Как хочется думать, глагольная форма *'it-dawwarnā* „мы были окружены“ хорошо подошла бы к контексту документа и внесла бы некоторый оттенок в представление о том, как развивались события во время восстания на Элефантине.

Перевод текста С

(1) на склады, которые в крепости Элефантины ... (2) ... мы [не были введены в заблуждение], тогда как среди [оинских подразделений].... (3) не нашлось у нас (4) привести из (5) сделать там богу Йахо (6) (7) но мы были окружены знатные / свободные люди (8) строительный материал они взяли, присвоили себе ... (9) ... если будет нашему господину угодно, хорошо подумай (10) ... мы от войска (11) ... если будет нашему господину угодно, пусть будет дано распоряжение (12) ... мы, если будет нашему господину [угодно] (13) ... пусть они будут наказаны за вещи, которые (14) [храм] наш, которые они разрушили, чтобы [выстроить]....

2. *ywdn'*

В нижнем правом углу папируса линия отрыва прошла по второму слову пятой строки текста А и отсекала в нем нижнюю часть 2—5 букв, от которых уцелели только головки. Первая буква в этом слове сохранилась полностью, между краем папируса и нижним левым уголочком этой буквы осталось чистое пространство. Поэтому нет никаких сомнений в том, что первой буквой в разбираемом слове является *y*. В первом издании документа Эйтинг читал это слово *ywbn'*,⁵ оставляя его без

³ E. Benveniste. *Éléments perses en araméen d'Égypte*. JA, 242, 1954, p. 304.

⁴ Ср. отмеченные Даальманом от корня *dwr* формы Pa. *dwar* 1. „herumziehen“, „hausieren“; 2. „einholen“; Itpa. „eingeholt werden“ — G. Dalman. *Aramäisch-neuhebräisches Handwörterbuch*. Frankfurt-a.-Main, 1922.

⁵ См.: J. Euting. *Notices...*, p. 301.

перевода, во втором издании он дал чтение *uwdyn'*, снабдив его переводом „granaria“,⁶ т. е. „хлебный амбар“, „житница“. В издании Унгнада это слово дано в чтении *uwdn'*.⁷ Каули заметил в этой связи: „Euting and Ungnad *uwdn'*, but «у» is improbable, and gives no sens“,⁸ и хотя первая буква в *uwdn'* и отдаленно не напоминает *g*, изменил *uwdn'* на *gwrn'*,⁹ придав последнему значение „store of supplies for the troops“, которое у *gwrn'* не засвидетельствовано. В то же время *uwdn'* имеет прекрасную иранскую этимологию, которую Эйттинг, возможно, учитывал, переведя *uwdn' zu mlk'* „granaria regis“; иран. **yawadāna* букв. „вместилище (*dāna-*) зерна (*yawa-*)“, „зернохранилище“, „житница“. Таким образом, под словами *qšt mn uwdn' zu mlk' zu bYb byrt' ndšw* могло иметься в виду, что жрецы храма бога Хнума разрушили часть находившегося в крепости Элефантины царского зернохранилища, или если другие сооружения зернохранилища были построены в Сиене, эти слова означали, что разрушению подвергся находившийся в крепости филиал царской житницы.

Текст А

- (1) 'š]tgn n'nhh 'w'byn dg[l]n zy msry' mrdw 'nhh mnrt'n l' šbqn
- (2) wmn'd'm mhb'l [l'] 'štkh ln bšnt X II II D'rywhwš mlk' kzy mr'n 'Ršm
- (3) 'zl 'l mlk' znh d'wškr't' zy kmry' zy Hnw'b 'lh 'bdw bYb byrt'
- (4) hmwnyt 'm Wydrng zy prtrk tnh hwh ksp wnskn yhbw lh 'yty qšt
- (5) mn uwdn' zy mlk' zy bYb byrt' ndšw wšwr ḥd bnw bmnšy't byrt Yb

Перевод

(1) Мы [не] были введены в заблуждение, тогда как среди воинских подразделений подразделения египтян восстали. Мы не оставили наших постов, (2) и никакого вреда не было за нами замечено. В год 14-й правления царя Дария, когда наш господин Аршам (3) ушел к царю, вот то злодеяние, которое совершили жрецы бога Хнума в крепости Элефантины (4) во взаимодействии с Вахьядрангом, который здесь был *prtrk*-ом. Они дали ему серебра и ценностей. Есть часть (5) царского зернохранилища, которая /которое в крепости Элефантины. Они разрушили (ее) и построили стену посреди крепости Элефантины.

Слово *uwdn'* могло бы быть также прочитано *uwrn'* и в этом случае истолковано по-ирански как **yawa-ara* „мельница“.

3. hmwnyt

В *hmwnyt* Андреас¹⁰ видел наречие, образованное с арамейским суффиксом от иран. **hamōn*, **hamūn*, которое он возводил к иран. **hamat-māna*, **hamāna* „zusammen“, „in Gemeinschaft“. Шедер,¹¹ отметив, что переход *mān* > *mōn* > *mūn* очень поздний, предложил в качестве исходной формы к *hmwn* авест. *hamōmanō* „das Gleiche denkend“ с его

⁶ См.: E. Sachau. *Aramäische Papyrus...*, S. 27.

⁷ A. Ungnad. *Aramäische Papyrus...*, S. 9.

⁸ A. Cowley. *Aramaic Papyri...*, p. 101.

⁹ Арам. *gwrn'* имеет, по-видимому, в числе основных следующие значения: а) камень с углублением для хранения воды, предназначенной для ритуального омовения; бассейн, б) камень с углублением для дробления зерна; ступа, в) каменный сосуд, ящик, саркофаг.

¹⁰ См.: M. Lidzbarski. *Ephemeris für semitische Epigraphik*, S. 213, Anm. 1.

¹¹ H. H. Schaefer. *Iranische Beiträge I. Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Klasse, 6. Jahr, Heft 5, Halle (Saale), 1930, S. 255—256.*

специфическим авестийским *-ō* из *-ah-*, считая, что с присоединением к *hamōmanō* арамейского ударного наречного суффикса *-iṭ* *hamōmanṭi* перешло в живой речи в *hamōniṭ*.

Теперь, привлекая др.-перс. *anūšiya*,¹² согд. *'nwth*, хорезм. *βuwnyk*, образованные от корня *aw-* „помогать“, можно возвести к этому же корню араб. *hmwnyt*. Иран. *aw-* „помогать“ *Air.Wb.162* отразился в авест. *avah-*, *avar-* „помощь“, *ao-man-* „помогающий“, *ūṭāi* инф. „помогать“, *pz-ūiḍuōi* „спасать“, *aiḍu-ū-* „помогающий“, *frava-* к **frāway-* „promotion“ от *fra-aw-* „to favour“, „to promote“;¹³ хорезм. *βuwnyk* „помощник“ и хорезм. *mβuywd'h* „он помог ему“ от *abi-aw-*; др.-перс. *anūšiya* „пособник“ из *anu-u-šiya-* к иран. *anu-u-šya-* и согд. *'nwth* **anūta* „прибежище“ из *anu-u-tā-*; араб. *hmwnyt* можно считать иранским отвлеченным именем существительным с суффиксом *-tā* — **hamaunitā* „взаимодействие“, „взаимопомощь“ от прилагательного **ham-au-nay-* „взаимопомогающий“, ср. авест. *raoxšnay-* „glänzend“, *zaēnay-* „eifrig“, *fšaonay-* „feist“, „uppig“, „strotzend“, к образованию **hamaunay-*: **hamaunitā* ср. авест. *hubaoday-* „Wohlgeruch“: *hubaoditā-* „Wohlrriechendheit“ *Air.Wb.1828*.

4. *typty'*

Библейская традиция не сохранила никаких сведений о том, что значило слово *tiptāyē* Дан. 2:3. По поводу *tiptāyē* делались различные предположения; Андреас, например, считал, что *typty'* следует исправить на **dnpty'* и сблизить с ср.-перс. *dēnpēt* „Oberhaupt der Religion“.¹⁴ С появлением Страсбургского папируса подтвердился состав согласных в слове и огласовка первого слога: *typty'*.

Текст В

- (6) *wk'n šwr' zk bnh bmnšy't byrt' 'yty b'r ḥdh zy bnyh*
- (7) *bgw byrt' wmy n l' ḥsrh lhšqy' ḥyl' kzy hn hndyz yhwwn*
- (8) *bbr' zk my' štyn kmry' zy Ḥnw b'lh br' zk skrw hn 'zd*
- (9) *yt'bd mn dyny' typty' gwšky' zy mmyn bmdynt Tštrs*
- (10) *tytd' lmr'n lqbl znh zy 'nḥnh 'mrn 'p pryšn 'nḥnh*

Правда, никто из ученых не принял, что *tiptāyē* и *typty'* могут быть вариантами написания слова, начинающегося со слога *ti-*, написание *trpty'* из Даниила вновь стало считаться искаженным, и все предложенные этимологии основывались лишь на варианте *typty*, в котором *-y-* рассматривался как согласный, ср.: **ṭāyapati-* „Lagerkommandant“;¹⁵ **ṭāhyapati-* „maitre de la proclamation“, „officier de paix“, „Befehlshaber“;¹⁶ **tāyupātā* „der von den Dieben schützt“;¹⁷ „der die Diebe bewacht“;¹⁸ **tāyupati-* „official entrusted with the affairs, supervision of the thieves“.¹⁹ Наметилась

¹² См.: М. Н. Боголюбов. Древнеперсидские этимологии. I. *anūšiya*. В кн.: Древний мир. Сборник статей, посвященный академику В. В. Струве, М., 1962, стр. 367.

¹³ I. Gershevitch. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, p. 250.

¹⁴ См.: K. Marti. Das Buch Daniel. Tübingen und Leipzig, 1901, S. 19.

¹⁵ I. Scheftelowitz, cf.: E. Benveniste, JA, CCXXV, 1934, p. 185.

¹⁶ E. Benveniste. Termes et noms achéménides en araméen. JA, CCXXV, 1934, p. 185—186.

¹⁷ W. B. Henning. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, II. SPAW, Phil.-hist. Kl. VII—IX, 1933, S. 359 b.

¹⁸ W. B. Henning. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch, Abh. PAW, Phil.-hist. Kl., N 10, 1937, S. 90, n. 1.

¹⁹ J. Harmatta. Minor Bactrian Inscriptions. Acta Ant. Hung., XIII, 1—2, 1965, p. 163.

также определенная линия в понимании слова, отправляющаяся как бы от расположения *tupty'* между *dyņu'* „судьями“ и *gwšky'* „Geheimagenten“,²⁰ а по существу связанная с осмыслением *tīptāyē* в канонических переводах Библии: например в английском тексте — *sheriffs*, в арабском — *mufti* ср.: „*Polizeibeamte*“,²¹ „*praefecti*“,²² „*officers*“, „*sheriffs*“,²³ „*chef de police*“,²⁴ „*fonctionnaire de police*“,²⁵ „*police chief*“.²⁶ Нужно заметить, что для определения контекстного значения термина *tpty'*, *tpty'* его нахождение между „судьями“ и „*gwšk*-ами“ не так существенно. Гораздо важнее, что в обоих текстах эта категория лиц при перечислении упоминается сразу же после „судий“. Весьма вероятно поэтому, что список категорий официальных лиц, приведенный в Книге Даниила, и порядок их следования имеют определенную историческую основу. И тогда нельзя не признать странным, что после „советников“ — „*dargāzərauyā*“,²⁷ „казначеев“ — *ganzabara-*, „судей“ — *databara-* назывались „лица, вниманию которых поручались воры“, — *tāyurpātā* или *tāyurpati-*, а далее „все правители областей“ — *wəkol šilṭonē mēdinātā*.

В иранских языках аккад. *ṭurru* „глиняная табличка“, элам. *turri*, *tipri*, др.-перс. *dīri-* „письмо“, „надпись“, „документ“ отразились с начальным звонким, но не исключена возможность, что существовал и фонетический вариант с начальным глухим — *tīri-*, поскольку наряду с получившей распространение исходной формой с начальным глухим др.-перс. *tačara-* „дворец“, арм. *tačar* „храм“, перс. *tazar* „дачный дом“ в древнеперсидском засвидетельствована форма с начальным звонким — *dačaram*. Если допустить, что, кроме **dīpibara-* „писец“, в древнеперсидском был принят также термин **dīpīpati-*, обозначивший лиц, ответственных²⁸ за составление, ведение и хранение государственных и прочих документов, назовем их „писарскими начальниками“, „секретарями“, то нетрудно представить, что именно этот термин в фонетическом варианте **tīpīpati* > **tīpati* оказался усвоенным в арамейский.

Перевод текста В

(6) Итак, эта стена построена посреди крепости. Есть колодец, который сооружен (7) внутри крепости, и воды (в нем) хватало, чтоб напоить воинов гарнизона. Когда бывает они расквартировываются в крепости, (8) они пьют воду из этого колодца. Жрецы (храма) бога Хнума засыпали этот колодец. Если (дело) будет расследовано судейскими чиновниками, писарскими начальниками, *gwšk*-ами, которые несут службу в области *Tštrš*, то нашему господину будет доложено в соответствии с тем, что мы сказали и что мы изложили.

²⁰ F. C. Andreas, см.: M. Lidzbarski. Ephemera für semitische Epigraphik, 2. Bd., S. 215, n. 1.

²¹ Там же.

²² J. Euting, см.: Ed. Sachau. Aramäische Papyrus..., S. 27, B 4.

²³ A. Cowley. Aramaic Papyri..., p. 102.

²⁴ E. Benveniste. Etudes iraniennes. TPhS, 1945, p. 67—68.

²⁵ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Etudes comparatives, Paris, 1962, p. 115.

²⁶ J. Harmatta. Minor Bactrian..., p. 163.

²⁷ См.: F. Rundgren. Ein iranischer Beamtenname in Aramäischen. Orientalia Suecana, vol. XII, 1963, S. 93.

²⁸ O pati- в значении „official in charge of“ см.: H. W. Bailey. Kusanica. BSOAS, 14, 1952, p. 421; Armeno-Indo-iranica. TPhS, 1956, p. 113; J. Harmatta. Minor Bactrian..., p. 163.

NOTES COMPLÉMENTAIRES AU PAPYRUS ARAMÉEN
DE STRASBOURG

L'auteur propose de lire l'expression *'trwdn* comme *'tdwrn* de la racine araméenne *dwr*; le mot *ywdn'* est de provenance iranienne selon son avis. Ces précisions permettent de donner des traductions plus exactes des textes C et A de ce papyrus.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗУ-ҚАРЕ

В начале VII в. н. э. на севере Аравийского полуострова произошло событие, сыгравшее немаловажную роль в дальнейшей судьбе великой сасанидской державы: в долине Зу-Қар племенное объединение бедуинов Бакр ибн-Вәйл нанесло поражение отрядам регулярного иранского войска и союзным отрядам арабов, выполнявшим пограничную службу на юго-западной окраине сасанидского государства.

Пространные и краткие хроники, претендующие на название всеобщих историй, небольшие комpendиумы, содержавшие необходимый минимум сведений из области мифологии, теологии и истории, и даже некоторые сочинения чисто литературного жанра, написанные в первые века ислама, с разной степенью достоверности осветили предпосылки и основные моменты сражения. Одни из них более подробно рассматривали причины возникновения конфликта, другие сосредоточили внимание на самой битве. Описание одного и того же события в различных источниках преподносится по-разному, в зависимости от того, насколько критически относился автор к первоисточникам, в которых он не испытывал недостатка. Из известных нам работ наиболее ценными, с точки зрения обилия фактического материала и стройности изложения, являются работы Табаря и Бал'амй, Анонимная сирийская хроника VII в. и труд анонимного автора XI в. „Нихайат ал-ираб...“. В какой-то мере это относится и к сочинению Я'қуби.¹ Остальные источники чаще всего повторяют вышеуказанные и представляют определенный интерес своими дополнениями, вариантами, отдельными попытками объяснения фактов.²

¹ Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri, series tertia, t. IV, pp. 15—39; Н. В. Пи г у л е в с к а я. Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов. Зап. ИВАН СССР, т. VII, М.—Л., 1939, стр. 57—78 [далее — Сирийская хроника (текст), Сирийская хроника (перевод)]; Ibn-Wadhīh qui dicitur Al-Ja'qubī. Historiae, pars prior, Historiam anteislamicam continens edidit indicesque adjecit M. Th. Houtsma. Lugd. Batav., 1883, pp. 241—246, 257—258 (далее — Я'қуби, т. I); Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn-Djarir At-Tabari cum aliis edidit M. J. De Goeje. Prima series, t. II, recensuerunt J. Barth et Th. Nöldeke, Lugd. Batav., 1881—1882, pp. 1015—1037 (далее — Табаря, т. II); Та'рих-е Бал'амй, джелд I, Техрән, 1341 (далее — Бал'амй, т. I), стр. 1098—1137; E. G. Browne. Some Account of the Arabic Work Entitled „Nihāyatu'l-irab fi akhbārī'l-Furs wa'l-'Arab“, particularly of that Part which Treats of the Persian Kings. JRAS, London, 1900, pp. 245—250 (далее — Браун, Нихайат).

² Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte herausgegeben von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850, SS. 293, 319—320 (далее — Ибн-Қутейба); Hamza Isphanensis. Annalium libri X edidit J. M. E. Gottwaldt, t. I, textus arabicus, Petropoli, 1844, pp. 111—112; t. II, translatio latina, Lipsiae, 1848, pp. 86—87 (далее Хамза Исфahanй); Maçoudi. Les prairies d'or, publié avec traduction française par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. II, pp. 227—228; t. III, pp. 205—208 (далее — Мас'удй, т. II, т. III); Ibrāhīm ibn Muḥammad al-Baihaqī. Kitāb al-Muḥāsīn wal-Masāwī herausgegeben von Dr Friedrich Schwally, Giessen, 1902, SS. 114—117 (далее —

Авторы — защитники иранской национальной традиции (Динавари, Са'алиби, Фирдоуси) — „День Зӯ-Қара“ обходят молчанием.

С середины прошлого века до наших дней событиям при Зӯ-Қаре посвятили несколько исследований известные востоковеды: А. Коссен — в очерках по истории доисламских арабов, Т. Нёльдеке — в комментарии к переводу сасанидской части хроники Табарӣ, Г. Ротштейн — в „Династии Лакмидов“, А. Крымский — в курсе лекций по истории Сасанидов, Н. В. Пигулевская — в труде об арабах.³ Несмотря на относительную изученность проблемы, повторное изучение ее не представляется лишним, так как привлечение более широкого круга источников дает возможность сделать ряд новых выводов.

Место, где совершился один из знаменитейших „дней арабов“, пока трудно поддается определению. Большинство источников помещают Зӯ-Қар между Басрой и Медной, в пяти дневных переходах от „города пророка“.⁴ Средневековый арабский географ Яқут локализует его неподалеку от Куфы, южнее ее, между Куфой и Вәситом.⁵ Автор не сообщает более подробных сведений. И, наконец, в последнее время высказывается предположение, что Зӯ-Қар находился где-то восточнее хребта Тафф, между населенными пунктами 'Айн Са'йд и Абӯ Гәр, в месте, куда племена Бакр приходили летом на водопой.⁶ Данная гипотеза (хоть и не лишена смысла) не может быть принята уже потому, что неизвестно, на каких источниках она основывается. Вопрос о точном месте сражения пока остается открытым. По-видимому, оно произошло в пределах бывшего Лакмидского княжества.

Что касается точной даты сражения, то и ее установить невозможно. Различные источники дают самые противоречивые сведения на этот счет. Иногда событие относят к году рождения Мухаммеда, путая его с одним из других „дней арабов“.⁷ Табарӣ и Ибн ал-Асир связывают битву с началом пророческой деятельности „посланника Аллаха“; примерно того же мнения придерживается и Мас'удӣ (т. II, стр. 227), хотя и допускает существование других вариантов, занимая менее самостоятельную позицию в этом вопросе; Бал'амӣ, анонимный автор „Нихайат ал-ираб“ и Бейхақӣ относят ее ко времени, непосредственно следующему за переселением пророка в Медину; ряд историков датируют ее после сражения у колодцев Бадра и даже концом правления Хосрова II (к последним относится автор „Муджмал ат-таварих“).⁸ Ближе всех к истине

Бейхақӣ); Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur, vol. I. Historiam anteislamicam continens. . . edidit C. J. Tornberg, Lugd. Batav., 1867, pp. 352—358 (далее — Ибн ал-Асир, т. I).

³ A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des Arabes avant l'Islamisme, t. II, Paris, 1847, pp. 144—185; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879, SS. 311—345; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden von al-Hira. Ein Versuch zur arabisch-persischen Geschichte zur Zeit der Sasaniden. Berlin, 1899, SS. 114—125; А. Крымский. История Сасанидов и завоевание Ирана арабами. М., 1905, стр. 113—126; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана. М., 1964, стр. 120—123. Ссылки на эти события можно найти в статьях „Энциклопедии Ислама“ и в ряде других работ.

⁴ Бал'амӣ, т. I, стр. 1120; Браун, Нихайат, стр. 249; Бейхақӣ, стр. 115, строки 3—4.

⁵ На Яқута имеются ссылки у Th. Nöldeke „Geschichte der Perser und Araber. . .“, S. 311, Anm. 1; El, vol. I, Leiden—London, 1913, p. 961; El, New Edition, vol. II, Leiden—London, 1965, p. 241.

⁶ El, New Edition, vol. I, Leiden—London, 1960, p. 967.

⁷ El, New Edition, vol. II, p. 241.

⁸ JA, série III, t. XIV, Paris, 1842, pp. 129, 148.

Табарӣ, хотя и у него тенденциозность проявляется в стремлении приурочить первую крупную победу арабов к началу пророческой деятельности Мухаммеда. Хронологические рамки события очерчиваются промежутком 604—611 гг. н. э., и на этом промежутке задерживаются почти все исследователи.⁹ Источники и литература усматривают прямую связь между умерщвлением Ну'мана и сражением бедуйских племен с отрядами шаханшаха. Исходя из этого, с большей долей вероятности можно утверждать, что вооруженное столкновение возникло спустя некоторое время после расправы над хиртским царем, не позже 604—605 гг. н. э.

Средневековые арабские историки, посвятившие „Дню Зу-Кара“ многие страницы в своих сочинениях, разделяют повествование как бы на две части: предысторию, т. е. события, которые привели к свержению царствующего дома правителей лахмидской династии, и саму битву. Тенденция к расчленению изложения особенно заметна у Табарӣ.

Первая часть начинается рассказом об 'Ади сыне Зейда, переводчике Хосрова II Парвиза, так как именно его смерть, как полагают, явилась первопричиной всех бед, постигших Ну'мана и его родственников и приведших в конечном счете к конфликту. Развитие действия рассматривается мусульманскими летописцами как ряд последовательно сменяющихся интриг. Табарӣ ведет повествование со слов Хишāма ибн-Мухаммеда, который в свою очередь ссылается на устный рассказ Исхāка сына Джас'са, на книгу Хаммада и на некоторые сведения, услышанные от своего отца.¹⁰ Более ранние авторы Я'куби и Ибн-Кутейба в данном случае, как и в других отрывках, не называют свои первоисточники. Необходимость проследить развитие цепи интриг требует обращения к их истории. Рассказ начинается с того, что у Зейда сына Хаммада сына Зейда сына Аюба сына Махруфа сына 'Амера сына 'Осайи сына 'Амр ал-Кайса сына Зейд-Маната сына Тамйм¹¹ было три сына: 'Ади, 'Аммар (он же Убай) и 'Амр (он же Сумай). Семья их принадлежала к знатному аристократическому роду и поставляла царскому двору в Хйрте поэтов, переводчиков и писцов. В правление Кабуса сына Мунзира (Мундара) старшего 'Ади ибн-Зейд и его братья были направлены в Ктесифон и зачислены в сословие писцов при шаханшахе. 'Ади проявил себя талантливым поэтом и декламатором, хорошо владея арабским и персидским языками, выполнял обязанности переводчика. Когда царем Хйрты стал младший брат Кабуса, Мунзир сын Мунзира, он передал на воспитание 'Ади своего сына Ну'мана (Наамана). В этой семье будущий царь получил воспитание. После смерти лахмидского правителя Мунзира встал вопрос о наследнике трона, и Хор-

⁹ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire... pp. 184, 185—611 г. н. э.; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber... S. 347, Anm. 1 — через несколько лет после смерти Ну'мана (602 г. н. э.); I. Goldziher. Muhammedanische Studien, I, S. 103—611 г. н. э.; G. Rothstein. Die Dinastie der Lahmiden... S. 123—604 г. н. э.; А. Крымский. История Сасанидов... стр. 124—около 604 г. н. э.; L. Caetani, Annali, Intr., § 230—610 г. н. э.; El, New Edition, vol. 1, p. 967—605 г. н. э.; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана, стр. 122—604 г. н. э.; Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, стр. 137—610 г. н. э.

¹⁰ Табарӣ, т. II, стр. 1016, строки 9—17; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber... S. 312—313. Ибн ал-Ас'ир (т. I, стр. 352) называет своим источником Хишāма.

¹¹ Там же. В отличие от Табарӣ, у Я'куби (т. 1, стр. 241) родословная этого вельможи сокращена более чем наполовину: приводится лишь наиболее древняя ее часть, до 'Амр ал-Кайса включительно.

музд IV¹² стал искать мужа, чтобы поставить его царем арабов. С этой целью он вызвал к себе в столицу тринадцать сыновей Мунзира. В период междоусобия временное управление Хиртой было поручено Ийасу сыну Қабисы, происходившему из племени Тай. Он правил в течение нескольких месяцев.¹³ Положение вассального лахмидского княжества как барьера против вторжений бедуинских племен в оседлые области Месопотамии определяло и задачи очередного правителя Хирты. Особая роль в этой процедуре принадлежала личному переводчику шаханшаха. У каждого из лахмидских царевичей, вызванных в Ктесифон, спрашивали: „Берешься ли ты сдерживать кочевников и не допускать их до Ирана?“. Подготовленные ‘Ади, они отвечали каждый в отдельности: „Берусь, только с Ну‘маном не справлюсь“. Ну‘ман по совету того же ‘Ади ответил кратко: „Берусь“. Когда же шах спросил: „А с братьями справишься?“, тот ответил: „Если со всеми арабами, то с братьями и подавно“.¹⁴ Так, стараниями ‘Ади сына Зейда Хормузд сделал Ну‘мана царем арабов, пожаловал ему царские одежды и корону стоимостью шестьдесят тысяч дирхемов, украшенную золотом и отделанную драгоценными камнями. Новый правитель отбыл в Хирту.

То, что царем назначили ставленника ‘Ади, не понравилось ‘Ади ибн-Аусу из рода Бану-Марина, который прилагал все усилия к тому, чтобы вместо Ну‘мана власть перешла к его брату Асваду: последний был воспитан у родичей ‘Ади ибн-Ауса. Переводчик Хормузда пытался мирно уладить разногласия и устроил в церкви общую трапезу, куда пригласил и своего противника. Тот, однако, не пошел на примирение и поклялся отомстить ‘Ади сыну Зейда.

Месть осуществляется последовательно и умело. Вначале ‘Ади из рода Бану-Марина предупреждает Асвада о возможных князях ма‘адита (племя Тамй, откуда происходил ‘Ади, относилось к племенной группе Ма‘ад) и, достаточно напугав его, берет под свое покровительство доходы с его имущества и имения. Практически опекун становится владельцем крупного состояния и поместья (الضبيعة). Ежедневно к воротам царского дворца он присылает подарки. Через некоторое время ‘Ади ибн-Аус настолько входит в доверие к Ну‘ману, что тот не принимает ни одного решения, не посоветовавшись предварительно со своим вельможей. Последнему удается склонить на свою сторону Ну‘мана и с его помощью распространить слух, будто переводчик Хормузда считает Ну‘мана своим наместником, который своим положением обязан ему. У Бал‘амй (в новоперсидской переработке хроники Табарй) противники ‘Ади ибн-Зейда приписывают последнему высказывание, что тот, если захочет, отберет у Ну‘мана его царство.¹⁵ Происки врагов ‘Ади достигают цели, и царь Хирты намеревается освободиться от своего бывшего благодетеля. Для этого Ну‘ман пригласил ‘Ади к себе, и когда тот, испросив у шаханшаха разрешения на отъезд, прибыл в Хирту, царь отказался его принять и повелел заточить его. Из тюрьмы ‘Ади в письме к своему брату Убау попросил известить о случившемся Хормузда и ходатайствовать о его заступничестве. Шаханшах, возмущенный самоуправством своего вассала, письменно потребовал освободить ‘Ади. Воспротивиться открыто распоряжению государя нельзя, и Ну‘ман подсылает к ‘Ади убийцу из числа его врагов. Коссен, не указывая на ис-

¹² У Табарй вместо Хормузда фигурирует его сын Хосров Парвйз. Анахронизмы подобного рода встречаются в хрониках довольно часто.

¹³ Табарй, т. II, стр. 1017, строки 10—12; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . ., S. 314—315; Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, p. 144.

¹⁴ Табарй, т. II, стр. 1018, строки 5—11; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . ., S. 315; Ибн ал-Асйр, т. I, стр. 353; А. Крымский. История Сасанидов. . ., стр. 114—115.

¹⁵ Бал‘амй, т. I, стр. 1100—1101.

точник, время смерти 'Ади относит к 589 г. н. э.¹⁶ Царь арабов дал взятку нарочному, прибывшему с распоряжением Хормузда, и конфликт, казалось, уладился: шаханшаху было доложено, что его переводчик умер, когда уже был выпущен из тюрьмы. Тайну насильственной смерти 'Ади не удалось скрыть, и Зейд ибн-'Ади,¹⁷ его сын, опасаясь осложнений, бежит в Ктесифон к своему дяде Убаю.¹⁸ Дядя представляет его Хосрову Парвизу. В течение двух лет — по другим сведениям, в течение многих лет — Зейд занимает должность своего отца. Он ведает перепиской, направляемой в арабскую землю. Арабы давали ему годовое жалованье натурой, которое составляли два гнедых жеребенка, свежие и сушеные грибы, творог, кожи и другие продукты натурального хозяйства. Сын не оставлял мысли о мести убийце своего отца. Для этого представился удобный случай: когда Хосров собирался пополнить свой гарем, Зейд, хорошо зная об обычае арабов не выдавать своих дочерей за чужезмцев, посоветовал шаху взять в жены одну из дочерей Ну'мана. Ну'ман, получив письмо Хосрова Парвиза, ответил вежливым отказом и попросил Зейда заступиться за него перед могущественным властью. Но Зейд искал содержание ответного послания, и в его переводе извинение Ну'мана прозвучало как оскорбление. На этот раз шаханшах пообещал расправиться с ним. В течение нескольких месяцев Ну'мана не тревожили. Затем ему приказано было прибыть в Ктесифон. По сведениям, приведенным Бал'амй, правитель Хйрты не вызывался письмом, но за ним был послан отряд под командованием Ий'аса ибн-Қабисы, происходившего из племени Тай. Этот Ий'ас вместе с пятьюдесятью родственниками поступил в свое время на службу к Хосрову, и тот назначил его командиром четырехтысячного отряда дворцовой гвардии и возвеличил его (дословно: „дал положение „великого“ — *و ميطرى داد*).¹⁹ Опасаясь расправы, Ну'ман бежал в горные районы Аджа и Салма, населенные племенем Тай, захватив с собою оружие, драгоценности и своих домашних. Там он надеялся обрести убежище, так как был связан с этим племенем узами родства: его жены Фара' и Зейнаб происходили от одной из ветвей племени.²⁰ Арабское племя отказалось поддержать Ну'мана, так как боялось навлечь на себя гнев Хосрова Парвиза. Безуспешной оказалась и попытка привлечь на свою сторону племени Неджда. Его поддержал род Бану-Рав'аха ибн-Са'ад, одно из ответвлений Бану-'Абс. Не желая подвергать опасности своих союзников по причине их малочисленности, Ну'ман отказался от их помощи. Скитания привели бывшего царя в долину Зу-Қара. Там он обрел очень могущественного союзника в лице Х'ани сына Мас'уда сына 'Амера сына 'Умара сына Абу-Рабй'и сына Зухла сына Шейбана,²¹ вождя племени Бану-Шейбан, входившего в племенную группу Бакр (Рабй'а).²² Самым влиятельным человеком в племенном объединении Рабй'а считался Қайс ибн-Мас'уд, отпрыск рода Зу-л-Джаддейн, которому Хосров II за усердие в охране границ империи от вторжений своих необузданных собратьев назначил „для кормления“ Оболю. Не доверяя ему, Ну'ман решил добровольно передать себя Хосрову. Имеется указание и на то, что царь явился с повинной не по своей воле, а был пойман в пустыне и доставлен в Кте-

¹⁶ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, p. 149.

¹⁷ У Я'куби, т. 1, стр. 244 — 'Умар ибн-'Ади.

¹⁸ Бал'амй, т. 1, стр. 1104. У Табарй (т. II, стр. 1024, строка 12) и Ибн ал-Асйра (т. I, стр. 354) другой вариант: Ну'ман приблизил к себе сына 'Ади и с рекомендательным письмом послал в сасанидскую столицу.

¹⁹ Бал'амй, т. 1, стр. 1115—1116.

²⁰ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, p. 166.

²¹ Такую родословную дает Табарй (т. II, стр. 1028, строки 8—9). В различных источниках она варьируется в отдельных звеньях.

²² У Бал'амй последовательность скитаний Ну'мана другая.

сифон.²³ Последнее утверждение, хотя и идет в разрез с данными остальных источников, представляется наиболее правдоподобным.

Шаханшах приказал заковать Ну'мана в цепи и отправить в Х'аникин, где он и умер в тюрьме от чумы. „Люди же думают, что он погиб в Саб'ате“ (Табарй, Ибн ал-Асир). Согласно другой версии, представленной большинством источников (Я'куби, т. 1, стр. 246; Ибн-Кутейба, стр. 319; Бал'амй, т. 1, стр. 1118; Х'амза Исф'ах'ани, текст, стр. 61; Браун. Них'айат, стр. 249; Ибн ал-Бал'хй. Ф'арсн'амэ, стр. 103, строка 16), Ну'ман после непродолжительного пребывания в тюрьме был брошен под ноги слону и растоптан. Автор Анонимной сирийской хроники считает, что арабского царя отравили. По сведениям Бакри, на которого ссылается Ротштейн, Ну'ман был похоронен в Х'ирте в монастыре Хинд.²⁴ Произошло это незадолго до возникновения Ислама.

Так назревание конфликта изображало большинство мусульманских авторов IX—XI вв. Если исключить встречающиеся в рассказе анахронизмы (в частности, отмеченную Т. Нельдеке путаницу в именах сасанидских правителей), то картина взаимоотношений арабов между собой, вассала из Х'ирты с шаханшахом, вся цепь придворных интриг не кажутся вымышленными, а допускают возможность их реального существования. Другое дело, что не они определяли причины обоюдной вражды, которые были значительно глубже. Представленную в хрониках серию коллизий можно рассматривать лишь как внешнее проявление сущности событий, как повод, за которым стояли более серьезные предпосылки.²⁵

Сирийский аноним VII в. называет три причины, вызвавшие разногласия между Хосровом Парвизом и Ну'маном: во время бегства Хосрова от Бахр'ам Чубйна в Византию арабский царь отказался следовать за ним, бросив его на произвол судьбы; он же отказался дать Хосрову коня; отказался отдать свою дочь в жены шаханшаху.

Из перечисленных обвинений в адрес арабского вождя только первое можно принять всерьез. Отказ вассала сопровождать своего господина в трудное для того время не мог остаться безнаказанным. То, что момент расправы оттягивался, можно объяснить внутренними смутами в сасанидской империи, последовавшими за возвращением Хосрова на шаханшахский трон (в частности, отмеченное почти всеми источниками восстание Бист'ам). Вполне естественно, что вынужденная отсрочка потребовала незначительного повода, чтобы свергнуть строптивого вассала. Таким поводом послужил отказ царя Х'ирты дать в жены Хосрову свою дочь.²⁶

Отказ сопровождать шаханшаха в византийские пределы — не единственный грех Ну'мана. Последний приютил у себя Ишояба, патриарха несториан, который был в немилости у Хосрова. Многочисленные источники, выражающие разные тенденции, свидетельствуют также о том, что царь арабов имел не только сильную власть в Х'ирте, но и оказывал огромное влияние на соседние племена бедуинов, подстрекал их к нападению на пограничные области сасанидской державы.

В ответ на унижения, которые пришлось испытать в сасанидской резиденции, Ну'ман послал к ма'адитам, и те совершили набег на иран-

²³ The Fārsnāma of Ibnu'l-Balkhī ed. by G. Le Strange et R. A. Nicholson. Gibb Memorial Series, New Series, vol. I, London, 1921, p. 103.

²⁴ G. Rothstein. Die Dinastie der Lahmiden. . . , S. 119: A. Крымский. История Сасанидов. . . , стр. 123.

²⁵ G. Rothstein. Die Dinastie der Lahmiden. . . , S. 115.

²⁶ Любопытно, что поводом для расправы Хосрова II над негодным Биндоем послужило то, что последний упрекнул своего племянника в расточительстве (Abū Hanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-Abbār at-Tīwal, publié par Vladimir Guirgass. Leide, 1888, pp. 105—106).

ские земли в нижнем течении Тигра и Евфрата.²⁷ У Динаварі Хосрову приписывается следующее выражение: „...Ну'ман и его родственники связались с арабами и настойчиво внушали им мысль о переходе власти от нас к ним, что было изложено им в письмах. Я казнил его и поручил управление арабу-бедину, который меньше разбирается в этих вещах“.²⁸ Согласно версии Бал'ами, Хосров II умертвил Ну'мана „не из-за женщины и не по наущению дабира“, а потому, что боялся его, ибо „не видел среди арабов мужа более великого, чем он“. Шаханшах казнил его „ради безопасности государства“ (و او را از بهر صیانت ملک بکشتم).²⁹ Рассказ о могуществе Ну'мана в „Нихайат“ приобретает уже характер легенды: Ну'ман посылает в Ктесифон десять арабских вождей, чтобы они проявили свои достоинства перед Хосровом; они так поражают шаханшаха своей решительностью, мужеством, мудростью и красноречием, что иранский владыка восклицает: „Никогда арабы не страшили меня сильнее, чем сегодня!“. Он отпускает послов с подарками и письмом к Ну'ману, в котором повелевает, чтобы каждое племя выбрало себе царя; химьяриты, киндиты, гассаниды, племена Тамим, Қайс, Раби'а, Физара выбирают царей; Ну'ман отправляет их к Хосрову, который каждому вручает корону.³⁰ Получая знаки власти из рук шаханшаха, племенные вожди пустыни становились его вассалами, оказываясь в положении местных марзбанов. Самым могущественным среди них был Ну'ман. Военные доблести — он начал свое правление успешными походами против гассанидов, не забывая тревожить и собственно византийские провинции, участвовал в сражении с войсками Бахрама Чубина на реке Нахраван,³¹ один из его сыновей принимал участие в подавлении восстания Бистама — обеспечили ему прочный авторитет у арабов. С другой стороны, этот представитель лахмидской династии сумел объединить, пусть даже внешне, враждующие бединские племена. Он господствовал над „ромейскими“ и „персидскими“ арабами. В период мирных отношений между двумя империями (590—602 гг. н. э.) Ну'ман оказывал поддержку то шаханшаху, то кесарю. Так же поступали и его сыновья.³² Год от года строптивость вассала, стремление вести самостоятельную политику, во многих отношениях враждебную курсу сасанидского двора, усиливали неизбежность насильственной смены неугодной династии. В удобный для шаханшаха момент это было осуществлено. Ну'ман был свергнут, процарствовав двадцать два года. Он вступил на трон в 580 г. н. э. и был умерщвлен в 602 году н. э.³³

Когда, спасаясь от приближающихся отрядов шаханшаха, Ну'ман покинул Хйрту, он захватил с собой все, что можно было увезти: казну,

²⁷ Сирийская хроника; текст, стр. 20; перевод, стр. 66. О нападении племен Ма'ад на иранские пограничные области, но в другое время — в конце царствования Хормузда IV, сообщает и Табарй.

²⁸ Динаварй, стр. 115, строки 4—8; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden. . . SS. 116—117.

²⁹ Бал'ами, т. 1, стр. 1179—1180.

³⁰ Браун. Нихайат, стр. 246—247.

³¹ О военных кампаниях Ну'мана см.: A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, pp. 148, 154 (ссылка на Ибн-Халдуна, Хамзу Исфahanского, Евгария).

³² Histoire Nestorienne (Chronique de Séert), seconde partie (II), publiée et traduit par Addaï Scher. . . avec le concours de Robert Griveau. Patrologia Orientalis, t. XIII, Paris, 1919, p. 469.

³³ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . . S. 347, Anm. 1. В мусульманской историографии период правления Ну'мана сдвинут на два года: по сведениям Табарй (т. II, стр. 1038), Хамзы 'Исфahanского (стр. 111—112) и Ибн ал-Асйра (т. I, стр. 358), Ну'ман правил 7 лет и 8 месяцев при Хормузде IV и 14 лет и 4 месяца при Хосрове II Парвизе, т. е. с 582 по 604 г. н. э. В данном случае Нёльдеке предпочел более точную хронологию христианских авторов.

оружие и снаряжение, жен и детей. По-видимому, часть его имущества была конфискована, а дети взяты в плен (و استباح امواله و اهله و ولده).³⁴ Но до того как его заточили в тюрьму, Ну'ман успел передать на сохранение Хāни сыну Мас'уда кольчуги, драгоценности и оружие. Разными источниками число кольчуг определяется в пределах от четырехсот до четырех тысяч штук, и об их точном количестве говорить не приходится. Коссен, не указывая на источник, называет одну тысячу полных комплектов вооружения.³⁵ Лахмид отдал в жены Хāни двух своих дочерей, скрепив политический союз родственными узами.

Правителем Хйрты и прежних ну'мановых областей Хосров назначил Ийāса ибн-Қабйса (602—611 гг. н. э.). Неполностью доверяя наместнику арабского происхождения, шаханшах сделал его соправителем перса Бахрагāна (Нахвергана, Михраджана). По некоторым сведениям, владения Ийāса включали прибрежные земли Евфрата с тридцатью поселениями, от 'Айн-Тамр на севере до Хйрты на юге. Его собственные владения находились посредине.³⁶

Арабы племенного объединения Бакр, поддерживавшие с Лахмидами дружественные отношения, с неудовольствием восприняли свержение их рода и назначение Ийāса. Однако до конфликта дело не доходило. Положение значительно осложнилось, когда Хосров через своего ставленника в Хйрте потребовал, чтобы бедуины вернули ему наследство Ну'мана, поскольку последний был его вассалом. Хāни категорически отказался выполнить распоряжение. Из большинства источников следует, будто отказ бедуинов выдать требуемое и соответствующая реакция Хосрова Парвйза на их непокорность явились непосредственной причиной вооруженного столкновения сторон. Все же отдельные данные свидетельствуют о том, что за этим разногласием последовали другие. Христианский источник упоминает о восставших арабов, населявших окраины Византии и сасанидского Ирана, о выходе бедуинов из-под контроля, о передвижениях их племен и их вторжениях в пограничные области.³⁷ Известно также, что бакриты стали совершать набеги на Савād. В частности, Хāрис ибн-Валā из племени Зухл и Мукассир ибн-Ханзала из племени 'Иджл двинули туда свои отряды, разделив предварительно зоны действия. Одновременно с ними Буджайр ибн-'Айд из племени 'Иджл и Мафруқ ибн-'Амр из племени Шейбāн, объединив усилия, подвергли грабежу окрестности Қадисии и Тайзанāбада. Каждый из трех отрядов овладел богатой добычей.³⁸

Удачные походы арабов не на шутку беспокоили шаханшаха и его окружение. Именно тогда и возникло решение расправиться с племенами Бакр. Ну'ман ибн-Зур'а из племени Тағлиб, долгое время враждовавшего с бакритами, подсказал Хосрову способ расправы с неуловимыми бедуинами: по его совету, место будущего сражения было намечено у потока Зу-Қар, там, куда окружающие племена приходили летом на водопой.³⁹

Против кочевников было направлено смешанное войско, составленное из арабских отрядов, несущих службу по охране сасанидских границ и резиденции арабского правителя в Хйрте, и из регулярных частей иранской конницы. Вряд ли численность этого войска была очень велика, так как в это время началась уже новая ирано-византийская война

³⁴ Хамза Исфакāни, стр. 61.

³⁵ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, p. 168.

³⁶ Там же, стр. 170—171.

³⁷ Хроника Сеерта, т. II, стр. 539—540.

³⁸ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, pp. 172—173.

³⁹ На Зу-Қаре поднимаются высокие волны, и даже в жаркий месяц Ша'бан вода в нем в изобилии. G. Rothstein. Die Dinastie der Lahmidien. . . , S. 121.

и основные силы сасанидской армии были направлены на Запад. Наиболее разумной, на наш взгляд, следует признать цифру, которую приводит Табарй: три тысячи арабов и две тысячи персов.⁴⁰ Пятитысячному войску арабов и персов противостояло многочисленное ополчение союза племен, объединенных общим названием Раб'а (Бакр). К нему присоединились двести захваченных в плен тамимитов, пожелавших участвовать в сражении.⁴¹

Бедуинам было предложено выбрать одно из трех: вернуть наследство Ну'мана и сдаться шаханшахскому наместнику, либо уйти в пустыню, либо принять бой. После небольшого совещания они предпочли бой, объясняя свой выбор тем, что если сдадутся, то мужчины будут поголовно истреблены, а женщины и дети — отданы в рабство, если же побегут — погибнут от жажды либо встретятся с враждебными племенами Тамйм.

Сохранились имена военачальников, которые руководили боем. Иранскими отрядами шахского войска командовали Хамарз из Тустара, имевший замок в Куткутане, и Хуррабзйн (Джалабзйн),⁴² у которого был замок в Барике. Во главе арабских отрядов стояли Қайс ибн-Мас'уд, Ну'ман ибн-Зур'а (командовал отрядами таглибитов и намиритов) и Халид ибн-Иазид Бахрәни (командовал арабами племени Ийад).⁴³ Общее руководство войсками было возложено на Ийаса ибн-Қабиҫа.

Бедуины не сразу решились принять бой. Хәни ибн-Мас'уд предлагал отступить, ссылаясь на недостаточную оснащенность в вооружении. Некоторые бедуины покинули лагерь, но Ханзала ибн-Са'лаба сумел удержать большинство. Он пошел на крайние меры: приказал обрезать ремни паланкинов, в которых находились семьи воинов; в случае бегства бедуины не смогли бы захватить своих домашних. Они запаслись водой на полмесяца и приготовились к бою. Источники, часто противоречащие один другому при изображении деталей сражения, единодушны в описании боевых порядков. Правым крылом войска Ийаса командовал Хамарз, ему противостояло племя Бану-'Иджл под командованием Ханзала ибн-Са'лаба ибн-Сайяр'Иджли; руководство левым крылом было поручено Хуррабзйну, против которого стояло племя Бану-Шейбән во главе с Иазидом сыном Хәшима Шейбәни; центр составляли арабские подразделения, руководимые Ийасом, Ну'маном ибн-Зур'а и Халидом ибн-Иазидом Бахрәни, им противостояли племена Бану-Иашкур, Тайм-алләт и другие отряды бакритов.⁴⁴

Битва была упорной, она продолжалась несколько дней. От Зу-Қара боевые действия были перенесены в окрестные долины и населенные пункты. Поэтому „День Зу-Қара“ известен и под другими названиями: „День Қурәқир“, „День излучины Зу-Қара“, „День излучины Қурәқира“, „День ал-Джубабәт“, „День Зу-л-Уджрум“ и т. д.⁴⁵ Сейчас

⁴⁰ Табарй, т. II, стр. 1036, строки 5—6; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber . . . , S. 343. Бал'амй (т. I, стр. 1122) говорит о двадцати двух тысячах, а автор Нихайат — более чем о двадцати четырех, что представляется преувеличением.

⁴¹ G. Rothstein. Die Dinastie der Lahmidien. . . , S. 122.

⁴² У Бал'амй (т. I, стр. 1126—1127) Хормуз Хуррад.

⁴³ Мас'удй в „Китаб ат-Танбих. . .“ (изд. Де Гуйе, стр. 241, строки 15—20; франц. перевод Карра де Во, стр. 319) называет следующих арабских предводителей, участвовавших в бою на стороне шаханшаха: Бишр ибн-Савада Таглибий во главе таглибитов, Ийас ибн-Қабиҫа Тайй во главе тайитов, Утарид ибн-Хаджиб ибн-Зурара во главе племен Забба и Тамйм, Аус ибн ал-Хазрадж Намирий во главе своего племени.

⁴⁴ Табарй, т. II, стр. 1032; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . . , SS. 338, 341; Бал'амй, т. I, стр. 1127—1128; Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire, p. 181.

⁴⁵ Табарй, т. II, стр. 1016, строки 2—5; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, SS. 311—312.

восстановить последовательность отдельных этапов сражения почти невозможно: уже в первые годы, последовавшие за событием, местные поэты сделали из него легенду, каждый воспевал доблесть своего племени. Победа осталась за бедуинами. Ее обеспечили два основных фактора: нежелание арабских отрядов шахского войска сражаться против своих соотечественников; в критический момент боя они оставили боевые позиции и отступили, вызвав панику в конных частях сасанидов (межплеменная рознь уступила место надплеменной солидарности); достаточная оснащенность вооружением и хорошая боевая выучка бедуинов; переданных Ну'маном кольчуг и оружия (по другим сведениям, коней и оружия) вполне хватало для „витязей“ войска; бедуины поражали противника мечами из Машарифа (местность в южной Сирии на границе с пустыней),⁴⁶ в бою они умело применяли различные тактические приемы, в частности засаду.

Неудача карательной экспедиции против кочевников в сасанидской столице была воспринята очень болезненно. Хосров Парвиз, желая выправить положение, готовил новые отряды против бедуинов, но события на западной границе империи (война с Византией) потребовали новой перегруппировки сил, и мечтам об истреблении племен Бакр не суждено было осуществиться.

Первая проба сил с серьезным противником завершилась для бедуинов успешно. Она внушила им сомнение в могуществе сасанидского войска и укрепила уверенность в своих собственных силах. Ее можно рассматривать как пролог будущих арабских завоеваний. Инициаторами похода мусульман на Иран тридцать лет спустя были те же бедуины-бакриты.

A. I. Kolesnikov

THE BATTLE OF DŪ-ḲĀR

Most of the medieval historians — Ya'qūbī, Ṭabarī, Bal'amī, Mas'ūdī etc., — who reflected this event in detail, divide the account of it into two parts: a) the prehistory i. e. the reasons which caused an overthrow of the dynasty of Laḥmian rulers and consequences of that fact; b) the battle proper. In Arabic and Persian sources the march of events during the rule of the last Laḥmian king Nu'mān is depicted like a chain of court intrigues. We hold it probable, that such intrigues existed in reality, but at the same time it is necessary to admit that they signified only an outer form of contradictions that had developed between the policy of the Sasanian šāhānšāh and that of the Laḥmian ruler in Ḥira. The real reasons of Nu'mān's dethronement are to be determined on the basis of indirect information found in the sources mentioned above; they can be also found in the chronicles of the Christian authors.

The Moslem historical tradition directly connects the Laḥmian tragedy with war actions held in the valley of Dū-Ḳār. The facts, drawn up from some other sources (Chronique de Seert, „Kitāb al-aghānī“), testify to devastating raids against the provinces of Sasanian Iran, undertaken by nomads after the replacement of the Laḥmians. An interval between

⁴⁶ О других центрах изготовления мечей см.: A. Rahman Zaky. On Islamic Swords. Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of Professor K. A. C. Creswell, 1965, pp. 282—283.

602 A. D. (the time of Nu'mān's dethronement) and 604/605 A. D. (the most probable date of the „Day of Dū-Ḳār“) was marked with increased hostilities on the part of bedouins, which finally led to the armed conflict.

The battle resulted in the defeat of the Iranian army. There were two factors which guaranteed victory to the nomads: a) the unwillingness of the confederate Arabian troops of the Iranian army to fight against their countrymen; b) sufficient amount of arms and armour and good fighting qualities of the bedouins.

The battle of Dū-Ḳār may be regarded as a prologue to the future Arabian conquests.

О ПРИМЕНЕНИИ СВИНЦОВЫХ ПЕЧАТЕЙ ПРИ СБОРЕ ДЖИЗЫ В ХАЛИФАТЕ

Во многих работах наших историков, рассчитанных на широкий круг читателей, при характеристике налоговой политики Халифата в Средней Азии и Закавказье отмечается, что во время сбора податей налогоплательщикам надевали на шею свинцовые бирки — „печати“. Назначение этих „печатей“ истолковывается различно: одни считают, что их надевали на неуплативших налоги, а после уплаты снимали,¹ другие видят в них квитанции об уплате налогов,² третьи думают, что они являлись удостоверениями личности, на которых было обозначено имя и место жительства,³ или и квитанцией, и удостоверением⁴ Нет также единого мнения относительно налога, при сборе которого применяли печати, и каких групп населения касалось данное мероприятие.⁵

При этом большинство опирается в конечном счете на работы одного и того же исследователя — А. Ю. Якубовского, единственного, кто на основании средневековых письменных источников специально писал о наложении печатей. Напомним, что вначале он считал это своеобразной формой закрепощения крестьянства в связи с земельным налогом — хараджем,⁶ затем стал склоняться к мысли, что это — чисто фискальное мероприятие, проводившееся при сборе джизы и хараджа⁷ и, наконец, только джизы.⁸ Подобный разнобой заставляет нас возвратиться к анализу письменных источников (памятуя, что А. Ю. Якубовский занимался данной темой лишь попутно, в силу чего не привлек некоторые интересные сведения) и попытаться найти в них удовлетворительный ответ на все спорные вопросы.

Прежде всего, конечно, нужно обратиться к „Китаб ал-харадж“ Абу Йусуфа Йа'куба, в которой содержатся наиболее определенные

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I. Изд. 3, М., 1955, стр. 154; История Туркменской ССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 165.

² История армянского народа. Под ред. Иоаннисяна. Ереван, 1951, стр. 119.

³ История СССР с древнейших времен до 1860 г. Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1956, стр. 94; Всемирная история, т. III, М., 1957, стр. 114; История СССР. Учебник для педвузов, ч. 1, 1961, стр. 48; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. (Курс лекций). Л., 1967, стр. 53.

⁴ История Азербайджана в трех томах, т. I. Баку, 1958, стр. 112.

⁵ Во „Всемирной истории“ (т. III, стр. 114) высказывается мнение, что это касалось только крестьян. Того же мнения придерживается Э. Т. Сихарулидзе (Китаб ал-харадж Абу Йусуфа Йа'куба как источник по истории феодальных отношений в халифате. Автореф. канд. диссертации, Тбилиси, 1955, стр. 7); И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв., стр. 53.

⁶ Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах). Труды первой сессии арабистов, Л., 1937, стр. 43—45.

⁷ Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 34.

⁸ История народов Узбекистана, т. I, изд. 1. Ташкент, 1950, стр. 175.

сообщения о наложении печатей. По его словам, оно было впервые проведено в Ираке при Омаре ибн ал-Хаттабе Усманом ибн Хунайфом, посланном в 21/641—42 г. произвести обмер земель Савада: „Омар ибн ал-Хаттаб обмерил ас-Савад, исключая горы Хульван, и обложил каждый джериб, обработанный или необработанный, орошаемый водяными колесами или без них, засеянный или незасеянный, дирхемом и кафизом (зерна, — О. Б.); и с головы каждого богатого брал 48 дирхемов, со среднего 24 дирхема и с бедного 12 дирхемов и опечатывал их шеи свинцом“.⁹ В другой главе это мероприятие описано подробнее: „Омар ибн ал-Хаттаб ... послал Усмана ибн Хунайфа для измерения земель ас-Савада. И обложил тот каждый джериб земли, обработанной или необработанной, дирхемом и кафизом, и наложил печати на неверующих (عروج) ас-Савада; и наложил он печати на 500 тысяч¹⁰ неверующих по разрядам в 48 и 24, и 12 (дирхемов). А когда закончил смотр их (عرض), то передал их дикканам и сломал печати“.¹¹ Наложение печатей, произведенное Усманом ибн Хунайфом в 642—643 гг.,¹² несколько раз упоминает также ал-Балазури.¹³ Абу Йусуф считал действия Усмана ибн Хунайфы основательным прецедентом и советовал ар-Рашиду следовать ему: „При этом следует, чтобы ты налагал печати на их шею во время сбора джизьи с их голов, пока не закончится их смотр, затем ломаешь печати, как это сделал с ними Усман ибн Хунайф, если они попросят их сломать“.¹⁴

Во всех случаях наложение печатей с совершенной несомненностью связывается с джизьей, а не с каким-либо другим налогом, подтверждение чему мы находим и у других авторов. Сошлемся, например, на рассказ ат-Табари о походе Кутейбы ибн Муслима на Кашгар, когда тот поклялся не возвращаться, не ступив на землю Кашгара, не получив джизьи и не наложив печатей на сыновей царей. Царь Кашгара, услышав о клятве, прислал ему землю, джизью и царевичей. „Принял Кутейба джизью, наложил печати на юношей и отпустил их и ступил на землю“.¹⁵

Поход Кутейбы на Кашгар безусловно легендарен, но, связывая наложение печатей с джизьей, рассказчики исходили из хорошо известной им практики, и в данной связи на это сообщение вполне можно опираться. Лишь одно сообщение ал-Балазури как будто противоречит нашему выводу: „Омар, да помилует его Аллах, послал Хузаифу и Ибн Хунайфа в Ханекин, который был завоеван одним из первых; и наложили они печати на зиммиев, потом собрали харадж“.¹⁶

Здесь возможны два толкования: либо наложение печатей предшествовало хараджу и было связано с ним, либо само выражение „наложили печати“ равнозначно „собрали джизью“, и тогда все сво-

⁹ Абу Йусуф Йа'куб, *Китаб ал-харадж*. ал-Кахира, 1346, стр. 45.

¹⁰ У ал-Балазури 550 тыс. (*Liber expugnationis regionum auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beládsorí*, ed. De Goeje, Lugduni Batavirum, 1866, p. 271).

¹¹ *Китаб ал-харадж*, стр. 153. Сейчас трудно объяснить выражение „передал их дикканам“. Либо на время сбора джизьи податное население изымалось из-под юрисдикции местных правителей, либо последние могли собирать причитающиеся им налоги только после уплаты джизьи. (Все это, конечно, действительно лишь в отношении первых лет после завоевания Ирака арабами).

¹² Усман ибн Хунайф был назначен ведать сбором податей в Куфе в 21 г. х. (декабрь 641 г. — декабрь 642 г.) и оставался там на следующий год (Табари, I, 2645).

¹³ Ал-Балазури, стр. 266, 269—272. Наложение печатей было предписано также Амру ибн ал-Асу, наместнику Египта (*The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain Known as the Futuh Misr of Ibn Abd al-Hakam*, ed. Ch. C. Torrey, New Hawen, 1922, p. 151).

¹⁴ *Китаб ал-харадж*, 151.

¹⁵ Табари, II, 1279.

¹⁶ Ал-Балазури, стр. 272.

дится к тому, что сбор джизьи предшествовал сбору хараджа. Поскольку это сообщение допускает оба толкования, а в остальных случаях достоверно известно, что Усман ибн Хунейф налагал печати при сборе джизьи, то его нельзя считать свидетельством против высказанного мнения.

Перейдем ко второму вопросу: кто подвергался наложению печатей? Большинство исследователей вслед за А. Ю. Якубовским полагает, что оно касается только крестьян. Он исходил при этом, во-первых, из перевода слова *عَلَج* 'илдж как „мужлан“, „деревенщина“,¹⁷ во-вторых, из упоминания у ат-Табари избияния крестьян с печатями на шеях во время восстания согдийцев в 721—722 гг.¹⁸ Однако слово 'илдж имеет значение „неараб“, „немусульманин“, нечто вроде первоначального смысла греческого „варвар“, и было лишь презрительным наименованием покоренного немусульманского населения. Второе же сообщение слишком неопределенно для решения данного вопроса.

Вместе с тем имеется много фактов, противоречащих мнению А. Ю. Якубовского. Прежде всего вспомним, что и Абу Йусуф, и ал-Балазури пишут о трех категориях плательщиков джизьи, подвергавшихся наложению печатей: плативших 48, 24 и 12 дирхемов в год в зависимости от состоятельности. Абу Йусуф подробно перечисляет лиц разных сословий, входивших в эти категории: „... 48 дирхемов с богатого, вроде меняля, торговца тканями, владельца имения, купца и лечащего врача. Со всякого, кто занимается ремеслом или торговлей, которыми кормится, возьмет он (сборщик, — О. Б.) в соответствии с их ремеслом и торговлей: 48 дирхемов с богатого и 24 дирхема с человека среднего достатка, а 12 дирхемов с работающего своими руками, вроде портного, красильщика, сапожника, шьющего сапоги, чинящего сапожника и подобных им“.¹⁹

Следовательно, этому подвергались не только крестьяне, но и ремесленники, купцы, земледельцы, т. е. все зиммии, в том числе и феодалы-дихканы. Ал-Балазури приводит слова одного чиновника, которого халиф Алий направил в Ирак: „И приказал он мне возложить на каждого из дихкан, которые ездят на неарабских лошадях и опечатывают золотыми печатями, по 48 дирхемов в год“.²⁰

В свете этого не кажется странным и рассказ ат-Табари о наложении печатей на кашгарских царевичей. Авторы этого сообщения не видели ничего странного в том, что царевич-немусульманин может подвергнуться подобной процедуре. Более того, печать на шее государя считалась символом его безусловной покорности арабской власти, что прекрасно иллюстрирует эпизод с царем Хутталя Бадр-Тарханом.²¹

Перейдем теперь к основному и наиболее спорному вопросу: какую роль играли печати? Как мы уже говорили, по этому поводу существуют два противоположных мнения. Одно из них было высказано Н. А. Медниковым, который считал, что „печати“ служили квитанциями об уплате

¹⁷ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 44.

¹⁸ Табари, II, 1445—1446.

¹⁹ Китаб ал-харадж, 148; См. также: Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Приложения, II (3). Православный палестинский сборник, т. XVII, вып. второй (4), СПб., 1897, стр. 1314. Любопытно, что эти ставки джизьи сохранились до X в. включительно, несмотря на падение курса дирхема. В „Истории Кумма“ названы те же две ставки: 12 и 24 дирхема (Та'рих-и Кумм, Та'лиф Хасан ибн Мухаммад Кумми, Тегран, 1353, 113).

²⁰ وامرنى ان اضع على الدهاقين الذين يركبون البرادين ويختمون بالذهب على الرجل ثمانية واربعين درهما.

²¹ Табари, II, 1630.

джизы; ²² второе — что ими отмечались неуплатившие налог — высказал А. Ю. Якубовский, опираясь на цитированные выше слова Абу Йусуфа, обращенные к ар-Рашиду: „... следует, чтобы ты налагал печати во время сбора джизы ... затем сломаешь печати, как это сделал с ними Усман ибн Хунейф“. Из этого как будто бы следует, что „печати“ снимали только после уплаты джизы. Однако конец фразы, опущенный А. Ю. Якубовским, — „если они попросят их сломать“ — совершенно меняет смысл сообщения. Ясно, что если люди в некоторых случаях были заинтересованы в сохранении „печатей“, то последние никак не могли быть знаком неуплаты. К тому же и практически совершенно нерационально отмечать неуплату налога выдачей квитанции какого бы то ни было вида. Как можно представить себе употребление „печатей“ в качестве знака неуплаты? Что первоначально всем навешивали бирки, а после уплаты снимали? Но ведь в таком случае никто не стал бы их сохранять. (О метках другого рода, пожизненных, применявшихся при сборе податей, мы скажем ниже).

Иное дело, если „печати“ были квитанциями об уплате джизы, это гораздо естественнее уже а priori и подтверждается разнообразными сообщениями письменных источников. В свете этого станет ясным, что представляет собой „смотр“, упоминаемый Абу Йусуфом: он был проверкой наличия у всего податного населения квитанций об уплате джизы. После прекращения сбора джизы хранение квитанций, предназначенных для предотвращения повторного взимания ее, было уже ненужным и их уничтожали.

Естественно, что обычно зиммии старались избавиться от этой унижительной бирки. Но в ряде случаев, учитывая злоупотребления чиновников, они могли желать сохранить их, чтобы избавиться от вторичных поборов.

Печать как знак уплаты джизы фигурирует в рассказе ат-Табари о походе Кутейбы на Кашгар. В той же роли выступают печати и в повествовании армянского историка VIII в. Гевонда о притеснениях армян в наместничестве Убайдуллаха, брата ар-Рашида, когда в 788 г. был собран двойной налог. ²³ „А когда это было завершено, то сын сатаны немедленно измыслил другую злую напасть и дал наложить свинцовую печать всем на шею и за одну печать требовал много зуз...“ ²⁴

Иногда в аналогичных случаях выдавались квитанции иного рода, и отсутствие их каралось. В правление Йезида II Усама ибн Зейд ат-Танухи, ведавший сбором налогов в Египте, начал гонения на христиан. „И написал он чиновникам, что если найдут кого-нибудь из христиан, у которых нет грамоты (об освобождении, — *О. Б.* — منشور), чтобы брали с него 10 динаров“ ²⁵

Применение оттисков печатей на различном материале в качестве квитанций и пропусков, по-видимому, имело в это время широкое распространение в мусульманских странах. Например, Кутейба ибн Муслим рекомендовал своему наместнику в только что завоеванном Самарканде выпускать самаркандцев из города лишь с оттиском печати на глине, служившей пропуском. Срок действия такого пропуска ограничивался временем высыхания глины. ²⁶

²² Н. А. Медников. Палестина. Исследование, (1). СПб, 1903, стр. 722.

²³ Убайдуллах был назначен наместником Армении в 788 г. (Табари, III, 606) и оставался им до 798 г.; упомянутые события происходили при каталикосе Исани, умершем в 788 г., следовательно, относятся к 788 г.

²⁴ Перевод сверен И. А. Орбели. Ср.: История халифов вардапета Гевонда в переводе К. Патканяна, СПб., 1862, стр. 115.

²⁵ F. Wüstenfeld. Makrizis Geschichte der Copten. Göttingen, 1845, S. 22; Н. А. Медников. Палестина. Приложения, II (1), стр. 652.

²⁶ Табари, II, 1252.

Ибн Мискавейх пишет, что русы в Берда'а, собирая с жителей выкуп, оставляли „кусок глины с печатью, которая была ему (мусульманину, жителю Берда'а, — О. Б.) гарантией от других“.²⁷

Свинцовая бирка-печать в качестве квитанции об уплате джизьи принципиально отличается от знаков постоянного ношения, с которыми их иногда путают. Так, упомянутый уже Усама ибн Зейд впервые начал брать джизью с египетских монахов. „Усама ибн Зейд ат-Танухи, ведавший хараджем,²⁸ также притеснял христиан, нападал на них и захватывал их имущество. И отметил руки монахов железным кольцом, на котором имя монаха, название монастыря и дата его. И когда находили без метки, отрубали руку“.²⁹

Здесь железное кольцо было удостоверением личности, обязательным для постоянного ношения, и не могло служить квитанцией об уплате налога. В некоторых случаях власти прибегали и к более жестоким мерам, сопровождавшим ограничение передвижения. По словам ал-Джахиза, после подавления восстания ал-Аш'аса всех мавали Басры, замешанных в нем, выслали из города, поставив на руку пожизненное клеймо с обозначением места жительства.³⁰ С той же целью в Джезире после смещения ал-Аббаса ибн Мухаммеда в 772 г. было проведено клеймение христиан: клеймо ставилось на лоб, грудь и руки.³¹ Оставаясь на всю жизнь, оно не могло также служить квитанцией об уплате джизьи или какого-то иного налога.

По-видимому, клеймение или введение обязательных для ношения знаков являлось полицейской мерой, применявшейся в крайних случаях, когда требовалось ограничить передвижение или принять иные меры в связи с народными волнениями. Во всяком случае оно не имеет ничего общего с подвесными печатями, служившими квитанциями.

Нет никаких оснований считать, что всякие печати применялись ежегодно при сборе джизьи.³² Так, Гевонд пишет о наложении „печатей“ как о необычайной мере, к которой в Армении в VIII в. прибегали лишь дважды: первый раз при Абдаллахе ал-Мансуре³³ и второй раз в 788 г. К таким исключительным случаям относится применение этой меры в наместничество Асада ибн Абдаллаха в Хорасане в 735—737 гг.³⁴

Я склонен думать, что свинцовые бирки применялись лишь в тех случаях, когда иным способом было трудно проконтролировать сбор джизьи. Это могло иметь место либо при отсутствии налаженного административного и финансового аппарата, например в первые годы после завоевания Ирака при Омаре I, либо когда этот аппарат в силу каких-либо обстоятельств не мог надежно функционировать. Так было в Армении при ал-Мансуре, при Асаде ибн Абдаллахе в Хорасане, во время восстания согдийцев в 721—722 гг.

²⁷ А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332—943/3 гг. Визант. временник, т. XXIV, стр. 67.

²⁸ В данном случае харадж означает все подати вообще.

²⁹ Н. А. Медников. Палестина. Приложения, II (1), стр. 652.

³⁰ A. Kremer. Kulturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams. Leipzig, 1873.

³¹ Chronique de Denys de Tell-Mahré publié et traduite par J.-B. Chabot, traduction française, Paris, 1895, p. 148.

³² Того же мнения придерживается Б. Шпулер: „Налогоплательщиков отмечали (но, вероятно, лишь со времени ал-Хаджажа и, вероятно, только некоторое время и не повсюду) знаком на шею“ (B. Spuler. Iran in frühislamischer Zeit, SS. 551—52).

³³ История халифов, стр. 89. Наместником Армении в эти годы был Салих ибн Субейх, которого в 134 г. х. (751—752 г.) сменил Йазид ибн Усейд (Табари, III, 75, 81), ал-Мансур же был наместником Джезиры. По словам Гевонда, это произошло до назначения Йазида, следовательно, в 133—134 г. х.

³⁴ Табари, II, 1920.

Позже VIII в. мы уже не встречаем упоминаний о свинцовых бирках, по-видимому, в аналогичных случаях их заменяли обычные квитанции. Так, по сообщению ал-Мас'уди, в 929 г. в Рее, когда был введен чрезвычайный подушный налог на иностранцев, они являлись в финансовое ведомство, платили там налог и им выписывали квитанцию об уплате с печатью соответственно тому, как в других городах выписывают квитанцию зиммиям при уплате ими джизьи.³⁵

Обычно систему навешивания бирок при сборе налогов считают изобретением арабской администрации. Однако тот факт, что арабы стали применять свинцовые печати в Ираке сразу же после его завоевания, говорит о том, что эту практику они заимствовали в готовом виде в завоеванных странах, так как до этого они не только не применяли раньше у себя подобных мер, но и вообще не сталкивались с необходимостью сбора налогов. Это подтверждается сведениями о том, что в Сасанидском Иране в качестве квитанций об уплате налогов и пошлин иногда употребляли свинцовые бирки, или буллы.³⁶ Возможно, что такая практика была известна и в византийских провинциях.³⁷

Любопытно, что из огромного количества бирок, употреблявшихся в таких случаях в халифате, до нас дошли единицы.³⁸ Дж. Уолкер считает, что такими бирками являются два медных кружка, хранящихся в Британском музее, на одной стороне которого содержится надпись من اهل مصر („Из жителей Египта“), а на другой — дата (94 и 95 гг. х.).³⁹

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что печати применялись как квитанции при сборе джизьи, и не постоянно, а в исключительных случаях. Ни в коем случае нельзя отождествлять эту практику с пожизненным клеймением и другими полицейскими мерами. Применение бирок-квитанций было, вероятно, заимствовано арабами у завоеванных народов вместе со всей фискальной системой.

O. G. Bolschakov

ÜBER DIE ANWENDUNG DER BLEIERNEN PLOMBEN BEI DER ERHEBUNG DER ĞIZJA IM CHALIFAT

Die mittelalterlichen Quellen erwähnen mehrmals die Anwendung der bleiernen Plomben, die den Tributspflichtigen auf den Hals angehängt wurden. Die Geschichtsforscher sind uneinig über die Bedeutung diesen Plomben und welchen Gruppen der Bevölkerung ging es an.

³⁵ Мурӯдж аз-захаб, -изд. Барбье де Менара, т. IX, стр. 14—15; Каирское изд. 1958 г., т. 4, стр. 377: فمن ادى كتب له براءة بالأداء مختومة على حسب ما تكتب براءة اهل ذمة عند ادائهم الجزية في سائر الامصار.

³⁶ Благодаря любезности И. Д. Амусина автору удалось ознакомиться с рукописной монографией Ю. Солодухо о Сасанидском Иране, где имеются упоминания этого. О бирке как знаке рабской зависимости в Вавилоне см.: А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 49.

³⁷ A. S. Tritton. The Califs and their Non-Muslim Subjects. Oxford, 1930, p. 124—125.

³⁸ Вероятно, это объясняется неоднократным использованием металла, который иначе непросто было бы терять в огромных количествах.

³⁹ J. Walker. A Catalogue of Arab-bizantine and Post-reform Umayyad Coins. London, 1956, p. 295—296. Одна бирка 300/312-13 г. опубликована: J. Karabacek. Das arabische Papier. Eine historisch-antiquarische Untersuchung. Wien, 1887, S. 176.

Der Autor zieht den Schluss, dass die erwähnten Plomben eine Art der Steuerquittungen waren, die keinesfalls vor der Erhebung der Gizja (wie A. Y. Yakubovsky und nach ihm einige andere dachten) angehängt werden könnten. Außerdem wurden sie nicht immer, sondern nur in ausserordentlichen Umständen angewendet, als der Fiskus nicht imstande war die Steuer normalerweise zu bekommen. Eine besondere Maßnahme war die Brandmarkung der Unterworfenen (während der Aufständen u. s. w.), was mit der Anwendung von Plombenquittungen nicht zu verwechseln ist.

КНИГА „КАЛИЛА И ДИМНА“ КАК „ЗЕРЦАЛО“

Книга „Калила и Димна“ носит правоучительный характер. Главная, первоначальная и наиболее узкая ее цель — научить правителей мудро и справедливо управлять своим государством. Это Fürstenspiegel — „княжье зеркало“. И возникла эта книга, как рассказывает легенда, именно из необходимости показать, как нужно править народом, чтобы воспитать его в духе преданности и повиновения.

Александр Македонский — Двурогий, как называли его арабы,¹ одержав победу над индийским царем Форекон, назначил одного из своих приближенных на смену этому монарху. Однако скоро народ сверг назначенного правителя и поставил своего царя — Дабшалйма. Новый царь оказался гордым, чванливым и жестоким. В то время жил один брахманский философ. Он был известен своим умом и мудростью, и люди часто приходили к нему за советом. Увидев дурное обращение царя с народом и его несправедливость к подданным, Байдеба решил вернуть его к правде и справедливости. Разгневанный Дабшалым велел заключить философа в тюрьму, но через некоторое время раскаялся в своей жестокости и освободил Байдеба, сделав его своим министром. Байдеба составляет трактаты об управлении, и, следуя им, царь заслуживает любовь народа и признание соседей. Изучая жизнь своих предшественников, Дабшалым замечает, что царствование каждого из них отмечено какой-нибудь книгой.

Чтобы увековечить так же и свое имя, он поручает Байдеба составить книгу, содержащую уроки для царей, которые хотят обрести верность и послушание народа.

„Я хочу, чтобы ты написал мне хорошую книгу, приложив к тому весь свой ум. И пусть в ней будет показано, как управлять народом и воспитывать его, а также нравы царей и их управление подданными, чтобы те повиновались и служили царю, дабы отлегли у меня и у них многочисленные неизбежные государственные заботы. И я хочу, чтобы осталась эта книга памятью о минувших временах“.²

Вряд ли эта легенда может служить надежным свидетельством, тем более что включающее ее предисловие Бахнуда ибн Сахвана принадлежит, как выяснено,³ персам и относится ко времени более позднему,

¹ Александр Двурогий — Зу-л-Карнайн (ذو القرنين) — обычное в арабской литературной традиции имя Александра Македонского. См., например: Абу Рейхан аль-Бируни. Слово о разногласиях народов о том, кто такой царь, которого называют Зу-ль-Карнейном. Избр. произведения, Ташкент, 1957, стр. 49—55; Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. Палест. сборник, вып. 3 (66), 1958, стр. 86; Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1958, стр. 14—15.

² كتاب كليلة و دمنة عنى بنشرها الاب لوىسى شيجو بيروت 1905 ص 117

³ A. F. L. Beeston. The Ali ibn Shah Preface to Kalilah wa Dimnah. Oriens, vol. 7, № 1, 1954, pp. 81—84.

чем время возникновения сборника. Тем не менее оно верно передает его дух и направления.

М. Винтерниц, автор трехтомной „Истории индийской литературы“, убедительным доказательством нравоучительного назначения сборника считает введение, содержащееся во всех редакциях „Панчатантры“,⁴ в самом начале которого говорится, в частности, следующее:

„Вишнушарман,⁵ изучив самое главное из всех имеющихся в мире наук,⁶ создал в этих книгах учебник, радующий сердца“.⁷

И. Д. Серебряков единственным подтверждением дидактического характера „Панчатантры“ считает заключительную фразу этого введения: „С тех пор эта наука разумного поведения, называемая «Панчатантрой», служит в мире для обучения юношей“.⁸

„И это все, — пишет И. Д. Серебряков, — что может служить подтверждением дидактического характера «Панчатантры». Если же обратиться к конкретному анализу каждой из составных частей памятника, то больше нигде мы не встретим упоминания об этом“.⁹

Это утверждение едва ли справедливо хотя бы потому, что И. Д. Серебряков не принял во внимание краткого заключения к книге, которое ясно и недвусмысленно называет „Панчатантру“ „наукой разумного поведения“.¹⁰

Что же касается древнесирийской и арабской версий, то там философ Бидуг (Байдеба), поучающий царя Дабшарима (Дабшалйма), появляется вновь в начале каждой главы, именно в его уста вложены мудрые истории, составляющие рамку каждой отдельной главы и предназначенные в назидание царю. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Глава о голубе-вахире, о мыши и вороне.

Дабшарим спросил: „Как приобрести друга и какая польза от дружбы?“.

Бидуг ответил: „Кто умеет приобрести друзей и товарищей, тот может избавиться от несчастья и получить много добра. Так мышь, ворон, черепаха и газель извлекли из своей дружбы большую пользу“.

Дабшарим спросил: „Что это за история?“.

Бидуг сказал: „В стране Дахшабат был город“ и т. д.¹¹

Глава о черепахе и обезьяне.

Дабшарим сказал: „Я слышал, как приобретают друга и какая польза от дружбы. Теперь, если тебе угодно, расскажи о том, как покидает человека счастье, которое он нашел, но не сумел удержать“.

Бидуг сказал: „Найти счастье легче, чем сохранить его. Счастье быстро покидает того, кто, получив его, не знает, как сберечь. Так случилось, например, с черепахой, которая добивалась сердца обезьяны, а когда получила его, не смогла сохранить и потеряла“.¹²

Глава о совах и воронах.

⁴ Так, он пишет: „Введение, содержащееся во всех редакциях произведения („Панчатантры“, — А. П.), не оставляет никакого сомнения в том, что его целью было служить приятным и удобным руководством в политике для царских сыновей“ (М. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur. Leipzig, 1922, S. 277).

⁵ Вишнушарман — предполагаемый автор „Панчатантры“.

⁶ Буквально: „...наук о политике“.

⁷ См.: М. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur, S. 277.

⁸ См.: Панчатантра. Перевод с санскрита и примечания Л. Я. Сыркина, М., 1958, стр. 13.

⁹ И. Д. Серебряков. Древнеиндийская литература. М., 1963, стр. 45.

¹⁰ Панчатантра, стр. 303.

¹¹ Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Leipzig, 1876, S. 34.

¹² Там же, стр. 49.

Дабшарим сказал: „Я слышал, как стремятся приобрести и сохранить друга и какая польза бывает от друзей. Теперь укажи и поведай мне о том, на кого нельзя положиться, хоть он и добился любви и стал другом“.

Бидуг сказал: „Не следует доверять другу, который прежде был врагом, потому что того, кто доверяет такому другу, постигает несчастье, подобно тому, что выпало совам от ворона“.¹³

Глава о кошке и мыши.

Сказал Задаштар Бишаму: „Покажи мне слабого человека и скажи, как с помощью знания ему избежать ненавистников и, если он находится среди врагов, — а они спорят из-за него, — как склонить к дружбе и перемирию одного, чтобы остальные враги оставили его и чтобы тот, кто заключил с ним дружбу, не обманул его своей хитростью; как ему добиться перемирия с тем, кто подходит для этого?“.

Бишам ответил: „Любовь — не во всякое время любовь, и вражда не всегда остается враждою, потому что враг, который находит пользу в своем противнике, обращается к дружбе, а друг, который видит от своего приятеля вред, обращается к вражде. И ненависть и любовь исходят из вреда и пользы“.¹⁴ И т. д.

В арабской версии и в некоторых поздних редакциях „Панчатантры“¹⁵ есть также заключение, в котором философ дает царю последние наставления. „Я разъяснил тебе дела и изложил ответ на те из них, о которых ты меня спрашивал... И пусть бог поможет тебе, о царь, наставит тебя на путь истинный, улучшит в тебе то, что было испорченным, успокоит пыл твоего гнева, который был горяч, и ниспошлет милость на твою душу и на душу твоих отцов, чистых, отошедших — людей умных, образованных, достойных, щедрых и благородных“.¹⁶

Таким образом, обрамляющая история, посвященная царю и философу и ограниченная в „Панчатантре“ лишь введением, приобретает здесь характер связного законченного повествования.

Вряд ли можно согласиться с автором книги „Древнеиндийская проза“ П. А. Гринцером, что это повествование имеет самостоятельную художественную ценность.¹⁷ Если первая часть его, собственно введение, и не лишена элемента занимательности, то продолжение истории в форме однообразных диалогов царя и философа и сухое немногословное заключение сами по себе никакого интереса для читателя не представляют. Из четырех новых глав арабской версии, которые подробно повествуют о происхождении книги и придают, по мнению П. А. Гринцера, обрамлению особую занимательность и художественную ценность, к обрамлению, по сути дела, относится только первая — „Предисловие Бахнуда ибн Сахвана“, остальные же являются вводными. Не совсем правильным было бы считать, что авторы этих глав ставили своей целью подчинить дидактику занимательности. Предисловие Ибн ал-Мукаффа' — это пламенный, настойчивый призыв видеть в „Калйле и Димне“ не предмет забавы, а книгу мудрости. Занимательные истории и анекдоты, которые он в большом количестве приводит, служат усилению этой идеи, а не простому развлечению.

„Рассматривающему эту нашу книгу, — пишет Ибн ал-Мукаффа', — следует поставить своей целью не разглядывание ее украшений, а изучение содержащихся в ней притч, пока не дойдет до конца. Он должен оста-

¹³ Там же, стр. 61.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ П. А. Гринцер называет в связи с этим „Хитопадешу“ и тамильскую рецензию, изданную Дюбуа. См.: П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза. М., 1963, стр. 200.

¹⁶ كتاب كيلة و هبة ص ٢٤٥-٢٤٦

¹⁷ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 200.

навливаться над каждой притчей и каждым словом с тем, чтобы поразмыслить над ними".¹⁸ Далее:

„Умному, когда он поймет цель этой книги с ее мудростью, прочтет ее до конца и изучит ее содержание, следует поступать в соответствии с тем, что он узнал из нее, чтобы использовать ее в качестве образца для себя, отклоняться от которого не должно“.¹⁹

Ибн ал-Муқаффа¹ предостерегает читателя от уподобления тем глупцам, „которые, не дав себе труда поразмыслить, заблуждаются относительно этой книги и, не задумываясь над тайнами ее смысла, берут явное, вместо того чтобы взять скрытое“.²⁰

Справедливо отмечая, что обрамление выполняет две функции — композиционную и дидактическую, — П. А. Гринцер считает в то же время, что они находятся в обратно пропорциональной зависимости: с развитием и разработкой рамки как композиционного приема снижается ее самостоятельное дидактическое значение. Так на первой стадии ее развития „несовершенная рамка — именно вследствие ее несовершенства — еще не потеряла собственного функционального значения: хотя по существу она служит лишь предлогом для введения разнородных рассказов, внешне она все же выражает дидактическую цель книги“.²¹ Однако позднее переводчики и компиляторы „Панчатантры“ „значительно шире раскрывают композиционные возможности обрамления, подчеркивая тем самым его основное назначение — способствовать удобному и ненавязчивому введению большого количества самостоятельных историй“.²²

Нам, кажется, однако, что композиционная и дидактическая функции рамки находятся не в обратной, а в прямой пропорциональной зависимости. Совершенствование и развитие рамки как чисто вспомогательного компонента в составе всей книги не мешают ей по-прежнему нести свою смысловую нагрузку. Более того, введение в начале каждой главы царя и философа с его поучительными речами усиливает назидательное звучание рамки и подчеркивает дидактическое назначение книги.

Лучше всего и больше всего о целевой направленности сборника говорит не самая рамка, а то, что она обрамляет, т. е. непосредственно его содержание. Мы попытались, используя материал древнеиндийской версии, рассмотреть сборник именно в этом аспекте, чтобы определить, насколько он соответствовал своей первоначальной цели — служить руководством для царей в управлении их государствами. Эта цель как первоначальная и основная была отмечена рядом исследователей.²³

Самое большое место в книге отводится правителям. Подробно описаны жизнь двора и свиты, придворный церемониал, дворцовые интриги и разговоры. Особенно характерны в этом отношении глава „О льве и

¹⁸ كتاب كيلة ومينة، ص ١٥٠

¹⁹ Там же, фv

²⁰ Там же, ог

²¹ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 199.

²² Там же, стр. 200.

²³ И. Ю. Крачковский писал, например: „Несомненно, что родиной оригинала является Индия еще в эпоху расцвета буддизма; возник он, вероятно, на санскритском языке не позже VI в. и по своей литературной форме представлял обычное впоследствии для средневековой Европы «зерцало», руководство для правителей, дидактически-морализаторское произведение, где излагаемые идеи подкрепляются иллюстрационной частью — рассказами из жизни животных, говорящих и действующих как люди“. Далее он объясняет, что звери эти не столько действуют, сколько рассуждают, и в этих длинных и обстоятельных рассуждениях лежит центр тяжести произведений, так как „именно в них автор проводит свои идеи и свою мораль“. См.: И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 441. Эта книга представляет собой то, что называлось в старину „зерцалом“. . . — отмечает Е. Э. Бертельс в предисловии к переводу И. Ю. Крачковского; Т. Бенфей называет ее „княжьем зеркалом“ („Fürstenspiegel“). „Книга должна была учить князей политической мудрости“, — подчеркивает К. Броккельман. См.: Enzyklopaedie des Islams, S. 744.

быке“ и следующая за ней в арабской версии „О расследовании дела Димны“, а также глава „О льве и шакале“.

Лев, царь зверей, живет в пещере, его окружают шакалы, лисы и другие животные. Одни из них в чести, другие, как Калыла и Димна, лишены царских милостей и доверия. Звери постоянно борются между собой за возможность приблизиться к владыке, используя при этом далеко не благовидные средства: хитрость, обман, лесть и т. д.

„Я знаю его (льва, — А. П.) привычки и обычаи, я приму во внимание каждую мелочь и буду делать все, что он захочет. Это и ему принесет пользу, и мне не причинит никакого вреда“,²⁴ — говорил Димна. И далее: „...ловкий благодаря своей сообразительности может выдать то, чего нет, за то, что есть, а то, что есть, за то, чего нет...“²⁵

„Я долгое время находился у ворот моего господина, прежде чем предстать, наконец, перед тобой, — продолжает он, унижаясь и работая. — У ворот владыки всякий, казалось бы, совсем не нужный, оказывается необходим. И от прутика, лежащего на земле, бывает польза: если что-нибудь застрянет у человека в ухе, он почешет в нем этим прутиком“.²⁶

Когда при дворе появляется бык Сизбуг, лев приближает его к себе и делает его своим советчиком. Димна решает убрать с пути этого „пожирателя травы“, чтобы занять его место, и начинает плести интриги. „Несколько дней он никуда не ходил и не видал льва. Отправившись, наконец, к нему, он прикинулся огорченным и обеспокоенным. Заметив его расстроенный вид, лев спросил:

— Что с тобой? Что-нибудь случилось?

— Пусть никогда не случится с моим господином то, что случилось со мной, — ответил Димна.

— Так что же это?

— Я должен рассказать тебе наедине.

„Когда они остались вдвоем и лев начал расспрашивать, Димна сказал:

„Трудно придется тому, кто станет противоречить кому-нибудь, привыкшему к лести. Но если тот, кому противоречат, умен, ему легко будет выслушать, и, выслушав, он извлечет пользу, а не выслушав, снискает вред. Мой господин умен, и если кто-нибудь из доброжелательства говорит с ним, то для него в этом нет никакого вреда. Я слышал кое-что и знаю, что ты этому не поверишь. Однако наши с тобой жизни связаны, и, если я вижу или слышу в чем-нибудь вред для тебя, я должен сказать тебе об этом, даже если ты и не спрашиваешь. Говорят, что тот, кто не открыл тайну владыке или скрыл болезнь от врача или не сохранил слова мудрецов, тот снискал вред самому себе.

— Что же это за тайна? — спросил лев.

— Я слышал, как однажды Сизбуг говорил с животными. Он сказал: «Я наблюдал за львом и понял, что он собой представляет. Он труслив, и теперь дело только за мной».

„Услыхав эту речь, я понял, что Сизбуг лицемер. Когда лев поднял его на такую высоту, мысли его запутались и он решил: «Я равен льву во всех отношениях, и, если я убью его, власть перейдет ко мне». Говорят, что если владыка не свергнет того, кто удостоен почестей наравне с ним, тогда тот его сам свергнет. И поэтому я говорю: ты мудр и умен, так сделай то, что следует“.²⁷

²⁴ Kalilag und Damnag, S. 4.

²⁵ Там же, стр. 4.

²⁶ Там же, стр. 5.

²⁷ Там же, стр. 14—15.

Лев вызвал быка и жестоко расправился с ним. Перед нами трагическая кровавая сцена из жизни двора, каких история знает немало.

„Калыла и Димна“ повествует нам еще об одной такой трагедии, разыгравшейся при дворе царя зверей.

Жил один богобоязненный и целомудренный шакал. Он не убивал, не проливал крови и не ел мяса, был честен, правдив и скромнен. Лев приблизил его к себе и назначил смотрителем над своими сокровищами, отмечая все большими и большими почестями. Это не понравилось другим приближенным, и они прониклись враждой и завистью к шакалу. Однажды они стащили мясо, предназначавшееся льву, и подбросили его в дом шакала. На другой день лев велел принести ему обед, но мяса не оказалось. Лев рассвирепел и приказал отыскать виновника. Тогда все стали наговаривать на шакала. „Это мясо тайком взял шакал и унес его к себе домой!“²⁸ — сказал один. „А если он унес тайком домой мясо, то придется поверить и в то, что я о нем слышал, будто он погряз в преступлениях“,²⁹ — добавил второй. „И если даже мясо найдут у него в доме, он сумеет с помощью хитрости оправдаться“,³⁰ — заявил третий. Лев послал своих надежных слуг в дом шакала, чтобы произвести обыск, и те нашли злополучное мясо. К шакалу был отправлен один из свиты царя с предложением извиниться. Он вернулся с подложным письмом, и тогда лев разгневался на шакала и велел казнить его.

При дворе царят лицемерие и ханжество. Когда лев, пострадавший на охоте, оказался не в состоянии добывать пищу, то волку, ворону и шакалу, которые жили остатками с царского стола, тоже нечего стало есть. На вопрос льва, почему они так похудели и обессилели, животные отвечают, что не могут есть, раз их господин так тяжело болен. И сам лев не уступает своей свите в лицемерии. При дворе его живет один верблюд, который отстал однажды от каравана и остался в лесу. Лев когда-то позвал его к себе и обещал безопасность. Но вот голодные звери пришли к царю и предложили убить и съесть этого верблюда. Лев страшно разгневался:

„Как вы смеете говорить мне о нем?! Ведь он мне доверяет. Говорят, что благодеяние того, кто напоит и накормит из милости сто голодных и жаждающих, не так велико, как благодеяние того, кто избавит от страха. Верблюд привязан ко мне, и я не позволю его убивать!“³¹ Однако когда ворон объяснил льву, что ему самому не придется ни убивать верблюда, ни даже приказывать, чтобы его убили, лев сразу успокоился и согласился с планом коварных хищников.

Верхом лицемерия являются слова ворона, когда он, предлагая себя на съедение льву и будучи уверен, что его спасут, говорит:

„У моего господина нет пищи, и он ослаб, а я только благодаря ему и существую. Пусть лучше мой господин съест меня и останется в живых, а те, кто останутся из нас, будут жить по-прежнему благодаря ему“.³²

В арабскую версию включена дополнительная глава о наказании лжеца и клеветника шакала Димны, которая сглаживает отчасти невыгодное представление о льве как о глупом и трусливом деспоте, всецело находящемся в руках мошенников-министров.

В некоторых версиях „Панчатантры“ безотрадные и мрачные картины жизни при дворе также несколько приукрашены.

В версию Пурнабхадры³³ включен небольшой отрывок, рисующий

²⁸ Там же, стр. 89.

²⁹ Там же, стр. 90.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 22.

³² Там же.

³³ Версия, которая легла в основу перевода А. Я. Сыркина. Автор ее джайнистский монах Пурнабхадра; он оставил в послесловии свое имя, имя своего заказ-

образ идеального царя и представляющий идиллическую картину царствования льва Пингалаки.

„... он, окруженный советниками и друзьями, без страха и забот, высоко неся голову, наслаждался царской властью в лесу. Он воздерживался от чрезмерного употребления зонтов, опахал, вееров, колесниц и не злоупотреблял наслаждениями. Он возвышался безыскусственным и разумным поведением и необычайной отвагой. Он в избытке был наделен гордостью и безупречным достоинством и не терпел высокомерия. Царская власть не знала цепей, и ей охотно подчинялись. Не слышно было жалобных речей простых подданных. Нетерпимость, гнев, беспокойные желания и высокомерие исчезли, и великодушие стало всеобщей целью. Ладони были сложены вместе. Не было ни печали, ни страха, и лесть не была в ходу. Процветали решительность, отвага, чувство своего достоинства и настойчивость. Подданный был предан одной цели, не зависел от других и вместе с тем не заботился об одном себе. Плодом мужественных поступков была радость от помощи ближнему. Отчаяние, бедность и унижение исчезли. Пришедшие в упадок крепости заботливо восстанавливались, а обилие богатств не ставилось ни во что. Не было противоречий и зависимости. Достижение чрезмерной власти считалось опасным. Никто не думал о шести способах ведения войны и не украшался оружием. Пищи было необычайное изобилие. Ничего не делалось за спиной, и не из-за чего было беспокоиться. Крики негодных женщин, следовавших по пятам, оставались без внимания. Некого было упрекать. Метательные орудия не употреблялись, и никого не обучали пользоваться ими. Желания не встречали преград, и подданные были удовлетворены, получая независимо от своего положения пищу и жилье“.³⁴

В древнесирийской версии в соответствующем месте о льве и его окружении сказано совсем кратко и отнюдь не так лестно: „Неподалеку оказался лев, у которого в этом месте была пещера, а с ним — много шакалов, лис и других животных. Лев был мудр, но о делах своих не заботился, а только упивался властью“.³⁵

Шакалы Калйла и Димна в древнесирийской версии названы прямо и недвусмысленно — хитрыми, лживыми и коварными: „У ворот льва были два шакала — Калйла и Димна, которым лев не доверял. Они были хитры и коварны, причем Димна отличался особой изворотливостью“.³⁶

Пурнабхадра не дает шакалам характеристики вообще, отказываясь от такой прямой и резкой критики. Самодева³⁷ называет Димну стойким и разумным и вообще представляет все дело так, что создается некая видимость его невиновности. Калйла и Димна у него являются министрами льва с самого начала. С появлением быка они теряют свои министерские должности, поэтому козни и интриги Димны против быка ради возвращения на пост министра кажутся до некоторой степени оправданными.

Самодева изобразил весь конфликт чуть ли не как борьбу за право на существование, и такая борьба представляется даже справедливой. У него Каратака и Даманака обречены на голодную смерть, так как лев не уделяет им ни куска от своей добычи, а съедает все вместе с быком. У Пурнабхадры то же: „Шакалы, лишившись покровительства

чика — могущественного министра Шри-Сома и дату окончания версии (17 января 1199 г.). См. об этом в статье В. В. Иванова, сопровождающей перевод А. Я. Сыркина (стр. 318).

³⁴ Панчатантра, стр. 19—20.

³⁵ Kalilag und Damnag, S. 1—2.

³⁶ Там же, стр. 2.

³⁷ Автор одной из редакций „Панчатантры“.

льва, оставались на одном месте, страдая от болезней и истощения, шею их исхудали от голода“ и т. д.³⁸

В древнесирийской версии о том, что звери голодали, не сказано ни слова. Просто тщеславному карьеристу Димне сделалось обидно, когда он увидел, что лев ест и пьет с быком чаще, чем с ним. И он решил убить это травоядное.

Даже сдержанный и осторожный Самодева, не утерпев, в конце называет Димну бесчестным и осуждает его дурные намерения.

Однако самая гневная и беспощадная отповедь холодному и расчетливому эгоисту Димне вложена в уста Калйлы автором древнесирийской версии.

„Ты, Димна, злой и жестокий, — говорит он. — И своими хитростями ты всех запутал, льва разгневал, а быка оклеветал. Справедливо говорят, что речная вода остается пресной только до впадения в море, семья бывает дружной только до появления дурных сыновей, а дружба сохраняется крепкой лишь до появления клеветников. Язык клеветников подобен раздвоенному языку змеи, и они своим коварством жалят подобно змее. Я тоже боюсь твоего коварства и очень хочу от тебя удалиться. Сказано ведь: не доверяй злему, даже если вы с ним в дружбе. Змею хоть и держат дома, все же боятся, чтобы она не ужалила... И тебя, Димна, тоже следует обходить подальше“ и т. д.³⁹ „Сын греха“, „коварный“, „неверный“ — вот эпитеты, которыми Калйла награждает своего брата. „С тобой вообще нельзя поддерживать отношений,⁴⁰ — говорит он. — Никто не может изменить твою испорченность, ибо плоды горьких тыкв не могут быть сладкими, сколько бы меда и масла ни втирали в их корни“⁴¹ и т. д.

„Калйла и Димна“ не только разоблачает, но и учит, учит тому, как должен поступить правитель в той или иной сложной ситуации в мирное время и во время войны. Здесь следует оговориться, что хотя поучения эти и выражены подчас в крайне категорической форме: владыка должен *كلا لعللا*, владыке следует *ان لا يعلل* и т. п., — все же они носят характер добрых пожеланий и советов, а не безусловных обязательных постановлений.⁴²

При этом мораль носит чисто практический, утилитарный характер. „Автор стремился преподать правителям уроки политической мудрости, часто резко расходящейся с требованиями нравственности“, — пишет В. В. Иванов.⁴³ „Калйла и Димна“ — это учебник мудрости, а не добродетели, и в основе ее лежит правило: для достижения цели хороши любые средства. „Поэтому читатель не должен удивляться тому, что во многих случаях мораль — это как раз нечто противоположное морали“, — отмечает В. Рубен.⁴⁴

Самое большое место в книге занимают рассуждения о необходимости советчиков для царя и о пользе их советов. Уже одно это наводит

³⁸ Панчатантра, стр. 40—41.

³⁹ Kalilag und Damrag, SS. 30—31.

⁴⁰ Там же, стр. 32.

⁴¹ Там же.

⁴² В санскритских текстах такого типа для выражения оттенка желательности употребляется особая грамматическая категория — оптатив (желательное наклонение). См. предисловие Г. Ф. Ильина к переводу „Законов Ману“ (Законы Ману. Перевод С. Д. Эльмановича. М., 1960, стр. 8—9). Грамматика сирийского языка не располагает специальными морфологическими средствами для передачи желательности действия (в противоположность долженствованию), однако из контекста отчетливо видно, что речь идет не о категорических требованиях, а лишь о рекомендациях.

⁴³ См. статью В. В. Иванова в книге „Панчатантра“ (стр. 308).

⁴⁴ W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre. Berlin, 1959, S. 8.

на мысль о том, что автор был из среды царских слуг или приближенных, однако он находился, по всей видимости, в числе несправедливо обиженных, ущемленных в правах и т. п. Именно поэтому с большой теплотой и сочувствием нарисован образ быка, умного, верного и честного советчика владыки, вероломно преданного им впоследствии. Поэтому так искренне и убедительно звучат жалобы быка на то, что с царем очень трудно бывает ладить. „Легче ходить по морю, чем пребывать с владыками, потому что даже тот, кто любим, почитаем и постоянно с ними, если ему устраивают проверку, то иногда он выдерживает, а иногда и нет“.⁴⁵ Может быть, в этом следует усматривать даже некоторый элемент автобиографичности. Неоднократно автор возвращается к теме доверия помощнику, потерпевшему жестокое обращение и наказанному — по заслугам или несправедливо, — призывает к восстановлению с ним прежних отношений и возвращению его на службу.

Рассмотрим некоторые положения более подробно.

Владыка может добиться успеха в своих делах только в том случае, если у него есть хорошие советчики, и, наоборот, так бы умен, красноречив и справедлив он ни был, ему не будет удачи, если он лишен толковых помощников. Эта заповедь повторяется бесконечно в самых разных вариантах. Роль советчиков, приближенных царя, по мнению составителя свода, огромна. „Самого незначительного врага трудно одолеть, если он собрал себе многочисленных помощников. И даже если удалось победить его в бою, все равно победитель торжествует недолго, если у него нет дружественных и умных советчиков, да еще если и сам он не отличается ни умом, ни мудростью. Удача не считается ни с происхождением, ни с именем, ни с внешностью, а приходит только к тому, кто отличается мудростью и усердием и у кого есть хороший помощник“⁴⁶ — говорится в главе „О совах и воронах“. „Человек должен советоваться с друзьями и советчиками, чтобы извлечь из своих дел добро“⁴⁷ — поучает автор. В главе „О льве и быке“ перечислены шесть разных несчастий, которые могут постичь владыку. „Вред для владык бывает шести видов: один вид — это вред от лишения, второй — от людей, третий — от страсти, четвертый — от гнева, пятый — от глупости, шестой — от невнимания“.⁴⁸ Далее автор поясняет, в чем состоит каждое из этих несчастий, и оказывается, что самое большое несчастье — „вред от лишения“ — состоит в том, что владыка лишается советчика. И это неудивительно: ведь „слава владыки зависит от того, насколько многочисленны те, кто с ним“.⁴⁹

Каковы же должны быть эти многочисленные советчики и приближенные владыки? Какие требования он должен предъявлять к ним, какими правилами должен руководствоваться, приближая их к себе? Это должны быть умные, опытные, честные, решительные и деятельные люди. От их решений и советов зависит престиж царя. Если многочисленные помощники царя красноречивы, но бестолковы, то и царь неумен,⁵⁰ и наоборот, если он окружает себя умными и опытными советчиками, то и сам слывет мудрым и опытным.⁵¹ Точно так же царь дол-

⁴⁵ Kalilag und Damnag, S. 19.

⁴⁶ Там же, стр. 63.

⁴⁷ Там же, стр. 68.

⁴⁸ Там же, стр. 11.

⁴⁹ Там же, стр. 28.

⁵⁰ Владыка неумен из-за многочисленных советчиков и приближенных, которые, как правило, умеют говорить и не умеют делать. См.: Kalilag und Damnag, S. 27.

⁵¹ Лев сблизился с Сизбугом и сделал его своим советником, а так как Сизбуг был умен и опытен, то и лев благодаря его советам стал мудрым и уважаемым. См.: Kalilag und Damnag, S. 7—8.

жен тщательно выбирать своих посланников, так как „по их уму судят об уме того, кто их посылает“.⁵²

Если же у владыки плохие советчики, то его постигает несчастье. Они могут дать неверный совет, а совет, который влечет за собой несчастье, подобен другу, который покидает в трудный час.⁵³ Или же они вступают в пререкания с владыкой, а если у кого-нибудь разногласия с советчиками, то врагам от этого польза, а ему — вред,⁵⁴ они могут быть несправедливы и жестоки с подчиненными царя.⁵⁵

По какому принципу должен владыка выбирать советчиков, чтобы окружить себя людьми справедливыми и честными, а глупых, коварных и злых отстранить?

Владыка должен внимательно изучать характер и поведение каждого человека и использовать его в соответствии с его усердием и с той пользой, которую он от него получает. Поэтому человеку, приближенному к владыке, следует показать все свое усердие, а тот должен судить о нем не по словам его, а по делам.

Особенно красноречиво и убедительно говорится об этом в главе „О льве и шакале“. „Цари должны хорошо знать людей, чтобы поручать им свои дела. Без помощников царям не обойтись, даже если некоторые из них и недоброжелательны.

„Если же они (помощники) готовы помочь и доброжелательно настроены, но неумны и непонятливы, они не могут выполнить должным образом их (царей) дела, подобно тому, как бесполезны для употребления повозка без колес или колеса без оси.

„Тому, кто хочет поручить им какое-нибудь дело, следует разузнать об их усердии, их уме, их успехах и о недостатках, которые у них есть. Если он не сможет сделать этого (сам), то через своих доверенных должен узнать, что собой представляет тот или иной человек, какие у него успехи и недостатки и какая от него может быть польза или вред. О каждом, кто выполняет какое-нибудь дело, он должен разузнать сам или через своих доверенных, чтобы не укрылся от него тот, кто творит зло, и чтобы был отмечен тот, кто служит добросовестно. Иначе тот, кто творит зло, будет продолжать это делать, а тот кто служит добросовестно, станет небрежным в своих делах“.⁵⁶

Поощрение и награда — это то, о чем никогда не должен забывать владыка. „Порадуй же и своих приближенных, — призывает один из советчиков главу воронов. — Царь, который не радует свою страну и своих приближенных, как два подобия сосков, вырастающих на шее у козы: сколько бы козленок ни сосал их, нет ему от них никакой пользы“.⁵⁷

Владыка не должен отказывать в поощрении даже самому ничтожному, потому что и ничтожный благодаря своему усердию вырастает в глазах окружающих и становится уважаемым. „Так, жилы четвероногих могут быть использованы для лука, который царь с почетом несет в руке“.⁵⁸

Нельзя доверять кому бы то ни было только потому, что его отец был в числе приближенных, и, наоборот, не следует пренебрегать тем, кто занимал раньше незначительную должность. И если даже он был

⁵² Там же, стр. 65.

⁵³ Там же, стр. 27.

⁵⁴ Там же, стр. 64.

⁵⁵ Если даже владыка добр и мягок, честные и добрые не должны приближаться к нему из-за того, что у него советчики и помощники. См.: Kalilag und Damnag, S. 27—28.

⁵⁶ Там же, стр. 86—87.

⁵⁷ Там же, стр. 80.

⁵⁸ Там же, стр. 6.

обижен владыкой несправедливо и раздосадован этим, все равно его услугами и советами можно воспользоваться, если он человек добросовестный, честный и справедливый.

Эта мысль кажется автору особенно важной, и он возвращается к ней снова и снова. Так, в главе „О льве и быке“ читаем: „Человеком сильным, усердным и положительным, который был унижен без всякой причины и раздосадован этим, пренебрегать не следует“.⁵⁹ То же самое в главе „О льве и шакале“: „Нужно доверять тому, кто был обижен царем и у кого оставалась эта обида“.⁶⁰

Владыка должен привлекать людей к себе на службу только на основе добровольного соглашения. „Если царь, приблизив к себе человека, хочет поручить ему какое-нибудь дело, а человек этого не хочет, не следует заставлять его. Такого человека не следует принуждать и, если даже он полезен, но не хочет, не следует заставлять его. Если все же его заставить, то от этого будет только вред“.⁶¹

Подобрав таким образом своих приближенных, владыка должен прислушиваться к их словам и не только к „словам лести“, но и к „словам противоречия“, как бы неприятны последние ни были. И если он умен, он их выслушает и извлечет для себя пользу. А не выслушает — снискает вред, потому что „не было никого — с самого начала и до сих пор, — кто избежал вреда, не согласившись с добрыми советами“.⁶²

Тот, кто не хочет прислушаться к дружеским советам, постоянно вредит своим делам, „подобно больному, который отказывается от пищи, указанной ему врачом, а ест то, что ему нравится“.⁶³ А правитель, который следует советам, подобен морю, соединяющему реки, и ему сопутствует удача.

Однако удача сопутствует лишь в том случае, если владыка хранит свои дела в тайне, так что шпион не может узнать их. Поэтому очередная заповедь гласит: „Успех владык в их уме, ум зависит от доброго совета, а совет помогает лишь в том случае, если тщательно сохраняются тайны“.⁶⁴

Далее перечислены все те, кто может разгласить тайну, а именно: владелец тайны (כִּוִּיֵּן מִיָּדָא), советчик (חַבֵּל סוֹבֵל), тот, кто приносит сообщение (חַבֵּל מַלְאָכָא), кто подслушивает в засаде, (כִּוִּיֵּן מִלְּפָנֵי הַמֶּלֶךְ), раб (חַבֵּל) и очевидец (כִּוִּיֵּן). Владыка должен быть осторожен с ними и не допускать небрежности, потому что „небрежность — причина всех зол“.⁶⁵

Отношению царя к своим подчиненным почти полностью посвящена глава „О льве и шакале“. Основная ее мысль в том, что владыка должен тщательно обдумывать все свои дела и поступки, прежде чем принять окончательное решение. „Мудрецы приводят свои дела в порядок кротостью и обдуманностью, и им не приходится раскаиваться из-за поспешности в своих решениях. Обдуманность нужна всем, особенно царям. Опора женщины — ее муж, (опора) сыновей — отец и мать, учеников — учителя, рабов — их господа, (опора) маленьких и скромных — в их скромности, опора каждого в царстве, а опора царя — в его мудрости“.⁶⁶

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 86.

⁶¹ Там же, стр. 88.

⁶² Там же, стр. 24.

⁶³ Там же, стр. 16.

⁶⁴ Там же, стр. 63.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 91.

Речь здесь идет о том, что владыка не должен наказывать провинившегося, не будучи уверен в его вине.⁶⁷ Только тщательно проверив все обстоятельства дела и убедившись в виновности человека, владыка может покарать его. Не следует осуждать и прогонять от себя того, кто совершил проступок не по своей воле и не по злому умыслу, а в силу обстоятельства или по чьему-либо подстрекательству. „Каждое дело следует рассматривать со всех сторон. Если одновременно исследуют (какую-нибудь вещь) с разных сторон, то узнают, что она собой представляет. Так, вино нужно проверять по цвету, запаху и по вкусу. Если же испытываешь что-нибудь одно, найдешь (вещь) июю.

„Так, насекомое, которое светится ночью, подобно огню, может показаться тому, кто не знает, огнем, и только когда он положит это насекомое к себе на руку, поймет, что тот, кто сказал ему (что это огонь), неправ“.⁶⁸

Владыка должен хорошо знать своих приближенных и входить в их отношения друг с другом. И если один из них станет наговаривать на другого или захочет принизить достоинства доброго и скрыть недостатки злого, владыке не следует слушать клевету и наветы, а нужно руководствоваться своими знаниями об этих людях и соображениями о том, кто из них на что способен. „Не следует, чтобы дела царей исполнялись руками других, — призывает автор. — Если они (цари) позволяют это, то множество бед случается с ними“.⁶⁹ И далее: „Не дай убедить себя их словам и уловкам, а их совместные замыслы — пресекай. Действуй так, чтобы они не смогли опять объединиться друг с другом, иначе ты станешь презренным в их глазах“.⁷⁰ И снова устами одного из героев: „Раз моему господину угодно, чтобы я был с ним, давай заключим соглашение. Если кто-нибудь из тех, кого мой господин привлек для (выполнения) своих дел, — более высокий и уважаемый, чем я, — станет бояться, что я достигну его положения, или если кто-нибудь из более ничтожных, чем я, захочет занять мое место, — если те или другие станут клеветать на меня и скажут моему господину что-нибудь плохое обо мне, пусть он не считает меня виновным до тех пор, пока не расследует (все) — тайно или открыто — и не найдет истину“.⁷¹

Итак, владыка должен окружать себя умными способными помощниками, принимая во внимание их заслуги и добрые качества, а также ту пользу, которую они могут оказать в его делах.

Он должен внимательно выслушивать их советы, если они обращены на пользу дела.

Владыка должен хранить в тайне свои планы и замыслы, чтобы враг не смог разведать их и нарушить.

Владыка должен хорошо знать своих людей, их характеры и поведение, при этом хорошего и добросовестного помощника следует награждать за его усердие, а по отношению к нерадивому и клеветнику — принимать соответствующие меры.

К самому правителю, к его поведению предъявляются вполне определенные требования. Он должен быть прям и искренен, потому что „с владыкой, слова которого неискренни и туманны, иметь дело так же трудно, как трудно лечь спать в доме, куда заползла змея, или путе-

⁶⁷ Об этом говорится также в главе „О льве и быке“. См.: Kalilag und Dam-nag, S. 17.

⁶⁸ Там же, стр. 91.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 91.

⁷¹ Там же, стр. 89.

шествовать по лесу, в котором водятся леопарды, или купаться в реке, где обитают крокодилы".⁷²

Владыка должен быть ровным в обращении с подчиненными. Если он раздражителен, то никто не сможет приблизиться к нему, чтобы выслушать его приказания. А дела владыки могут быть благополучны лишь в том случае, если приближенные выполняют его приказания.

Иногда поучение облекается в форму восхваления. Так, обращаясь к главе воронов устами одного из его советчиков, автор говорит: „В несчастье ты не растеряешься и все рассудишь должным образом, добрыми делами своими не возгордишься, время для выжидания и для действии знаешь, не словам, а делам близких тебе людей следуешь“ и т. д.,⁷³ как бы призывая его воспитать в себе эти необходимые качества. И, наоборот, гневное осуждение звучит в словах автора, когда он говорит, что глава сов доверчив, заносчив и глуп.

Владыке следует быть терпимым, осторожным, предусмотрительным, он должен быть гибким и умным, в делах управления, снисходить и наказывать, привлекать и отстранять, он должен тщательно обдумывать свои действия, причем для достижения цели можно использовать любые средства, не гнушаясь подчас и недостойными. Последнее вполне соответствует циничному характеру морали, проповедуемой „Панчатантрой“.

О внешней политике государств, о войнах между народами и междоусобицах повествуют две главы — „О совах и воронах“ и „О царе мышей“. И в той и в другой изображен царь в окружении министров. Он совещается с ними по поводу начала войны, все высказывают свои соображения, спорят, наконец, принимают решение и выполняют его.

Глава „О совах и воронах“ посвящена описанию шести методов ведения внешней политики. Эти шесть методов суть мир, война, выжидательное положение, наступление, союз и двойственная политика. Вот как определены они в „Артхашастре“.⁷⁴ „Тут миром считается заключение договора, связывающего (обе стороны), войною — причинение вреда, выжидательным положением — пребывание в безразличном состоянии, наступлением — принятие мер (к нападению), союзом — прибегание к помощи других и двойственной политикой — использование то войны, то мира (смотря по обстоятельствам)“. И далее: „Если кто-нибудь слабее (другого), то он должен заключать с ним мир. Имеющий превосходство может идти (на другого) войной. Тот, который считает: «ни меня другой, ни я его неспособны победить» — должен держаться выжидательного положения. Имеющий преимущество и превосходство должен наступать. Тот, у которого незначительные силы, должен искать союза (с другими). Если дело решается благодаря помощи союзника, то следует вести двойственную политику“.⁷⁵

В „Панчатантре“ — а на основе ее и в „Калйле и Димне“ — определены те же шесть методов, только в качестве шестого названа не двойственная политика, а обман или двуличие.⁷⁶

При этом хитрость, обман и вероломство пропагандируются весьма недвуслышенно:

⁷² Там же, стр. 26.

⁷³ Там же, стр. 79.

⁷⁴ „Артхашастра“ — политико-экономический трактат, приписываемый Каутилье, легендарному министру императора Чандрагупта Маурья. Это замечательный памятник, представляющий руководство к управлению государством и содержащий разнообразные сведения по истории, философии, экономике, военному делу и т. д. древней Индии. Перевод на русский язык опубликован в 1959 г. См.: Артхашастра, или наука политики. Перевод с санскрита. Издание подготовил В. И. Кальянов. М.—Л., 1959.

⁷⁵ См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 292—293.

⁷⁶ См.: Панчатантра, стр. 194.

„Будь недоверчивым всегда: и в мире, и в сражении, И злого своего врага сам постарайся обмануть... Не будет жить тот человек, который правду говорит... Огородясь двуличием, ты место укрепишь свое...“⁷⁷ и т. д.

В древнесирийской версии методы внешней политики не сформулированы так последовательно и отчетливо, при этом названо только пять из шести, а именно: бегство, схватка, подкуп (или подать), война и хитрость. Тем не менее влияние „Артхашастры“ и здесь несомненно.

Министры-вороны обсуждают все эти способы и решают победить врагов хитростью (Глава „О совах и воронах“).

То же и у мышей (Глава „Михраяд“). Там речь идет о трех способах, и предпочтение отдается третьему — хитрости. Благодаря хитрой уловке мыши навсегда избавились от страха перед своим смертельным врагом — кошками.

Глава „О кошке и мыши“ посвящена подробному, иллюстрированному описанию пятого метода — заключению союза с целью одоления врага при помощи союзника.

Однажды ночью кошка по имени Рума попала в сеть, расставленную охотниками. Поблизости оказалась мышь. Сначала она обрадовалась тому, что кошка в западне, но потом обнаружила опасность, угрожавшую ей самой: с одной стороны на нее собиралась напасть ласка, с другой — подстерегала сова. Выход был только один: мышь должна разгрызть сеть и освободить кошку, а та прогонит ласку и сову. Так они и сделали и, заключив перемирие, помогли друг другу. Идея рассказа состоит в том, что „мудрый, оказывая помощь своему врагу, получает благодаря ему свободу. Человек предусмотрительный, преследуя свои цели, может выразить по отношению к врагу иногда расположение, а иногда неблаговоление...“⁷⁸

События этой главы развиваются в полном соответствии с учением Каутильи, заключенном в разделе сотом „Артхашастры“ и названном им „Об искании помощи (у более сильного)“, в котором говорится, в частности, следующее: „Если (государь) находится между двумя более сильными, то он должен прибегать к помощи того, кто в состоянии его спасти...“, а если ему грозит гибель со стороны обоих, то он должен прибегать к помощи „срединного“ или „стоящего в стороне“.⁷⁹

Однако не всегда такой союз с врагом приносит удачу, и поэтому один из героев в главе „О голубе...“ говорит другому: „Глуп тот, кто заводит дружбу с врагом. Вода, даже сильно подогретая, если ее вылить на огонь, гасит его. Кто заключает перемирие с врагом, навлекает беду на самого себя и пребывает в страхе, как человек, за пазухой которого змея“.⁸⁰

Противоречивые суждения по поводу одних и тех же событий и действий характерны для нашего сборника. О вступлении в войну сказано, например: „Кто, не соразмерив свою слабость с силой своего врага, вступает с ним в войну, ищет вреда для себя самого.“⁸¹ И еще: „Дела следует решать не только борьбой, но также миром и согласием“.⁸² С другой стороны, с неменьшим пылом и убежденностью гово-

⁷⁷ Там же, стр. 200.

⁷⁸ Kalilag und Damnag, S. 57.

⁷⁹ Артхашастра, или наука политики, стр. 297.

⁸⁰ Kalilag und Damnag, S. 37.

⁸¹ Там же, стр. 62.

⁸² Там же, стр. 26.

рится: „Не следует смиряться перед врагом, даже если он и очень силен: ведь против того, кто ему подчиняется, восстанут другие“.⁸³

В главе „О совах и воронах“ обсуждается вопрос об отношении к пленному врагу, причем так же высказаны две противоположные точки зрения: 1) нужно его убить или хотя бы посадить в специально отведенное место, 2) убивать не следует, достаточно и того, что он унижен; нужно отнестись к нему с состраданием и сочувствием, особенно если он раскаялся и сделал во искупление своей вины какое-нибудь доброе дело.

Автор не объясняет, по каким признакам царь может отличить вражеского шпиона, особенно если все министры считают перебежчика честным и преданным человеком. Должен ли царь в этом и других случаях последовать решению большинства или безоговорочно принять совет самого мудрого и уважаемого министра? Как узнать, честен или бесчестен, глуп или умен тот или другой министр?

Понятно, что при такой противоречивости и неопределенности „Калйла и Димна“ не могла быть настоящим практическим руководством. В ней только намечены те вопросы, на которые царь должен обратить внимание, однако окончательных решений не дано, а так как цари показаны неспособными к управлению и к самостоятельному решению тех или иных конкретных проблем, то вся книга принимает крайне неопределенный характер. Она „не является учебником для начинающих, это проблематическое произведение с ярко выраженной пессимистической тенденцией“.⁸⁴

Автор не справился с задачей, которую взял на себя. Сильнее всего он там, где речь идет о его собственных переживаниях и интересах. Как мы уже отмечали, этот человек из среды приближенных царя был отстранен по каким-то причинам и стремился, вероятно, к восстановлению своего прежнего общественного положения. Поэтому он последовательно, убежденно и настойчиво внушает царю мысль о том, что тот может и должен поручать свои дела людям, отстраненным им ранее, провинившимся, наказанным и т. д.

Если у Каутильи по поводу назначения министров наряду с его собственным изложены также мнения других авторов,⁸⁵ то, с точки зрения составителя нашего свода, по этому поводу двух мнений быть не может: „Владыка не должен доверять кому бы то ни было только потому, что его отец был его приближенным и находился в его свите, так же как не должен пренебрегать тем, чей отец занимал раньше незначительную должность“.⁸⁶

Лицо самого автора выступает здесь наиболее отчетливо, особенно если учесть то обстоятельство, что отец Димны, в уста которого вложены приведенные выше слова, был близок льву когда-то, и последний говорит о нем: „Его отец был у нас близким другом“.⁸⁷

Димна, стремящийся войти в доверие ко льву и сблизиться с ним, должен был бы сказать иначе. Ведь, по его словам, он ратует не за себя, а за того, „чей отец занимал незначительную должность“. Для

⁸³ Там же, стр. 62.

⁸⁴ См.: W. Ruben. Pancatantra und seine Morallehre, S. 168.

⁸⁵ Так, в „Артхашастре“ читаем: „Пусть он назначает министрами людей, отцы и деды которых были министрами, так как ему известны их дела. Они его не покинут даже в случае ошибок с его стороны, благодаря близкому знакомству“. Так говорит Каунападанга. И далее: „Нет, — говорит Витавьядхи. — Ибо эти люди, забрав все, станут поступать как господа“. „Нет, — говорит Бахудантипура“ и т. д. См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 23—24.

⁸⁶ Kalilag und Damag, S. 6.

⁸⁷ Там же, стр. 5.

автора важнее всего выразить свою мысль, а отсутствие логики в действиях героя его не беспокоит.

В тех случаях, когда задачи книги уводят автора далеко от его собственных устремлений и заинтересованность сменяется безразличием, категоричность суждений переходит в непоследовательность и неопределенность.

Излагая содержание нашего сборника, мы указывали на связь его с книгой Каутильи „Артхашастра“.⁸⁸ Интересно остановиться на сущности этой связи более подробно.

Свод правил, выделенный нами из общего текста, распадается на две части — руководство к ведению внешней и внутренней политики. Каждая из этих частей соответствует определенным разделам „Артхашастры“. Так, первая часть нашего „зеркала“ связана с первым отделом „Артхашастры“ — „О правилах поведения“, в частности с главами № 7 — „О поведении царя-мудреца“, № 8 — „О назначении министров“, № 15 — „Значение совещания“, № 21 — „Охрана особы (царя)“ и т. д. Уже в самом названии седьмой главы — поведение царя-мудреца — можно видеть косвенный намек на связь нашего сборника с произведением Каутильи. В древнесирийской версии поучения часто адресованы мудрому царю (царю-мудрецу) и в большинстве случаев подкреплены авторитетом мудрых.⁸⁹

„Мудрый царь полагается на своего посланца, потому что по его уму судят об уме того, кто его посылает“.⁹⁰

„Мудрец хитрость врага видит и речью его не обольщается, а старается предостеречься, глупого же легко ввести в заблуждение словами“.⁹¹

„Мудрец, когда его постигает несчастье, знает, что несчастье это пройдет, окончившись добром, и поэтому с радостью принимает его и ждет своего времени“.⁹²

„Мудрецы говорят, что справедливость можно нарушить и восстановить“⁹³ и т. д.

Содержание седьмой главы посвящено рассмотрению трех целей, трех основных факторов в жизни человека, которыми, согласно индийской философии, являясь закон, польза и любовь. Они должны находиться в постоянном равновесии, однако один из этих трех факторов должен быть ведущим. По Каутилье, ведущей является именно польза.⁹⁴ В указанной главе по этому поводу сказано следующее: „Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается трем целям, части которых связаны друг с другом. Ибо одно из трех — закона, пользы и любви — чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим“. Каутилья

⁸⁸ Зависимость „Панчатантры“ от „Артхашастры“ отмечена рядом исследователей. См., например: Панчатантра, стр. 312; П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 114, 189; W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre, S. 7; M. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur, S. 281.

⁸⁹ Индийская мифология различает четыре вида мудрецов: божественный мудрец, или бог-мудрец, брахманический мудрец, или брахман-мудрец, царственный мудрец, или царь-мудрец, и просто мудрец. Согласно мифологии, это особые существа, которые отличаются от обычных людей, богов и т. д. См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 576, прим. 18. И в тексте нашего памятника мудрецы также противопоставлены простым людям.

⁹⁰ См.: Kalilag und Damrag, S. 65.

⁹¹ Там же, стр. 72.

⁹² Там же, стр. 76.

⁹³ Там же, стр. 53.

⁹⁴ Артхашастра, или наука политики, стр. 569, прим. 24.

считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе.⁹⁵

Обратившись теперь к нашему своду, мы должны отметить, что, давая правителю свои советы, автор всегда предполагает конечную пользу для него. Владыка должен совещаться с помощниками, чтобы извлечь из своих дел пользу. Он должен принимать их советы, если они направлены на пользу дела. Владыке следует внимательно изучать поведение и характер каждого человека и расценивать его в соответствии с той пользой, которую он от него получает, и т. д. Каждый случай, любая ситуация рассматриваются с точки зрения той пользы, которую можно извлечь из стечения тех или иных обстоятельств. Так, например, бесспорными считаются следующие положения. „Владыка, который следует только собственному желанию, своей пользы не понимает“.⁹⁶ Далее: „(тот, кто) ради пользы, на которую рассчитывает, принимает слово, жестокое, как копьё, не огорчается и терпеливо сносит презрение врагов, не выказывая своих желаний, тот извлекает пользу“.⁹⁷ Ради пользы можно примириться даже с врагом. „Мудрец ради пользы на своего врага полагается, а друга оставляет“.⁹⁸ В другом месте эта же мысль повторяется снова: „Любовь не во всякое время любовь, и вражда не всегда остается враждою, потому что враг, который находит пользу в своем противнике, обращается к дружбе, а друг, который видит от своего приятеля вред, обращается к вражде“.⁹⁹

Из этого отрывка отчетливо видно, что и для автора нашей версии главное — польза. Любовь же зависит от нее, на ней основывается, из нее исходит.

Один из героев считает необходимым для себя „призадуматься о трех вещах: о пользе и вреде, которые уже свершились, о пользе и вреде настоящих — причем пользу нужно сохранить, а от вреда избавиться — и о пользе и вреде, которые еще не достигнуты — к какой пользе нужно стремиться и какого вреда избегать“,¹⁰⁰ и т. д.

В этой же седьмой главе автор „Артхашастры“ говорит о необходимости советников и их советов. „Управление царством выполняется с помощниками, одно колесо не вертится, пусть поэтому он (царь, — А. П.) создаст себе советников и слушает их советы“.¹⁰¹ Собственно это то, о чем так много и убедительно говорится в начале нашего свода.

Восьмая глава „Артхашастры“ посвящена вопросам назначения министров и перекликается с соответствующими рекомендациями нашего автора.

Глава 21 „Артхашастры“ посвящена охране особы царя. В ней перечислены меры предосторожности, какие должен предпринимать царь, чтобы уберечь свою жизнь. Особенно осторожным ему следует быть в отношении пищи. Пищу пусть готовит главный повар в особом скрытом месте. Прежде чем есть, царь должен принести „жертву пищей огню и птицам“. Если в пище яд, то огонь горит темно-синим пламенем и при этом раздается потрескивание; птицы же умирают. Далее идет описание того, как изменяются различные пищевые продукты, когда на них попадает яд. Сочные предметы становятся вялыми, сухие быстро распадаются и обесцвечиваются, жесткие становятся мягкими и т. д.

⁹⁵ Там же, стр. 22.

⁹⁶ Kalilag und Damnag, S. 16.

⁹⁷ Там же, стр. 76.

⁹⁸ Там же, стр. 60.

⁹⁹ Там же, стр. 57.

¹⁰⁰ Там же, стр. 10.

¹⁰¹ См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 22.

Если царю потребуется какое-нибудь лекарство, то он должен заставить тех, кто причастен к его приготовлению, а также врача попробовать это лекарство.

„Рабыни пусть исполняют обязанности банщиков, массажистов, приготовляющих ложе, прачек и изготовителей гирлянд, или же (пусть этим занимаются) находящиеся под их наблюдением искусные в этих занятиях лица. Пусть они подают платья и гирлянды, приложив их сперва к своим глазам, а мази, употребляемые при купании, порошки для натирания, благовония и предметы, употребляемые для купанья, пусть прикладывают к своей груди и рукам“.¹⁰²

Царь должен садиться в повозку и на верховых животных только при условии, если за ними смотрят слуги, перешедшие ему по наследству.

Затем продиктовано еще несколько правил, которых должен придерживаться царь, чтобы не подвергнуть свою жизнь смертельной опасности: в воду пусть входит, если в ней нет рыб и крокодилов, посла пусть принимает только в окружении советчиков и т. д.

В прямой связи с изложенной выше главой „Артхашастры“ находится один из отрывков сирийского текста, который гласит: „Могущественному человеку, (заботящемуся) о своем теле, следует охранять воду и моющие средства, которыми он моется, посуду, покрывало, на котором он сидит, лошадь и седло, которыми он пользуется при езде верхом, оружие, которое он вешает к поясу, пищу, которую он потребляет, лекарства, которые ему нужны, гирлянды, которые на него возложены,¹⁰³ благовония, ароматические вещества и мази, которыми он умащается. Все это (он должен) охранять от своих врагов“.¹⁰⁴

В „Панчатантре“ в соответствующем месте читаем: „В то время как он ест и пьет, сидит, иль ходит, иль лежит, Грозят беспечному враги, открытые и тайные“.¹⁰⁵ Здесь отрывок этот лишен какой бы то ни было конкретности, изменен почти до неузнаваемости.

Важно отметить, что, помимо различий чисто внешнего характера, приведенные отрывки — цитата из древнесирийской версии и стих из „Панчатантры“ — отличаются принципиально: первый адресован могущественному человеку, т. е. владыке, царю, как это отчетливо видно из параллельного текста „Артхашастры“ и из арабского перевода Ибн ал-Мукаффа,¹⁰⁶ во втором случае поэт обращается к простому рядовому человеку, беспечному и беззаботному. Беспечным может быть также и царь, следовательно, стих этот может быть отнесен и к нему, однако автор „Панчатантры“ не подчеркивает этого специально, тогда как переводчик-сириец считает это необходимым. В этом и других случаях аспект „царского зеркала“ отступает в „Панчатантре“ на задний план, заменяется рассуждениями с точки зрения общечеловеческой.

¹⁰² Там же, стр. 49—50.

¹⁰³ Биккель переводит: „корону, которую он увенчан“ (Krone, die er aufsetzt), но этот перевод не совсем удачен. Сирийское слово **حليله**, которое стоит в тексте, включает оба эти значения — корона и гирлянда, однако последнее кажется нам более уместным здесь, так как именно о гирляндах идет речь в отрывке, цитированном из „Артхашастры“. Интересно, что у Ибн ал-Мукаффа стоит не „корона“ и не „гирлянда“, а „золото“ (**ذهبه**) его золото). См.: 171 ص **كتاب كليلد و ذمنة**. Вероятно, в пехлевийском тексте было слово, включающее понятия „ожерелье“, „гирлянда“, „золотое украшение“, из которых переводчик-араб выбрал „золото“ — **ذهب**, а сиринец — „гирлянда“ — **حليله**.

¹⁰⁴ См.: Kalilag und Damnag, S. 77.

¹⁰⁵ См.: Панчатантра, стр. 237.

¹⁰⁶ У Ибн ал-Мукаффа сказано: **ينبغي للملك ان يحصن** „Следует царю беречь —“ и т. д. См.: 171 ص **كتاب كليلة و ذمنة**

Говоря о связи двух памятников — „Панчатантры“ и „Артхашастры“, — следует отметить высказывание И. Д. Серебрякова, который указывает на особый характер этой связи. „И в «Панчатантре», и в «Артхашастре», по существу, та же цель, которую преследовали, судя по рассказу о глупых сыновьях царя Амаршакти, авторы «Панчатантры». Налицо как будто бы несомненная связь обоих произведений, но связь эта отрицательная, негативная, ибо если Каутилья-Вишнугупта оценивает все жизненные явления с позиций сохранения монархических привилегий, то «Панчатантра» оценивает их с позиций простого человека, демократической массы, сатирически высмеивает то, что «Артхашастра» утверждает как норму поведения правителя“.¹⁰⁷

Вряд ли можно принять приведенные выше строки, ибо несомненно, что авторы „Панчатантры“, так же как и составитель „Артхашастры“, „исходили из идеи неизбежности и необходимости царской власти“.¹⁰⁸ Именно с целью укрепления царской власти и авторитета они советуют владыке вдумчиво и серьезно относиться к выбору помощников, приближать к себе тех людей, которые могут принести пользу, поступать так, как в данный момент удобно и выгодно, и т. д. Несомненно, однако, и то, что это книга большой обличающей силы. Автор высмеивает глупого и недалекого царя, лживых и лицемерных его советников, выступает против дворцовых интриг, жестокости и клеветы. Неверно было бы думать, что „Артхашастра“ утверждает все это как норму поведения. Дело только в том, что автором „Артхашастры“ был высокий и влиятельный сановник, быть может, даже сам могущественный и властный Каутилья,¹⁰⁹ а автор „Панчатантры“ — мелкий незначительный чиновник. Именно поэтому некоторые вещи и кажутся изложенными с разных позиций.

В десятой главе „Артхашастры“ — „Испытание честности и нечестности министров посредством хитростей“¹¹⁰ — перечислено несколько способов, посредством которых царь должен испытывать верность и преданность своих помощников: а) домашний жрец, замененный для вида другим и прикинувшийся недовольным, подговаривает министров — одного за другим — сместить этого царя-беззаконника, а на его место поставить другого, справедливого. Тот министр, который откажется от этого плана, — чист. б) Военачальник, отставленный для вида за кровительство недостойным людям, подговаривает министров — одного за другим — на убийство царя со словами: Все на это согласны, а как ты? Отказавшийся — чист. И т. д. Всего существует четыре способа — „четыре вида хитростей“, посредством которых царь испытывает своих министров. Не на эти ли „хитрости“ содержится намек в речи одного из героев „Калилы и Димны“, когда он жалуется другому: „Легче ходить по морю, чем пребывать с владыками, потому что даже тот, кто любим, почитаем и постоянно с ним, если ему устраивают испытание, то иногда он выдерживает, а иногда и нет“.¹¹¹

Если это так, то, действительно, в некоторых случаях „Панчатантра“ осуждает то, что в „Артхашастре“ считается нужным и полезным. Однако различия эти отражают лишь разные взгляды отдельных групп царских чиновников, а в целом это одноплановые произведения, связанные между собой самой непосредственной и позитивной связью.

¹⁰⁷ И. Д. Серебряков. Древнеиндийская литература, стр. 48.

¹⁰⁸ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 138.

¹⁰⁹ О личности Каутилья см., например, статью В. И. Кальянова „Артхашастра — важнейший памятник индийской культуры“ в книге: Артхашастра, или наука политики, стр. 522—525.

¹¹⁰ Артхашастра, или наука политики, стр. 25—27.

¹¹¹ Kalilag und Damag, S. 19.

Проследить эту связь между нашим „зерцалом“ и „Артхашастрой“ легче и проще при сравнении последней с „Панчатантрой“. Там можно установить многочисленные текстуальные совпадения, отдельные строфы, заимствованные автором „Панчатантры“ у Каутильи, наконец, общие композиционные особенности.¹¹² Однако и приведенный материал представляет, как нам кажется, определенный интерес.

Анализ предписаний, адресованных правителю, показывает, что „Артхашастра“ оказала влияние на древний санскритский сборник в самый момент его возникновения, вероятно, еще до того, как „Панчатантра“ выделилась в самостоятельную книгу. Несомненно, что с течением времени в процессе многочисленных переработок заимствования из „Артхашастры“ становились многочисленнее и конкретнее, однако основные положения — о предпочтении выгоды закону, о применении шести способов ведения внешней политики, о необходимости совещания и т. д. — были взяты с самого начала. Следовательно, в момент возникновения и оформления нашего сборника „Артхашастра“ уже существовала. Возможно, эти наблюдения, привлеченные в дополнение к уже накопленному наукой обширному материалу, могут оказаться полезными в решении вопроса о датировке „Артхашастры“.

Книга „Калйла и Димна“, как можно убедиться, была предназначена для царей, чтобы облегчить им дело управления государствами с точки зрения наибольшей для них выгоды. И читатели воспринимали ее в те далекие времена прежде всего как „зерцало“. У нас есть все основания полагать, что Ибн ал-Мукаффа¹, перевод которого сыграл в судьбе этой книги такую выдающуюся роль, заинтересовался именно этой ее стороной в первую очередь, а не забавными, занимательными притчами. Мы уже цитировали отдельные места из его предисловия, в котором он сформулировал свое отношение к этой книге, призывая читателя ценить в ней не забаву, а мудрость.

Интересно, что темы, затронутые в „Калйле и Димне“, занимали Ибн ал-Мукаффа¹ не только в связи с этой книгой. Его перу принадлежит несколько переводов и самостоятельных произведений, в которых решаются вопросы воспитания лучших качеств в характере человека и норм его поведения, а также поведения правителей, их взаимоотношений с подчиненными, вопросы государственного устройства и управления и т. д. С критикой существующей государственной системы и с конкретными предложениями ее усовершенствования выступает Ибн ал-Мукаффа¹ в „Трактате о сподвижниках (رسالة الصحابة)“. Реформы, предложенные им в этом сочинении, касаются организации войска, судопроизводства, упорядочения налоговой системы и т. п. Заканчивается трактат призывом к самоусовершенствованию, адресованным халифу. „Общество не может совершенствоваться, если не совершенствуются избранные, а избранные не могут совершенствоваться, если не совершенствуется тот, кто стоит во главе их“.¹¹³

Вопросам морали и поведения посвящены „Наставления“ — „Наставление для малых дел“ (الادب الصغير) и „Наставление для великих дел“ (الادب الكبير). В том и другом ряд поучений предназначен специально для правителей и халифов, „чтобы призвать их к выполнению своего долга по отношению к подданным и заставить их лучше подбирать везирей и вельмож“.¹¹⁴ Особенно интересно в этой связи „Наставление для великих дел“. Оно состоит из двух частей, причем первая посвящена

¹¹² См.: П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 114.

¹¹³ Цит. по: История арабской литературы Ханна ал-Фахури, ч. I, М., 1959, стр. 339.

¹¹⁴ Там же, стр. 341.

специально отношению правителей к их подданным. В частности, автор предостерегает здесь от спешки в решении вопросов о наградах и наказаниях. Целый ряд советов касается личной жизни правителя. Оба „Наставления“ являются как бы двумя частями одной книги и дополняют одно другое. „Наставление для великих дел“ посвящено правителям, „Наставление для малых дел“ показывает пороки и недостатки каждого человека, призывает к их устранению и к воспитанию таких качеств, которые могут украсить характер и поведение.

Непосредственно к „Наставлениям“ примыкает „Калила и Димна“. Она как бы объединяет в себе обе эти стороны, включая и свод правил для правителей, и кодекс морали и поведения каждого гражданина. Многие положения в „Наставлениях“ и в „Калиле и Димне“ сформулированы одинаково, некоторые изречения повторяются дословно в той и другой книгах.¹¹⁵

Выбор „Калилы и Димны“ для перевода не случаен, но обусловлен определенными устремлениями Ибн ал-Мукаффа. „Конгениальность переводчика с избранным им произведением здесь несомненна“, — отмечает И. Ю. Крачковский.¹¹⁶ Выделяя то общее, что характерно для указанных сочинений, можно составить представление о круге вопросов, интересовавших автора в первую очередь. Этот интерес, определивший направление литературной деятельности писателя, объясняется в значительной степени условиями его жизни.

Ибн ал-Мукаффа видел все несовершенство государственного устройства в халифате, тупую жестокость наместников, их несправедливость, произвол и т. д. И он хотел научить их уму, справедливости, честности и добру. В „Трактате о сподвижниках“ он адресовал свои советы и предложения непосредственно халифу, стремясь внушить ему мысль о превосходстве государственного строя персов.¹¹⁷

Чтобы не вызвать гнева могущественного властелина, Ибн ал-Мукаффа приходилось быть очень осторожным. Книга „Калила и Димна“, ее стиль, форма и композиция как нельзя лучше отвечали его устремлениям. С ее помощью он мог безнаказанно выразить свои тайные мысли и чувства, свое отношение к Аббасидам, нежная дружба с которыми была всего лишь притворством, свое недовольство халифом. Он мог поучать халифа, советовать одно и осуждать другое, оставаясь при этом в безопасности, хотя бы на некоторое время.

Возможно, что, принимаясь за перевод „Калилы и Димны“, Ибн ал-Мукаффа преследовал сначала более скромную цель. Служа секретарем в диване 'Исы ибн 'Али, он должен был исполнять также обязанности воспитателя его племянников, обучая их наукам и литературе. Может быть, своим воспитанникам непосредственно и предназначал Ибн ал-Мукаффа свой перевод „Калилы и Димны“, чтобы обучить их мудрости и разумному поведению, подобно тому как легендарный мудрец Вишнушарман, чтобы обучить сыновей царя Амарашакти, написал для них „Панчатантру“. Однако перевод этот вышел за рамки своей первоначальной цели и превратился в явление общественно-политического характера. „Калила и Димна“ вошла в нашу литературу, — пишет совре-

¹¹⁵ Известный арабский ученый Ахмед Зеки-паша в предисловии к изданному им в Египте „Наставлению для малых дел“ (1911) приводит три примера подобных совпадений. Число таких примеров можно значительно увеличить. Так, последние страницы этой книги — 70 ' 71 ' 72—73 — почти целиком повторяют изречения из „Калилы и Димны“.

¹¹⁶ И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, стр. 437.

¹¹⁷ Х. ал-Фахурй называет „Трактат о сподвижниках“ программой революции, направленной против ал-Мансура, а в „Калиле и Димне“ видит резкие нападки на тиранов. См.: ' 1972 ' حنا الغاخورى ' الجديد فى الادب العربى ' بيروت

менный арабский ученый Хусейн Мурувва, — чтобы обрисовать выдающиеся общественно-политические явления времени халифа ал-Мансура; она является объективным отражением исторической эпохи, характеризующим государственную и общественную жизнь арабов¹¹⁸.

Ибн ал-Мукаффа¹ был настоящим патриотом. Все персидское было близко ему и дорого, и видя это дорогое попорченным, униженным и угнетенным, он страдал, негодовал и боролся. „Калила и Димна“ нашла отклик в этой пламенной душе, потому что благодаря символичности ее формы и реальности содержания Ибн ал-Мукаффа¹ мог показать жизнь угнетенных народов, „чтобы извергнуть из душ современников вулканы обиды и разбудить в закоулках их сердец доблесть настоящего человека — и пусть они устремятся к защите своих прав, насколько это в их силах“¹¹⁹.

В. Рубен утверждает, что и автор „Панчатантры“, изображая единение животных перед лицом опасности в образе злого охотника во II главе книги, хотел сказать этим самым, что „и слабые люди должны держаться вместе против деспотов и их сборщиков налогов“¹²⁰.

Очень мало известно о Буде, сирийском переводчике „Калилы и Димны“, но и на основании этого немногого можно провести определенную параллель между ним и Ибн ал-Мукаффа¹. Один — перс, приверженец религии Зороастра, наблюдающий угнетение своих соплеменников арабами, другой — перс (или сириец), христианин — несторианин, свидетель гонений на своих единоверцев со стороны ортодоксальной византийской церкви. Оба могли увидеть в „Калиле и Димне“ отражение окружающей их действительности.

„Калила и Димна“ — это авторская книга с ярко выраженной нравоучительной направленностью. Однако не совсем правы те, кто возражает против термина „народная книга“ в применении к сборникам такого типа.

В „Калиле и Димне“ соединились как бы две книги. С одной стороны, это нравоучительное тенденциозное произведение, с другой — сборник занимательных притч, басен, рассказов, в которых выразились мудрость народа, его жизненный опыт, его чаяния, надежды и его представления о лучшей жизни. „В ней (в „Калиле и Димне“, — А. П.), — пишет И. Ю. Крачковский, — мы встречаем наблюдение всех социальных условий, современных автору; впервые жизнь и нравы отразились здесь до мельчайших самых обыденных подробностей без риторической аффектации“¹²¹.

Наиболее интересный материал для наблюдения социального неравенства дают притчи-новеллы, герои которых — простые люди: ремесленники, плотники, сапожники, нищие. Один живет тем, что перепадет ему из рук богача-соседа,¹²² другой едва сводит концы с концами, а если зайдет к нему в дом кто-нибудь, и предложить гостю нечего, так как сам он съедает больше, чем зарабатывает,¹²³ третий ежедневно ходит в город, чтобы добыть себе пропитание.¹²⁴ Бедность — большое зло. Богатство, деньги — это главное, что определяет судьбу человека. „Тот, у кого большое состояние, имеет много друзей и родных, и благодаря

118 مروة حسين . كلية و دمنة — تراث عربي اصيل . الطريق . 1907 . العدد 8 . ص 21-27 .

119 تسيم نمر . العناصر التي خلدت كتاب كلية و دمنة . الاديب . 1973 . العدد 2 . ص 3 .

120 W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre, S. 128.

121 И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, стр. 442.

122 Kalilag und Damnag, S. 54.

123 Там же, стр. 40.

124 Там же, стр. 39.

богатству прославляется он сам и известны становятся его дела, — говорится устами мыши. — А дела бедного человека не увенчаются успехом".¹²⁵ И далее: „Тот, кого постигает нужда, трудную жизнь ведет с женой и детьми. Родные отрекаются от него, и друзья отворачиваются. Из-за нужды он совершает преступления и недостойные поступки. В этом мире он живет плохо и в том мире тоже будет жить плохо. Нет ничего более жалкого, чем бедняк. Он живет в скорби, и несчастья окружают его. Впавшему в нужду остается только хранить чувство собственного достоинства. Пренебречь этим чувством — потерять уважение к себе, а тот, кто лишен уважения, опозорен, оскорблен и поруган в глазах всех людей. Из-за нужды ослабевают его память и разум, а недостаток ума и памяти навлекает еще большие несчастья и оскорбления. Его словам не верят, а если кто-нибудь совершит преступление, подозрение падает на него. Бедняку легче положить свою руку в пасть дракону, выпить смертельный яд или броситься со скалы, чем попросить что-нибудь у злых людей. Говорят, что у того, кто вынужден из-за бедности просить у другого на пропитание или искать крова в чужом доме, жизнь подобна смерти, а смерть, как отдых".¹²⁶ Подобные откровения в „Калйле и Димне“ нередки.

В заключение следует отметить следующие моменты. „Калйла и Димна“ — это дидактически-морализаторское произведение, за нравоучительными сентенциями которого отчетливо и определенно выступает лицо автора. Последовательность и даже некоторая навязчивость, с какой повторяются отдельные советы и пожелания, наводят на мысль о том, что они продиктованы интересами самого автора, и позволяют предполагать среду, из которой он вышел. Это один из чиновников, приближенных царя, отстраненный, очевидно, за какую-то провинность. Положение его довольно сложно: с одной стороны, желание вернуть утраченное расположение владыки, с другой — боязнь его гнева. Поэтому поучения и предостережения сопровождаются зачастую восторженными похвалами владыке, поэтому и привлечены те многочисленные аналогии из жизни других царей, мудрых или недостойных, которые мы находим во вставных историях.

Вставные истории, пословицы и поговорки, взятые автором из сокровищницы народного творчества и приведенные для иллюстрации поучений, — как бы второе лицо книги. В них объективное, лишенное тенденциозности и „риторической аффектации“ отражение жизни народа, его мудрость и жизненный опыт. И в этом плане „Калйлу и Димну“ можно условно назвать „народной книгой“.

A. V. Paikova

THE BOOK „KALILA AND DIMNA“ AS A MIRROR

The book „Kalila and Dimna“ has a didactic character. Its main and primary purpose is to teach the kings to rule the state. These lectures are scattered all over the text of the book, mixed with the proverbs, the sayings and the entertaining histories. Distinguished from a mass of this amusing material, they put together a harmonious and fi-

¹²⁵ Там же, стр. 42.

¹²⁶ Там же, стр. 43.

nished code of the rules for the solution of the questions of the foreign and home state politics. In this aspect „Kalila and Dimna“ has the great resemblance to Kautilia's „Arthashastra“.

„Kalila and Dimna“ is an author's book. The autor's face is projected quite distinctly. It is one of the kings functioners, pushed aside for some guilt and aspired to return the inclination of the king.

The second aspect is that, the book is full with the inserted stories, proverbs and anecdotes taken by the author from folklore. In this aspect it is possible to see conditionally in the „Kalila and Dimna“ a people's book.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ПС. ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Византийская историография не сводится к источникам на греческом языке. Многочисленные народы, входившие в состав империи или тяготевшие к ней как к великой державе, сохраняли свои языки, на которых они говорили и писали. Культурное влияние Византии было так обширно, ее вклад в мировую культуру столь велик, что изучение ее литературы и памятников возможно лишь в тесной связи с материалами на других языках. Христианство как идеология Византии распространялось, а с ним приходили письменность, книги и с этим необходимость переводов. Язык того или иного народа развивался, в нем появлялись новые отвлеченные понятия; он становился литературным языком. В частности, греко-византийское летописание оказало исключительное влияние, стало примером, которому подражали на латинском Западе и на многоязычном Востоке. Византийские хронографы были образцом для романских и германских летописцев, как и для сирийских, эфиопских, арабских хроник, для исторических трудов славянских народов.

Историография Византии пережила несколько эпох, несколько периодов развития, различные формы изложения. История, в частности церковная история, родоначальником которой был Евсевий Памфил, была продолжена Сократом, Созоменом, Феодоритом. „Прагматическая“ история требовала постепенного развития изложения, последовательности, в которой выявлялись причины и их следствия, находили объяснение события.

Другой формой исторического изложения была хроника, погодная запись, краткие заметки в хронологической последовательности, с обязательными датами, исчисленными по системам от сотворения мира, по олимпиадам, индиктионам, по годам царствований, священств. Наконец, появилась форма последовательной истории, связного рассказа, в котором истолкование факта как причины и события, как его следствия не являлось уже обязательным для изложения, история становилась связанной, но не причинно-следственной цепью событий, как в „прагматической“ истории.

Новая форма исторического сочинения была смешанного типа, определившим развитие мировой историографии, — сочинения, в которых сохранялась строгая хронологическая канва погодных записей с соблюдением последовательности лет. В эти „хронографии“ наряду с краткими заметками, занесенными под данный год, вписывались подробные сообщения, целые главы, детально излагавшие события.

Два памятника — греческий и сирийский — возникли в близкое время, сходны по форме составления, по объему охватываемого периода, от-

личаются наличием общих источников и имеют каждый свои особенности, коренящиеся в особенностях греческой и сирийской традиции, в используемых ими источниках. Имеются в виду *Theophanis Chronographia* и *Chronicon anonymum pseudo-Dionysianum vulgo dictum*. Сопоставление этих двух памятников византийской историографии на греческом и сирийском языках позволяет выявить их связи, общие источники и с достаточной полнотой развить наше положение о взаимной зависимости и значении для византийских исторических источников параллельных иноязычных.

Хронограф Феофана занимает особое место среди византийских исторических сочинений по исключительному влиянию и распространению, которое получил этот труд в самой Византии и за ее пределами.

Хронологическое распределение материала, погодные записи, даты по разным летосчислениям, годы царствований, имена царей и патриархов делали его руководящим трудом. Традиции предшествующих летописей представлены в Хронографе в законченном виде, в нем дан как бы некий образец, синтезирующий предшествующее развитие византийской историографии. Это не прагматическая история, не последовательный рассказ, это и не краткая летопись, это хронологически представленный материал, где наряду с краткими погодными записями имеются подробные выписки из его источников, их изложение, как церковных историков, так и Прокония Кесарийского, Иоанна Антиохийского, Феофилакта-Симокатты.

Хроника пс. Дионисия Тельмахрского дошла в единственном известном экземпляре Ватиканской библиотеки (*Syr.* 162, ff. 173) и нескольких фрагментах Британского музея (*add.* 14665, ff. 1—7). Это всемирная хроника, доведенная до 775 г. Автор сам указывает использованные им источники: Евсевиевы каноны для 1-й части, история Сократа — для 2-й, Иоанн Ефесский — для 3-й, а для 4-й части, по его словам, не было связного источника. Краткие погодные записи на всем протяжении внезапно прерываются внедрением больших частей, даже целого источника. Так, эта Хроника сохранила замечательный труд Иешу Стилита, Плерофории Иоанна Руфа, Энотикон Зенона. В то же время основой его труда была краткая хроника (или хроники) с погодными записями, которые введены им на протяжении всей его хроники.¹

Видно, что по самому расположению материала эта сирийская хроника близка Хронографу Феофана, последней датой которого является 812 г. Но, помимо общих приемов, усвоенных традицией, для обоих трудов можно указать общие источники. Это характерно для греческого и сирийского летописания вообще. Сирийцы усваивали греческий язык, говорили и писали на нем, переводили греческих авторов на сирийский, читали греческие источники и внедряли их в свои труды. История вселенских соборов в период христологических споров показала особенную близость и зависимость греческой и сирийской философской литературы друг от друга, для этого достаточно вспомнить „Базар Иераклида“ и конфликт Нестория, судьбу Хенаны Адиабенского и историю Нисибийской академии.

В Хронографе Феофана, как и у пс. Дионисия, основой являются погодные записи, одновременно с которыми помещаются обширные выписки из использованных ими источников. Феофан пользовался источниками, часть которых сохранилась, и поэтому можно судить о том,

¹ *Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum* edidit J.-B. Chabot. C. S. C. O. Scriptorum syri. Series III, t. I. Parisiis, 1927; t. II, Parisiis, 1933. — Ortiz de Urbina. *Patrologia syrica*. Romae, 1958, p. 197. — А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

как он ими пользовался, он их переписывал сокращая, иногда излагал своими словами их содержание.

Пс. Дионисий добросовестно назвал свои основные источники, причем это источники, которые дают связанное изложение событий, как Сократ и Иоанн Ефесский, кроме того, им был использован не дошедший до нас памятник „История“ Кира Батнского, последние данные которого относятся к 627/8 г. (или 631 г.). Кир Батнский писал в стиле прагматической истории, после него пс. Дионисий не имел подобного источника и поэтому не смог дать последовательной истории,² а лишь ряд кратких летописных известий, в которые вставлял обширные главы из других памятников и документы. Краткий летописный источник пс. Дионисия связывает его с Феофаном, как и использованный упомянутым Киrom Батнским Иоанн Антиохийский — Иоанн Малала, являющийся одним из источников Феофана,³ к нему мы еще вернемся, тем более что Иоанн Антиохийский был использован не только Киrom, но и другим сирийским историком, труд которого вписан от начала до конца в Хронику пс. Дионисия. Хроника Иешу Стилита для истории Византии времени Зенона и Анастасия имеет большое значение, более четверти века тому назад мы подвергли ее анализу и пришли к выводу, что ее автор использовал не дошедший до нашего времени греческий источник, написанный сторонником исаврийской династии Кандидом, но в обработке хрониста, отрицательно настроенного к исаврам, а именно Евстафия Епифанийского. Если сверять текст Иешу Стилита о восстании Илла и предшествующую историю его отношений с императором Зеноном, то можно отметить ряд параллельных мест у Феофана под 5971, 5972, 5976 гг.,⁴ в которых есть общее с Федором Лектором и Евагрием (Ш 26). Иешу Стилит дает другие объяснения событиям, снимает их романтический элемент, но он очень близок общему греческому тексту. Таким образом, до Иоанна Ефесского, до Захарии Митиленского и пс. Дионисия сирийские хронисты пользовались непосредственно греческими источниками, переводили их тут же на ходу. Некоторые из этих источников, как Евстафий Епифанийский, в выписках известны греческим историкам.⁵ Рассказ об этих событиях времени Зенона связан и с Иоанном Малалой, которым пользовался и Феофан, живо повествующим о нападении на Илла по заданию Зенона или Ариадны, о Папириевой крепости и сопротивлении исавров.⁶ Евстафий Епифанийский давал прагматическое, причинно-следственное изложение событий, которое усвоил и Иешу Стилит. Общим источником Евстафий был и для Прокопия Кесарийского, через которого он попал и к Феофану:⁷ Евстафий был близок Иешу по своей восточной ориентации, но к его антиохийским известиям Стилит добавлял еще свои, местные, эдесские. Следует отметить, что Евстафий был также известен Евагрию и Иоанну Антиохийскому (Малале), который называл его „мудрым“ историком, отзывался о нем с похвалой и сообщил, что Евстафий умер, доведя свое повествование лишь до 503 г., 12-го года имп. Анастасия.⁸

Хроника пс. Дионисия в 3-й части написана на основании Иоанна Ефесского, не сохранившегося в этой части. Пс. Дионисий имеет большое число совпадений с текстом Иоанны Малалы, дошедшего в сокра-

² А. П. Дьяконов. Кир Батнский. СПб., 1912, стр. 22—23.

³ А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский, стр. 193, 213—221, 247.

⁴ Theophanes. Chronographia ed. De Boor, I, Lipsiae, 1883, pp. 126, 127, 129—130.

⁵ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., Л., 1940.

⁶ Theophanes, pp. 127, 129—130.

⁷ Н. Пигулевская. Месопотамия, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 19—20, 32.

щенном тексте Оксфордской рукописи (Baroccianus, 128). Фрагменты более полного Малалы известны по Церковной истории Евагрия (Иоанн Ритор) и как Иоанна Антиохийского по другим византийским писателям.⁹ Те выписки, которые сохранил Иоанн Ефесский из Иоанна Антиохийского (=Малалы=Ритора) и что вошло в состав 3-й части пс. Дионисия, являются материалом выдающегося значения для восстановления подлинного текста Малалы.

Иоанн Ефесский (†586 г.) один из первых, может быть даже первый, использовал полный текст антиохийского летописателя, и поэтому эти сирийские переводы из него должны сыграть важнейшую роль при восстановлении и издании нового текста. Необходимо также принять во внимание выписки из того же Иоанна Антиохийского в эфиопской хронике Иоанна Никиу. Сохранившийся текст Иоанна Антиохийского у пс. Дионисия — Иоанна Ефесского подтверждает наличие в его время не только 17 книг, но и последней, 18-й, принадлежавшей другому автору, чем первые 17 книг. Более того, ефесский епископ, писавший свою 2-ю часть истории до 571 г., пользовался редакцией, которая до нас не дошла и колеблется в своем приближении к разным редакциям антиохийского источника.¹⁰

Иоанн Ефесский особенно охотно пользуется Малалой потому, что этот источник в сущности своей антиохийский и сирийский, а также монофизитский, который в последующее время подвергся православной обработке. Сирийцы пользовались им в его первоначальной монофизитской форме на греческом языке, причем Иоанн Ефесский переводил его буквально с главами и титулами (как годы 836, 837),¹¹ и текст его ближе к извлечениям из Иоанна Антиохийского у Феофана, чем к Оксфордскому списку Малалы. Сопоставление текстов Иоанна Ефесского (=пс. Дионисия) с текстом Малалы и с выписками у Феофана позволяет исправить и уточнить текст Малалы, дает возможность восстановить его в полном виде (напр., Ps. Dion. 879 и Theoph. 6050).¹² Таким образом, непосредственные и опосредствованные заимствования, перевод и выписки из Иоанна Антиохийского Малалы роднят сирийские хроники с греческой историографией, Феофаном в частности.

Распределение материала по годам было одним из преимуществ труда последнего и сделало его „Хронографом“. И в этом случае можно сблизить пс. Дионисия с греческим историографом, он также стремится располагать материал на хронографической канве, которая с датами по эре Селевкидов начинается со 2-й части его Истории, когда пс. Дионисий оставляет Евсевиевы каноны со счислением от Авраама и начинает вторую книгу (šarba), в которой он следует „писанию Сократа“. ¹³ Между тем в этой же части пс. Дионисий вводит хронологическую канву по селевкидскому летосчислению, чего у Сократа нет. Пс. Дионисий положил в основу своего труда некий краткий летописный источник. Часть этих кратких выписок находится в непосредственной зависимости от Эдесской хроники VI в.,¹⁴ из которой они извлечены. Тот же источник или другой, также краткий и летописный, содержал данные о событиях общегосударственных и специально александрийских, заимствованные у Сократа, где они, однако, не имеют хронологии. Можно сделать вывод, что у пс. Дионисия был источник

⁹ Excerpta historica iussu Constantini Porphyrogeniti, vol. III, Berolini, 1905; Excerpta de insidiis eū Joanne Antiocheno, pp. 58—150.

¹⁰ А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский, стр. 259—260.

¹¹ Ps. Dionysius, pp. 19, 20.

¹² А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский, стр. 247—261.

¹³ Ps. Dionysius, p. 160.

¹⁴ Ortiz de Urbina. Patrologia syrica, p. 192.

на греческом языке, хроника, в которой краткие выписки из глав Сократа были датированы и соответственно расположены по селевкидской эре. Третий летописный источник пс. Дионисия дает ошибочные даты, основной является ошибка на 8 лет, которая дополнительно осложняется иногда еще ошибочной датой. Таким образом, во 2-й и в 3-й книгах сирийский историк располагал тремя летописными источниками, сведения из Иоанна Ефесского он расположил в хронологических рамках этих летописных источников, продолжая исчисления по селевкидской эре, из них один включает данные Эдесской хроники, неизвестный источник до 868 г. с верными датами и иногда случайной ошибкой в 2 года и третий источник (летописный же) — с ошибкой на 8 лет.

Следует отметить, что в тексте пс. Дионисия имеются расхождения, указывающие на использование разных источников. Обращает на себя внимание то, что лондонские фрагменты пс. Дионисия и текст Ватиканской рукописи под годами 836 и 837 имеют различные тексты и по своему содержанию, что воспроизведено в печатном тексте пс. Дионисия.¹⁵ В 4-й части истории, когда он уже не имел Иоанна Ефесского († 586 г.), он остается близким Феофану, что следует отнести за счет общего летописного источника. Хронология пс. Дионисия и Феофана не сходится, и даже последовательность событий нарушается. Для сравнения нами были взяты данные об арабских завоеваниях; у пс. Дионисия годы 940—993,¹⁶ у Феофана — 6124, 6125, 6126, 6127.¹⁷ В кратких фрагментах зафиксирована смена халифов и этапы завоевания арабами Сирии и Палестины, а также других областей Ближнего Востока. Внимательного сравнительного изучения заслуживают параллели сведений о Мухаммеде у пс. Дионисия (годы 932 и 938)¹⁸ и у Феофана (год 6122).¹⁹ Различная трактовка событий, нарушения хронологии и последовательности событий не могут скрыть того, что греческий и сирийский хронографы использовали общий летописный источник, к тому же ошибку на 8 лет допускают оба, что указывает опять-таки на их общность.

Следует отметить особое значение хроники пс. Дионисия для сообщений о Южной Аравии. Последние три десятилетия дали поистине исключительно большие успехи в изучении истории Южной Аравии. Своеобразие ее развития, высокий уровень ее культуры в древности засвидетельствованы прежде всего ее замечательной письменностью, сохранившейся в многочисленных эпиграфических памятниках. Сведения этих выбитых на камне надписей представляют особую ценность, как исходящие непосредственно от свидетелей и участников событий. Но воссоздать историю государства „царицы Савской“ можно лишь привлекая нарративные источники. На арабском языке они относятся к позднему времени, хотя в ряде случаев передают устную арабскую традицию. Современными или ближайшими по времени нарративными источниками являются греческие и сирийские, древние и средневековые. Среди них особое внимание заслуживают данные нашей хроники, перекликающиеся с материалами Иоанна Малалы и других греческих хронографов.

Хроника псевдо Дионисия, как указано выше, сохранилась в одном пергаменном списке Vaticanus Syr., 162, ff. 1—173 и нескольких фрагментах Brit. Mus., add. 14665, ff. 1—7. Хроника состоит из четырех частей. 1-я связана с хроникой Евсевия Кесарийского, 2-я написана на

¹⁵ Ps. Dionysius, pp. 19—20, 44—47.

¹⁶ Ps. Dionysius, II, pp. 150—154.

¹⁷ Theophanes, pp. 336—339.

¹⁸ Ps. Dionysius, II, p. 149—150.

¹⁹ Theophanes, pp. 332—334.

основании истории Сократа и включает замечательную хронику Иешу Стилита, переписанную полностью. 3-я часть начинается 800 г. Селевкидов (499 г. н. э.) и, по свидетельству самого автора, зависит от „Истории“, составленной Иоанном Ефесским (ум. 586 г.). 4-ю „мы начинаем с года 898“ (587 г. н. э.), — пишет автор и кончает ее событиями 754/5 г. н. э.

В данном случае особый интерес представляет 3-я часть хроники, так как в нее вошли материалы, специально касающиеся Южной Аравии. В связи с распространением монофизитства государство химьяритов находилось в сфере внимания Иоанна Ефесского, источника Хроники, история которого известна отдельно по рукописи Brit. Mus. 920.²⁰ Но в Хронике пс. Дионисия к материалам этого источника добавлены другие документы и материалы, свидетельствующие о его особом внимании к Южной Аравии. Объяснение этого можно видеть в том, что автор Хроники жил в середине VIII в., когда роль арабов на Ближнем Востоке определялась как господствующая и их прошлое представляло живой интерес.

Сведения, касающиеся Химьяра, расположены в 3-й части Хроники подряд, как материал одной темы с соответствующими небольшими заголовками: „О царстве индов (כּוּשׁ) и как они по причине войны стали христианами“ (II, р. 42₁₅), „О тех, кого послал царь кушитов к царю химьяритов, и о войне между ними“ (р. 55₁₈), „Еще о том же самом царстве химьяритов“ (р. 56₂₀), „Послание, которое отправил святой Шемон епископ Бетаршама и глава верующих в области персов Шемону архимандриту Габулы“ (р. 57₄), „Еще об этом маленьком мальчике, о котором написано в рассказе этом о мучениках выше“ (р. 67₁₂), „О царе кушитов, о его выступлении и убийстве тирана и бывших с ним иудеев“ (р. 68₁₆—69₆), „В это время было великое бедствие в этих царствах из-за недостатка священников — у кушитов, химьяритов и индов“ (р. 111₁₂—112₂₀).

Из этих сообщений следует выделить прежде всего послание Симеона Бетаршамского (ум. 548 г.), известное также по рукописи Brit. Mus. 949 как отдельное произведение. Оно является важным источником, так как содержит сведения, полученные из первых рук и записанные современником событий. Другие разделы Хроники о химьяритах почерпнуты из Истории Иоанна Ефесского и зависят от данных греческой Хроники Иоанна Малалы или ее источника.

Греческая и сирийская хроники последовательно перечисляют одни и те же события — борьбу мелких княжеств Эфиопии между собой, их объединение, войну с Южной Аравией, причина которой лежала в экономических, торговых связях, которые были нарушены. „Ромейские купцы“ ездили торговать в Химьяр и в Аксум „через химьяритов“, царь которых Димн стал грабить и убивать византийских торговцев — христиан, предоставляя возможность торговать иудейским колониям Аравии, которые были сильны и многочисленны. Торговля Аксума упала, и кушиты предприняли поход на Химьяр, чтобы возобновить возможности торговых сношений с Византией.²¹ После успешной кампании царь кушитов принял христианство, распространенное в Эфиопии, при посредстве которой христианство было принято и находило поддержку в Химьяре. Эти сведения почти дословно приводятся в обеих хрониках. Сведения Малалы большей своей частью почерпнуты у Нонна, который, как и отец его Авраам, и дед Евпор, выполнял дипломатические поручения

²⁰ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica C. S. C. O. Scriptotes syri. — Payne-Smith. The Third Part of the Ecclesiastical History of John of Ephesus. Oxford, 1860.

²¹ Malalas, p. 433; Ps. Dionysius, p. 55.

Византии у арабских племен. Донесения Нонна частью сохранились, они были источниками Малалы.²²

В дикл своих сообщений о химьяритах пс. Дионисий включил послание Симеона Бетаршамского о химьяритских мучениках. Перс родом, образованный и даровитый, он знал много языков, был горячим проповедником, страстным спорщиком и защитником доктрины монофизитов. Симеон трижды посетил Константинополь, где умер глубоким старцем, собираясь в путешествие в Рим.²³ Не раз бывавший в Ктесифоне, он был своим человеком в Хирте, центре арабов-лахмидов, где по его инициативе была построена христианская церковь.

В лагере Мундара, царя персидских арабов, и были получены им и другими лицами сведения о преследовании христиан в Химьяре, о мучениках Неджрана. Три сохранившихся письменных памятника имеют в основе устную традицию, сообщение, полученное от посланного из Химьяра гонца, привезшего письмо царя-гонителя и рассказавшего о событиях. В своем послании Симеон живо сообщает обо всем, что он узнал, и точно датирует день своего отъезда из Хирты в лагерь Мундара — 20-го числа Кануна второго 835 г., что соответствует 20 января 524 г. н. э.²⁴ Симеон отправился из Хирты в лагерь Мундара не один, с ним был Авраам, отец Нонна, священник, посланный императором Юстином к царю арабов, чтобы заключить мир и высвободить из плена двух византийских военачальников. Они прибыли в лагерь арабского царя через „десять дней пути“. Сообщения послания Симеона превосходно согласуются со скучными данными его спутника Авраама, сын которого Нонн их записал.²⁵ Более полное подтверждение и множество новых подробностей, имен, фактов содержит сирийская „Книга химьяритов“,²⁶ использовавшая богатую устную традицию, идущую непосредственно от химьяритов. Оба эти письменных источника используют один и тот же письменный документ — послание Масрука (Зу Нуваса), царя-гонителя, привезенное в лагерь царя Мундара. Известно, что в это время там присутствовал Саргис, епископ Русафы, города, где происходили ежегодные ярмарки и куда съезжались шейхи арабских племен со своими отрядами в определенное время года. Христианской святыней Русафы был храм святого Сергия, а епископ города авторитетно возглавлял широкие круги арабов-христиан.²⁷ Есть основания предполагать, что Саргис, епископ Русафы, был автором „Книги химьяритов“, составленной около 325 г. н. э.; кроме сообщения о гонениях на христиан в Химьяре, она содержит ценные сведения, которые подтверждаются как химьяритскими надписями, так и арабской историографией.

С посланием Симеона Бетаршамского, с „Книгой химьяритов“ следует сопоставить третий источник — „Мученичество Арофы“, составленное в 30-х годах VI в. на греческом языке.²⁸ Оно не только в основном передает те же факты, что и сирийские источники, но содержит материалы предшествующей истории Южной Аравии, как и „Книга химьяритов“, и ряд сведений делового, конкретного характера, как о денежной системе, о мерах веса, географических пунктах этого государства, частью почерпнутых у предшествующих греческих авторов или

²² Malalas, pp. 432, 433, 456²⁴ и сл., 459³ и сл.

²³ John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. *Pathologia Orientalis*, XVII, pp. 138, 155, 157.

²⁴ La lettera di Simeoni di Beth-Arsam, ed. J. Guidi, Roma, 1881 p. k.

²⁵ Nonnosius. *Fragmenta historicorum graecorum*, IV, ed. Mullerus, Parisus, 1852, p. 173.

²⁶ The Book of Himyarites, ed. A. Moberg, Lund., 1924.

²⁷ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. Л., 1951, стр. 233—238.

²⁸ *Martyrium st. Arethae*, *Acta sanctorum*, Octobris, t. X, Parisus et Romae, 1869, pp. 661—762.

из устной традиции.²⁹ Более чем возможно, что автор „Мученичества“ использовал рассказы византийских посланцев к арабам, в частности Авраама, сообщения которого были записаны Нонном. Таким образом, все три лица, которые сошлись в лагере царя Мундара в январе 524 г. н. э., оставили устные и письменные сообщения, нашедшие отражения в источниках, ближайших по времени к событиям в Неджране, — в послании Симеона Бетаршамского, „Книге химьяритов“, сообщениях Авраама.³⁰

Псевдо Дионисий не только переписал важный источник по истории Южной Аравии, каким является Послание Симеона, охарактеризовал предшествующие гонениям события, соответствующие тому, что о них сообщили Иоанн Ефесский и Иоанн Малала, он продолжил эти сведения, вернувшись к судьбе одного из известных по мученичеству лиц — „Еще о маленьком мальчике“. Судя по тому, что рассказ ведется в первом лице, рассказчик сам встречал его взрослым человеком в Константинополе, это говорит и о том, что рассказ непосредственно восходит к истории Иоанна Ефесского.³¹ Вслед за тем в Хронике следует сообщение о царе кушитов и о второй кушито-химьяритской войне.³² „После того как царь кушитов, тот, что убил предшествующего царя химьяритов и по этой причине стал христианином, когда он (царь кушитов) узнал о гибели христиан и тирании иудеев, распалился гневом, взял свое войско и выступил против тирана“. Расправившись с врагами, он поставил царем Абраху, восстановил права христиан и поставил им епископа, посвященного в Александрии и сторонника Халкедонского собора. Но затем химьяриты отнеслись отрицательно к православию и не были склонны принимать клириков, посвященных в Александрии. И в дальнейшем Хроника возвращается к этому, сообщая, что отсутствие епископов-монофизитов у „кушитов, химьяритов и индов“, несмотря на их повторные просьбы через посланцев в Константинополь, к императору, с просьбой прислать таковых, побудила их независимо поставить епископа из своей среды собором священников.³³

Таким образом, Хроника Дионисия Тельмахрского сохранила существенные сведения о Южной Аравии, в основном почерпнутые из Истории Иоанна Ефесского, и Послание Симеона Бетаршамского. Этот ее интерес объясняется, с одной стороны, значением, которое приобрели арабы после своих побед в истории Ближнего Востока, с другой стороны, автор-монофизит пользуется источниками своих единоверцев, к числу которых принадлежал Иоанн Ефесский. Для последнего Эфиопия, Южная Аравия и их взаимоотношения были вопросом распространения монофизитства, страстным сторонником которого он был. Замечательно, что данные Иоанна Ефесского при сопоставлении их с соответствующими сообщениями Малалы дают возможность воссоздать историю и говорят об использовании его как источника, исправлении его текста, дошедшего в греческом недостаточно исправном списке.³⁴

Хроника пс. Дионисия Тельмахрского имеет тесную связь с греческой историографией, прежде всего с близкой ей по времени Хроникой Феофана.³⁵ В отдельных памятниках и документах, включенных в Хронику, могут быть выявлены также общие связи между сирийским и греческим летописанием. Для хроники Иешу Стилита выявлена ее связь

²⁹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 238—241.

³⁰ Там же, стр. 228, 230, 236.

³¹ Pseudo Dionysius, II, p. 67₁₂.

³² Pseudo Dionysius, II, p. 68₁₅—69₆.

³³ Pseudo Dionysius, II, pp. 111₁₂—112₂₀.

³⁴ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 269—271.

³⁵ N. Piguļevskaja. Theophanes's Chronographia and the Syriac Chronicles. Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft, XVI, Wien, 1967, SS. 50—60.

с утерянным греческим трудом Кандида Исаврийца, что позволило восстановить историю Византии на рубеже V и VI вв. Общие сведения у Иоанна Малалы и Иоанна Ефесского, сохраненного пс. Дионисием, позволяют установить первоначальный текст Малалы относительно кушитских и химьярских царств, имеющих первостепенное значение ввиду того, что греческий текст антиохийского летописца дошел лишь в одной неисправной рукописи. Наконец, Послание Симеона Бетаршамского и Мученичество Арефы опираются на одну и ту же устную, если не письменную, традицию, подтвержденную сирийским текстом „Книги химьяритов“.

Таким образом, Хроника пс. Дионисия, сохранившая ценные уникальные памятники сирийской историографии, позволяет на основании ее материалов сравнительным методом установить взаимные связи и зависимость греческой и сирийской летописной традиции, которые, взаимно дополняя друг друга, дают возможность установить новые исторические факты и воссоздать историю далекого прошлого, в данном случае историю арабских племен Йемена.

Параллели приведены нами из двух-трех сирийских хроник, из греческих историков выбор пал на Иоанна Малалу и Феофана, это ничтожное количество из разноязычной византийской исторической литературы, которая ждет своих исследователей. Между тем последовательная работа над сирийскими и греческими историческими трудами, их сравнительный анализ и точное изучение могут выявить не дошедшие до нашего времени источники, как это с уверенностью можно сказать относительно Евстафия Епифанийского и Иоанна Антиохийского (Малалы, Ритора).

Византийская литература — понятие несравнимо более широкое, чем греко-византийская литература, и такой ее новый, широкий охват может с большей полнотой показать всю ее значимость, ее вклад в сокровищницу мировой культуры.

N. Pigoulevskaya

LA CHRONIQUE DE PS. DIONYSIOS DE TELLMAHRE ET LES CHRONIQUES BYZANTINES

Une étude comparée de l'historiographie greque et syriaque donnent un aspect nouveau et ample à la littérature dite byzantine. La chronique syriaque de ps. Dionysios de Tellmahre et la Chronographie greque de Theophanos ont utilisé les même sources, ce qui permet de reconstituer celles qui ne sont pas conservées. Une source commune concernant l'histoire de l'Arabie du sud peut-être fixer pour la chronique de Dionysios et la Chronographie de Ioannes Malalas.

СУЛТАН И ХАЛИФ

(ИЗ ИСТОРИИ СЮЗЕРЕНИТЕТА И ВАССАЛИТЕТА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ XI—XII ВВ.)

В истории Ближнего Востока период XI—XII вв. является одним из наиболее интересных и пока недостаточно изученных. В это время произошли изменения в области политической и социальной, экономической и этнической, языковой, этнографической и военной. Перемены связаны как с развитием самого ближневосточного феодального общества, так и с теми огузскими племенами, которые под руководством султанов из династии великих Сельджукидов (в результате завоевательного движения из Средней Азии на запад) появились на Ближнем Востоке. К истории этих тюркоязычных племен и Ближнего Востока вполне применим вывод Н. В. Пигулевской о том, что „общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них“.¹ Вот почему привлекает внимание вопрос о сюзеренитете и вассалитете в XI—XII вв. на Ближнем Востоке, в частности характер взаимоотношений сельджукского султана (будь то представитель главной или боковой ветви династии Сельджукидов) и аббасидского халифа.

В тот период, который принято именовать сельджукским, действовал принцип „вассал моего вассала — не мой вассал“, т. е. сюзеренитет и вассалитет были одноступенчатыми. Возможно, что это являлось одним из последствий господства удельной системы управления, столь характерной для ближневосточного мусульманского мира XI—XII вв. Сирийские источники, в частности, прямо указывают, что эмиры и другие феодалы получали инвеституру только от султана.² Это было одной из форм контроля и принуждало вассала к повиновению. Халиф принимал участие в подобном акте в том случае, если утверждали на власть могущественного и крупного владетельного феодала. Так, султан в качестве светского главы мусульманского (суннитского) мира и халиф как конфессиональный сюзерен совместно вручили инвеституру атабеку султана эмиру Имад-аддину Зенги; в другом случае титул мелика был пожалован ими эмиру Гази Данишмендиду, грозе крестоносцев и удачливому сопернику Иконийского султаната.³ Те же отступления от правил имели место в случае, когда инвеституру получал иноверный феодал, чьи владения находились в пределах мусульманского государства.⁴

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, стр. 4.

² Chronique de Michel le Syrien, t. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, pp. 611, 655; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, pp. 287—288, 318.

³ Chronique de Michel, pp. 612, 614, 616.

⁴ Там же, стр. 620.

На владение территорией феодал получал особый указ султана, который возобновлялся в случае смерти жалователя или получателя.⁵ Получение инвеституры сопровождалось церемонией, важнейшей составной частью которой было принесение клятвы верности вассалом в мечети, в присутствии кадийа.⁶ Ибн Биби приводит текст такой клятвы, которую владетель области Синопа дал иконийскому султану Кей-Каусу I: „В случае, если даровавший мне жизнь султан оставит мне и моему потомству владения, за исключением (города) Синопа, обязуюсь ежегодно давать ему десять тысяч золотых динаров, пять тысяч коней, две тысячи голов крупного рогатого скота, две тысячи овец, пятьдесят тюков подарков. В случае необходимости буду выставлять, по требованию султана, войско“.⁷

Вассалы эмира присягали только ему; причем на этой ступени феодальной иерархии вассал и сюзерен приносили обоюдную клятву,⁸

Помимо юридических обязательств, существовал ряд неписанных обычаев, освященных временем. По церемониалу, принятому у великих Сельджукидов, турецкая знать шествовала впереди коня, на котором сидел султан.⁹ При дворе младшей ветви этой династии, правившей в Малой Азии, было принято целовать стремя коня и руку султана. Для встречи государя-сюзерена феодал высылал военный отряд на расстояние пятнадцатидневного пути.¹⁰

Подобные нормы установились на всей территории, где сельджукские султаны были признаны сюзеренами, будь то Иран или Сирия, Закавказье или Малая Азия, Ирак или Средняя Азия: вассал приносил клятву верности, был обязан взносами в султанскую казну, участвовал со своим войском в его военных кампаниях, бил монету с именем сюзерена, которого поминали также в хутбе.

Одним из важнейших аспектов сюзеренитета и вассалитета являются взаимоотношения султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов, которые получили большой резонанс в ближневосточном мире, причем не только мусульманском, но и христианском, и наложили своеобразный отпечаток на эпоху. Вместе с тем линия „султан—халиф“ отличалась от обычных взаимоотношений вассала и сюзерена. Связи между ними являлись многоплановыми и выходили за рамки государства или сферы влияния как Сельджукидов, так и Аббасидов. Султаны признали суннитского халифа сюзереном, но в действительности были самостоятельны в своих акциях. Они использовали имя халифа и знамя ислама, стараясь подчеркнуть, что сельджукские завоевания являются воплощением идей джихада и освящены авторитетом самого наместника пророка. Султаны были внимательны к халифам в том, что не затрагивало их собственного суверенитета. С другой стороны, халиф не менее нуждался в поддержке; он использовал сельджукских завоевателей как для укрепления собственного престижа, так и для борьбы с фатимидскими халифами (шиитами), которые оспаривали у Багдада роль „первосвященников“, а вместе с этим и доходы с мусульманской паствы.

В ряде работ В. В. Бартольд и В. А. Гордлевский рассматривали взаимоотношения светского и религиозного глав мусульманского мира. Наиболее подробно это сделано в исследовании В. В. Бартольда „Халиф

⁵ Anadolu selçuki devleti tarihi. Ibn Bibinin farsça muhtasar 'Selçukname' sinden türkçeye çeviren M. N. Gencosman. Ankara, 1941, s. 42; Chronique de Michel, p. 620.

⁶ Anadolu selçuki, ss. 49, 53, 87.

⁷ Там же, стр. 63—64.

⁸ Chronique de Michel, p. 711.

⁹ Barhebraei, p. 237.

¹⁰ Anadolu selçuki, ss. 28—30, 49, 52, 55, 57, 64, 101; Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur. Yazan Muhammed er-Ravendi. Türkçeye çeviren A. Ateş. Ankara, 1957—1960, s. 166; Sadruddin Ebu'l-Hasan. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Türkçeye çeviren N. Lugal. Ankara, 1943, ss. 101, 102.

и султан“, где главным было выяснение теоретических основ идеи и отношения между членами формулы „халиф—султан“. Поэтому В. В. Бартольд почти не касался практических аспектов вопроса, не выясняет, как выглядели взаимоотношения, например, аббасидского халифа и сельджуцкого султана. Но весьма желательно взглянуть на измененный вариант, на формулу „султан—халиф“; в этом случае открываются новые стороны и детали. А в связи с сельджуками это тем более необходимо сделать, так как в XI—XII вв. светские прерогативы Аббасида были узурпированы султанами; вот почему для того периода важнее рассмотреть практические аспекты проблемы не только с точки зрения „халиф—султан“, сколько с позиций „султан—халиф“.

Термин „султан“ первоначально означал обобщенное понятие светской правительственной власти; затем он был перенесен и на правительство халифа. В X в. султаном именовали единоличного светского правителя в отличие от духовного владыки — имама.¹¹ Благодаря сельджукам идея султанской, т. е. светской, власти, отделенной от власти имама, т. е. религиозного главы мусульман, получила дальнейшее развитие и влияние в мире ислама. „Рядом с халифом, как «имамом», теперь был «султан», власти которого были подчинены все те области (кроме отдаленной Испании), где население признавало аббасидского халифа своим духовным главой. Вследствие этого титул «султан» теперь получил иное значение, чем раньше. Теперь уже не называли султанами, как в X веке, всяких мелких владетелей; султаном теперь мог называть себя только глава независимой династии“.¹² Таким образом, при сельджуках термин „султан“ получил наивысшее развитие как понятие светского руководителя мусульманского мира; самому пророку Мухаммеду был приписан хадис: „Султан есть тень бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный“.¹³ Халиф остался религиозным главой мусульманского мира.

Разделение функций привело к тому, что крупнейшие владетельные феодалы должны были получать двойную инвеституру — от халифа как религиозного главы и от султана — светского руководителя. Причем решение султана было окончательным.¹⁴ Ввиду того что для сельджукской эпохи характерна формула „вассал моего вассала — не мой вассал“, то понятно, почему халиф принимал участие в обряде инвеституры в почти строго ограниченных случаях: лишь при утверждении на власть султанов и меликов, иногда — атабеков. По той же причине — одноступенчатость сюзеренитета и вассалитета — халиф не имел власти над вассалами султана, что много значило не только для феодальной структуры периода, но имело важное практическое значение, так как лишало Аббасидов военной и иной поддержки со стороны тех, кто считался вассалом султана, но не халифа; по словам В. В. Бартольда, сельджуки создали „идею «султана ислама» как верховного светского правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освящающим власть султана своим религиозным авторитетом“.¹⁵ Вместе с тем сельджуки в своих интересах способствовали восстановлению в глазах мусульманского мира авторитета послушного им халифа как религиозного руководителя общины верующих.¹⁶

¹¹ В. В. Бартольд. 1) Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. Соч., т. VI, стр. 305, 309; 2) История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, стр. 130.

¹² В. В. Бартольд. Халиф и султан. Соч., т. VI, стр. 30.

¹³ Там же, стр. 31.

¹⁴ Chronique de Michel, pp. 611, 612, 614, 616; Barhebraei, p. 293—294.

¹⁵ В. В. Бартольд. 1) История Туркестана, стр. 131; 2) История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, стр. 248.

¹⁶ А. Мюллер. История ислама с основания до новейших времен, т. II. СПб., 1895, стр. 343—345, 348.

После решающего сражения с Газневидами у Данданакана (недалеко от Мерва) в 1040 г., которое было выиграно сельджуками, предводитель их Тогрул-бек провозгласил себя султаном, считая, что он является не только наследником поверженных султанов Газны, но и светским главой мира ислама. Халиф Каим не признал самозванца, которому направил специальное послание, где именовал его эмиром. В обращении он писал, что эмиру Тогрул-беку достаточно тех земель, что завоеваны сельджуками к моменту получения послания; что ему не следует продвигаться на запад, в области, подчиненные арабам, дабы не причинить им урона. Сельджукский предводитель обязан прислушиваться к советам Багдада, ибо он является вассалом халифа; кроме того, как вассал он должен быть честен во взаимоотношениях с Аббасидами и обязан присылать им ежегодную дань с захваченных земель, как это установлено обычаем еще до сельджуков.¹⁷ Тогрул-бек оставил послание без ответа.

Когда же до Багдада дошли вести о новых успехах сельджуков, Каим признал в 1050 г. султанское достоинство Тогрул-бека.¹⁸ С этого времени династия Сельджукидов усвоила себе формулу „ал-султан ал-муаззам шаханшах ал-азам“ (великий султан, шаханшах высочайший); первая часть легенды появилась на монете новых султанов.¹⁹

Отречение халифа под давлением обстоятельств от своих светских прерогатив явилось большой политической победой сельджуков, ибо позволило их предводителям придать своим завоеваниям „законный“ характер: теперь они были освящены авторитетом самого Аббасида. Успех был закреплен в 1055 г., когда по призыву Каима в Багдад спешно прибыл Тогрул-бек, чтобы изгнать шиитских Буидов и тюркского эмира Абу-л-Хариса Басаири, фактических правителей халифского дворца и столицы.

Так произошла первая личная встреча Сельджукида и Аббасида, во время которой тюркоязычный кочевник впервые был коронован самим халифом и официально провозглашен великим султаном.

Церемония вручения инвеституры прошла торжественно. По прибытии в резиденцию Каима, который в черном облачении восседал в окружении евнухов на высоком троне, Тогрул-бек исполнил предписанный протоколом религиозный обряд, поцеловал землю перед халифом и остался на ногах. Глава райсов поднялся на специальное возвышение. К Тогрул-беку приставили переводчика, ибо он не знал арабского. Затем его усадили на низкий по сравнению с халифским трон, а затем повели на особое возвышение, где и состоялся обряд посвящения. Здесь султана облачили в семь черных одежд, на голову возложили черный венец и еще другой, с драгоценными камнями, на шею надели золотое ожерелье, на запястья — браслеты. Халиф преподнес ему султанскую печать (тугру), два пурпурных знамени с золотыми письменами. Последний акт имел важное значение: привязать знамя к древку (вручить знамя) терминологически означало начать войну.²⁰ Таким образом, халиф освящал и разрешал борьбу за „чистоту ислама“, причем как с неверными, так и с теми, кто отошел

¹⁷ Barhebraei, p. 227—228.

¹⁸ Ал-Фахри Мухаммед ибн Али ибн Табатаба ибн ал-Тиктака. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Пер. Н. Хомагорова. Уч. зап. Казанск. унив. по отд. ист.-филол. и пол.-экон. наук, Приложения, 1862—1863, стр. 334; Barhebraei, p. 230.

¹⁹ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Из арабской эпиграфики в Ани. Сб. „Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру“, М.—Л., 1935, стр. 679; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Ankara, 1961, 1 cilt, 2 baskı, s. 25; D. Sourdel. Inventaire des monnaies musulmanes anciennes du Musée de Caboul. Damas, 1953, pp. 84—86, 88—90; G. Miles. The Numismatic History of Rayy. New York, 1938, pp. 198, 204, 209.

²⁰ Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1965, стр. 102.

от суннитского мусульманского вероучения. Теперь завоевательные войны сельджуков получили официальное одобрение Багдада.

Затем Тогрул-беку пожаловали еще семь комплектов одежды, что символизировало семь климатов; этим султану как бы вручали светскую власть над всем известным миром и поощряли на дальнейшие завоевания. В числе подношений имелась чалма из златотканой материи, что должно было означать, что султан признан наравне с халифом коронованным главой арабов и неарабов. Поэтому Тогрул-бека, получившего и венцы, и чалму, называли коронованным и носящим чалму („ал-мутаваджж-у-муаммам“). Он был опоясан также богато отделанной золотом саблей с золотой насечкой. Затем сел на отведенное ему место.

После всего султан дважды поцеловал руку халифа, приложив ее к глазам и проведя по лбу. Каим повязал ему вторую саблю. Две сабли терминологически означали, что султану Тогрул-беку вручается власть над Востоком и Западом.

В заключение обряда инвеституры огласили указ халифа, согласно которому султану поручалась защита правоверных. На этом церемония была завершена, и Тогрул-бек на коне из личной конюшни Каима отправился в свою багдадскую резиденцию.²¹ С этого же 1055 г. имя Сельджукидов было включено в хутбу, провозглашаемую по пятницам в Багдаде, где поминалось наряду с именем халифа.

Таким образом, с 1055 г. сельджукид был признан Багдадом „светским поверенным в делах мусульманской общины повсюду, где признавали аббасидского халифа. И в его завоевательной деятельности с того времени цель была определена: вновь подчинить аббасидскому влиянию те части мусульманского мира, которые были отторгнуты, подготовить уничтожение соперничавшего (фатимидского) халифа“.²² Подчинение отпавших частей аббасидскому влиянию послужило формальным предлогом для установления в Передней Азии сельджукского владычества. Идеей чистоты веры „оправдывалось завоевательное движение турок-мусульман против мусульманских стран“.²³

Сохранилось описание первой встречи халифа Муктади и великого Сельджукида Мелик-шаха, который прибыл в Багдад за инвеститурой. В 1086 г. он впервые отправился в столицу халифата и был встречен вне стен города везиром халифа, который оказал ему подобающий султану почет. В течение нескольких дней Мелик-шах оставался у Багдада, занимаясь игрой в човган (конное поло) и обмениваясь подарками с Муктади. Затем его пригласили во дворец, где и состоялась встреча с халифом во время торжественного приема. Мелик-шаху разрешили сесть в присутствии халифа, в то время как остальные участники церемонии оставались на ногах. Султан принес вассальную присягу, а его везир Низам ал-Мульк представил Муктади свиту Мелик-шаха. Каждый из представленных должен был поцеловать землю у ног великого имама, которому везир объяснил, сколько войска и владений имеет прибывший с султаном.

Затем Мелик-шаха возвели на особое место, где состоялась обряд посвящения. На него набросили семь одежд, опоясали двумя саблями, надели ожерелье и наручные браслеты. По окончании церемонии одева-

²¹ Ал-Фахри, стр. 160; Barhebraei, p. 237—238; Chronique de Michel, p. 579; Anadolu selçukluları devleti tarihi. III cilt. Farsçadan tercüme eden F. N. Uzluk. Ankara, 1952, s. 11; Irak ve Horasan Selçukluları tarihi. 'Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Husra' adlı eserinin tercümesi. Türkçeye çeviren K. Burslan. İstanbul, 1943, ss. 11—12.

²² Cl. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure. Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 20.

²³ В. В. Бартольд. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Доклад на I Всесоюз. тюркологическом съезде, Баку, 1926, стр. 10.

ния везир халифа обратился к новому султану со словами: „Тебе вверена и препоручена охрана веры и народа. Чтобы ты был силен против врагов аллаха, тебя опоясали двумя саблями. Попирай врагов и проявляй заботу о народе. Повинуйся халифу!“²¹

Известен церемониал торжественного приема халифом претендента на султанский трон. В 1156/57 г. в Багдад прибыл за инвеститурой Сулейман-шах, дядя иракского султана Мухаммеда, считая, что враждовавший с его племянником халиф Муктафи готов на любые действия для дискредитации своего противника. Действительно, Сулейман-шах был встречен за городом почетным эскортом во главе с сыном халифского везира и двумя гулямами Муктафи, которые передали претенденту привет и благожелания эмира правоверных. Когда эти слова перевели на персидский, гость спешился и поцеловал землю. Затем верхом он въехал в Багдад, где вновь спешился в специальном месте, чтобы поцеловать камень, к которому прикладывались послы и возвращавшиеся паломники. Этот обряд носил оттенок действительной зависимости, ибо, по словам источника, до того никто из сельджукских султанов не целовал камня. Сулейман-шах остановился во дворе для гостей халифа, а вскоре состоялась основная церемония, во время которой ему надели на шею ожерелье, на запястья — браслеты. Имя включили в багдадскую хутбу, но без упоминания, главой какого султаната является Сулейман-шах, и определили содержание, ибо он не имел постоянного источника доходов.²⁵

Ритуал получения инвеституры сельджукскими султанами в основном сохранился до конца XII в. и являлся одной из важнейших линий взаимоотношений между Сельджукидами и Аббасидами. Эта церемония была не просто введением султана в должность светского руководителя мусульманского мира, но стала официальным актом лишения халифа светской власти.

Хотя церемония носила формальный характер, султаны почти всегда оказывали халифам внимание как сюзеренам. Так, Тогрул-бек при встречах с Каимом целовал перед ним землю и его руку, шел пешком рядом.²⁶ Обычай бжегать или идти рядом с конем сюзерена вошел также в сельджукский придворный церемониал, а от них пошел к османским туркам. Следуя традиции, второй великий Сельджукид Алп-Арслан продолжал оказывать знаки внимания халифу. Когда в 1064 г. к нему прибыл посол Каима для вручения инвеституры, султан вел себя как вассал: эмиссар халифа „надел ему на шею золотую цепь и, связав двенадцать прутьев в пучок, нанес ему слегка несколько ударов, как бы за безграничную покорность его своему начальнику“.²⁷ В середине XII в. иконийский и иракский султаны в составе свиты халифа Мустаршида сопровождали его как вассалы во время праздника рамадана.²⁸ „Конечно, знаки почтения султана направлены не только и, может быть, не столько на халифа-сюзерена, сколько на халифа-имам, религиозного вождя мусульман“.²⁹

Начиная с 1055 г. личное получение инвеституры стало для сельджукских султанов традицией, которую они старались соблюсти. Этот обряд предоставлял возможность вступить в непосредственный контакт, засвидетельствовать традиционное почтение халифу как религиозному

²⁴ Irak ve Horasan, s. 81—82.

²⁵ Irak ve Horasan, s. 219—220; Anadolu selçukluları, s. 13.

²⁶ Irak ve Horasan, s. 17; Anadolu selçukluları, s. 6.

²⁷ Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, стр. 127.

²⁸ Три еврейских путешественника X—XII вв. Пер. П. В. Марголина. СПб., 1881, стр. 45.

²⁹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избр. сочинения, т. I, стр. 111—112.

главе и договориться по вопросам, которые нельзя было доверить бумаге или послу. Вместе с тем во взаимоотношениях Сельджукида и Аббасида имелись специфические черты, которые позволяют считать период XI—XII вв. одним из важных этапов в эволюции формулы „халиф—султан“ и подтверждают наше мнение, что эти взаимоотношения скорее следует рассматривать с точки зрения „султан—халиф“.

Во-первых, с 1055 г. к великим султанам стали применять коранический термин бурхан, который переводится как „ясный свет“, исходящий от аллаха, „очевидное доказательство“.³⁰ В одной из молитв, обращенных сельджукским воинством к алаху накануне сражения, говорится, что великий Сельджукид Алп-Арслан является „очевидным бурханом халифа“.³¹ Возможно, что сельджуки имели в виду стих Корана: „О люди! К вам пришло доказательство от вашего Господа, и низвели Мы вам ясный свет“.³² Выражение „бурхан-и эмир“ известно в качестве составной части титулатуры великих Сельджукидов Алп-Арслана и Санджара, а также иракского султана Сулейман-шаха.³³ В приложении к сельджукским правителям выражение „бурхан халифа“ следует интерпретировать как „посредник между халифом и светским миром“.

Во-вторых, великие султаны имели около халифов своих личных представителей шихнэ, в обязанности которых входило держать Сельджукидов в курсе багдадских событий. Шихнэ являлись заместителями-наместниками султанов и были подлинными хозяевами столицы Аббасидов. Первый шихнэ появился в Багдаде в 50-е годы XI в., последний был назначен Санджаром в 1135 г. Халиф не мог воспрепятствовать этому, он имел право лишь объявить кандидатуру на пост шихнэ персоной нонграта, и тогда султан предлагал другую. Должность шихнэ была важной, поэтому их назначали только из числа тюркоязычных эмиров, как это практиковалось в подобных случаях. В XI в. шихнэ сыграли большую роль как проводники политической линии и влияния сельджуков в Багдаде.³⁴

В XII в. при халифе появился личный представитель иракских султанов, именовавшийся наибом, но по своим функциям родственный шихнэ.³⁵ Присутствие в Багдаде личного представителя сельджукских султанов, который сыграл важную роль в истории Аббасидов и Сельджукидов, свидетельствует, что в системе „султан—халиф“ главным являлся султан.

Важное значение в процессе взаимоотношений Сельджукидов и Аббасидов имело то обстоятельство, что династии породнились между собою. Это способствовало возвышению роли сельджуков в глазах мусульманского мира. Каим первым породнился с Сельджукидами, взяв в 1056 г. в жены племянницу Тогрул-бека, дочь его брата Чагры-бека Дауда Арслан-хатун. Несомненно, халиф хотел укрепить свои связи с сельджуками и показать врагам, что он не намерен порывать „дружбы с тюрками“.³⁶ А в 1063 г. Тогрул-бек посватался к дочери Каима Саййиде; и халиф против своей воли дал согласие на брак.³⁷ Впослед-

³⁰ Коран, IV, 174; XII, 24. (Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963).

³¹ Sadruddin, s. 33; Irak ve Horasan, s. 83.

³² Коран, IV, 174.

³³ Anadolu selçukluları, s. 16; Histoire des Seldjucides. Extrait du 'Tarikhi Guzideh' d'Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par M. Dofrémy. Journal Asiatique, IV série, 1848, t. XI, p. 432; t. XII, pp. 335, 364.

³⁴ А. Мюллер. История ислама, т. III, стр. 140; Irak ve Horasan, s. 42; Rahat-üs-Sudur, ss. 106, 160, 174; Cl. Cahen. La première pénétration..., pp. 44, 67; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi, s. 53.

³⁵ Irak ve Horasan, ss. 60, 108, 130.

³⁶ Irak ve Horasan, s. 8; Barhebraei, p. 233; Sadruddin, p. 12—13.

³⁷ Barhebraei, p. 241; Irak ve Horasan, s. 18.

ствии династические браки между Сельджукидами и Аббасидами стали почти традиционными.

Об этом, а также о том, насколько паритетными являлись взаимоотношения султана и халифа, свидетельствуют события последней четверти XI в. В 1084 г. Муктади взял в жены дочь великого Сельджукида Мелик-шаха, от которой имел сына Абу-л-Фадла Джафара. В 1092 г. султан пожелал, чтобы халиф провозгласил этого мальчика наследником аббасидского престола, но Муктади отказался. Тогда Мелик-шах, прибывший в Багдад, в ультимативной форме предложил халифу покинуть собственную столицу. Последний испросил десять дней на сборы, но на девятый день Мелик-шах внезапно скончался, как объявили, от лихорадки. Не исключено, как и предполагают источники, что его отравили или убили.³⁸

Таким образом, после узурпации светских прерогатив халифа Сельджукиды затем вознамерились утвердить в качестве великого имама своего тюркоязычного представителя. Теперь на исходе XI в. султаны уже не довольствовались существованием религиозной власти отдельно от светской, и они попытались вновь соединить в одном лице имама и султана, но при условии, что этим лицом станет тюркоязычный. Попытка Мелик-шаха узурпировать и религиозные функции халифа в случае успеха могла иметь важные последствия как для Сельджукидов, так и для тюркоязычного элемента в Передней Азии. Но окончилась она неудачей; только несколько столетий спустя ее претворили в жизнь османские султаны Турции, объявившие себя халифами. Государство и халифат были уничтожены еще монголами, которые убили в 1258 г. последнего халифа Мустасима. В живых оставался лишь его малолетний сын, пощажённый ради монгольской принцессы, пожелавшей, чтобы ее мальчик имел равного по происхождению товарища для своих детских игр.

Теория о передаче в XVI в. халифата турецкому султану Селиму I последним египетским Аббасидом Мутаваккилем III создана во второй половине XVIII в. и должна была оправдать узурпацию правителями Турции религиозных функций.³⁹

Итак, с 1055 г. сельджуки приобрели влияние на халифа и мир ислама, став продолжателями „традиции“ доминирования тюркоязычных племен в арабском мире, которое установилось не позднее IX в. Уже тогда светская власть Аббасидов в самом Багдаде была ограничена придворной тюркской гвардией, сыгравшей немалую роль в государстве халифов; и не случайно, что они стали игрушкой в руках военной силы: одного за другим их губила одна и та же болезнь — преторианство.⁴⁰ В этом аспекте характерен следующий рассказ: „Когда на престол вступил Мустаин (862 г.), его вельможи призвали астрологов и спрашивали их: «Посмотрите, сколько лет проживет этот халиф и сколько просидит на халифате?». Какой-то бывший тут же остряк проговорил: «Я лучше астрологов могу определить количество лет его жизни и царствования!». — «Сколько же лет проживет он и будет царствовать?» — возразили ему. —

³⁸ Анна Комнина. *Алексиада*. Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 198; *Varhebraei*, p. 260; *Sadraddin*, s. 57.

³⁹ В. В. Бартольд. *Халиф*, стр. 66; В. А. Гордлевский. *Был ли турецкий султан халифом?* Избр. сочинения, т. III, стр. 187.

⁴⁰ В. А. Гордлевский. *Был ли турецкий султан халифом?*, стр. 188; А. Массэ. *Ислам. Очерк истории*, М., 1961, стр. 177; *Сиасет-намэ*. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Пер. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 99; И. П. Петрушевский. *Ислам в Иране в XII—XV вв.* Л., 1966, стр. 152; В. Spuler. *The Muslim World, part I. The Age of the Caliphs*. Leiden, 1960, p. 62.

«А столько, сколько захотят тюрки!» При этом ответе все присутствующие не могли удержаться от хохота.⁴¹

Аббасиды тяготились зависимостью, такое положение тем более казалось им неестественным, что эти халифы опирались на хадис, приписанный Мухаммеду: „Кто повинуется мне, повинуется аллаху; кто повинуется имаму (чит.: халифу), повинуется мне. Не повиноваться мне, значит не повиноваться аллаху, а неповиновение имаму (чит: халифу) — это неповиновение мне“.⁴² Вот почему нередкостью были столкновения уже между первым великим султаном Тогрул-беком и халифом Каимом.⁴³ При первых признаках упадка сельджукского могущества на рубеже XI—XII вв. Аббасиды попытались восстановить свои светские prerogatives. Об этом свидетельствуют и формулы, которые теперь, в XII в., халиф произносил, вручая султану светскую власть над миром ислама. Когда иракскому Сельджукиду Масуду были преподнесены ожерелье и наручные браслеты и он сел в приготовленное кресло, поцеловав перед тем землю у ног халифа, Мустаршид, вручавший инвестицию, произнес: „Тот, кто ведет себя недостойно, недостойно править“. Затем опоясал султана двумя саблями и привязал к древку два знамени. В заключение церемонии халиф сказал: „Встань, получи то, что тебе положено, и будь благодарен!“.⁴⁴

Но попытки халифов добиться самостоятельности на протяжении почти всего XII в. встречали активное сопротивление султанов. Тот же Масуд воювал с Мустаршидом; в 1134 г. он захватил халифа и держал в своем военном лагере. Великий султан Санджар прислал Масуду в связи с этим два послания. В одном, официальном, содержалось повеление старшего в роду: с почетом отправить халифа в Багдад. В другом, конфиденциальном, Санджар прозрачно намекал, что Мустаршида нельзя оставлять в живых.⁴⁵ Позиция Сельджукида объясняется тем, что незадолго перед 1134 г. халиф подстрекал против него Масуда и сам снарядил армию для похода, во время которого возвел хулу на род Сельджука, сказав: „Мы вверились народу Сельджукидов, а они восстали против нас. Затянулся над ними срок, и ожесточились их сердца, и многие из них распутны“.⁴⁶ В этом случае Аббасид, возможно, кроме вышеприведенного хадиса, приписанного пророку Мухаммеду, имел в виду стих Корана, где говорится: „Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли. Это для них — позор в ближайшей жизни, а в последней для них — великое наказание“.⁴⁷

Теперь халиф был в плену у Масуда, и Санджар жаждал отмщения. Когда иракский султан возвратился из Багдада в Азербайджан, то с ним находился халиф. Санджар прислал сюда военный отряд, в составе которого имелось 17 наемных убийц-исмаилитов. Они-то и убили Мустаршида за чтением Корана, недалеко от города Мараги. Убийцы поймали и по распоряжению Масуда казнили. Бар Эбрэй заключает свой рассказ

⁴¹ Ал-Фахри, стр. 283.

⁴² Abou Yousuf Ya'koub. Kitab el-Kharadj. Trad. par E. Fagnan. Paris, 1921, p. 13.

⁴³ Barhebraei, p. 241.

⁴⁴ Sadruddin, s. 71—72; Irak ve Horasan, s. 161—162.

⁴⁵ Barhebraei, p. 295.

⁴⁶ Низами Арузи. Собрание редкостей, или четыре беседы. Пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М., 1963, стр. 50; вторая фраза является стихом Корана, LVII, 15; Barhebraei, p. 291.

⁴⁷ Коран, V, 37.

словами: „Говорят, Санджар не знал об исмаилитах. Но истина в том, что он сам отправил их, но Масуд не знал этого“.⁴⁸

По предложению великого султана знатные и кадийи Багдада при- сягнули его креатуре — Рашиду, сыну Мустаршида.⁴⁹ Но Масуд остался недоволен новым халифом, который отказался повиноваться ему: когда иракский Сельджукид потребовал у Рашида триста тысяч динаров, обещающие убитым Мустаршидом, и такую же сумму, собранную для него в Багдаде, а также пожелал получить сумму, которая по традиции полагалась в связи с восшествием на трон нового Аббасида, то Рашид выступил в поход. В 1135 г. он отправился против Масуда, имея при себе сельджукского принца Дауда, которого хотел утвердить на иракском троне. Масуд разбил союзников, Рашид погиб на поле брани у Исфа- хана, а Сельджукид отправился в Багдад, где посадил на трон Муктафи. Обобрав казну и дворцы Аббасидов, Масуд установил своей креатуре определенное содержание; он же назначал для него везиров.⁵⁰

Этот халиф в свою очередь не ладил с одним из преемников Ма- суда — султаном Мухаммедом, который требовал, чтобы имя иракского Сельджукида наряду с именем Аббасида было включено в багдадскую хутбу. Муктафи не соглашался, мотивируя отказ тем, что в хутбе поми- нали великого Сельджукида как старшего в роду Сельджука. В ответ Мухаммед начал военные действия и дважды осаждал Багдад, но успеха не добился. В первый раз в 1155 г. военная кампания завершилась не- удачно, так как у султана иссякли силы; в 1158 г. повторную осаду пришлось снять, ибо в султанате начался мятеж феодалов во главе с атабеком-наместником Азербайджана Шамс-ад-дином Ильдегизом, с которым халиф тайно сносился. Но когда в 1160 г. Мухаммед скончался, Муктафи, отдавая должное его энергичности, произнес: „Мир праху его, он был умным противником“.⁵¹

Аббасиды вмешивались в сельджукские междоусобия, поддерживая центробежные силы, которые активизировались на рубеже XI—XII вв. Когда великий султан Мухаммед и его брат Санджар вынуждены были укрыться в Багдаде от преследований великого султана-соправителя Бёркийярука, то халиф Мустазхир принял их с почетом. В честь высо- ких гостей был устроен торжественный прием, на котором халиф одарил обоих беглецов и собственноручно повязал им знамена, считая этим их притязания на сельджукский трон законными, а Бёркийярука — низложен- ным. В середине XII в. к Мустанджиду обратился за содействием Су- лейман-шах; халиф, враждовавший с его племянником иракским госуда- рем Мухаммедом, провозгласил султаном этого Сулейман-шаха.⁵²

С прекращением в 1157 г. династии великих Сельджукидов их место в системе „султан—халиф“ заняли иракские Сельджукиды, первый пред- ставитель которых — Махмуд — приходился сыном великому султану Му- хаммеду; на этом основании он и его преемники претендовали на роль старших среди оставшихся ветвей рода Сельджука. В 1160 г., когда на троне Иракского государства появился султан Арслан-шах, фактическая власть оказалась в руках его воспитателя — атабека Шамс-ад-дина Иль- дегиза, бывшего владельцем Азербайджана; с этого года Ильдегиз, кото- рый ранее в течение ряда лет находился в тайных сношениях с Багдадом, играл важную роль в системе „султан—халиф“. Таким образом, если в течение 1055—1157 гг. партнером халифа выступал представитель глав-

⁴⁸ Ал-Фахри, стр. 344—346; Barhebraei, p. 294, 296; Chronique de Michel, p. 619.

⁴⁹ Barhebraei, p. 296.

⁵⁰ Ал-Фахри, стр. 348, 351—352; Barhebraei, pp. 298—299; Histoire des Seldjoudes, t. XII, p. 348; Chronique de Michel, p. 619.

⁵¹ Sadruddin, ss. 94, 100.

⁵² Irak ve Horasan, ss. 237, 265.

ной ветви дома Сельджука, а затем — до 1160 г. — иракский султан, то с этого года и до конца XII в., в течение сорока лет, формула приняла новый, не совсем обычный вид — „атабек—халиф“. Поэтому можно сказать, что во второй половине XII в. в лице Ильдегизидов: Шамс-ад-дина Ильдегиза, Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана — ближневосточный мусульманский мир получил новых светских руководителей, выступавших от имени своих номинальных сюзеренов — иракских султанов.

Аббасиды лишь под давлением признали подобную замену и при каждом удобном случае старались оказать противодействие. Если при Шамс-ад-дине Ильдегизе оно не приняло формы открытого сопротивления, то при его преемнике Джахан-Пехлеване, который также повластно распоряжался делами Иракского султаната, халифы старались избавиться от подобного партнерства. Не случайно Джахан-Пехлевану, который стремился подчинить халифа своей воле и планам, приписаны слова: „Халифу наиболее приличествует заниматься хутбой и религиозными делами; он должен поручить султану (чит.: Ильдегизиду) светские дела и вопросы управления государством“.⁵³ Третий Ильдегизид был в позитивных отношениях с халифом Насиром. Таким образом, можно констатировать, что в течение второй половины XII в. Аббасиды сносились с Ильдегизидами как с партнерами по управлению ближневосточным мусульманским миром. Поэтому не случайно, что в сочинении, посвященном Аббасидам и Сельджукидам, имеется специальная глава об атабеке Шамс-ад-дине Ильдегизе; возможно, автор хотел подчеркнуть значение Ильдегизидов и показать, что они являлись равней халифам и султанам.⁵⁴

Аббасиды, взаимоотношения которых с Сельджукидами и затем с Ильдегизидами были не совсем паритетными, могли воспользоваться своим правом и приостановить деятельность духовных учреждений, в том числе суда кадийев, на территории, подвластной халифу и султанам. Такая акция оказалась бы весьма действенной, но вместе с тем могла иметь серьезные последствия для самого халифа, который несомненно встретил бы противодействие светских феодалов во главе с султаном.

Взаимоотношения между халифами и султанам можно сравнить с теми взаимоотношениями, что существовали в тот же период в Западной Европе между папами римскими, с одной стороны, и императорами германскими и королями французскими, с другой. Правда, в последнем случае временные успехи были достигнуты римскими первосвященниками; лавры же, доставшиеся халифам, были несравненно скромнее и не оказали существенного влияния на ход ближневосточной истории XI—XII вв. Наоборот, Аббасиды пострадали экономически и политически, морально и физически. Но вместе с тем взаимоотношения султанов и халифов в XI—XII вв. сыграли большую роль в истории Ближнего Востока.

Таким образом, взаимоотношения султана и халифа в XI—XII вв. являются одним из аспектов системы сюзеренитета и вассалитета, господствовавшей на Ближнем Востоке. Они претерпели ряд изменений, которые удастся проследить на конкретном материале и убедиться, что формуле „султан—халиф“ были присущи метаморфозы, зависевшие не только от характера взаимодействия, но и реальной силы каждого из участников этого альянса. Но несомненно, что султан, стоявший рядом с халифом как равноправный партнер по управлению ближневосточным мусульманским миром, в действительности являлся определяющим началом. Сама формула „султан—халиф“ претерпевала изменения вместе с развитием взаимоотношений между Аббасидами и Сельджукидами, принимая на

⁵³ Rahat-üs-Sudur, s. 309.

⁵⁴ Anadolu selçukluları, s. 19 etc.

определенных этапах новое содержание. Если в 1055 г. она зародилась как следствие взаимоотношений великих султанов и халифов, то с 1157 г. партнером Аббасида стал представитель одной из младших ветвей рода Сельджука — иракский султан, а с 1160 по 1191 г. — Ильдегизиды, атабеки иракских государей и истинные правители султаната; вот почему формула изменилась и приняла вид „атабек—халиф“. В целом взаимоотношения по линии „султан (позднее атабек)—халиф“ отображают реальность, характерную для эволюции феодализма на Ближнем Востоке XI—XII вв. и позволяют осветить один из основополагающих аспектов развития системы сюзеренитета и вассалитета.

Rauf A. Huseynov

LE SULTAN ET LE KHALIFE

Pour le système de la suzeraineté et de la vassalité en Proche-Orient de l'époque seldjoukides ont avait accepté la formule: „le vassal de mon vassal — n'est pas mon vassal“. Sous cet aspect sont très intéressant les relations des sultans Seldjoukides et des khalifes Abbasides. Les sultans ont usurpé les prérogatives laïques des khalifes; les Seldjoukides ont été les chefs véritables du Proche-Orient musulman. C'est pourquoi les relations des sultans et des khalifes avait exercée une influence considerable sur la vie politique du Proche-Orient.

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ АБУ ХАНИФЫ АН-НУ'МАН

Мусульманское право, которое составляет единый комплекс с исламом, является в настоящее время одним из важнейших предметов исследования мировой востоковедной науки при изучении истории и культуры мусульманских стран.¹

Основателем мусульманской правовой системы заслуженно считается Абу Ханифа ан-Ну'ман б. Сабит б. ан-Ну'ман, один из интереснейших ученых Востока, по имени которого назван самый распространенный мусульманский религиозно-правовой толк.

Чтобы правильно понять и возможно точнее реконструировать взгляды Абу Ханифы, необходимо учесть ту реальную обстановку, ту среду, в которой он вырос и которая оказала влияние на формирование его взглядов.

В течение почти полуторавекового периода неустойчивости, когда право завоеванных областей, перемешанное с доисламскими обычаями арабов, как-то приспособлялось к исламу, создавались благоприятные условия для возникновения новой системы права, основанной на принципах ислама, но вобравшей в себя многое из правового опыта предшественников и соседей.

После Абу Ханифы можно уже говорить о единой системе мусульманского права, сделавшей возможным дальнейшее развитие Халифата как сильного централизованного государства.

Абу Ханифа не оставил после себя никаких трудов, и все его научное наследие рассыпано по работам его учеников, последователей и комментаторов. Очищение высказываний самого Абу Ханифы от позднейших наслоений — трудоемкий и сложный процесс. В этой статье мы ограничиваемся только самым предварительным рассмотрением взглядов Абу Ханифы.

О жизни Абу Ханифы известно немного. Он родился в Куфе в 80/699—700 г. в семье персидского происхождения. По сведениям, переданным внуками Абу Ханифы, дед его Зута был взят в плен при захвате Кабула арабами. Отец Зуты известен под прозвищем ал-Марзбан, что соответствует сасанидскому военно-феодалному титулу „марспан“. Приведенный в Ирак как пленник и раб племени Бану тайм б. са'лаба и отпущенный им на свободу, Зута стал клиентом (мавла) этого племени, а приняв ислам, получил также и новое имя и стал называться ан-Ну'ман. Исма'ил б. Хаммад, внук Абу Ханифы, сообщает, что, по семейному

¹ Изучение мусульманского права в странах Европы прямо зависело от интенсивности общения с мусульманскими народами, выросло из практической деятельности и имеет богатую традицию. В России углубленную работу над мусульманским правом начал проф. А. Э. Шмидт, продолжавший ее и после Октябрьской революции. Однако после него эта работа в нашей стране надолго прекратилась.

преданию, ан-Ну'ман подносил в один из праздников угощение 'Али б. Абу Тадибу и поздравлял его.²

Отец Абу Ханифы Сабит скорее всего был уже свободнорожденным, хотя существует мнение, что Сабит был отпущен на свободу вместе со своим отцом Зутой ан-Ну'маном.³

Сабит имел большую торговлю шелком, и от него Абу Ханифа унаследовал богатство и умение вести торговлю, которая и давала ему средства к существованию в течение всей жизни.

Биографы Абу Ханифы сообщают, что в семье его весьма много внимания уделялось религиозному воспитанию. Абу Ханифа замечательно знал Коран, владел арабским языком, хотя навряд ли арабский язык был принят в их доме. Он изучил литературу, поэзию, грамматику, иными словами, получил хорошее традиционное образование.

В молодости Абу Ханифа не собирался заниматься науками. Но обстановка в родном городе, так же как в Ираке вообще, давала много поводов для этого. Абу Ханифа был постоянным участником бесед и споров на религиозные темы, которые очень часто возникали между представителями различных сект и религий. Позже ради таких встреч он более двадцати раз ездил в Басру.⁴

Неизвестно точно, в каком возрасте Абу Ханифа начал серьезно заниматься фикхом. Есть основания предположить, что он начал эти занятия, подружившись с выдающимся куфийским законоведом и богословом Хаммадом б. Абу Сулейманом. В то время Абу Ханифе было около двадцати двух лет.⁵ Эта дружба продолжалась восемнадцать лет, до самой смерти Хаммада. Начав как ученик, Абу Ханифа затем стал лучшим помощником и советчиком своего учителя. Существует предание, согласно которому Хаммад завещал Абу Ханифе продолжать и развивать науку фикха и оставил за ним свое место.

Десять лет после этого Абу Ханифа продолжал жить в Куфе, оставаясь самым авторитетным законоведом областей Куфы и Басры.

В 130/747—748 г. ему пришлось эмигрировать в Мецку, спасаясь от преследований Ибн Хубейры, омеййадского наместника в Ираке, который хотел насильно сделать его своим доверенным чиновником и главным советником. Там Абу Ханифа вошел в круг местных ученых, что дало ему возможность углубить свои знания в науке хадисоведения, ибо в Мецке он мог встречаться с табиями. В Куфу Абу Ханифа вернулся только во время правления аббасидского халифа Абу Джафара ал-Мансура, около 136/753—754 г. Он с одобрением встретил аббасидский переворот, так как разделял антиомеййадские взгляды многих куфийцев.

Именно в это время строилась новая столица Багдад, и ал-Мансур предложил Абу Ханифе должность судьи в ней. Халиф весьма считался с его научным авторитетом, так как знал, что известнейшие законоведы Куфы и Басры опираются в конечном счете на мнение Абу Ханифы.⁶ Но тот отказался от этой службы. Тогда халиф предложил ему самому выбрать себе любую должность. Но и тут последовал отказ. Такое отношение к казенной службе объясняется тем, что в то время „принятие должности судьи было сделкой с совестью, на которую настоящий ученый не пойдет“.⁷ Широко известным тогда было изречение, приписывае-

² Ал-Хафиз 'Ахмад ал-Багдади. Т'арих ал-Багдад, т. 13, Багдад, 1931, стр. 326.

³ Абу Захра. Абу Ханифа. Ал-Хахира, 1948, стр. 24. Существуют и другие версии происхождения Абу Ханифы, но они менее убедительны (см.: ал-Багдади. Т'арих ал-Багдад, т. 13, стр. 328).

⁴ Абу Захра, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 32.

⁷ Академик В. В. Бартольд, т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. Изд. „Наука“, М., 1966, стр. 113.

мое халифу 'Омару II: „Не проводите время в обществе правителя, даже если наставляете его на праведный путь. Зло от пребывания вместе с ним превышает любое добро, которого вы при этом добьетесь“.⁸ Однако халиф очень нуждался в поддержке Абу Ханифы, который мог бы обосновать и объяснить его действия или даже превратить их в юридические прецеденты, как это было во времена праведных халифов.

В конце концов ал-Мансур предложил Абу Ханифе должность верховного судьи халифата, т. е. высшую судебскую должность. По преданию, Абу Ханифа ответил, что он лучше утонет в Евфрате, чем согласится на это.⁹

Решив силой сломить Абу Ханифу, халиф приказал сначала арестовать его, но когда и это не помогло, приказал подвергнуть его побоям и заточить в тюрьму, где Абу Ханифа и умер через несколько дней. Произошло это в 150/767 г. Похоронен Абу Ханифа на кладбище ал-Хайзеран,¹⁰ и его могила почитается до настоящего времени.

Конец VII и первая половина VIII в. были периодом острой борьбы новых, мусульманских взглядов и жизненного уклада со старыми, доисламскими.

В Омеййадском халифате продолжали действовать правовые системы, оставшиеся в наследство от Византии и Сасанидского Ирана, правовые системы многочисленных религиозных общин и староарабская правовая система, принесенная завоевателями-арабами.

В западной части Омеййадского халифата, в бывших византийских провинциях, господствовало римское право, несколько приспособленное к исламу и дополненное арабским обычным правом, которое за время многовекового общения с римско-византийским миром также восприняло элементы римского права, ставшие сначала бытовыми нормами, а затем оказавшие влияние на формирование обычного права.

В восточной же части государства, в Ираке, обстановка складывалась совсем иначе. Там сохранялись правовые нормы Сасанидского Ирана, которые не отвечали правовым представлениям арабов и не соответствовали нормам римского права. Кроме того, Ирак и особенно недавно возникшие центры торговли и культуры Куфа и Басра были местом, где смешались влияния Ирана, Индии, Византии и Аравии. Происходит интенсивный обмен идеями, религиозными и правовыми представлениями.

Этот же район был центром оппозиционного Омеййадам шиитского движения. Антиомеййадские взгляды отражались на правосознании, что выражалось в частых отказах признавать законными решения судей, которые в то время были всего лишь чиновниками омеййадской администрации. Нередко люди предпочитали обращаться для разбирательств к третейским судьям, которыми обычно были шейхи общин или просто мусульмане, известные благочестием и знаниями, и их решения признавались более законными, чем решения официальных судей. Однако отсутствие единого принципа при использовании Корана и хадисов вызывало разногласия, что в свою очередь разрушало единство мусульманской общины.

Такое положение могло оказаться весьма опасным. Поэтому некоторые энтузиасты ислама занялись выделением из Корана тех стихов, а из Сунны тех хадисов, которые могли бы служить основанием для судебных решений. Это и положило начало мусульманскому праву, в создании которого приняло участие несколько поколений ученых.

⁸ S. D. F. Goitein. Studies in Islamic History and Institutions. Leiden, 1966, 205.

⁹ Абу Захра, стр. 48.

¹⁰ 'Ахмад ал-Багдади. Та'рих ал-Багдад, стр. 324.

Завершить эту работу, превратив отдельные, часто на первый взгляд не связанные между собой, элементы в единую стройную и весьма последовательную правовую систему, удалось Абу Ханифе ан-Ну'ману. Абу Ханифа вовсе не стремился создать какую-то свою религиозно-правовую систему. Его целью было на основе имеющегося у него материала так переработать наследие предшественников, чтобы, с одной стороны, удалить по возможности все имеющиеся противоречия и таким образом укрепить мусульманскую общину, с другой стороны, он хотел соединить религиозное учение и жизнь так, чтобы религиозные догматы не противоречили бы требованиям жизни.

Разработка мусульманского права началась почти одновременно в Мекке, Медине, Куфе, а несколько позже в Басре. Основание мекканской группы связывается мусульманской традицией с именем Ибн 'Аббаса, одного из ближайших сподвижников Мухаммеда, в Медине — с именем Ибн Мас'уда, также близкого сподвижника Мухаммеда, который после смерти пророка переселился в Ирак.

Сначала эти центры были почти не связаны между собой, но к началу VIII в. налаживается обмен знаниями и опытом. Особенно славилась мединская школа, крупнейшими представителями которой были Са'ид б. ал-Мусайиб, 'Урва б. аз-Зубейр, Абу Бекр б. 'Абд ар-Рахман, 'Убейдаллах б. 'Абдаллах б. 'Утба, Хариджа б. Зейд б. Сабит, Сулейман б. Йасар и Касим б. Мухаммед б. Абу Бекр. Их младшими современниками были Зухри и Раби' а. Абу 'Абдаррахман.¹¹ Мединская школа отличалась большой приверженностью к традиции и тщательно оберегала от критики и пересмотра всё, что было связано с именем пророка.

О посещении Абу Ханифой Медины ничего неизвестно. Можно только предполагать, что в течение почти шестилетнего пребывания в Мекке он имел какие-то контакты с мединцами, ибо его глубокий интерес к хадисам хорошо известен.

В Куфе в молодые годы Абу Ханифы жил выдающийся знаток ритуального права Ибрахим ан-Наха'и. Этот ученый большое значение придавал понятию „ниййат“ (намерение), хотя в основном он связывал это понятие с выполнением религиозных и ритуальных обязанностей, клятв, проклятий и т. п. Абу Ханифа расширил это понятие и распространил его почти на все виды деятельности человека.

Младшим современником ан-Наха'и был куфийский кади Хаммад б. Абу Сулейман, старший друг и наставник Абу Ханифы. Его влияние на Абу Ханифу трудно переоценить, так как многое из методики и круг вопросов, определяющих деятельность правоведа, Абу Ханифа заимствовал от своего старшего друга.¹² Абу Ханифа сообщает, что они вдвоем наметили шестьдесят вопросов, которые необходимо было разработать. За время сотрудничества они ответили на сорок из них, остальные должен был закончить сам Абу Ханифа со своими учениками и последователями.¹³

В Мекке Абу Ханифа постоянно встречался с 'Ата б. Абу Раббахом, выдающимся богословом и знатоком хадисов. Но надо сказать, что, будучи к тому времени уже полностью сложившимся правоведом, Абу Ханифа сам сумел оказать влияние на мекканскую школу.

Говоря о предшественниках и современниках Абу Ханифы, нельзя забыть кади Куфы Ибн Абу-л-Лейла (ум. в 148/765 г.), который очень часто оказывался главным оппонентом Абу Ханифы.

Родной город Абу Ханифы Куфа, как и Басра, был одним из центров, в которых возникали и из которых распространились многие мусульманские раскольнические и еретические учения. Здесь нет возможности

¹¹ I. Schacht. An Introduction to Islamic Law. Oxford, 1964, p. 31.

¹² Islamologie. Pareja F. M. Imprimerie catholique, Beyrouth, 1964, p. 633.

¹³ Абу Захра, стр. 25.

охарактеризовать и даже перечислить все эти вероучения, однако надо назвать те из них, против которых Абу Ханифа выступал больше всего, так как, будучи самыми распространенными, они больше всех подрывали основы единой веры, одним из ревностных поборников которой был Абу Ханифа. Это секты шиитов, хариджитов, мурджитов, кадаритов и джабаритов.

В начале VIII в. основными источниками права были Коран, сунна и иджма¹⁴ — решения, принятые в основном во времена праведных халифов и ставшие правовыми прецедентами. Наряду с этим бытовые вопросы решались на основе существовавшего ранее обычного права, которое не находилось в противоречии с основными источниками права, за исключением некоторых вопросов. Но они обычно оговариваются (например, кровная месть).

Мекканская и мединская школы правоведения сосредоточили все свои усилия на сохранении традиции, ибо обычаи священных городов мало изменились за сравнительно небольшой срок после смерти Мухаммеда, а предания о деяниях и речениях пророка, сохраняемые в памяти многих десятков людей, могли исчезнуть или исказиться. Омеййады не проявляли интереса к этой работе, и собирание хадисов оставалось делом индивидуального благочестия и религиозного подвижничества.

В другом центре ислама — в Ираке — обычное право не могло дополнять основные источники мусульманского права, так как не было тесно с ним связано. Кроме того, распространявшиеся в то время хадисы часто бывали настолько неубедительными, что многие иракские законоведы предпочитали руководствоваться здравым смыслом. Именно поэтому их стали называть „асхаб ар-ра'й“ — „сторонники умозаключения“. В их среде появляется метод суждения по аналогии, „қийас“, который требовал от законоведа умения проникать в самую сущность вопроса, освобождать его от всего второстепенного, сохраняя только формулу вопроса, чтобы найти аналогию в основных источниках права. Абу Ханифа широко пользовался этим методом и весьма детально разработал его. Беря за основу, согласно установившемуся еще до него правилу, наиболее позднее высказывание или действие Мухаммеда Абу Ханифа часто делал выводы, которые противоречили прямым указаниям Корана. Однако тщательная аргументация и глубокий логический анализ делали решения Абу Ханифы чрезвычайно убедительными.¹⁴

Вторым методом, широко разработанным и применяемым Абу Ханифой и его последователями, был „истиҳсан“.¹⁵ Абу Ханифа никогда не рассматривал судебное дело отдельно от жизни всей общины. Он считал, что каждый судебный процесс должен дать что-то хорошее или по крайней мере не причинять никакого зла. В то же время очень суровый, хотя бы и справедливый, суд может привести к общему озлоблению и ожесточению. Это может привести даже к умышленным провокациям судебных процессов, чтобы именем правосудия расправиться с недругом. Если же к тому еще судья не опытен или не добросовестен, то суд вообще может стать бедствием. Поэтому судья, принимая решение, должен учитывать и конкретные условия жизни общины. Именно „истиҳсан“ дает право судье смягчить наказание до такой степени, чтобы его суровость не превзошла тяжести самого преступления или не вызвала бы беспорядков внутри самой общины. Кроме того, Абу Ханифа рекомендует, если по какому-либо делу можно принять два решения с одинаковым правом, принимать более мягкое, так как суд не должен отпугивать заведомой суровостью.¹⁶

¹⁴ Там же, стр. 324.

¹⁵ J. Schacht, p. 37.

¹⁶ Абу Захра, стр. 342.

Однако этот гуманный метод, одобряемый многими юристами, не использовался широко, во-первых, из-за его неопределенности, а во-вторых, из-за того, что этим методом мог пользоваться только тот судья, который чувствовал себя свободным от давления верхушки общины и достаточно независимым от местного владетеля, и в то же время был бы уверен в том, что, применяя „истихсан“, он действительно приносит пользу.

Третий принцип, который широко применял Абу Ханифа, — это включение в судебную практику местного обычного права.¹⁷ На огромной территории халифата нельзя было применять исключительно религиозное право, ибо юристы и судьи могли буквально завязнуть в решении многих вопросов, если бы не обращались к обычному праву. Особенно это касалось имущественного и семейно-брачного права и торговых сделок. Характерной иллюстрацией может служить высказывание Абу Юсуфа относительно областей, входивших раньше в состав Сасанидского Ирана: „Если в стране сохранились зороастрийские обычаи, не отмененные и не уничтоженные исламом, и люди не жалуются имаму на то, что они (обычаи) причиняют им вред, то имам не может отменить их“.¹⁸ Но обычное право не должно противоречить религиозным заповедям и может применяться только в практической жизни. Абу Ханифа рассматривает применение обычного права как меру временную, пока люди еще не привыкли к праву, единому для всех мусульман.

Признание обычного права наряду с основными источниками права позволяло избежать такого положения, когда образовывался разрыв между правовыми нормами ислама и правовыми представлениями народов, только что приобщившихся к исламу. Но Абу Ханифа предостерегал от увлечения обычным правом, если есть возможность принять решение на основе главных источников права.¹⁹

И действительно, на окраинах мусульманского мира, где усвоение ислама было очень поверхностным, бывало так, что суд по обычному праву (адатский) сосуществовал, а иногда даже противопоставлялся религиозному (шариатскому) суду. (Так, например, было на Кавказе и в Туркмении еще в середине XIX в. и даже позже).

Представление Абу Ханифы об идеальном государстве было почти таким же, как и у его современников. Это государство мыслится в виде мировой державы во главе с халифом, заместителем пророка Мухаммеда, который сам выбирает доверенных чиновников и с их помощью создает весь государственный аппарат. Он назначает эмиров или вали — наместников обширных областей, те в свою очередь уже от себя назначают амирей или вакилей — наместников небольших областей и градоначальников, а также судей. Эти чиновники организуют местное управление, суд и пр. Идея построения государства таким образом не нова: так в принципе были организованы сосед и основной противник арабов — Византия и Сасанидский Иран, завоеванный арабами и вошедший в состав их государства. Однако Абу Ханифа считал, что деятельность всех должностных лиц должна находиться под морально-религиозным контролем общины, мнение которой обычно выражают ученые юристы и богословы.

Вся эта государственная система была всего лишь умозрительным построением, чрезвычайно далеким от реальности.

Споры между Абу Ханифой, шиитами и хариджитами вызывал вопрос о престолонаследии. Шииты считали законными халифами только потомков 'Али б. Абу Талиба. Крайние же шиитские секты не признавали

¹⁷ Там же, стр. 350.

¹⁸ Al-Beladsori. Liber expugnationis regionum. Ed. M. I. de-Goeje. Lugduni Batavorum, 1866, p. 488.

¹⁹ Абу Захра, стр. 362.

законными даже праведных халифов. Хариджиты же, наоборот, считали, что халифом может быть только самый достойный из мусульман независимо от его происхождения. А самые крайние из хариджитов считали, что халиф и вообще не нужен.²⁰

Сам Абу Ханифа, будучи, как и большинство мусульман Ирака, сторонником дома 'Али, считал передачу власти вполне законным актом. О назначении преемника должен позаботиться сам халиф. И только если преемник не назначен, наследует сын халифа. Нового же халифа следует избирать, если старый умер, не оставив наследника и не назначив преемника. Естественно, что халиф не может назначить своим преемником кого-либо из недостойных.

Как легко заметить, это не обобщение опыта, а только лишь выражение идеалов Абу Ханифы.

Что касается рядовых членов общины, простого народа, то все они представляются Абу Ханифе абсолютно равными в правах и в обязанностях, независимо от имущественного или общественного положения. Разумеется, что это касается только взрослых, здоровых психически мужчин. Женщины, подростки и душевнобольные полностью правоспособными не признаются.

По мнению Абу Ханифы, свободный человек не может быть принуждаем к чему-либо помимо своей воли, если только это не необходимо для общего блага. Действие, совершенное по принуждению, считается незаконным, а лицо, оказывавшее давление, должно нести ответственность, действительную или моральную.

Для законоведа же абсолютно недопустимо оправдывать заведомо незаконное действие должностного лица или кого бы то ни было. Биографы Абу Ханифы передают, что когда наместник Ирака Ибн Хубейра предложил Абу Ханифе занять пост доверенного чиновника при себе, то Абу Ханифа отказался: „Он хочет писать распоряжения о казнях, а я должен буду ставить под ними печати!“²¹

Рассматривая вопрос о рабстве и рабах, Абу Ханифа выступает скорее как противник рабства. Как правовед он соглашается с тем, что раб является собственностью своего господина, на которую никто не может посягать. Но вместе с этим раб для Абу Ханифы всегда человек, и он (а в след за ним и законоведы других школ) признает за рабом частичную правоспособность. Многие в системе Абу Ханифы направлено на смягчение судьбы раба, на облегчение получения свободы.²² Хотя специально это нигде не отмечается, но система Абу Ханифы предусматривает уменьшение, а впоследствии окончательное исчезновение рабства, а не расширение его.

Отпущение раба на волю расценивается Абу Ханифой как одно из самых гуманных действий. Кроме того, отпущение раба может быть в некоторых случаях искуплением за небольшое преступление, за моральный или ритуальный проступок. Также он считает предосудительным задерживать в неволе раба, который стремится освободиться, но вместе с этим хозяин не должен терпеть убыток и может потребовать от раба выкуп за свободу.²³

Абу Ханифа, считая обращение раба в ислам долгом благочестия со стороны хозяина, тем не менее не рассматривал иноверие как недолимое препятствие для освобождения. Но на практике освобождение раба-

²⁰ Мухаммад ал-Багдадй. *Китаб ал-фарк байна л-фирак*. Ал-Қахира, 1910, стр. 265.

²¹ Абу Захра, стр. 33.

²² I. Schacht, p. 127.

²³ Там же, стр. 128.

иноверца имело место только лишь при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах.

Ключевым вопросом всей мусульманской правовой теории является проблема свободы воли. Именно этот вопрос был одним из трудных мест, в котором возникали разногласия между правоверием Абу Ханифы и сектами кадаритов и джабаритов.

По учению кадаритов, человек создан со свободной волей и его действия не предопределены. С одной стороны, это значит, что человек сам полностью отвечает за свои поступки, но, с другой стороны, это противоречит положению о всемогуществе и всезнании бога и об абсолютном предопределении всего сущего.²⁴

По учению же джабаритов, наоборот, человек абсолютно лишен возможности как-то самостоятельно действовать. И грехи, и добрые дела предначертаны, все послушно воле бога. Отсюда вывод, что человек не может отвечать за свои поступки и нести за них какое-то наказание, накладываемое другими людьми.²⁵

Абу Ханифа считал, что бог, создавая человека, дал ему возможность идти по пути, избранному самим человеком. При этом он наделил человека способностью отличать добро от зла. Но вместе с тем бог предопределил все действия человека от начала до конца.²⁶ В этом противоречие Абу Ханифы, которое дало возможность его последователям представлять себе Абу Ханифу либо как сторонника свободной воли, либо как сторонника предопределения в зависимости от своих собственных взглядов.

Нам Абу Ханифа представляется скорее как сторонник предопределения. Однако, по его мнению, предопределение — это не мелочная регламентация любого действия, а предначертание судьбы.²⁷

Внутренний мир человека не подвластен никакому контролю со стороны, его нельзя заставить мыслить так, а не иначе, его можно только переубедить. За свои мысли он может отвечать только перед богом, ибо только один бог знает истинные мысли каждого. Поэтому для суда небесного главным будет не поступок, а намерение.

Если злой умысел не претворился в жизнь по независимым от злоумышленника обстоятельствам, то на суде небесном это намерение будет положено на чашку весов вместе со злыми делами.

Точно так же и добрые дела, и намерения будут вознаграждены одинаково.

Но не во власти людей полностью постичь это. И земные судьи в своих решениях должны прежде всего исходить из результатов действий, хотя они также должны внимательно относиться к намерениям, т. е. к мотивам того или иного поступка, чтобы не принять случайно за преступление несчастный случай или какой-либо несерьезный проступок.

Ни один судья не может знать всех обстоятельств дела, и суд не имеет права брать на себя то, что может сделать только бог, т. е. справедливо наказывать провинившихся. Но суд обязан по возможности регулировать жизнь внутри общины, поэтому его основной обязанностью является выяснение истины при тяжбах и ссорах. В случае же преступлений суд должен стремиться не к наказанию, а к пресечению возможности повторения таких поступков. При этом преступнику необходимо предоставлять возможность раскаяться и исправиться. Только в случае особо тяжелых преступлений суд имеет право избавлять общину от пре-

²⁴ Мухаммад ал-Багдадӣ. Китаб ал-фарқ, стр. 17 и 93.

²⁵ Абу Захра, сгр. 139.

²⁶ Абу Ханифа. Ал-фиqh ал-'акбар. Казань, 1914, стр. 4 и сл.

²⁷ Там же.

ступника (казнив, выслав или посадив в тюрьму), чтобы не нарушилось представление о добре, зле и справедливости.

С особым вниманием относится Абу Ханифа к делам о кражах. По издавна существовавшему на Востоке обычаю за кражу полагалось отрубать вору руку. Судя по всему, Абу Ханифа считал этот обычай жестоким и несправедливым, но отменить его, естественно, не мог. Но им применялась целая система процессуальных ухищрений, которые позволяли бы суду одновременно и наказать виновного, и избежать жестокого обычая.

Так, например, он призывал свидетелей и потерпевших вообще не употреблять при даче показаний слов „кража“, „украл“, „вор“, достаточно сказать „взял без спроса“, „взял в отсутствие“, „взял ему не принадлежащее“ и т. д. Таким образом, проступок может уже квалифицироваться не как кража, а как нарушение права собственности другого рода — присвоение, которое влекло за собой незначительное наказание и возмещение стоимости по оценке потерпевшего.²⁸ Кроме того, похищенное имущество должно было иметь значительную ценность, чтобы его похищение рассматривалось не как незначительный проступок, а как кража. Несколько позже последователи Абу Ханифы установили минимум стоимости такого имущества в 10 дирхемов, шафииты же только в 3 дирхема.²⁹

Возникло понятие „ожидание“. Если кто-либо вынет птиц из сети птицелова, расставленной специально для ловли, то это нарушение права собственности. Если же птицы залетели в сеть, расставленную не для ловли, а для чего-либо другого (например, для просушки), а кто-либо вынул их и присвоил, то это значит лишь, что один воспользовался вещью другого для своих целей. Ибо в первом случае птицелов ожидал какой-либо добычи, которая уже потенциально принадлежала ему, во втором же случае он не ожидал никакой добычи.³⁰

Из приведенных примеров видна общая направленность системы Абу Ханифы, стремление не допускать неоправданной суровости.

В результате деятельности Абу Ханифы мусульманское право превратилось из суммы схоластических знаний в систему, рационалистическую по своим принципам. И эта система очень быстро стала почти универсальной, применимой в любой части мусульманского мира.

Ученики и последователи Абу Ханифы, в первую очередь Абу Юсуф (ум. в 182/795 г.), сделали много для распространения этой системы. Но они же повинны в том, что рациональная сторона системы Абу Ханифы стала быстро терять свое значение. Признав Абу Ханифу абсолютным авторитетом, они догматизировали его положения. Абсолютное большинство его решений рассматривалось последующими поколениями правоведов-ханифитов как правовые прецеденты без учета конкретных условий. Вместе с этим они не могли сами столь же широко и смело использовать „қиййās“ и „истихсāн“, так как это было слишком рискованно и требовало очень высоких моральных качеств и уверенности в своих силах. Имели значение и нападки со стороны соперничающих правовых школ, которые обвиняли ханифитов в слишком свободном обращении со священными текстами, в их софистическом истолковании. Для этого были некоторые основания. Тот же Абу Юсуф, самый способный из учеников Абу Ханифы, став верховным кади, всемерно защищал интересы халифа, причем часто в ущерб справедливости.³¹

²⁸ J. Schacht, pp. 160, 178.

²⁹ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране. ЛГУ, 1966, стр. 170.

³⁰ J. Schacht, p. 136.

³¹ Абу Захра, стр. 195.

Фактическая канонизация положений Абу Ханифы не позволяла изменять их. Последующие юристы только лишь расширяли сферу действия этой системы применительно к требованиям своего времени, но не углубляли ее.

И все-таки ханифитская правовая школа продолжала привлекать массу последователей. Особое расположение к ней проявили тюркские народы, так как она не требовала коренной ломки правовых представлений, терпимо относилась ко многим неумышленным нарушениям религиозных предписаний, делала многочисленные и весьма существенные допущения в быту.

В наши дни последователи Абу Ханифы пользуются его методом, чтобы соединить предписания ислама и требования современной жизни, в то время как другие мусульманские правовые школы допускают нововведения с большим трудом.

Хотя система Абу Ханифы построена на умозаключениях, а не на жизненном материале, он не ограничивался тем, что пришло из общины Мухаммеда, а обращался к новым идеям и взглядам.

Рационализм Абу Ханифы, его широкая терпимость и уважение чужого мнения, интерес и сочувствие к человеку независимо от его места в обществе и в то же время большое чувство собственного достоинства вызывают глубокую симпатию со стороны всех, кто каким-либо образом ощутил влияние этого великого ума мусульманского Востока.

A. S. Bogolyubov

ABU HANIFA AN-NU'MAN AND HIS ETHNICAL AND LAW OPINIONS

This article is a short preliminary study of some peculiarities of the law system of Abu Hanifa an-Nu'man, the great muslim lawyer and theologian of the first half of the VIII century, the founder of the oldest and widespread Islamic school of law and theology.

Some attention is given to the historical situation, when the Islamic law was arising and forming in its early stage.

УЧЕНИЕ О „ДВОЙСТВЕННОЙ ИСТИНЕ“ АВЕРРОЭСА—ИБН ХАЛДУНА

Вопрос о степени влияния философии Аверроэса на социологическую теорию Ибн Халдүна еще нуждается в специальном изучении; оно представляется шире в деталях и глубже по существу, чем это принято полагать. Основы перипатетизма в изложении и с добавлениями Комментатора несомненно заложили главные вехи той материалистической концепции развития общества, которую создал Ибн Халдүн.

Теория „двойственной истины“, сформулированная Аверроэсом в его комментарии к „Республике“ Платона и аргументированная в дальнейшем аверроистами, признавала одну и ту же цель за философией и за религией.¹ Религиозный закон учит той же истине, что и наука свсими рациональными доводами, основанными на исследовании реальной действительности.

Аверроэс выдвинул это положение, защищая философию от ал-Газāли и особенно от мутакаллимов.² Определяя философию как „сестру богословия“³ и считая ее „искусством всех искусств“, Аверроэс открывал самостоятельный путь знанию, чему служила и его теория „деятельного разума“, демократический характер которой убедительно показан Г. Леем.⁴

Однако Аверроэс не отделил окончательно науку от богословия; хотя „наука о постороннем“ представляется ему „наиболее важной для добродетели“ и, как справедливо отмечено,⁵ получает наибольший акцент в его теории, высшей целью человеческого разума является у него, как и у предшествовавших ему арабских философов, познание мира сверхчувственных явлений, „наука о потустороннем“. „Истинное знание по своей сущности является знанием бога и существующих вещей“, — считает Аверроэс.⁶ „Истинное блаженство“ для человека, по его учению, состоит в соединении деятельного разума человека с божественной сущностью.⁷

¹ E. Rosenthal. Averroes' Commentary on Plato's „Republic“. University of Cambridge Oriental Publications, № 1, Cambridge, 1956, p. 185.

² Ср.: Averroes, Tahāfut al-tahāfut, ed. M. Bouyges, Beyrouth, 1930; S. van den Bergh. 1) Averroes' Tahāfut al-tahāfut, transl. with introduct. and notes, 2 vols, London, 1954; 2) Faṣl al-maqāl, ed. L. Gauthier, Alger, 1948; 3) Kitāb hashf an manāhij al-adilla fi 'aqa'id al-milla, ed. M. J. Müller, München, 1859.

³ Averroes. Faṣl al-maqāl, p. 32.

⁴ Г. Лей. Очерк истории средневекового материализма. М., 1962, стр. 190 сл.

⁵ С. Н. Григорян. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966, стр. 308.

⁶ Averroes. Faṣl al-maqāl, p. 17.

⁷ L. Gauthier. La théorie d'Ibn Rochd (Averroes) sur les rapports de la religion et de la philosophie. Paris, 1909, p. 75.

Поэтому совершенно прав Э. Розенталь, считая, что мнение о концепции двойственной истины у Аверроэса неверно.⁸ Истина одна, и к ней ведут оба пути: и философия, и религия. Философия приводит к истине путем логических умозаключений и знания, а религия — через откровение. Философия учит немногих избранных, религия учит массы.

Подобное противопоставление избранных философов и массы, восходящее к учению Платона, встречалось и у ал-Фараби.⁹

Попытка Аверроэса эмансипировать науку была воспринята и развита его последователями в Европе. Аверроисты прониклись его верой в могущество человеческого разума; вслед за ним они подняли на небывалую высоту значение естественных наук, но они унаследовали и его компромисс с религией, пытаясь решать иррациональные проблемы с помощью логических умозаключений.

Наиболее последовательного продолжателя Аверроэс нашел не в Европе, а на Востоке в лице Абдарахмана Ибн Халдуна (1332—1406), который довел до логического конца теорию двух истин, категорически отделив веру от знания.

Учению Ибн Халдуна о законах развития человеческого общества посвящена огромная научная литература;¹⁰ исследователи оценивают и комментируют доктрину целиком или ее частности; „поразительный материализм“¹¹ — концепция Ибн Халдуна — вызывает удивление и восхищение, но не находит объяснения в науке.

Анализ исторических условий¹² и социальных основ¹³ труда Ибн Халдуна не решает вопроса о философской основе „Мукаддими“¹⁴ — сочинения, излагающего социологическую теорию Ибн Халдуна.

Работы, специально посвященные философии¹⁵ Ибн Халдуна, трактуют применение им диалектических принципов передовой философии его времени — взаимосвязи причины и следствия, изменения, развития, взаимоотношения старого и нового и др. — к учению об обществе, обходя основной вопрос всякой арабской философской теории средневековья — гносеологический.

О важности для социологической концепции Ибн Халдуна вопросов гносеологии свидетельствует то место, которое занимает теория познания на страницах его произведений. Она является единственной чисто философской проблемой, подробно изложенной и обсужденной им в „Мукаддими“. Ей посвящен специальный трактат Ибн Халдуна о суфизме,¹⁶

⁸ E. Rosenthal. *Political Thought in Medieval Islam*. Cambridge, 1958, p. 179.

⁹ Al-Farabi. *Kitab tahsil al-sa'ada*. Hayderabad, 1345 A. H., pp. 26—27.

¹⁰ Основные библиографические перечни работ, посвященных Ибн Халдуноу: G. Gabrieli. *Saggio di bibliografia e concordanza della Storia d'Ibn Haldun*. RSO, vol. X, 1924, pp. 169—211; C. Brockelmann, *GAL*, II, SS. 242—245, Suppl., SS. 342—344; H. Pérès. *Essai de bibliographie sur la vie et l'oeuvre d'Ibn Haldun*. SO, vol. II, 1956, pp. 304—329; W. Fischel. *Selected Bibliography of Ibn Khaldun*, pp. 485—512. В кн.: E. Rosenthal. *The Muqaddimah*, vol. III, New York, 1958.

¹¹ E. Rosenthal. *Ibn Khaldun's Gedanken über den Staat*. München—Berlin, 1932, S. VII.

¹² K. Ayad. *Die Geschichts- und Gesellschaftslehre Ibn Halduns*. Stuttgart—Berlin, 1930; I. Lacombe. *Ibn Khaldoun*. Paris, 1966.

¹³ С. М. Бациева. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна „Мукаддима“. М., 1965.

¹⁴ Текст „Мукаддими“ Ибн Халдуна цитируется нами по изданию Э. М. Катрмэра (*Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale*, tt. XVI, XVII, XVIII, pt. I, Paris, 1858). Т. I в ссылках соответствует XVI тому NEMBI, т. II — XVII тому, т. III — XVIII тому.

¹⁵ Muhsin Mahdi. *Ibn Khaldun's Philosophy of History*. London, 1957; Ali al-Wardi. *Manṭaq Ibn Haldun*. Cairo, 1962.

¹⁶ Ibn Haldun, *Shifa' al-sa'il li tahsib al-masa'il*, ed. Muhammad Ibn Tawit at-Tandji, Istanbul, 1958.

во многом перекликающийся с „Мукаддимой“ и дающий к ней интересные дополнения. Гносеологические проблемы обсуждаются Ибн Халдун и в самом первом его философском трактате,¹⁷ явившемся откликом на дискуссию между Фахр ад-дином ар-Разй (XII в.) и Насир ад-дином ат-Туси (XIII в.); приняв сторону последнего, Ибн Халдун выступил в защиту философии от нападок теологии, отстаивая подобно Аверроэсу независимость научного мышления.

И, наконец, компендий трудов Аверроэса,¹⁸ составленный Ибн Халдун, в известной мере подготовил концепцию, изложенную в „Мукаддиме“.

Социологическая теория Ибн Халдуна могла сложиться в законченном виде только после решения им следующих гносеологических вопросов:

1) Познаваем ли бог и вообще сверхчувственный мир человеческим разумом? Может ли наука заниматься проблемами метафизики?

2) Что является объектом познания разумом, каков процесс познания, есть ли у человеческого разума границы и какова высшая цель его использования?

3) Познаваем ли бог верой? Какую роль играет вера в жизни отдельного человека и общества? Которая из двух истин — научная и теологическая — играет большую роль для жизни человека в обществе?

4) Если божий промысел практически не познаваем людьми, может ли наука учитывать его при изучении движущих сил развития общества?

Главный вопрос социологической теории Ибн Халдуна — каковы движущие силы и закономерности развития общества, — ответу на который посвящено основное содержание „Мукаддимы“, не мог бы быть решен Ибн Халдун, если бы он не разобрался предварительно в возникшем перед ним комплексе логически связанных друг с другом гносеологических проблем.

Отвечая на вопрос: может ли бог быть познан разумом и должна ли наука заниматься проблемами метафизики, — Ибн Халдун подвергает резкой критике всех предшествовавших философов, пытавшихся рациональным путем постичь трансцендентные явления. Непоследовательность Аверроэса состояла именно в этом.

В главе „О ложности философии и вреде занятий ею“ Ибн Халдун пишет: „Некоторые сведущие в науке утверждают, что можно познать сущность всего бытия — и того, что воспринимаемо чувствами, и того, что не поддается чувственному восприятию, — при помощи мысли, и что истинность основ правоверия не должна приниматься на веру, а подлежит восприниманию разумом . . .“

„Так знай, что этот взгляд — ложный во всех отношениях.

„Сущность тех явлений, кои не воспринимаемы чувствами, вообще неизвестна, и нет доказательств относительно их [существования], ибо отвлекать от отдельных внешних явлений возможно только то, что доступно нашему чувственному восприятию. . .“

„Мы вообще ничего не можем утверждать о существовании того, что недоступно чувственному восприятию, кроме того, что нам известно о явлениях, свойственных человеческой душе, например во сне. А все остальное — дело, недоступное [человеку]. И некоторые философы уже высказывали эту мысль, когда они утверждали, что нематериальное не может быть доказано. Платон утверждал, что нет ничего достоверного относительно божественных субстанций и говорить о них можно лишь на основании предположения. И если мы после [стольких] трудов и стара-

¹⁷ Ibn Haldun, *Lubab al-muḥaṣṣal fi uṣul ad-din*, ed. Lusiano Rubio, Tetuan, 1952.

¹⁸ Сведения об этой работе сообщает со ссылкой на Ибн ал-Хатйба ал-Маққари (Нафх ат-тйб, IV, стр. 419).

ний на основании предположения удовлетворимся только предположением. . . , то какова польза от такой науки и от занятия ею?..“ (III, 215).

Ибн Халдун создал философию истории; последнюю он считал одной из философских наук; Ибн Халдун применил законы философии к изучению основных закономерностей жизни общества, поэтому критике Ибн Халдун подвергает не философию как таковую, а ту ее область, которая объектом своих спекуляций сделала сверхчувственный мир, т. е. метафизику.

Продолжая традиции перипатетиков, Аверроэс доказывал, что высшей ступенью познания является философия, которая пользуется логическими средствами познания. Низшей ступенью он считал теологию, комментирующую истины веры и откровения. Рациональное познание было объявлено им выше теологического. Особенное значение придавал он естественным наукам, изучающим закономерности природы. Ведущую роль рационального познания подчеркивает и Ибн Халдун в своей классификации наук: „Знай, что науки . . . делятся на два вида: 1) естественные для человека, кои он приобретает умозрительным путем; 2) традиционные, кои он перенимает от того, кто положил им начало.

„Первый вид — это науки философские, науки мудрости, то есть те науки, занятие которыми естественно для человека как существа, способного к умозрению. Представления человека приводят его к изучению этих наук, к рассмотрению их вопросов и приведению доказательств, так что он останавливает на них свое внимание и старается отличить в них истину от ошибок — все это потому, что он — человек, наделенный разумом.

„Второй вид — это науки, перенимаемые (человеком) от других людей: в основе их лежат положения шариата“ (II, 385).

Объектом рациональных наук, объектом разумного познания является внешний мир, окружающая человека реальная действительность. Ибн Халдун говорит о „познании человеческим существом того, что выходит за пределы его существа“ (II, 363). Резкой критике подвергается у него субъективный идеализм поздних суфиев, согласно учению которых „разница между явлениями зависит только от различия человеческих ощущений. . . На самом деле нет ни жары, ни холода. . . , нет даже ни земли, ни воды, ни огня, ни неба, ни звезд, а все это существует только благодаря тому, что существуют воспринимающие чувства — они делают различия, которых нет в природе. И если отсутствуют эти различающие восприятия, то нет разницы между явлениями природы. [Последователи этого учения] приводят в пример спящего: когда он спит, то отсутствует [внешнее] чувство — и отсутствует всё чувственно воспринимаемое.

„Учение это — предел ошибок и заблуждений. Действительный мир для них не существует, существует только один лишь воспринимающий и ничего больше. Но ведь мы знаем наверняка о существовании города, в который мы едем, хотя он скрыт от наших глаз, и о существовании неба и звезд, хотя человек и не может все это воспринять своими [внешними] чувствами“ (III, 70—72).

Процесс познания, описанный Ибн Халдуном, детально близок к гносеологическим теориям Авиценны и Аверроэса. В центре процесса познания находится душа человека, которой присущи силы внешнего и внутреннего восприятия. Силы внешнего восприятия основываются на деятельности органов чувств. Процесс познания начинается с ощущения; „общее чувство“, относящееся уже к силам внутреннего восприятия, собирает воедино все ощущения, относящиеся к одному предмету и передает их воображению. Далее следуют представления, память и, наконец, мысль. „Восприятие, — пишет Ибн Халдун, — то есть познание человеческим существом того, что выходит за пределы его существа, — это

особенность, присущая человеку так же, как всем животным. Они познают явления внешнего мира с помощью пяти чувств [слух, зрение, обоняние, вкус и осязание]. А у человека, сверх того, есть мысль, [деятельность] которой следует за деятельностью его чувств; он воспринимает явления внешнего мира с ее помощью, благодаря способностям, заложенным внутри головного мозга. Воспринятые мозгом образы внешнего мира подвергаются в нем переработке с помощью разума и выходят из него другими образами. Мысль — это и есть процесс изменения этих образов после того, как они были восприняты чувствами, и переработка их разумом с помощью ... расположения в определенном порядке" (II, 363). „Посредством мышления постигается естественный или установленный людьми порядок явлений. Когда, например, человек замышляет создать что-нибудь, ему, поскольку в вещах существует порядок, необходимо вникнуть во все причины и условия существования этого порядка, кои и составляют в своей совокупности его основу; этот порядок является вторичным по отношению к основе, поскольку предшествующее не может быть последующим, а последующее — предшествующим. Но у этой основы может быть своя основа, по отношению к которой она является вторичной, и этот ряд может либо продолжаться дальше, либо завершиться; в последнем случае этот ряд замыкается последней основой. После этого человек приступает к созданию задуманной им вещи сообразно с тем, на чем остановился ход его мыслей. Это является началом его действий; затем он мысленно прослеживает ряд причин и следствий, пока не доходит до своей первоначальной мысли. Например, когда человек задумал покрыть дом крышей, мысль его сразу же переносится на стены, кои должны поддерживать крышу, а затем на фундамент, который будет поддерживать стены; здесь завершается его размышление и начинается действие: он принимается за постройку фундамента, затем стен и, наконец, крыши, и этим заканчивается действие. Таков смысл пословицы: «Начало действия — это конец мысли, а начало мысли — это конец действия». Ни одно действие человека в окружающем его мире не может быть совершено без предварительного размышления над причинной зависимостью одних вещей от других; только после такого размышления человек может действовать. Что же касается действий всех остальных живых существ, то они беспорядочны из-за отсутствия способности мыслить, благодаря которой действующий постигает порядок того, на что направлено его действие. Ведь животные могут воспринимать вещи лишь при помощи чувств, и воспринимаемое ими есть нечто разрозненное и бессвязное, ибо связь между вещами постигается лишь мыслью.

„Люди управляют миром сущего благодаря осмысленности своих действий, и все на земле находится в подчинении и повиновении у человека...

„Итак, мысль — это особое свойство людей, коим они отличаются от других животных.

„По тому, насколько мысль того или иного человека может проследить связь причин и следствий и чередование явлений, определяется сила ума у людей. Есть люди, кои могут проследить мысленно причинную связь следующих друг за другом двух-трех явлений. Другие же не могут этого сделать. Некоторые люди способны проследить связь пяти-шести явлений. Они обладают наибольшей силой ума. В качестве примера можно назвать игроков в шахматы. Есть среди них такие, кои предугадывают три, даже пять ходов, следующих друг за другом в определенном порядке. Другие же, обладая меньшей силой ума, в состоянии предугадать меньшее [количество ходов]. И хотя этот пример неудачен, ибо для игры в шахматы человеку нужна особая способ-

ность, а для познания причин и следствий необходимо вникать в природу явлений, но он помогает понять причинную связь явлений" (II, 366—367).

Разум человека, по учению Ибн Халдūна, обладает способностью постигать все явления материального мира, в том числе закономерности жизни человеческого общества. Высшей целью использования человеческого разума является изучение этих закономерностей, создание „представления о существовании человека в обществе ему подобных, о происхождении его и о причинах этого... и это и есть смысл человеческой истинности“ (II, 365). „Люди должны заниматься людскими делами, а не пытаться узнать то, чего постичь нельзя — это только вред. Добро и зло как естественные силы существуют в обществе, люди должны стремиться к добру и отстранять зло... Таков смысл человеческой истинности“ (III, 225).

Что же касается истины теологической, вопроса о возможности познавать сверхчужденный мир с помощью веры, ему Ибн Халдūн также уделяет самое пристальное внимание.

Соединяя два пути доказательства существования бога, применявшихся во времена Ибн Халдūна арабскими философами — платонический тип аргументов, исходивший из того, что мир был создан, следовательно, существует и творец, и аристотелианский, признававший вечность мира и бога как первое начало всех причин, — Ибн Халдūн считает мир созданным во времени; но будучи раз сотворенным, мир развивается по своим внутренним законам. Богу Ибн Халдūн отводит роль первопричины. „Знай, что все явления в мире — будь это существа или действия людей или животных — необходимым образом имеют предшествующую им причину... а каждая причина в свою очередь имеет другие причины; и так далее, пока причины не завершаются первопричиной — творцом и создателем причин, кроме которого нет иного божества... Разум человека может проследить связь причин нескольких явлений; для постижения же всех их нужно знание, объемлющее все действия людей и животных, а таким знанием человек не обладает. Взять, например, наши стремления и желания, без которых не бывает действия. Они возникают в душе в большинстве случаев от предшествующих и следующих друг за другом представлений и являются причиной этих стремлений. Но причины самих представлений и вообще всего, что происходит в душе, неизвестны. Ни один человек не может узнать ни причины и начала душевных движений, ни связь между ними, ибо они — от Аллаха. Знание человека объемлет только естественные, явные причины; мы воспринимаем их порядок и стройность. Разум человека может постигать только законы естественного, чувственно воспринимаемого мира. Знание же явлений высших сфер — это свойство души, а не способность или произвол человеческого разума. Поэтому шариат предписывает не размышлять о причинах сверхъестественных явлений, а сводить все к первопричине, к действителю, а он лучше знает о благах веры и путях к блаженству, ибо он знает то, что находится по ту сторону чувственно воспринимаемого.

„Знай, что все сущее кажется человеку на первый взгляд ограниченным его восприятиями, за пределы которых он не может выйти. В действительности же дело обстоит иначе... Разве ты не видишь, что для глухого все сущее ограничено пределами того, что он воспринимает посредством четырех чувств и разума, и из всего сущего для него исключается то, что воспринимается слухом. Равным образом и для слепого из всего сущего исключено то, что воспринимается зрением... И если бы спросили бессловесное животное, и оно заговорило бы, то оно стало бы отрицать все то, что воспринимается разумом... Знай, что и

твои восприятия не могут охватить всего бытия, оно выходит за пределы того, что ты можешь воспринять своим разумом. Но это обстоятельство не может порочить человеческий разум и его восприятия, наоборот, разум — это точные весы, и суждения его достоверны. Но ведь ты хочешь взвешивать на них такие вещи, как единство божье, дела другого мира, сущность пророчества, истинность атрибутов бога и тому подобное, — это бесполезное желание, это все равно, как если бы человек на весах, коими взвешивают золото, захотел бы взвесить горы. Это указывает не на то, что весы неверны, а на то, что разум имеет предел, у которого он останавливается“ (III, 28—29). Картина эволюции мира, нарисованная Ибн Халдун, также логически подводит к мысли о необходимости существования мира сверхчувственных явлений: „Наблюдая этот мир, мы видим, что все явления в нем подчинены порядку, закону, происходят по определенным причинам, связаны между собой и превращаются друг в друга... И это начинается с чувственно воспринимаемого телесного мира. Прежде всего мир элементов¹⁹ свидетельствует о постепенности перехода от земли к воде, затем к воздуху, затем к огню; и все это связано друг с другом...“

„Далее, посмотри на мир сложных тел, как он начинается с минералов, затем следуют растения, затем животные, и все это в удивительной последовательности: там, где кончается мир минералов, начинается растительный мир, например травы, у которых нет семян. Там, где кончается растительный мир, например пальма и виноград, начинается мир животных, таковы ракушки и улитки, наделенные только силой осязания.“

„И расширялся мир животных, и умножались виды их до тех пор, пока постепенно не появился человек, наделенный способностью к мышлению и рассудком, поднявшим его над миром обезьяны, которой свойственны сметливость и способность к восприятию, но которая лишена способности к мышлению и обдуманным действиям“ (I, 173—174). „Мы отдаем себе отчет в том, что в нашей душе три мира. Первый из них — это мир чувственных восприятий, о существовании которого мы узнаем при чувственном восприятии, свойственном и всем остальным животным.“

„Далее, мы узнаем о существовании в нас мышления, которое свойственно только людям. Из мышления мы с необходимостью узнаем о существовании в нас человеческой души, заключающей в себе познания, кои стоят выше познаний, приобретаемых посредством чувственного восприятия.“

„Ты видишь, что мышление составляет мир, находящийся над миром чувственного восприятия.“

„Далее, доказательством того, что существует еще третий мир, находящийся выше нас, могут служить его проявления в нашей душе, такие, как желания и побуждения к действиям. Мы узнаем, таким образом, что существует действитель, который побуждает нас к этим действиям, находясь сам в мире, возвышающемся над нашим миром. Мир этот — мир духов и ангелов; существа, кои наполняют его, воспринимаются нами благодаря их воздействию на нас; при этом следует принимать, конечно, во внимание, что между нами и ними — огромная разница.“

„Доказательством существования этого мира могут служить сновидения: иногда мы видим во сне такое, чему мы наяву не придали бы значения, но что сбывается [затем] в действительности. И мы узнаем,

¹⁹ Имеются в виду четыре элемента — земля, вода, воздух, огонь, из которых, согласно учению античных и средневековых арабских философов, состоит подлунный мир.

что эти сновидения истинны и пришли к нам из мира истины. Что же касается ложных сновидений, то это — причудливые и неправдоподобные образы, кои таятся в глубине души и занимают наши мысли после того, как мы отрешаемся от чувств.

„Более ясного доказательства существования мира духов, чем это, у нас нет. Мы знаем о нем лишь в общих чертах, но больше ничего о нем нам неизвестно.

„Богословы делают попытки разделить и расположить в определенном порядке существа, обитающие в этом [духовном] мире и называемые ими «разумами». Но в их утверждениях нет ничего достоверного, ибо они нарушают установленные в логике правила доказывания. Одно из правил такого доказывания заключается в требовании, чтобы суждения опирались на самоочевидные истины; сущность же этих духов неизвестна, и какова она — доказать невозможно. И о подробностях этого мира мы можем знать лишь на основании ибожественного закона, ясного и непоколебимого для верующих.

„Наиболее достоверным из этих трех миров является для нас мир людей, так как его бытие очевидно как для наших чувственных восприятий, так и для разума“ (II, 370—371).

Дань Ибн Халдун теории эманации — его учение о пророчестве. „Истины“ веры, слово божье способны воспринимать люди, наделенные особыми душевными свойствами, — пророки. Ибн Халдун верит в откровение, в возможность пророка общаться с богом в те моменты, когда душа его отрешается от всех чувственных восприятий и переходит на миг в „мир ангелов“. Такую же способность Ибн Халдун признает за суфиями и вообще за всеми людьми при условии воздержания, тщательного соблюдения обрядов, умерщвления плоти. Познание трансцендентного мира возможно с помощью особых свойств души, способной отрешаться от чувственных восприятий. Однако в жизни общества „истинные знания“ пророков и суфиев не играют роли. Большинство человеческих коллективов и обществ существует без пророков. „Философы“²⁰ говорят: «Управление людьми осуществляется согласно предписанному Аллахом божественному закону, который приносит один из людей, отличающийся от остальных особыми качествами руководства, коими наделил его Аллах...». Такое утверждение философов не является аргументом, ибо существование и жизнь людей возможны без этого... Ведь обладающие священным писанием и следующие за пророками малочисленны по отношению к язычникам, не имеющим [священного] писания. Они составляют большинство населения мира. И, несмотря на это, существовали у язычников государства и сооружения, не говоря уже о жизни. И все это есть у язычников и в наше время, в климатах, удаленных на север и на юг... Этим разъясняется тебе ошибка [утверждения] философов об обязательности пророчества“ (I, 72—73).

„Истинную веру“ суфиев и других набожных людей Ибн Халдун характеризует как сугубо личное дело нравственного самоусовершенствования, стремление достичь истинного блаженства в соединении с богом, надежду на вознаграждение после смерти за безгрешную жизнь. На ход общественной жизни и на взаимоотношения людей „истинная“ вера не влияет. Ибн Халдун пишет в трактате о суфизме: „Разум человека направлен на нисхождение средств к существованию и взаимоотношения.

²⁰ Обоснование необходимости пророчества „разумными доводами“, за которое критикует философов Ибн Халдун, принадлежит Ибн Сине. Повторив вслед за ал-Фараби идею Аристотеля о необходимости объединения людей в общество для совместного удовлетворения их потребностей и достижения ими совершенства, Ибн Сина говорит о том, что это общество должно основываться на справедливости и божественном законе, принесенном людям пророком (Ibn Sina. Kitāb al-Shifā', p. 8).

человека с другими людьми; если такой разум пропадает, это вредит человеку. Если же душе не удастся достичь познания божественной сущности — это не вредит ему".²¹ Таким образом, по мысли Ибн Халдуна, научная истина гораздо важнее для жизни человека в обществе, чем истина теологическая. Разумное познание — это основа всей жизни человека. С помощью разума человек выделился из среды остальных животных, научился создавать орудия труда, благодаря разуму людям свойственно объединение в общество, совместный труд для добывания средств к жизни, управление обществом, занятия науками и искусствами.

Ограничивая познавательные возможности деятельного разума человека явлениями материального мира и отрицая возможность и необходимость для него постижения мира нематериального, Ибн Халдун вычеркнул трансцендентную область из сферы интересов науки.

Высшим использованием человеческого разума Ибн Халдун считает изучение закономерностей общественной жизни людей, „создание верного представления об отношениях людей между собой, улучшение средств к жизни человека, устранение напастей и вреда“ (III, 268).

„Управление государством, — пишет Ибн Халдун, — требует от тех, кто занимается этим, знания жизни и следования законам человеческого общества. Ни одно обстоятельство общественной жизни не сходно с другим, ибо если они сходны в одном отношении, то различны в других. Поэтому ученые богословы, кои привыкли к умозрительным рассуждениям и стремятся свести все явления общественной жизни к отвлеченным понятиям, впадают в многочисленные ошибки“ (там же).

Ибн Халдун вычеркнул трансцендентный момент и из движущих сил развития человеческого общества в связи с невозможностью постичь человеческим разумом сверхчувственный мир. Возможность его постижения отдельными людьми благодаря их вере не оказывает никакого воздействия на ход мировой истории и не может приниматься во внимание наукой об обществе. Закономерности и движущие силы развития внутренне присущи самому обществу, а не привносятся извне. Существование и прогресс общества определяются чисто материальными нуждами.

Религии в своей социологической системе Ибн Халдун отвел роль политического фактора, содействующего сплочению групп единоверцев, причем даже в этом отношении большее значение он придавал материальному фактору кровного родства.

Доведя до логического конца теорию двух истин и совершенно освободив науку от влияния теологии, Ибн Халдун смог создать такую материалистическую концепцию развития человеческого общества, какой не знала средневековая Европа.

S. M. Batsieva

DIE LEHRE ÜBER DIE DUALITÄT DER WAHRHEIT VON AVERROES — IBN HALDUN

Die Theorie der „Dualität der Wahrheit“, die von Averroes formuliert wurde, hat die Wissenschaft von der Vormundschaft der Religion befreit; aber die Unkonsequentheit von Averroes hat sich darin gezeigt, dass er das Begreifen der Welt der übersinnlichen Erscheinungen mit Hilfe der logischen Schlussfolgerungen für möglich hielt.

²¹ Ibn Haldun. Shifa 'al-sa'il, p. 108.

Ibn Haldun hat die Theorie der zwei Wahrheiten bis zum logischen Schluss geführt, indem er den Glauben vom Kennen kategorisch getrennt hat. Indem Ibn Haldun die Erkenntnismöglichkeiten der wirkenden Vernunft auf die Erscheinungen der materiellen Welt einschränkte und die Möglichkeit und die Notwendigkeit der Erkenntnis der nichtmateriellen Welt durch diese Vernunft ableugnete, hat er das Transzedentale aus dem Interessenbereich der Wissenschaft beseitigt. Ibn Haldun hat das transzedentale Moment auch von den Treibkräften der Entwicklung der menschlichen Gesellschaft eliminiert, weil er behauptete, dass es unmöglich ist, die übersinnliche Welt mit Hilfe der menschlichen Vernunft zu begreifen. Seiner Ansicht nach sind die Gesetzmässigkeiten und die Treibkräfte der Entwicklung der Gesellschaft ihr selbst immanent und werden nicht von ausserhalb hereingebracht; die Existenz und der Fortschritt der Gesellschaft wird durch materielle Bedürfnisse bestimmt.

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Понимание литературного памятника связано с такой сложной системой знаний, что время от времени пересмотр филологического комментария нужен даже в тех случаях, если непосредственно о самом памятнике за истекший период ничего не писалось, новые данные всегда найдутся среди результатов смежных исследований.

Еще раз прочитаем много раз обсуждавшееся сообщение Повести временных лет (в дальнейшем — ПВЛ) о странствии апостола Андрея Первозванного по русской земле:

„Ондрюю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь, уведe, яко ис Корсуны близъ устьe Днепрское, и въсхоте поити в Римъ, и проиде въ вустьe Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе. И по приключаю приде и ста подъ горами на березе. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать». И въшедь на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и сълезъ с горы сея, иде же послеже бысть Киевъ, и поиде по Днепру горе. И приде въ словени, идеже ныне Новъгородъ, и виде ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мьютъ и хвоцются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече имъ: «Дивно видехъ Словенскую землю идучи ми семо. Видехъ бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокутся, и будутъ нази, и облекутся квасомъ уснинымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слезуть ле живи, и облекутся водою студеною, и тако ожить. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовень себе, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Ондрей же, бывъ в Риме, приде в Синопию“.

Откуда Нестор почерпнул эти сведения? Первым на этот вопрос ответил В. Н. Татищев: „Иоаким же точно говорит: Андрей в Киеве крестил, зри ниже, гл. 4, н. 35, и сие вероятное, ибо он прежде Нестора более как за 120 лет писал“.¹

Нас здесь интересует не степень соответствия действительности, а только сам факт высказывания первого епископа Новгорода Иоакима Корсунянина (с 989 г.) по этому вопросу, однако современная наука не оставляет почти никаких шансов на то, что утраченный текст, считавшийся В. Н. Татищевым Иоакимовской летописью, был действительно

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 104.

древним, не говоря уже о том, что относительно возраста своего списка и сам В. Н. Татищев не питал никаких иллюзий.²

В 1832 г. отставной чиновник Кондрат Лохвицкий, ссылаясь на „высочайшее повеление об открытии древностей“, заявил киевскому генерал-губернатору о своем желании „раскрывать киевские древности из недр земли“ и получил официальное разрешение на раскопки. Он начал с того места, где, по его предположению, апостол Андрей, посетив горы киевские, водрузил крест и предсказал великое будущее города. Здесь Лохвицкий вырыл куски соснового бревна и объявил их остатками апостольского креста, но занимавший тогда Киевскую митрополию кафедру академик Евгений Болховитинов отмежевался от этого открытия: „... по признакам вещей мирских, найденных в яме, сие место было не священное, а хозяйственное“.³

А. Погодин дал обстоятельный обзор оценок и мнений, высказанных в дальнейшем по поводу сообщения ПВЛ об Андрее Первозванном.⁴ Принято считать, что легенда о пребывании апостола на Руси отразила стремление молодой русской церкви обзавестись собственными христианскими древностями, ее борьбу за престиж и политическую независимость от Византии. Между тем М. Д. Приселков высказал оставшееся незамеченным противоположное мнение: те, кто хотел независимости от Царьграда, должны были отнестись к легенде об апостольской проповеди на Руси отрицательно, так как она неизбежно ведет к унизительной для национального достоинства мысли, что русские ничему не научились у самого апостола и вынуждены были много веков спустя обратиться с просьбой о крещении к грекам.⁵

А. А. Шахматов считал эпизод об Андрее Первозванном вставкой в ПВЛ, существовавшей в готовом виде отдельно от летописи и сложившейся в Киеве на основании устных преданий.⁶ По его мнению, Нестор включил эту легенду в ПВЛ примерно в 1110 г., а в 1080-х годах, создавая Чтение о Борисе и Глебе, он ее еще не знал.⁷ Существует и другая точка зрения, по ней рассказ об апостоле Андрее включен в летопись между 1113 и 1116 гг. игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, переработавшим ПВЛ по поручению Владимира Мономаха.⁸ В этой связи Д. С. Лихачев указывает на почитание апостола Андрея в семье Владимира Мономаха, особенно развившееся в конце XI—начале XII в.⁹ Заметим, однако, что уже Всеволод Ярославич, родившийся в 1030 г., получил при крещении христианское имя Андрей.¹⁰ Одно это в определенной степени объясняет выбор небесного патрона для киевской церкви св. Андрея 1086 г., равно как и постройку в Новгороде в конце XI в. церкви св. Андрея в память скончавшегося в 1093 г.

² М. Н. Тихомиров. О русских источниках „Истории Российской“. Вступительная статья в кн.: В. Н. Татищев. История Российская... стр. 51.

³ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 36.

⁴ А. Погодин. Повесть о хождении апостола Андрея в Русь. Byzantinoslavica, t. 7, Praha, 1937/8, pp. 128—147.

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков. СПб., 1913, стр. 161.

⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. 4, М.—Л., 1940, стр. 149—150.

⁷ А. А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. Научный исторический журнал, т. 2, вып. 2, СПб., 1914, стр. 46. К датировке Несторова Чтения ср.: А. В. Попов. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. 22, М.—Л., 1966, стр. 43.

⁸ Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 139.

⁹ ПВЛ, ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 218.

¹⁰ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского, М., 1962, стр. 211.

Всеволода Ярославича,¹¹ и, пожалуй, не оправдывает переноса вставки в ПВЛ на период Сильвестра.

После систематизирующей работы Франтишека Дворника становится ясным, почему и в Византии XI в. было распространено убеждение, что апостол Андрей посетил Русь.¹² Руководствуясь не презумпцией невозможности, а критическим отношением к источникам, мы должны признать, что для миссионера I в. н. э. посещение греческих колоний Северного Причерноморья не являлось проблемой. Уже в VII—V вв. до н. э. пришельцы из античной Греции оставили археологические следы в Приднепровье и Побужье,¹³ на территории Киева в культурном слое первых веков нашей эры найдены римские монеты.¹⁴ Христианство пустило корни в Боспорском царстве под воздействием тех же социальных и духовных факторов, что и в остальном греко-римском мире,¹⁵ и мы не видим оснований присоединяться к высказанной на последнем конгрессе византинистов точке зрения Д. Моравчика и Л. Мюллера, считающих известие ПВЛ о миссии апостола Андрея лишенным исторической почвы. Миссия могла быть, могла и не быть, и сегодня нет данных, чтобы решить этот вопрос окончательно.¹⁶

В качестве иллюстрации византийских представлений о русской миссии апостола Андрея указывают на письма императора Михаила VII Дуки Всеволоду Ярославичу, упоминающие, что одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили слово Евангелия у обоих народов.¹⁷ Однако, как убедительно показал М. В. Левченко, письма императора были адресованы вовсе не Всеволоду, а в Италию, Роберту Гвискарду.¹⁸ Впрочем, это не меняет существа разбираемого вопроса, поскольку еще Ориген († 253/4) писал о посещении апостолом Андреем страны скифов.¹⁹

Если принять во внимание, что византийское предание приписывало Андрею Первозванному основание Царьградской кафедры,²⁰ а вселенский патриарх, который лично должен был совершать литургию всего три раза в год, включает в эти дни 30 ноября, праздник Андрея Первозванного,²¹ то станет ясным, что развитие христианства на Руси должно было сопровождаться очень ранним заимствованием и усвоением этого специализированного культа, занимавшего на Руси почетное место и в поздней-

¹¹ Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, стр. 15.

¹² F. Dvornik. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958; M. Murjanoff. Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa. Sacris Erudiri, t. XVII, 2, Steenbrugge, 1966, SS. 411—427.

¹³ Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966.

¹⁴ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.

¹⁵ М. М. Кубланов. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре. Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 2, М.—Л., 1958, стр. 68.

¹⁶ G. Moravcsik. Byzantinische Mission im Kreise der Türkvolker an der Nordküste des Schwarzen Meeres; L. Müller. Byzantinische Mission nördlich des Schwarzen Meeres, vor dem 11. Jahrhundert. XIII International Congress of Byzantine Studies, Oxford 1966.

¹⁷ A. M. Ammann SJ. Die ostslawische Kirche im jurisdiktionellen Verband der byzantinischen Grosskirche (988—1459). Würzburg, 1955, S. 65.

¹⁸ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 407—418. Ср.: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 75, 462.

¹⁹ Origenes. Commentarii in Matthaem, ed. E. Klostermann. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, 38. Bd., Leipzig, 1933, S. 76.

²⁰ H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 34.

²¹ Ch. Konstantinidis. La fête de l'apôtre S. André dans l'Eglise de Constantinople à l'époque byzantine et aux temps modernes. Mélanges en l'honneur de Msgr. Michel Andrieu, Strasbourg, 1956, pp. 243—261.

шие века. В главном храме русского государства — Успенском соборе московского Кремля — хранилась посланная в благословение царю Михаилу Федоровичу от вселенского патриарха Парфения кисть правой руки апостола Андрея, правильным сложением ее перстов патриарх Московский Иоаким (1674—1690) обличал старообрядцев.²²

При жизни Нестора почитание апостола Андрея на Руси выражалось, насколько мы вправе судить по документальным данным, в наличии по меньшей мере трех Андреевских церквей — в Киеве (1086 г.), Переяславле (1090 г.) и Новгороде (конец XI в.). Имелась и служба апостолу, засвидетельствованная славянским переводом канона Андрею Первозванному, выполненным в XI в.²³ Иконографические памятники время не пощадило, но по крайней мере есть уверенность в том, что монах Нестор не мог не видеть мозаичного Андрея в перенесшей все невзгоды Софии Киевской (освящена в 1046 г.) — седобородого, с розовым лицом и белыми волосами, имеющими переборки из зеленых кубиков, в водянисто-синем хитоне с белыми переливами и блекло-зеленом плаще, высветленном белым.²⁴ Как раз в то время, когда Нестор записал легенду об Андрее, создавалась мозаичная „Евхаристия“ Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1111/2 г.), где тоже был апостол Андрей.²⁵

Обратимся ко второй части летописной легенды об Андрее Первозванном, к рассказу о новгородских банях. Все сходится на том, что это киевская шутка, грубоватая насмешка над новгородцами, неучтиво заставляющая апостола служить орудием полемики между соперничающими городами. Только Н. К. Никольский, не разбирая специально этого вопроса, мимоходом отметил, что легенда об Андрее в ПВЛ имеет, по-видимому, варяжское происхождение.²⁶ Мы не видим никаких реальных оснований считать, что юмор такого рода неуместен в устах самих новгородцев, не говоря уже о том, что честь апостольского посещения не идет ни в какое сравнение с мнимым уколom новгородскому самолюбию. По наблюдениям этнографов, потомки варягов, нынешние шведские крестьяне, тоже охотно рассказывают о северных банях.²⁷

Д. С. Лихачев отметил, что рассказ о новгородских банях приобрел в XVI в. популярность международного анекдота, как это видно на примере рассказа Дионисия Фабриция о папском легате-итальянце, пришедшем в ужас от посещения парной бани монастыря Фалькену под Тарту.²⁸ „Ливонская история“ Дионисия Фабриция написана в XVII в.²⁹ Анекдот о бане не может отражать монастырский быт XVI в., поскольку это бурное для Тарту столетие почти целиком занято Реформацией и иезуитской контрреформацией, а в 1525—1582 гг. (до взятия Тарту Стефаном Баторием) монахов в Фалькену вообще не было. У Фабриция анекдот помещен в разделе, излагающем события 1223—1238 гг., однако у него не все согласуется с историческими данными, так как доминиканцы, о которых идет речь, в действительности обосновались в Тарту лишь около 1300 г.,³⁰

²² В. Михайловский. Св. апостол Андрей Первозванный. СПб., 1882, стр. 19—20.

²³ И. В. Ягич. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. СПб., 1886, стр. XIV—XV, 493—503.

²⁴ В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 105, табл. 47.

²⁵ В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М., 1966, стр. 63—65, табл. 43—46.

²⁶ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930, стр. 38.

²⁷ J. T a l v e. Bastu och torkhus i Nordeuropa. Stockholm, 1960, S. 486.

²⁸ ПВЛ, ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 218.

²⁹ *Scriptores rerum Livonicarum*, t. 2. Riga—Leipzig, 1848, p. 447—448.

³⁰ *Lexikon für Theologie und Kirche*, hg. von J. Höfer und K. Rahner, 3. Bd., Freiburg i. Br., 1959, Sp. 525 f.

а монастырь Фалькенау, основанный в 1234 г., принадлежал Цистерцианскому ордену.³¹ Хотя фактической основы рассказа нам обнаружить не удалось,³² есть основания предположить, что Фабриций пользовался материалом старше XVI в. Например, существует западный источник 1496 г., тоже соответствующий содержанию древнерусской шутки. Мы имеем в виду рисунок пером „Женская баня“ Альбрехта Дюрера из собрания Бременской художественной галереи, исчезнувший при разграблении бомбоубежищ галереи в конце второй мировой войны.³³

Одна из молодых женщин, изображенных Дюрером, держит в красиво запрокинутой руке банный веник. Это заставляет задуматься над подоплекой рисунка великого немецкого художника.

Известно, что этот рисунок является вершинным достижением Дюрера в изображении обнаженного женского тела. Ему предшествуют всего два опыта — страсбургский рисунок 1493 г. (Байонна, музей Бонна) и исполненный в Венеции рисунок 1495 г. (Париж, Лувр), уже преодолевший статичность первой работы.³⁴ Известно также, что „Женская баня“ относится к началу нюрнбергского периода творчества Дюрера. Откуда же этот банный веник, невысказанный в южной Германии? Не является ли он косвенным доказательством того, что Дюрер, как это и полагал Е. Панофски,³⁵ исходивший, впрочем, из других соображений, действительно побывал в ганзейских городах Западной Европы? Сюда обычно новгородских бань вполне могли быть занесены купцами.

Немецкие этнографы колеблются в решении вопроса о том, кто у кого заимствовал древний обычай париться в банях, пользуясь березовыми вениками, — северные германцы у славян, или наоборот.³⁶ Финская наука придерживается взгляда на парную баню как на исконно финский объект материальной культуры, насчитывающий более чем тысячелетнюю историю и воспетый в финском фольклоре.³⁷ Мы вправе доверять древности дописанного финского народного творчества, которое по характеру этнического субстрата на новгородской земле имеет для понимания исторического контекста нашей летописной шутки по крайней мере не меньшее значение, чем документы XV—XVII вв.

M. Murjanoff

ANDREAS DER ERSTBERUFENE IN DER RUSSISCHEN URCHRONIK

Die Andreas-Legende der russischen Urchronik erzählt über die viel bestrittene Missionierung des Apostels im Lande der Russen. Er errichtete ein Kreuz auf der Anhöhe, wo hernach Kiew entstand, und prophezeite:

³¹ L. Cottineau, Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés, t. 1. Macon, 1939, col. 1130.

³² Ср.: O. Sild. Die Kirchenvisitationen im Lande der Esten von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart. Tartu, 1937.

³³ F. Winkler. Die Zeichnungen A. Dürers, 1. Bd., Berlin, 1936, n° 152, S. 102. Ср.: G. Busch. Die schönsten Handzeichnungen von Dürer bis Picasso, aus dem Besitz der Kunsthalle Bremen. Bremen, 1964, SS. 3—5.

³⁴ Ц. Г. Нессельштраус. 1) А. Дюрер. Л.—М., 1961, стр. 45—49; 2) Рисунок Дюрера. М., 1966, стр. 14.

³⁵ E. Panofsky. A. Dürer. Oxford, 1948.

³⁶ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, hg. von H. Bächtold—Staubli, 1. Bd., Berlin—Leipzig, 1927, Sp. 796 ff.

³⁷ H. Viherjuuri. Finnische Sauna. Helsinki, 1958, S. 19; J. Hasana. The Finnish Sauna. World Medical Journal, vol. 11, New York, 1964, pp. 196—198.

„Über diesen Bergen wird Gottes Gnade leuchten, eine grosse Stadt wird hier entstehen“. Danach hatte auch Nowgorod die hohe Ehre des Apostelbesuches.

Die Reise nach Skythien scheint wirklich kein Problem für die christlichen Missionare des I. Jahrhunderts zu sein, bei den archäologischen Ausgrabungen auf dem Territorium von Kiew tauchen mehrmals die römischen Münzen aus den ersten christlichen Jahrhunderten auf. Der heutige Stand der Forschung erlaubt die Geschichtlichkeit der altrussischen Andreas-Legende weder zu beweisen noch zu verneinen, die negative Stellungnahme von G. Moravcsik und L. Müller auf dem XIII. Internationalen byzantinistischen Kongress, Oxford 1966, ist durchaus nicht überzeugend.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВФИМИЯ СВЯТОГОРЦА И БИБЛИОТЕКА ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ В НАЧАЛЕ XI в.¹

С именем Евфимия Афонского связана одна из самых замечательных страниц в истории древнегрузинской культуры. Основатель (вместе со своим отцом Иоанном) и игумен Иверского монастыря на Святой Горе, создатель афонской литературной школы, переводчик многочисленных памятников византийского богослужения и богословия с греческого языка на грузинский, Евфимий в последнее время привлекает к себе внимание исследователей и как автор греческой версии знаменитого романа о Варлааме и Иоасафе.²

Как переводил Евфимий, каков метод его переводческой работы? Этот вопрос, давно интересовавший исследователей евфимиевских переводов, вновь был поставлен с введением в научный оборот грузинского текста пространной редакции романа о Варлааме. Но как прежде, так и теперь ответом на него служат известные слова Ефрема Мцире (конец XI в.),³ подтверждаемые сравнительным анализом евфимиевских редакций и существующих греческих, латинских, славянских и других версий, переведенных Евфимием памятников.

Однако в данном случае, нам кажется, имеется редчайшая возможность поставить изучение переводческой манеры Евфимия на более прочную основу — путем выявления греческих оригиналов, тех рукописей, которые лежали перед грузинским переводчиком во время его работы. Для этого необходимо восстановить древнейшее ядро библиотеки Иверского монастыря, найти те книги, которые окружали Евфимия Святогорца,

¹ Грузинские пометы в греческих рукописях Исторического музея прочтены и датированы сотрудниками Института рукописей Грузинской Академии наук Е. П. Метревели и Л. Р. Каджая, которым мы выражаем свою сердечную благодарность. Слова неизменной и самой искренней признательности за постоянную помощь в работе — в адрес сотрудников Отдела рукописей Исторического музея в Москве.

² P. Peeters. La première traduction latine de „Barlaam et Joasaph“ et son original grec. Anal. Boll., XLIX, 1931, pp. 276—312. Литературу вопроса, возникшую в 1945—1960 гг., см. в: О. M a z a l. Der griechische und byzantinische Roman in der Forschung von 1945 bis 1960. JÖBG, XIV, 1965, SS. 83—93; И. В. Абуладзе. Происхождение и история „Балаваряни“ и его место в сокровищнице мировой литературы. В кн.: Балаваряни. Мудрость Балавара. Тбилиси, 1962, стр. IX—XXX; H. Grégoire. Le monastère d'Iviron et le rôle des Géorgiens du Mont Athos. EEBΣ, т. 32, 1963, pp. 420—426; D. M. Lang. Saint Euthyme le Géorgien et la légende grecque de Barlaam. Bedi Kartlisa (Revue de Kartvélogie), 17—18, 1964, pp. 62—68. Незнание грузинского языка, к сожалению, лишило нас возможности пользоваться многочисленными и важными работами грузинских исследователей, особенно трудами К. С. Кекелидзе.

³ „Благодатью духа святого при переводе Евфимий кое-что прибавлял и кое-что убавлял“. Ф. Жордания. Хроники, т. I. Тбилиси, 1892, стр. 216.

к которым он должен был прежде всего обращаться в поисках сочинений, незнакомых грузинской церкви.

Но возможно ли восстановить древнейшее ядро (конец X—начало XI в.) Иверской библиотеки? Исключительно слабая изученность и мало-доступность нынешних книжных богатств Иверского монастыря на Афоне заставляют отложить на будущее выяснение в полном объеме первоначальной истории и состава рукописного собрания этой крупнейшей святогорской обители. Начало такой работе может быть положено, однако, уже теперь, с помощью исследования гораздо лучше изученных, более подробно описанных и легко доступных для анализа кодексов Ватикана, Парижа, Лондона и особенно Москвы, где в собрании Государственного Исторического музея (ГИМ) — подлинный „Афон вне Афона“, коллекция привезенных в 1655 г. Арсением Сухановым из святогорских монастырей 500 греческих рукописей, среди которых более 150 — τῶν Ἱβήρων.⁴

Правда, далеко не все, точнее, очень немногие „иверские“ рукописи европейских хранилищ, датируемые X—XI вв., могут быть с несомненностью отнесены к древнейшей библиотеке Иверского монастыря. Это можно сделать лишь по отношению к тем книгам, которые несут на себе либо записи работавших в Ивере в интересующее нас время переписчиков, либо пометы вкладчиков и монастырских книгохранителей — современников Евфимия.

Среди такого рода манускриптов обращают на себя внимание рукописи, вышедшие из-под пера каллиграфа Феофана. До последнего времени их было известно десять: Vat. Ottob. gr. 422, ГИМ 62, Athous Iberorum 46, Londiniensis add. 36751, Vat. Ottob. gr. 428, ГИМ 74, Parisinus gr. 529, ГИМ 380, ГИМ 381 и Taurinensis gr. 25.⁵ В процессе изучения рукописей ГИМ нам удалось обнаружить еще два кодекса, написанных Феофаном, — ГИМ 362 и 388.

„Иверское“ происхождение всех этих рукописей доказывается записью самого переписчика в лондонском Евангелии: ἐτελεῖώθη ἡ παροῦσα θεῖα βιβλος τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου μηνὶ ἰουνίῳ ἰνδικτιῶνος ε' ἔτους εφίς γραφεῖσα χειρὶ Θεοφάνους μοναχοῦ καὶ ἀναξίου ἱερέως μονῆς τῶν Ἱβήρων⁶ — и подтверждается наличием в большинстве рукописей Феофана грузинских сигнатур.⁷

Анализ кодикалогических особенностей семи имеющих точную дату кодексов Феофана позволил сделать следующее наблюдение. Примерно до 1020 г. иверский книгописец нумерует тетради переписываемых им рукописей, проставляя греческие сигнатуры в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа каждого кватерниона (Vat. Ottob. gr. 422, ГИМ 62, Londiniensis add. 36751); начиная с 1020 г. он ставит сигнатуры в центре нижнего поля первого и оборота последнего листа тетради (Paris. gr. 529, ГИМ 380, ГИМ 381). Это дает возможность приблизительно датировать и остальные лишенные точной даты рукописи: Vat. Ottob. gr. 428, ГИМ 74 и лл. 231—388 ГИМ 388, имеющие сигнатуры в нижнем углу тетрадей, — до 1020 г., а лл. 1—230 рукописи ГИМ 388, с сигнатурами в центре нижнего поля, — после 1020 г.⁸

⁴ С. А. Белокуров. Арсений Суханов, ч. I. М., 1891, стр. 326—421. Описание этих рукописей см.: Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894.

⁵ M. Vogel—V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. (XXXIII. Beiheft zum Zentralblatt für Bibliothekswesen), Leipzig, 1909, S. 145; J. Irigoin. Pour une étude des centres de copie byzantins. Scriptorium, XIII, 1959, 2, pp. 200—204.

⁶ K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200, vol. II. Boston, 1934, pl. 123.

⁷ J. Irigoin. Pour une étude des centres de copie byzantins, p. 202.

⁸ Рукописи ГИМ 362 и Taurinensis gr. 25 не могут быть датированы с помощью сигнатур: в последней, погибшей в пожаре 1904 г., место сигнатур осталось неиз-

Приводим в хронологическом порядке перечень рукописей Феофана (с указанием основных кодикологических сведений).⁹

1. 1004 г. Vat. Ottob. gr. 422. Жития святых, л. 412 об. — запись писца: ἐγράφη ἡ παροῦσα βίβλος χειρὶ Θεοφάνους ταπεινοῦ μοναχοῦ, καὶ ἐπληρώθη μὲν αὐτοῦσφ ἰνδικτιῶνος β' ἔτει σφιβ', οἱ ἀναγιγνώσκοντες εὐχεσθε ὑπὲρ τοῦ γράφαντος. 367 × 300 (265/277 × 88/89 + 19/20 + 88/89), разлиновка типа II, 22b без нижней горизонтальной линии, II, 34e, II, 34e без двойной нижней горизонтальной линии, II, 34f, тетради — кватернионы, сигнатуры расположены в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради (грузинских сигнатур нет), количество строк 29—31.

2. 1006 г. ГИМ 62. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, л. 377 — запись: ἐγράφη ἡ θεόπνευστος βίβλος αὐτῆ χειρὶ Θεοφάνους ἀμαρτωλοῦ μοναχοῦ καὶ ἐτελειώθη μὲν ἀπριλλίῳ ἰνδικτιῶνος δ' ἔτους σφιδ'. 375 × 300 × (250 × 76 + 24 + 76), разлиновка типа II, 22a (b), тетради — кватернионы, сигнатуры расположены в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради (грузинских сигнатур нет), количество строк 30. Л. 1 — отрывок из грузинской рукописи, написанной Микаэлом в 981 г. На нижнем поле л. 2 — угасшая и с трудом читаемая грузинская запись XI в.

3. 1007 г. Athous Iberorum 46. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. л. 304 — запись: Ἐτελειώθη ἡ παροῦσα βίβλος μὲν φεβρουαρίῳ ἰνδικτιῶνος ε' ἔτει σφιδ', γραφέτωσ χειρὶ Θεοφάνους ταπεινοῦ μοναχοῦ; 350 × 270 × (260 × 75 + 20 + 75), разлиновка типа II, 20a, 22a (b), тетради — кватернионы. Место сигнатур то же, что и в ГИМ 62, количество строк 31.

4. 1008 г. Londiniensis add. 36751. Евангелие-апракос. В конце рукописи — приведенная выше запись Феофана. 295 × 242 (210 × 75 + 25 + 75), разлиновка типа II, 18a, тетради — кватернионы, греческие (и рядом с ними грузинские) сигнатуры — в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради, количество строк 21.

5. (до 1020 г.) Vat. Ottob. gr. 428. Беседы Иоанна Златоуста и Григория Нисского. л. 330 — запись: βίβλος γραφέτωσ παρὰ τοῦ Θεοφάνους ἀμαρτωλοῦ. Εὐχαὶ ὑπὲρ αὐτοῦ ἀναγν... (sic). 358 × 280 (232/258 × 75/78 + 24/27 + 75/78), разлиновка типа II, 22a без вертикальной линии на поле, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры расположены в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради, грузинские — в середине верхнего поля первого листа и середине нижнего поля оборота последнего листа тетради. Количество строк 25, 27, 29.

6. (до 1020 г.) ГИМ 74. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. л. 2 — запись писца: εὐχαὶ ὑπὲρ τοῦ γράφαντος Θεοφάνους ταπεινοῦ. 345 × 270 (240 × 77 + 33 + 77), разлиновка типа II, 20a и II, 20a без вертикальной полосы на внешнем поле, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры — в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради, грузинские сигнатуры — в верхнем правом углу первого и нижнем левом углу оборота последнего листа. Количество строк 28—30. Л. 1 — грузинские пометы XI в.: верхнее поле — „Толкования Евангелия от Иоанна“, нижнее поле — „В этой книге имеется 300 листов“.

7. (до 1020 г.) ГИМ 388, лл. 231—388. Жития святых. Рукопись состоит из двух частей: 1) лл. 1—230 и 2) лл. 231—388. Первая часть,

вестным, а в первой рукой Феофана писаны лишь четыре листа, не имеющие нумерации копинста.

⁹ Кодикологические данные о рукописях почерпнуты из каталогов, приложений к таблицам альбома Лэйк и указанной работы Ж. Иригуэна. Кроме того, сведения о ватиканских, парижской и лондонской рукописях проверены и уточнены по нашей просьбе проф. П. Канаром (Ватиканская библиотека), проф. Ш. Астриюком (Парижская национальная библиотека) и докт. Ж. Иригуэном (Парижский университет), которых мы сердечно благодарим.

как об этом свидетельствуют почерк и угасшая, с трудом читаемая запись на л. 230 об. (читаются лишь слова *τέλος βιβλίου ... χειρὶ Θεοφάνους...*), писана Феофаном. Она содержит жития святых и характеризуется следующими данными: 344×270 ($235 \times 74 + 25 + 74$), разлиновка типа II, 20а, 22а, 24а, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры — в середине нижнего поля первого и оборота последнего листа тетради, грузинские — в тех же местах, что в кодексе ГИМ 74. Количество строк 29—34. Эта часть рукописи, судя по месту греческих сигнатур, была, по-видимому, написана после 1020 г. Должно быть, в это же время к ней была приплетена вторая часть, также содержащая жития святых, но написанная — греческие сигнатуры проставлены в углах подобно №№ 1—6 — раньше, до 1020 г. Вторая часть нового конволюта была теперь помечена самим Феофаном греческими сигнатурами в центре нижнего поля и грузинскими — в верхнем и нижнем углах кватернионов, причем эта новая нумерация второй части продолжает нумерацию лл. 1—230. Таким образом лл. 231—388 имеют три (две греческих и одну грузинскую) системы сигнатур.

Хотя вторая часть рукописи не имеет записи книгописца, а отождествления по почерку для XI столетия возможны лишь в редких случаях, особенности каллиграфии Феофана, достаточно характерные, чтобы отличить его руку в однородной массе современных ему почерков, подкрепленные кодикологическими данными, позволяют с большой уверенностью отнести лл. 231—388 кодекса ГИМ 388 к числу автографов иверского копииста.

Вторая часть рукописи имеет следующие особенности: 344×270 ($240 \times 80 + 20 + 80$), разлиновка типа II, 19а, тетради — кватернионы, три системы сигнатур (см. выше), количество строк 32. На л. 388 — грузинская помета XI в.

8. 1020 г. Parisinus gr. 529. Гомилии Григория Назианзина. л. 360 об. — запись скриптора: Ἐτελειώθη ἡ παρούσα βιβλος μηνὶ ἀπριλίῳ ἰνδικτιῶνος γ' ἔτους σφκῆ, γραφεῖσα χειρὶ Θεοφάνους ταπεινοῦ μοναχοῦ καὶ εὐτελοῦς γέροντος. 315×245 (210×155), разлиновка типа I, 45а, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры, сопровождаемые стоящими справа от них грузинскими, расположены в середине нижнего поля первого и оборота последнего листа тетради. Количество строк 21—25.

9. 1021—1022 г. ГИМ 380. Жития святых. На л. 370 — трудно читаемая запись копииста, из которой узнаем дату (ἔτους σφλ') и имя писца (ταπεινοῦ Θεοφάνους). 357×285 ($275 \times 80 + 20 + 80$), разлиновка типа II, 20а, 24а без вертикальной полосы на внешнем поле и II, 430, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры — в середине нижнего поля первого и оборота последнего листа тетради. Количество строк 30—38. На л. 369 об. — не поддающаяся прочтению грузинская помета XI в.

10. 1023 г. ГИМ 381. Жития святых. л. 366 об. — запись: Ἐτελειώθη γραφὴ τῆς παρούσης βιβλου μηνὶ ἰουνίῳ ε' ἰνδικτιῶνος ε' ἔτους σφλά, γραφθεῖσα χειρὶ Θεοφάνους ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ, εὐχεσθε ὑπὲρ αὐτοῦ οἱ ἐνταῦθα ἀναγιγνώσκοντες. 340×265 ($255 \times 74 + 23 + 74$), тип разлиновки — II, 43b, тетради — кватернионы, греческие сигнатуры расположены в центре нижнего поля первого и оборота последнего листа тетради, количество строк 30—39. На л. 367 — грузинская помета иверского библиотекаря XI в.: „362 листа написано, а два листа чистые“.

11. (после 1020 г.) ГИМ 388, лл. 1—230. Описание см. под № 7.

12. Taurinensis gr. 25. Сочинения Максима Исповедника. Рукопись погибла в пожаре 1904 г.

13. ГИМ 362. Для рукописи XI в., заключающей в себе жития святых, использованы в качестве защитных четыре листа (два в начале и два в конце), писанные, как нам кажется на основании тождества по-

черка, каллиграфом Феофаном. Особенности этих четырех листов следующие: 273 × 225 (190 × 142), тип разлиновки — I, 26с без нижней горизонтальной полосы, сигнатур нет, количество строк 24. На л. 3 (первый лист основного кодекса) — грузинская помета.

У нас нет полной уверенности в правильности нашего отождествления, поэтому мы можем причислить данный манускрипт к древнейшей Иверской библиотеке лишь под вопросом.

Все перечисленные рукописи написаны на пергамене средней толщины, хорошей выделки. Чернила всегда темно-коричневые. Многие книги, особенно написанные до 1020 г., украшены заставками и многочисленными инициалами.

Запись скриптора в лондонском Евангелии, грузинские сигнатуры рядом с греческими, пометы иверских книгохранителей XI в. свидетельствуют в пользу высказанного недавно П. А. Берадзе предположения о тождестве упоминаемого в „Житии Иоанна и Евфимия Афонских“ писца Феофана с переписчиком наших рукописей.¹⁰

Рассмотренные материалы позволяют прийти к следующим выводам.

1. Указанные рукописи написаны иверским каллиграфом Феофаном, другом и помощником Евфимия Святогорца. Они увидели свет между 1004 и 1023 гг. и принадлежали к составу древнейшей библиотеки Иверского монастыря.

2. Евфимий безусловно знал эти рукописи и мог использовать их в процессе своей работы над переводами с греческого языка на грузинский.

Поэтому:

1. Задача картвелологов — обратить специальное внимание на эти кодексы, привлечь их при исследовании переводов Евфимия. Для этого прежде всего необходимо еще раз затронуть вопрос о хронологии евфимиевских переводов. Быть может, к имеющимся данным „Завещания Иоанна“ и приписок в грузинских рукописях добавят что-нибудь новое датированные рукописи Феофана и других иверских писцов этого времени? В связи с этим хочется указать на одну особенность книг, переписанных Феофаном после 1020 г. (ГИМ 380, 381, лл. 1—230 ГИМ 388): почерк — в сравнении с рукописями, написанными в самом начале [XI в. (Vat. Ottob. gr. 422, ГИМ 62 и 74 и др.), — довольно

¹⁰ На VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси (13—18 декабря 1965 г.) П. А. Берадзе прочел доклад на тему „Феофан Грузин“, основные выводы которого представлены в „Тезисах докладов“ (Тбилиси, изд. „Мецниереба“, 1965), стр. 122—123. Поддерживая положение автора о тождестве Феофана „Жития Иоанна и Евфимия“ с писцом перечисленных кодексов, мы не можем согласиться с его утверждением (основанным на широко известном пункте устава Иверского монастыря о запрете жить негрузинам в этой обители) о том, что Феофан был грузином. Конечно, ссылка на Иверский устав достаточно основательна. Но не нужно упускать из виду того факта, что из-под пера Феофана выходила продукция только на греческом языке; его грузинских автографов пока неизвестно. Чем это объяснить? Тем ли, что Феофан, будучи грузином, прекрасно знал греческий язык (тем же славился и сам Евфимий) и переписывал греческие тексты для грузинских переводов иверского игумена? Или тем, что Феофан, будучи греком, сотрудничал с Иверским монастырем (он называет себя *ἱερέως τῶν τῶν Ἰβήρων*), своим упорным трудом пополняя его библиотеку? Устав монастыря, казалось бы, заставляет отбросить второе предположение. Но история основания и первых десятилетий существования Иверской обители, теснейшее единство хозяйственной, административной и культурной жизни Ивера и Лавры св. Афанасия (это недавно особенно подчеркнул D. M. Lang в указанной выше статье, стр. 64), дружба Евфимия с окрестными монастырями, постоянная потребность в греческих текстах для переводов на грузинский язык, наконец, сам факт перевода на греческий язык „Вараама и Иоасафа“ и „Абукурры“ заставляет принять гипотезу о том, что первоначальный состав братии Ивера не был строго грузинским и среди монахов могли быть (хочется сказать „должны были быть, не могли не быть!“) и греки. Одним из них, по нашему мнению, и был книгописец Феофан, друг и помощник Евфимия Мтацминдели.

сильно меняется, теряя свою первоначальную строгость и в значительной степени приближаясь к курсиву. Увеличивается число сокращений, колонка, рассчитанная на 30 строк (см. разлиновку), умещает их 38—39, почти исчезает иллюминация. Мы склонны видеть в этом спешку в работе, необходимость закончить текст в строго определенный срок. Нельзя ли связать это наблюдение с фактом интенсивной переводческой работы Евфимия, оставившего в это время должность игумена Ивера и посвятившего все свои силы переложению греческих книг для грузин?

2. Необходимо еще более тщательно исследовать „иверские“ манускрипты европейских собраний и — самое главное! — вплотную заняться греческими и грузинскими рукописями Иверского монастыря на Афоне. Именно там, в книгохранилище святогорской обители, в пометах и почерке писцов, в записях первых библиотекарей — история древнейшего иверского собрания книг, свидетелей замечательной по своему значению и объему переводческой деятельности Евфимия Мтацминдели.

Таким образом, основные открытия, интересные находки и наблюдения еще предстоят. Свою же работу мы рассматриваем лишь как попытку поставить вопрос о связи переводов Евфимия с составом современной ему Иверской библиотеки и сообщить некоторые факты из этой области.

B. L. Fonkitch

EUTHYME L'HAGIORITE COMME TRADUCTEUR ET LA BIBLIOTHÈQUE DU MONASTÈRE D'IVIRON AU DÉBUT DU XIe-SIÈCLE

L'auteur pose le problème de la révélation et d'étude des originaux grecs d'Euthyme pour la décision de la question de la recherche de ses traductions géorgiennes. Il fait une tentative de restaurer la bibliothèque la plus ancienne du monastère d'Iviron.

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВИЗАНТИЙСКИХ И СИРИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КНИГОХРАНИЛИЩАХ СССР

Девятый том Археографического ежегодника (возобновленного трудами академика М. Н. Тихомирова) содержит „Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно)“.¹ „Предварительный список“ (далее — ПС) сообщает краткие сведения о 1493 рукописях, написанных на пергамене и бумаге² до рубежа XIV—XV в. включительно. В настоящее время эти рукописи находятся в 38 книгохранилищах СССР.³

В будущем Сводном каталоге предполагается дать описание не только славянских, но и греческих, арабских, армянских и других древних рукописей, хранящихся в СССР. Однако и вышедшая в свет в виде „Предварительного списка“ славянская часть привлечет к себе внимание не только историков, лингвистов и литературоведов — славистов. Есть основания думать, что славянские переводы византийских, сирийских и латинских авторов в списках XI—XIV вв. будут небезынтересными для византологов и других специалистов по Ближнему Востоку.

Прежде всего обращает на себя внимание, что в славянском рукописном наследии преобладают произведения ранней византийской литературы, а произведения XI—XIV вв., т. е. более или менее одновременные славянским спискам XI—XIV вв., вошедшим в ПС, составляют редкие исключения. Приведем несколько примеров.⁴

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита представлены в рукописях №№ 530, 531 и 1400.

Несколько списков Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского встречаем в рукописях №№ 12, 34 (оба списка XI в.), а также, видимо, № 352, при которых нет определения „Огласительные“.⁵ Слова Кирилла Иерусалимского названы при № 352.

¹ Археографический ежегодник за 1965 год. Посвящен памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1966, стр. 177—272.

² Берестяные грамоты в ПС не включались. Не включались также акты и документы, написанные на бумаге и пергамене.

³ Список книгохранилищ см. в „Предварительном списке“ на стр. 183—184.

⁴ К сожалению, в ПС не всегда раскрывается содержание сборников, а в ряде случаев раскрывается слишком общими фразами. Степень раскрытия содержания рукописей, не названных „Сборниками“, неодинакова: наряду с собственными названиями отдельных произведений находятся общие определения типа „сочинения“, „творения“, „поучения“, „слова“. Все это необходимо иметь в виду исследователям, интересующимся определенными авторами и тем более определенными памятниками письменности.

⁵ Названия произведений и имена их авторов указываем в том виде, как они закрепились в славянской литературе. В самом же ПС в ряде случаев названия и имена даются так, как они были указаны составителями ПС в разных книгохрани-

В немалом числе сохранились сочинения Ефрема Сирина. Так, рукописи, перечисленные в ПС с №№ 535, 652, 1361, представляют Паренесис Ефрема Сирина, № 613 — Наказание инокам, №№ 357 и 1222 — Слово о покаянии, № 865 — Слово о втором пришествии. Кроме того, под общими заголовками „Поучения“ указаны рукописи №№ 27, 616, 729, 1129, 1367, „Слова“ — №№ 464, 506, 864, 1211.

Большой популярностью у славян в древности пользовались сочинения „трех святителей“: Василия Великого, Григория Богослова и особенно Иоанна Златоуста. Слова постнические Василия Великого ПС указывает в №№ 551, 556, 861, 1217, 1218; Слово на 40 мучеников в рукописи № 520; Слова (без раскрытия их содержания) — в рукописи № 352; Поучения — в том же № 352. Слова Григория Назианзина, более известного у славян под именем Григория Богослова, находим в №№ 657, 658, 1221; они же, но с толкованиями Никиты Ираклийского, указаны при №№ 862, 863, 1219, 1220; Беседы Григория Богослова названы при № 250. Сочинения Иоанна Златоуста были представлены прежде всего в специальных сборниках: Златоуст (№№ 295, 816, 856) и Златоустрий (№№ 24, 95, 293, 294, 1033). Кроме них, указаны Слова Иоанна Златоуста (№№ 211, 352, 358, 359, 360, 674, 1211, 1223) и Поучения (№№ 211, 352).

Слова ученика Иоанна Златоуста — Исидора Пелусиота — находим в рукописи № 500.

Толкования на Песнь песней, принадлежащие брату Василия Великого, Григорию Нисскому, так же и более известные толкования на это же произведение, принадлежащие Филону Карпафакийскому, указаны в № 1126 (ср. также № 220).

Труд одного из образованнейших сирийских писателей V в. — Феодорита Кирского — сохранился у славян в списке XI в. (см. № 31 — „Толкования на псалтырь“).

Слова антиохийского патриарха Анастасия Синаита находим в № 1223.

Весьма многочисленны списки Лествицы Иоанна Синайского, называемого в славянской письменности Иоанном Лествичником. Лествицу его ПС указывает в №№ 58, 301, 302, 432, 489, 491, 492, 509, 523, 548, 571, 585, 637, 638, 711, 823—826, 1044—1046, 1333—1335, 1433—1436.

Сохранились и переводы сочинений аввы Дорофея. Среди них в ПС названы: Поучения — №№ 651, 729, 767, 842, 1128, 1366, 1452, Творения — № 1293, Слова — № 842.

Из сочинений Исаака Сирина (или Сириянина) в книгохранилищах СССР из славянских рукописей ПС указывает Поучения (№ 843), Слова постнические (№№ 465, 541, 552, 553, 603, 749), Слова (№ 1224).

Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха болгарского, представлено под № 136; Сочинения — № 661.

Главины Максима Исповедника к попу Елпидию — „О любви“ — указаны во фрагменте № 685; его же Главы подвижнические находятся наряду с произведениями более поздних авторов в рукописи № 253.

Поучения Феодора Студита представлены в рукописи № 1368; приписываемый ему Студийский устав указан при №№ 71 и 568. Возможно,

лица (напомним, что их 38 и работают в них лица разной квалификации). Например, при № 755 — „Толкование на апокалипсис“ — вместо Андрея Кесарийского (как при №№ 776, 777, 891, 1297) находим Аргея Кесарийского; Василий Великий при № 1218 назван Василием Кесарийским; Хроника Георгия Амартола названа так при №№ 411, 547, но при № 827 она указана как „Летовник Георгия инока“ и т. п.

что этот же устав, применявшийся на Руси вплоть до XIV в. (до введения Иерусалимского устава), содержится и в рукописях №№ 134, 381, 382, 383, 622, 765, 886, 1270, 1271, 1272, при которых в ПС нет определения (ср. при №№ 532, 887 и 1269 — определение „иерусалимский“).

Слово к проту Афонской горы архиепископа константинопольского Николая находим при № 404.

Главы Феодора Эдесского названы при №№ 253, 1324.

Хроника Георгия Амартола представлена в трех списках: №№ 411, 547, 827.

Из латинских авторов, известных славянам и переписывавшихся в XI—XIV вв., отметим Ипполита, архиепископа римского (иногда в славянской литературе называется папой римским), и Григория Двоеслова (или Великого). Толкования первого из них на Книгу пророка Даниила указаны под № 132 и на Песнь песней под № 1126 и, возможно, № 220. Для Григория Двоеслова ПС указывает Беседы на евангелие (№ 250), более общо — Беседы на Новый Завет (№ 391), Беседы с архидиаконом Петром (№ 665) и Беседы (№№ 626, 684, 918).

Произведения поздних византийских писателей представлены в славянских списках XI—XIV вв. единично. Сюда можно отнести: Творения Симеона Нового богослова (№ 1293), Пандекты Никона Черногорца (№№ 65, 194, 540, 555, 590, 647, 648, 676, 836, 837, 838, 1111, 1356, 1447), его же Тактикон (№№ 566, 617, 774, 1245), Пандекты Антиоха Чернорица (№№ 15, 35, 481, 646); Диоптру (у славян также Зерцало) Филиппа Пустынника (№№ 549, 772, 920, 921), „Воспоминание к своей ему души“ Петра Дамаскина (№ 675), а также совсем позднее произведение — Синтагму Матфея Властаря (№№ 730, 1216).

Отсутствие интереса в славянской письменности XI—XIV вв. к произведениям современных византийских писателей ПС показывает и документирует весьма отчетливо. Но связано ли это с упадком самой византийской письменности, связано ли с ростом самостоятельности самих славянских литератур (в том числе и литературы церковно-учительной), с самостоятельностью славянской церкви (это важно, если учесть, что до нас дошли преимущественно произведения богослужебной и богословской литературы)? Изучение ПС и произведений, в нем названных и скрытых в разных сборниках, позволит пытливому исследователю разрешить некоторые вопросы византийской и славянской истории и культуры, особенности византийско-славянских, в частности византийско-русских, связей в разные периоды их истории и поставить новые, ранее не возникавшие вопросы.

Особый интерес, вероятно, вызовут апокрифические произведения в славянских списках XI—XIV вв. Из них ПС указывает Первоевангелие Иакова (№ 1226), Сказание Афродитиана (№ 352), Откровение Иоанна (№ 1209), Житие Феклы в списке XI в. (№ 23), Хождение богородицы по мукам (№ 143; вероятно, есть и в сборниках, содержание которых в ПС не раскрыто, так как этот апокриф был широко распространен на Руси) и др. Кроме того, надо иметь в виду апокрифы, названные суммарно при №№ 143, 403, 892, и, как уже говорилось, сборники.

Выше мы называли только произведения, так или иначе связанные с именами отдельных авторов или приписываемые им. Но ПС содержит указания и на рукописи богослужебные (их большинство, например, одних евангелий около 400), богословскую и патериковую литературу типа миней, житий, прологов (последние по сравнению с греческими гораздо обширнее) и т. п. Многое в этой литературе, получившей весьма широкое распространение в славянских странах, представлено

в сильно видоизмененных славянских редакциях, но многое довольно точно передает византийские оригиналы. Все это придется иметь в виду возможным исследователям соответствующего византийского и сирийского материала.

Существенно заметить, что ПС дает конкретные сведения для суждения о распространенности тех или иных произведений ранней и поздней византийской литературы (преимущественно христианской, в меньшей степени исторической) не только на Руси в XI—XIV вв., но и в других славянских странах. Так, в таблице на стр. 182 указывается, что из общего числа 1493 рукописи 13 — старославянских, 960 — русских, 185 — болгарских, 299 — сербских и 36 — прочих (в числе последних главным образом такие, происхождение которых не определено, и смешанные).

Материалы ПС представляют интерес для византологов особенно в тех случаях, когда какое-либо произведение не дошло в византийских или сирийских источниках, но имеется в славянских списках XI—XIV вв. Возможно, таким примером могут послужить сохранившиеся, правда, во фрагментах, Слова константинопольского патриарха (при №№ 120 и 1212 назван архиепископом) Геннадия, известные в славянской литературе под названием „Стослов“ или „Стословец“. Русские византологи считали, что из сочинений Геннадия сохранилось только „Окружное послание против симониан“, но в ПС указаны: Слова — № 120, Стослов — №№ 144, 1212. Кажется, противоречивы сведения о толкованиях на Песнь песней, принадлежащих Ипполиту (см. выше) и Григорию Нисскому. В ПС они названы под № 1126 и, возможно, они же в рукописи № 220.

Конечно, сами византологи смогут найти в ПС более точные и более значимые примеры подобного рода среди славянских списков.

В ПС есть недочеты, недоделки и недосмотры. Но главное не в них. Главное в том, что ПС представляет собой самый полный из когда-либо печатавшихся сводов русских рукописей и вообще рукописей Советского Союза. Подобного свода нет в других славянских странах, хотя число древних и средневековых рукописей в Болгарии и особенно Югославии тоже весьма значительно. Таким образом, ПС привлечет и своей полнотой. Но не только ею. В некоторых отношениях ПС по сравнению с имеющимися описаниями византийских и латинских рукописей представляет шаг вперед в археографической науке.

Отметим одну, с нашей точки зрения, очень важную положительную черту ПС, проведенную, правда, не вполне последовательно. По тем сведениям, которыми мы в настоящее время располагаем (для дела было бы лучше, если бы они оказались неточными), в описаниях византийских рукописей евангелия и вообще всего свода Нового Завета обращено мало внимания на содержание и композицию чтений в этих книгах. На славянской почве эти вопросы особенно актуальны. Это объясняется сложностью самой истории этих текстов у славян. Здесь сначала (примерно 863 г.) был переведен с греческого апракос (т. е. книга, специально составленная в последовательности церковных служб), а не тетр, как у самих греков, с его четырьмя отдельными книгами, приписываемыми разным авторам. Первый славянский апракос вероятнее всего был кратким или воскресным, а не полным, т. е. содержал чтения далеко не на все дни года. Среди славянских книг XI—XIV вв., вошедших в ПС, преобладают полные апракосы. Кратким является самая древняя рукописная книга (из числа дошедших) — Саввина книга (ПС № 2) — краткий апракос первой четверти X в. (некоторые придерживаются даты XI в.), написанная в восточной Болгарии.

В ПС проводится принцип разделения апракосов на полные и краткие, что позволяет лингвистам—историкам языка сразу же оценить объем материала, имеющегося в той или иной рукописи евангелия, а также язык протооригинала: был ли это самый древний письменный язык славян или принадлежал к другой диалектной основе и несколько более позднему времени.

К сожалению, это разделение в ПС сравнительно последовательно проведено только для рукописей, хранящихся в ГБЛ. Из других хранилищ поступили только сведения о принадлежности рукописей к тетру или апракосу, без уточнения последнего по составу чтений.

Положительную практику ПС в этом отношении надо было бы учесть византологам и латинистам при описании своих евангелистариев.

В свою очередь для составления будущего Сводного каталога, не только всеобъемлющего, но даже и в славянской его части, видимо, нужно будет участие византологов и филологов, специалистов по Ближнему Востоку. Прежде всего это необходимо для идентификации произведений и имен древних авторов. Конечно, в этой работе главной и предваряющей будет идентификация содержания самих славянских рукописей, находящихся в многочисленных хранилищах СССР. Работу эту могут провести только сами квалифицированные филологи-слависты. Но в дальнейшем для разного рода уточнений нужна помощь византологов. Приведем несколько примеров. При № 1212 в ПС читаем: „Слово Евагрия о целомудрии“. По-видимому, речь здесь идет о грузине по происхождению Евагрии Понтийском, который был дьяконом при Григории Богослове и умер в 406 г. Но известен еще и Евагрий Схоластик (умер в 597 г.). Естественно, что в таком случае в Сводном каталоге автор должен быть указан со своим нарицательным именем. Также византологи скорее, чем филологи-слависты, решат вопрос, уместно ли наименование „папа римский“ в применении к автору „Слова об Антихристе“ (славянский список XII в., см. ПС № 66), „Толкований на Книгу пророка Даниила“ (ПС № 132) и „Толкований на Песнь песней“ (ПС № 1126 и, возможно, № 220)? Это определение применено к Ипполиту в ПС не последовательно (только при №№ 66, 132) и, видимо, напрасно. Византологи подскажут, какое нарицательное имя надо употребить для Олимпиодора, толковавшего Книгу Иова (ПС № 563), поскольку известно несколько византийских писателей с этим именем. Нет сомнения, что случаи, в которых необходимо внести уточнения в ПС, сами византологи увидят гораздо лучше.

Будущий Сводный каталог не может быть без указателя памятников, т. е. самих произведений, а не рукописей—многочисленных списков с них. Как программу-максимум, хотелось бы иметь при таком указателе отсылки к изданным греческим текстам, хотя бы в пределах „Патрологии“ Миня (*Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca*), которая имеется в наших основных книгохранилищах.

Все это свидетельствует о том, что контакты славистов-древников, с одной стороны, и византологов и специалистов по Ближнему Востоку, с другой стороны, при работе над древним и средневековым рукописным наследием в высшей степени желательны и могут быть плодотворными.

LES ANCIENNES TRADUCTIONS SLAVES DES MONUMENTS
DE LA LITTÉRATURE BYZANTINE ET SYRIENNE DANS
LES BIBLIOTHÈQUES DE L'URSS

„La liste préliminaire des manuscrits slaves-russes se rapportant aux XI—XIV siècles“ contient les données sommaires sur les 1493 manuscrits qui sont à la disposition de 38 institutions de l'URSS. Parmi ces manuscrits il y a beaucoup de monuments de la littérature qui d'une manière ou d'autre remontent aux originaux byzantins et syriens jusqu'au XI siècle. Il y en a des oeuvres littéraires qui sont présentées sous les revisions slaves essentiellement changées ainsi que celles rédigeant les contenus des originaux étrangers plus fidèlement. Il se trouve des manuscrits contenant des oeuvres inconnus par les listes byzantins et syriens.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СКЛАДЕНЬ С ПЕРЕГОРОДЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ ИЗ САЙДНАЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

В 1900 г. во время экспедиции в Сирию (организованной Русским археологическим институтом в Константинополе при участии Палестинского общества) Ф. И. Успенский посетил греческий женский монастырь с храмом в честь Сайднайской богоматери близ Дамаска. Он первый обратил внимание на хранившийся в этом монастыре маленький византийский складень,¹ украшенный изображениями, исполненными перегородчатой эмалью, дополненными позднейшими чеканными серебряными пластинками.

Впоследствии складнем заинтересовался Н. П. Кондаков.² Дав беглое описание предмета, сопровождаемое плохими репродукциями, он уделил преимущественное внимание пластинке на оборотной стороне, представляющей исполненное „крайне грубым рельефом... погрудное изображение Божьей матери с младенцем“. Н. П. Кондаков высказал предположение, что здесь воспроизведена так называемая Сайднайская богоматерь (особый тип Одигитрии с полулежащим младенцем), отнес ее ко времени не позже X в. и принял для эмалей датировку Ф. И. Успенского (X—XI в.).

Интересный складень из Сайднайского монастыря неожиданно обнаружился в 1956 г. при разборе фондов бывш. Александровского дворца-музея в г. Пушкине (бывш. Царское Село). В течение долгих лет он находился среди бесконечного множества различных икон, не представлявших (за немногими исключениями) никакой художественной ценности, в модельне, около спальни русского императора Николая II.

Ввиду большого историко-художественного значения памятника было принято решение передать его в Государственный Эрмитаж, где он занял почетное место на экспозиции, посвященной византийскому искусству. В последние годы триптих привлек внимание автора настоящей статьи.³

К сожалению, в связи с утратой значительной части документов дворца во время Великой Отечественной войны не удалось установить обстоятельств, при которых складень попал в Россию. Не подлежит сомнению лишь то, что это имело место между 1900 (когда его видел

¹ Ф. И. Успенский. Археологические памятники Сирии. Изв. РАИК, VII, 2—3, София, 1902, стр. 103—106, табл. 4.

² Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II. Пгр., 1915, стр. 250—253, рис. 134—135.

³ А. В. Банк. 1) Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. Визант. временник, XI, 1956, стр. 344; 2) Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, стр. 311—312, 365, № 191—194; А. В. Банк. Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. Proceedings of the XIIIth Congress of Byzantine Studies, Oxford, 5—10 September 1966, London, 1967, p. 239, pl. 5.

в Сайднайском монастыре Ф. И. Успенский) и 1917 г., вероятно до войны 1914 г.⁴ Некоторый свет на обстоятельства, при которых триптих мог оказаться в Царском Селе, проливает записка старшего хранителя Эрмитажа Е. М. Придика.⁵ Здесь говорится о состоявшихся в апреле 1909 г. в Дамаске переговорах Е. М. Придика и Б. В. Фармаковского с антиохийским патриархом Григорием IV (при посредстве русского консула в Дамаске кн. Б. Н. Шаховского) по вопросу о возможности передачи на хранение в один из русских музеев „памятников православной церкви и памятников старины вообще, гибнущих вследствие невежества самих пастырей и хищнических покушений на них иезуитов, американских миссионеров и западноевропейских коллекционеров, не говоря уже о мусульманах“. В числе других примеров патриарх упоминал сожженные рукописи Сайднайского монастыря. Им было сделано распоряжение (как явствует из дальнейшего) о сборе всех древностей, которые попадутся, с тем чтобы по получении согласия русского императора переслать их в Россию. Одновременно с посланием на имя Николая II был отправлен ящик с некоторыми предметами древности (античным стеклом и керамикой), впоследствии переданными в Эрмитаж.

В рапорте Е. М. Придик, а затем и И. А. Всеволожский, излагая содержание беседы с патриархом, высказывают некоторое сомнение в этичности подобных действий, противоречащих местным (турецким) законам, воспрещающим вывоз памятников старины. Однако нет уверенности, что последний прекратил сбор древних христианских памятников.

В начале марта 1913 г. антиохийский патриарх Григорий IV прибыл в Петербург для участия в праздновании 300-летия дома Романовых⁶ и был принят в Царском Селе 7 марта 1913 г. В состав его свиты, помимо духовных лиц и родственников, входили русский консул в Дамаске кн. Б. Н. Шаховской, а также „изготовлявший подношения“ патриарха Абдо Наххат.⁷ К сожалению, перечень подарков к документам не приложен, но не исключена возможность, что в их числе был и складень из Сайднайского монастыря.

Несмотря на то что триптих уже издавался, представляется целесообразным вновь привлечь к нему внимание, не только потому, что изменилось его местонахождение, но и по той причине, что наиболее драгоценная его часть — перегородчатые эмали — оказались забытыми.

Трехстворчатый складень с петлей наверху (вероятно, служивший для ношения на груди)⁸ дошел до нас в сильно пострадавшем виде. Представить себе его первоначальное оформление можно условно, с помощью аналогий. На внутренней стороне его был изображен Деисус, исполненный в технике перегородчатой эмали на золоте (рис. 1). Сохранились центральная фигура — Христос на троне (выломана лишь часть золотого фона внизу) — и на правой створке сильно поврежденный Иоанн Предтеча (утрачена не только часть золотой пластинки слева у его головы, но и отстает потрескавшаяся и деформированная эмаль, во многих местах обнажив перегородки). Третья фигура — Богородица — на левой створке утрачена и восполнена серебряной чеканной пластинкой (грубой работы). По всей вероятности, одновременны ей аналогичная

⁴ То, что Н. П. Кондаков в своей книге, вышедшей в 1915 г., упоминает о складне как о хранящемся в Сайднайском монастыре, едва ли противоречит излагаемым соображениям, поскольку он ссылается на описание Ф. И. Успенского. Остается лишь не совсем ясным, когда сделан снимок на стр. 253 его труда.

⁵ Архив Гос. Эрмитажа, оп. Va, дело № 20 за 1909 г., лл. 90—91. Написана на имя директора Эрмитажа И. А. Всеволожского.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 45, № 25 за 1913 г.

⁷ Там же, лл. 21—22.

⁸ Инв. № W 1192. Размеры: высота 9,3 см, ширина (в сложенном виде) 8,3 см, в развернутом — 16,7 см, толщина 1,8 см.

пластинка с погрудным изображением Богоматери с младенцем (привлекшая специальное внимание Н. П. Кондакова) на обратной стороне (рис. 2), очевидно, заместившая эмаль, и также четыре крестика (исполненные чеканом), вписанные в розетки с группами из трех точек между концами, на лицевой стороне складня.

К первоначальному убранству относятся решетчатые обрамления всех пластинок, кое-где сохранившие вставки из стекла и камня; более крупные камни помещались в гнездах по верху и низу над створками и в трапециевидных и круглых углублениях креста, образованного на лицевой стороне обеими створками при складывании (рис. 3). Продолговатые полосы между гнездами для камней и „решетками“ на обратной стороне и между гнездами на лицевой, вероятно, были заполнены орнаментальными чеканными пластинками (или эмалями), укрепленными на мастичной основе. Наконец, на боковых гранях, между тонкими серебряными жгутиками, кое-где сохранились маленькие петли, быть может, служившие для закрепления жемчуга.

По своему общему типу и размерам, а также основным принципам декоративного убранства Сайднайский триптих можно сопоставить со складнем из Мартвили (относимым грузинскими исследователями к VIII—IX вв.)⁹ и двумя складнями XI—XII вв. из коллекции Пирпонт—Моргана (в Нью-Йорке; известные под названием Stavelot), вставленными в позднейшую оправу западноевропейской работы.¹⁰ В оформлении Мартвильского триптиха отсутствуют „решетчатые“ обрамления, а имеются лишь часто размещенные гнезда для камней. Зато в ряде бесспорно византийских памятников X—XII вв., начиная со знаменитой Лимбургской ставротки (точно датированной серединой X в.), этот декоративный прием в сочетании с более массивными гнездами для камней не раз повторяется.¹¹

Весьма важную аналогию для нашего триптиха представляет недавно опубликованный реликварий из Монополи.¹² Их сближают форма и размеры (84 × 64 × 18 мм), основные приемы и принципы убранства. На центральной пластинке представлена сцена „Распятие“, на боковых — апостолы Петр и Павел. Оформление задней крышки (с изображением прорветшего креста) является, по всей вероятности, позднейшим добавлением. По верху выдвинутой пластины и самого реликвария, между гнездами со вставками камней, на реликварии из Монополи сохранились исполненные эмалью орнаментальные полосы, помогающие мысленно восстановить былое убранство Эрмитажного триптиха.

Крест на лицевой стороне нашего складня, как уже отмечал Н. П. Кондаков,¹³ походит на известный золотой крест грузинской царицы Тамары,¹⁴ по-видимому, воспроизводивший более ранний, распространенный в Византии тип.

⁹ Ch. Amiranachvili. Les émaux de Géorgie. Paris, 1962, pp. 25—27; G. Tschubinaschwili. Ein Goldschmiedetriptychon des VIII—IX Jahrhunderts aus Martvili. Zeitschrift für bildende Kunst, Bd. 64, 1930, SS. 81—87.

¹⁰ [Marvin C. Ross]. Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947, N 530—531, p. 109, pl. LXX—LXXI.

¹¹ J. Rauch, Schenk zu Schweinsberg, J. Wilim. Die Limburger Stau-rothek. Das Münster, 8, 1955, SS. 201—240, Einlage und Abb. 1—2; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium. London, 1959, pl. X, 124, p. 318; А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. Визант. временник, XIII, 1958, стр. 211—221, рис. 1—3, 5—6.

¹² D'Elia. Mostra dell'arte in Puglia dal tardo antico al rococo. Catalogo. Bari, 1964, N 4, pp. 5—6, tav. 1; Angelo Lipinsky. Oreficerie bizantine dimenticate in Italia „Atti del I Congresso Nazionale di Studi Bizantini“, Ravenna, 23—25 Maggio 1965, Faenza, 1965 pp. 81—94, tav. XXV—XXVI.

¹³ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 253.

¹⁴ Ch. Amiranachvili. Les émaux..., pp. 56—57.

Органически входят в круг византийских памятников X—XI вв. сохранившиеся эмалевые изображения. Фигуры Христа и Иоанна Предтечи выделяются, как обычно в этот период, на фоне золотой пластинки (тогда как на наиболее ранних образцах эмаль, как известно, покрывала всю поверхность пластинок).¹⁵ Христос сидит на троне с высокой спинкой, завершающейся по углам характерными трилистниками; его ноги опираются на подножие; правая рука сложена в жесте благословения, левой он придерживает стоящую на колене книгу. Хитон Христа голубой, гиматий — темно-синий. Книга желтая, с белым обрезом, украшена зелеными уголками, белыми жемчужинами и красным камнем на фоне темно-зеленого ромба. Нимб голубой (зеленоватого оттенка) с желтым перекрестием, окаймленным белыми контурами, украшен красными дужками и кружками. Голубой трон богато орнаментирован красными кружками и ромбами на темно-зеленом фоне; на подножии — зеленые ромбы и красные кружки. Подушка белая, с желтыми перевязями. Надпись IC XC красная. Волосы Христа, как и Иоанна Крестителя, черные. Лицо Христа несколько светлее, чем у Иоанна. Сильно деформированные одежды последнего темно-коричневых тонов. Справа сохранился конец надписи: *δρως*.

Для манеры исполнения эмалей характерна довольно густая сеть перегородок; при этом линии складок не всегда следуют очертаниям тела, порой представляя как бы независимые от фигур крючкообразные, спиралевидные или угловатые линии.

Эмали Сайднайского складня по своему художественному качеству менее совершенны, чем те, что украшают Лимбургскую ставротекку¹⁶ (948—959 гг.) или оклад Евангелия № 100 в Библиотеке Марциана¹⁷ (вероятно, также X в.). Судя по стилистическим особенностям, они моложе и реликвария из Монополи, датировка эмалей которого X в. более вероятна, чем XI.¹⁸ В исполнении эмалей Сайднайского триптиха нет и того монотонного ритмического повторения отдельных форм (чаще всего острых углов), которые получили широкое распространение на эмалях второй половины XI и особенно XII в.¹⁹ в соответствии с общим усилением линейного начала в византийском искусстве этого периода.

Если исходить из эволюции технических приемов (которые для этого вида искусства тесно связаны со спецификой стиля), то наиболее вероятной датой для сайднайских эмалей является первая половина XI в. Характер их исполнения указывает на время, предшествующее хорошо датированной короне Константина Мономаха (1042—1052).²⁰

К аналогичным заключениям приводит и иконографический анализ.

¹⁵ К сожалению, несмотря на повреждения, обычно способствующие выявлению техники, нет полной уверенности в том, исполнены ли они непосредственно на золотой пластинке или на специально предназначенных для них, припаянных к фону лоточках.

¹⁶ Das Münster, 8, 1955, Einlage; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium, pl. X.

¹⁷ A. Grabar. Emaux byzantines au trésor de Saint-Marc à Venise. Cahiers de la céramique et des arts du feu, 12, Paris, 1958, fig. 8—9, pp. 172—174.

¹⁸ Ср.: D'Elia. Mostra dell'arte. . . , p. 5—6; A. Lipinsky. Oreficerie bizantine. . . , p. 93—94.

¹⁹ Marc Rosenberg. Zellenschmelz. Frankfurt-am-Main, 1921, SS. 72—73, Taf. 7, 8; M. Barany—Oberschall. The Crown of the Emperor Constantine Monomachos. Archaeologia Hungarica, XXII, 1937, pp. 56—59; L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936, pp. 41—42, pl. LXVII etc.

²⁰ M. Barany—Oberschall. The Crown of the Emperor Constantine Monomachos. Во восторженном исследовании — J. Deér. Die Heilige Krone Ungarns. Wien, 1966 — дана великолепно аргументированная картина развития техники перегородчатых эмалей.

Рис. 1. Складень в раскрытом виде.

Рис. 2. Обратная сторона складня.

Рис. 3. Складень в закрытом виде.

Композиция Деисуса (чаще всего в таком же сжатом варианте) нередко встречается на перегородчатых эмалях.²¹ Наиболее ранним примером ее является центральная часть Мартвильского триптиха, на которой утрачена фигура Христа.²² Ближайшим прототипом для интересующего нас изображения является крышка Лимбургской ставроетки:²³ здесь также на отдельных пластинках представлены все три фигуры, но в композицию включены еще архангелы. Сходство прослеживается даже в таких деталях, как форма трона и оформление его углов. Однако в Сайднайском складне несомненна большая условность в изображении.

Аналогичные иконографические особенности можно встретить и на некоторых пластинках, украшающих оклад Хахульской Богоматери,²⁴ как в изображении Христа, так и особенно в характере передачи трона Богоматери. В последнем ощущается та же условность, что и на нашей эмали, но меньшая, чем на одной из пластин, украшающих так называемую Pala d'Oro в соборе Сан Марко в Венеции (датируемую не ранее XII в.²⁵).

Можно было бы привести и другие образцы эмалей, на которых изображена композиция Деисуса (иногда каждая фигура занимает отдельную пластину, иногда они объединены), однако подавляющее их большинство не имеет точного основания для датировки.²⁶

В свое время Н. П. Кондаков полагал, что „для точного хронологического определения складня в настоящее время недостает удовлетворительного снимка“,²⁷ однако он был близок к истине, относя эмали „к X, самое большее к первой половине XI столетия“. Именно к этой последней дате мы склонны относить этот выдающийся памятник византийской эмали, едва ли не наиболее ранний из тех, что хранятся в Эрмитаже.

²¹ О развитии деисусной композиции (однако без учета памятников прикладного искусства) см.: В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. I. Высоцкий чин. Визант. временник, IV, 1951, стр. 127—129; применительно к изделиям из слоновой кости см.: K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeine einer Bamberger Graduale und ihre ursprüngliche Verwendung. Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift K. H. Usener, Marburg an der Lahn, 1967, SS. 11—20.

²² Ch. Amiranachvili. Les émaux..., p. 27.

²³ Das Münster, 8, 1955, Einlage.

²⁴ Ch. Amiranachvili. Les émaux..., p. 102—103; Д. П. Гордеев в статье „К вопросу о разгруппировании эмалей Хахульского складня“ (Мистецтвознавство, сб. I, Харків, 1928, стр. 147—162, табл. XI—XII) проделал интересную работу по сопоставлению одной из групп эмалей, украшающих этот складень вокруг центрального изображения Богоматери на троне, с эмальями Лимбургской ставроетки. При всем сходстве фигур апостолов не исключена возможность несколько более поздней даты Хахульской группы по сравнению с Лимбургской.

²⁵ A. Grabar. Emaux byzantins..., Pl. en couleur N 5; Il tesoro di San Marco, opera diretta da H. R. Hahnloser. Pala d'oro, Firenze, 1965, tav. V.

²⁶ Luigi Damiani. L'evangelario greco della biblioteca di Siena. Dedalo, Anno III, fasc. 4, 1922, pp. 228—229; Ph. Lauer. Le Trésor de Sancta Sanctorum. Monuments et Mémoires. Fondation Eug. Piot, XV, 1906, pp. 73—79, tabl. X.

²⁷ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 252.

UN TRIPTYQUE BYZANTIN ORNÉ D'ÉMAUX
CLOISONNÉS PROVENANT DU MONASTÈRE SAÉDNAJA

L'auteur publie un petit triptyque byzantin orné d'émaux cloisonnés provenant du monastère Saédnaja (près de Damas) et appartenant au Musée de l'Ermitage. Il s'efforce à reconstituer les circonstances dans lesquelles cet objet est entré au Palais du dernier empereur de la Russie à Tsarskoë Sélo, et donne une analyse technique et stylistique de ce monument d'art byzantin, en s'arrêtant particulièrement sur les émaux, qu'elle date de la première moitié du XIe siècle.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКЕ МЕТАЛЛА В ВИЗАНТИЙСКОЙ СИРИИ

Вопрос о роли Сирии в прикладном искусстве Византии является одним из сложных и дискутируемых.¹ Возможность существования в Сирии VI в. развитого производства художественных изделий из золота и серебра вызывает у некоторых исследователей большие сомнения.² Во-первых, к константинопольской школе в настоящее время отнесен целый ряд вещей, ранее считавшихся сирийскими на основании стилистических черт или по месту находки.³ Это прежде всего касается серебряных изделий, имеющих клейма, что подтверждает их столичное происхождение.⁴ Во-вторых, сложная политическая обстановка в византийской Сирии VI в. — частые войны, гонения на монофизитов, — а также стихийные бедствия не могли способствовать процветанию ремесел.

Поскольку на основании вещественных памятников трудно прийти к бесспорным выводам, значительный интерес приобретают сведения письменных источников о металлообрабатывающих ремеслах, преимущественно художественных, в Сирии IV—VII вв. Некоторые данные приводятся в работах Л. Уеста и Ф. М. Хейхельхейма, близких по характеру изложения и подхода к материалу к справочной литературе.⁵

¹ Точки зрения разных исследователей по этому вопросу приведены в статьях А. В. Банк „Роль Константинополя и провинциальных центров в прикладном искусстве Византии (к постановке вопроса)“ (Гос. Эрмитаж, Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, Л., 1964, стр. 46—50) и „К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства“ (Сб. „Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран“, М., 1967, стр. 77—83).

² E. Kitzinger. Byzantine Art in the Period between Justinian and Iconoclasm. Berichte zum XI Internationalen Byzantinischen-Kongress, München, 1958, SS. 33—38; M. C. Ross. A Byzantine Gold Medallion at Dumbarton Oaks. Dumbarton Oaks Papers, N 11, 1957, pp. 247—261.

³ Ch. Diehl. 1) L'école artistique d'Antioche et les trésors d'argenterie syrienne. Syria, II, 1921, pp. 81—95; 2) Un nouveau trésor d'argenterie syrienne. Syria, VII, 1926, pp. 105—122; 3) Argenteries syriennes. Syria, XI, 1930, pp. 209—215; L. Bréhier. Les trésors d'argenterie syrienne et l'école artistique d'Antioche. Gazette des Beaux-Arts, LXII, 1920, pp. 173—196.

⁴ E. Cruikshank Dodd. Byzantine silver Stamps. Washington, 1961.

⁵ L. C. West. Commercial Syria under the Roman Empire. Transactions and Proceedings of the American Philological Association, vol. LV, Cleveland, 1924, pp. 174—176; F. M. Heichelheim. Roman Syria. An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV, Baltimore, pp. 195—198. Этот же материал использован в книге А. Б. Рановича „Восточные провинции Римской империи в I—III вв.“ (М.—Л., 1947, стр. 147—148).

В общих трудах по истории Сирии (Э. С. Бушье, И. Ламенс, П. Хитти)⁶ или по истории Антиохии (Р. Ферстер, Э. С. Бушье, Г. Доуни, Г. Л. Курбатов)⁷ такие сведения предельно кратки.

Любопытные материалы по интересующему нас вопросу были собраны А. П. Рудаковым и И. Нейбнером, детально исследовавшими под разными аспектами житейную литературу.⁸

Сведения о ремесле содержатся в работах Н. В. Пигулевской,⁹ причем наибольший интерес для данного вопроса представляет ее статья „Сирийская алхимическая литература средневековья“.¹⁰ Из этой работы на основании приведенных и прокомментированных текстов можно получить представление не только о рецептах изготовления различных сплавов и поделок, но и о тех изделиях из металла, которые украшались эмалью, чернью и позолотой. Наконец, сведения об отдельных изделиях, исполнявшихся в Сирии, содержатся в ряде работ по истории византийского искусства и культуры.¹¹

Наиболее исследованными с интересующей нас точки зрения являются такие источники, как Либаний, Златоуст (М. Венс, Г. Л. Курбатов),¹² житейная литература (А. П. Рудаков),¹³ алхимические трактаты (Н. В. Пигулевская);¹⁴ хроники и церковные истории в данном специальном аспекте мало или почти совсем не исследованы.

Произведения риторского искусства (Либаний и Златоуст)¹⁵ содержат значительный материал по металлообрабатывающему производству в Антиохии IV в. Сведения, сообщаемые Либанием, относятся лишь к изделиям светского назначения и к мастерам, их изготавливающим; о церковной утвари данных у Либания нет. Следует отметить, что не только в речах оратора-язычника Либания, но и христианского пресвитера Иоанна Златоуста культовые предметы упоминаются редко в противоположность различным украшениям и светской утвари. В произведениях Златоуста это

⁶ E. S. Bouchier. Syria as a Roman Province. Oxford, 1916, pp. 159—179; H. Lamens. La Syrie, vol. I. Beyrouth, 1921; P. Hitti. History of Syria. London, 1951, pp. 354—355.

⁷ R. Förster. Antiochia am Orontes. Jahrbuch des Kaiserliche Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. XII, Berlin, 1898; E. S. Bouchier. A Short History of Antioch. 300 B. C. — A. D. 1268. Oxford, 1921; G. Downey. 1) A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961; 2) Ancient Antioch. Princeton, New Jersey, 1963; Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в VI в.). Л., 1962.

⁸ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; J. Neubner. Die Heiligen Handwerker in der Darstellung der Acta Sanctorum. Münster, 1929.

⁹ Н. В. Пигулевская. 1) Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилта как исторический источник. М.—Л., 1940; 2) Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946; 3) Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

¹⁰ Н. В. Пигулевская. Сирийская алхимическая литература средневековья. Архив истории науки и техники, серия 1, вып. 9, М.—Л., 1936, стр. 329—342. [Приношу благодарность Н. В. Пигулевской за указание на эту статью, а также на работу: M. Berthelot. La chimie au moyen âge (L'alchimie syriaque), vol. II. Paris, 1893 (далее — M. Berthelot. . .)].

¹¹ Д. В. Айялов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900, стр. 158—176; J. Milton Vance. Beiträge zur Byzantinischen Kulturgeschichte am Ausgang des IV. Jahrhunderts aus den Schriften des Johannes Chrysostomos. Jena, 1907, SS. 62—64; Ch. Diehl. L'école artistique d'Antioche. . . , pp. 81—83; L. Bréhier. Les trésors. . . , pp. 185—187; J. Ebersolt. Les arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, pp. 6—7.

¹² J. Milton Vance. Beiträge zur byzantinischen Kulturgeschichte. . . ; Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город.

¹³ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры. . .

¹⁴ Н. В. Пигулевская. Сирийская алхимическая литература. . . , стр. 329—342.

¹⁵ Libanii Opera. Rec. R. Foerster, tt. I—XIII, Lipsiae, 1902—1923 (далее — Libani); S. Joannis Chrysostomi Opera. J. P. Migne. Patrologia Graeca, tt. 47—62 (далее — MPG).

может быть объяснено тем, что основное содержание многих его речей направлено против роскоши, богатства, всякого рода излишеств.

Использованные нами проповеди Златоуста относятся к антиохийскому периоду (по 398 г. включительно). Лишь две интересные для данной темы проповеди были произнесены в Константинополе („К филиппийцам“ и „К Колоссянам“). Однако известно, что все проповеди, содержащие толкование посланий Павла, были составлены Златоустом еще в Антиохии.¹⁶

Хроники и церковные истории содержат, как правило, краткие, но в отдельных случаях любопытные сведения. Из использованных нами сочинений Феодорита Киррского,¹⁷ Сократа,¹⁸ Иешу Стилита,¹⁹ Захарии Ритора,²⁰ Эдесской хроники,²¹ Прокопия,²² Малалы,²³ Евагрия,²⁴ Иоанна Эфесского,²⁵ Феофилакта Симокатты,²⁶ анонимной сирийской хроники о времени сасанидов,²⁷ Феофана,²⁸ Григория Турского²⁹ наиболее интересные данные содержатся в тех из них, где автор был современником описываемых событий и жил в том центре, о котором идет речь в источнике.

Хроника Михаила Сирийца³⁰ и Анонимная сирийская хроника 1234 г.³¹ также дают важные сведения и по истории конца VI—начала VII в., поскольку сохраняют фрагменты из утраченных сочинений более древних авторов.³²

Сложнее использовать данные агиографической литературы. С одной стороны, этот вид источников сообщает множество подробностей и деталей бытового характера, а с другой — здесь не всегда ясна датировка. Жития Андроника и Афанасия,³³ Анастасия Перса,³⁴ Иоанна Милости-

¹⁶ Lietzmann. Johannes Chrysostomos. Pauly—Wissowa—Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, IX, II, Stuttgart, 1916, col. 1817—1818.

¹⁷ Theodoret. Kirchengeschichte. Hrsg. von L. Parmentier. 2. Aufl. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte). Berlin, 1954 (далее — Theodoret).

¹⁸ Socratis Historia ecclesiastica, MPG, 67 (далее — Socrates).

¹⁹ Хроника Иешу Стилита. Перевод Н. В. Пигулевской. В кн.: Месопотамия на рубеже V—VI вв.

²⁰ Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta. Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptorum syri, Series tertia, ed E. W. Brooks, Parisiis, 1926 (далее — Zacharias Rhetor).

²¹ Эдесская хроника. Перевод Н. В. Пигулевской. Палест. сборник, 4 (67), 1959.

²² Procopii De bello Persico. Opera omnia, rec. J. Hauriy, v. I, Lipsiae, 1962 (далее — Procopius).

²³ Joannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831 (далее — Malala).

²⁴ Evagrii Scholastici Historia ecclesiastica, ed. J. Bidez and L. Parmentier, London, 1898 (далее — Evagrius).

²⁵ Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptorum syri, series tertia, t. III, Johannis Ephesini. Historia ecclesiasticae, parts tertia, ed. E. W. Brooks, Parisiis, 1935 (далее — Johannes Ephesinus).

²⁶ Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor, Lipsiae (далее — Theophylact. Simocatta).

²⁷ Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника о времени сасанидов. Зап. Инст. востоковедения, т. VII, М.—Л., 1939, стр. 55—78.

²⁸ Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I, Lipsiae, 1883 (далее — Theophan).

²⁹ Gregorii Turonensis Historia Francorum. MPL, LXXI.

³⁰ Michel le Syrien. La chronique, trad. par J. B. Chabot, vol. I—II, Paris, 1899—1901.

³¹ Анонимная сирийская хроника 1234 г. Перевод Н. В. Пигулевской. В кн.: Византия и Иран на рубеже VI—VII в. М.—Л., 1946, стр. 252—289.

³² Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII в., стр. 34.

³³ L'orfèvre Andronicus et son épouse Athanasie. Vie et récits de l'abbé Daniel, de scète (VI siècle). Texte grec, publié par M. L. Clugnet. Revue de l'Orient chrétien, V, N 3, Paris, 1900, pp. 370—375.

³⁴ 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Αναλέκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τ. VI. СПб., 1897 (далее — 'Αναλέκτα).

вого,³⁵ а также Лимонарь Иоанна Мосха³⁶ имеют более или менее точную дату, поэтому правомочность их использования в качестве источников не вызывает сомнений.

Особенно трудно использовать данные житий Модеста³⁷ и Мартиниана.³⁸ Время составления первого неясно. Х. Лопарев, детально исследовавший это житие, пришел к выводу, что оно не является произведением современника, а написано в более позднее время (дата не указана), когда его автор не знал о жизни Модеста, а писал о нем, взяв за образец жития других целителей.³⁹ Что касается жития Мартиниана, то его критической оценки нет ни у издавшего его А. Пападопуло-Керамевса,⁴⁰ ни у использовавшего его материал А. П. Рудакова.⁴¹

Таким образом, материалы двух последних житий могут быть использованы лишь с оговорками.

Отдельные ценные сведения содержат законодательные памятники IV—VI вв.⁴²

Из эпиграфического материала, собранного в питомном издании Л. Жалабера и Р. Мутерда,⁴³ к данной теме могут быть привлечены лишь две надписи: № 698 и № 1076. Обе они не являются в полном смысле слова эпиграфическими памятниками, так как первая (№ 698) — надпись спорного содержания — помещена на бронзовом штампе, а вторая — на известном блюде из Стума.

Источники показывают многообразие изделий из золота и серебра, бывавших в Антиохии и других сирийских центрах в доарабский период.

Серебряные пластины использовались для украшения стен и колонн.⁴⁴ В домах находились ложа из серебра (*ἀργυρά κλίνη*)⁴⁵ или отделанные серебром (*ἀργυρένδετος κλίνη*).⁴⁶ В произведениях Либания и Златоуста нередки упоминания о золотых и серебряных сосудах (*κάδος*,⁴⁷ *χρυσοῦν σκεῦος*,⁴⁸ *ἀργυρὰ σκεῦη*,⁴⁹) самого разного назначения. Один из таких сосудов (*τὰ ἐκπόματα*), стеклянный, снаружи был оправлен серебром (*τὴν ὕβελον οὕτως ἔξωθεν τὸν ἄργυρον περιβάλλουσι*).⁵⁰ В Анонимной сирийской хронике описан пирушественный стол в доме богатого эдесского горожанина

³⁵ H. Gelzer. Leontios' von Neapolis. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien. Sammlung ausgewählter kirchen- und dogmen-geschichtlichen Quellenschriften, V, Friedburg und Leipzig, 1893.

³⁶ Moschus, MPG, LXXXVII, 3, col. 2845—3116.

³⁷ Х. Лопарев. Подвиги св. Модеста, архиепископа Иерусалимского. Памятники древней письменности, ХСІ, СПб., 1892.

³⁸ Житие и деяния Мартиниана. Палест. сборник, вып. 57, СПб., 1907 (Изд. А. Пападопуло-Керамевсом), стр. 85—114.

³⁹ Х. Лопарев. Подвиги св. Модеста... стр. 9.

⁴⁰ Житие и деяния Мартиниана, стр. 86—114.

⁴¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры, стр. 247.

⁴² Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. 2 ed. Th. Mommsen et P. Meyer, I—II, Berlin, Weidemann, 1954 (далее — СТ); Corpus juris civilis, t. III. Novellae, ed. R. Schoell et G. Kroll, Berolini 1954; K. G. Brunns und K. Sachau. Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert, Leipzig, 1880; Synodicon oriental en recueil de synodes nestoriens, ed. par J. B. Chabot, Paris, 1902.

⁴³ L. Jalabert et R. Mouterde. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, vol. I—III, Paris, 1929—1953.

⁴⁴ Michel le Syrien. La chronique, pp. 402—403, 411.

⁴⁵ Liban, VII, 8.

⁴⁶ MPG, 62, col. 98.

⁴⁷ MPG, 47, col. 508 [*κάδος* (cadus) — сосуд, которым черпали вино. Gadus были разных размеров и из различных материалов: глиняные, бронзовые, золотые, серебряные (Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. I, p. 2 (c, Paris, 1887, pp. 777—778)].

⁴⁸ MPG, 58, col. 750.

⁴⁹ Liban, XXXI, 12; MPG, 58, col. 750; MPG, 62, col. 145.

⁵⁰ MPG, 48, col. 584.

Иоанна Росфайа⁵¹ (дело происходит во времена Фоки): Иоанн „вынес утварь из золота и серебра для всякого употребления на пиршестве, так что блюда, подносы, чаши, сосуды, блюда, чаши для напитков и всякие сосуды для вина, урны...⁵² все было из серебра и золота“. Из золота и серебра изготовлялись различные туалетные приборы и сосуды для благовоний (οἱ κεράμια πιόοντες χρυσοῦ καὶ χρύτρας καὶ ἀλάβαστρα),⁵³ а также зеркала (τὸ κάτοπτρον).⁵⁴

Разнообразны были женские украшения. Златоуст обличает красавицу, которая так украшена золотом и драгоценными камнями (χρυσίου περιχειμένη καὶ λίθων), что даже названа им χρυσοφοροῦσα.⁵⁵ Следует заметить, что Златоуст несколько раз употребляет глагол χρυσοφορεῖν,⁵⁶ говоря о женщинах, украсивших себя большим количеством драгоценностей. Среди различных украшений, предназначенных для женщин (εἰς τὸν κόσμον τοῦ σώματος τοῦ γυναικείου⁵⁷), могут быть названы золотые браслеты (ψέλλια⁵⁸), ожерелья (περιδέρραια⁵⁹), серьги (χρυσία κρεμάμενα ἐπὶ τῶν ὠτων⁶⁰), шейные подвески (χρυσία κρεμάμενα... ἐπὶ τοῦ τραχήλου περικείμενα⁶¹), пояса (Ζώνη χρυσή⁶²); у Иоанна Златоуста находим упоминание перстней (δακτύλοι) с изображением на щитке (ἐν σφενδόνας⁶³) известного антиохийского епископа Мелетия.⁶⁴

Этот же автор описывает дорогую конскую сбрую, позолоченные уздечки (ὁ τοῦ ἵππου χαλινὸς ἀλείφεται πολλῶ τῷ χρυσοῦ⁶⁵), которые предназначались для того, чтобы „мула или лошадь украсить золотом“ (ἡμίονον ἢ ἵππον τῷ χρυσοῦ κατακοσμεῖσθαι⁶⁶).

Производство художественных изделий из бронзы почти не нашло отражения в источниках. Последние не содержат сведений, которые бы позволили утверждать, что ремесленники-медники, которые упоминаются у ряда авторов (Либаний, Златоуст, Феодорит Киррский),⁶⁷ изготовляли какие-либо художественные вещи. Совершенно особую категорию составляют бронзовые изваяния (πτήλη χαλκῆ), украшавшие улицы сирийских городов.⁶⁸

В ряде крупных центров на территории Сирии изготовлялось оружие. Так, в Антиохии, Эдессе и Дамаске были основаны еще Диоклетианом оружейные „фабрики“. ⁶⁹ Как явствует из кодекса Феодосия, на антиохийской фабрике изготовлялось (и что для данной темы особенно важно) не только боевое, но и парадное оружие.⁷⁰ Существовала особая категория мастеров, называемая barbaricarii, которые в золоте и серебре

⁵¹ Анонимная сирийская хроника 1234 г., стр. 259.

⁵² Урна — самое первое значение этого слова отнюдь не сосуд, хранящий прах, а сосуд для черпания, кружка, кувшин. См.: E. Pottier. Urna; Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire... t. 5 (T—Z), Paris, pp. 604—605.

⁵³ MPG, 62, col. 349

⁵⁴ MPG, 47, col. 508; M. Berthelot, pp. 233—234.

⁵⁵ MPG, 62, col. 259—260.

⁵⁶ MPG, 58, col. 786; MPG, 62, col. 100.

⁵⁷ MPG, 59, col. 342.

⁵⁸ MPG, 54, col. 653; Житие и деяния Мартинаана... стр. 87.

⁵⁹ MPG, 54, col. 653.

⁶⁰ MPG, 62, col. 145.

⁶¹ MPG, 62, col. 145.

⁶² MPG, 62, col. 100.

⁶³ Σφενδόνη — специальный термин для щитка перстня или гнезда для камня. По всей вероятности, речь идет о металлических перстнях с геммами, воспроизводившими св. Мелетия.

⁶⁴ MPG, 50, col. 516.

⁶⁵ MPG, 60, col. 491.

⁶⁶ MPG, 62, col. 259.

⁶⁷ Liban, XV, 77; MPG, 48, col. 986; 49, col. 42; Theodoret, I, 22.

⁶⁸ Malala XIII, pp. 318, 339; XVI, p. 399.

⁶⁹ Notitia Dignitatum Orient. II, 18 ff; Malala XII, p. 307—308.

⁷⁰ СТ, X, 22, 6.

воспроизводили на оружии рисунок, напоминающий вышивку.⁷¹ На этой фабрике изготовлялись также шлемы и забрала, позолоченные и посеребренные (*cassidas totidemque bucculas... tegerent argento et deaurarent*⁷²).

Из приведенного материала, несмотря на отрывочный характер сведений, все же можно получить некоторое представление об изделиях светского назначения из металла, которые бытовали в Сирии. Можно даже говорить о значительном разнообразии этих вещей — от предметов декора стен, потолка и мебели до мелких ювелирных изделий.

Источники содержат также сведения о церковной утвари из драгоценных металлов и об убранстве соборов. Это — серебряные престолы,⁷³ мощехранительницы,⁷⁴ церковные сосуды разного назначения (*τὰ ἱερὰ σκεύη, δίσκοι, ποτήρια*),⁷⁵ ставротекы,⁷⁶ кадила (*πόρωμα, θυμιατήριον*),⁷⁷ кресты.⁷⁸

По типу большого реликвария, видимо, был устроен *λεκτίκιον*,⁷⁹ „вместилще из серебра для почитания сосудов евхаристии“, упоминаемый в хронике Иешу Стилита под 496/7 г.⁸⁰ Перечисленные вещи из драгоценных металлов, употреблявшихся в византийской Сирии, позволяет отметить, что источники V—VI вв. не в меньшей мере, чем источники IV в., сообщают о бытовании таких изделий. Следует лишь заметить, что характер вещей резко меняется. Если источники IV в. в основном описывают предметы светские, то источники V—VII вв. содержат сведения преимущественно о культовых предметах. Это объясняется не исчезновением такого рода вещей (они имеются среди сохранившихся вещественных памятников), а другим характером источников для V—VI вв.: главным образом хроники и церковные истории. В последних если и даются описания каких-либо памятников, то исключительно выдающихся предметов культа, часто известных во всей империи и даже за

⁷¹ СТ, X, 22, I.

⁷² СТ, VII, 8, 8; X, 22, I.

⁷³ Эдесская хроника, стр. 92.

⁷⁴ Эдесская хроника, стр. 92; Evagrius, IV, 28; τὰ πανάγια λείψανα Σεργίου τοῦ ἀθλοφόρου μάρτυρος ἐν τινὶ τῶν ἐπιπέδικων σορῶν, κείμενα ἐξ ἀργύρου ἡμερησίως; Gregorii Turonensis Miraculorum lib. I. De gloria martyrum, cap. XIV; MPL, LXXI, col. 719—720; capsula aurea.

⁷⁵ MPG, 48, col 654; *φιάλας καὶ ποτήρια χρυσῶν... ἀνατιθέμενα τῷ θεῷ*; Theodoret, III, 12; τὰ ἱερὰ σκεύη; Socrates, VII, 21; Zacharias Rhetor, VII, 4; (перевод Н. В. Пигулевской. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 153); Michel le Syrien. La chronique, p. 411; Johannes Ephesus, V, 22.

⁷⁶ MPG, 48, col. 826; Procopius, II, 11; о крестах с древом см.: E. S. King. The Date and Provenance of a bronze Reliquary Cross in the Museo Cristiano. Memoria della Pontificia Accademia Romana di Archeologia, t. II, Roma, 1928, pp. 193, 198.

⁷⁷ *πόρωμα* — термин дан у Иешу Стилита в сирийской транскрипции. Н. В. Пигулевской переводится как курильница; П. Мартемом (P. Martin. Chronique de Jesu le Stylite. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. VI, N 1, Leipzig, 1876, p. XXIX) как кадило (*encensoir fumant*), У. Райтом (W. Wright. The Chronicle of Joshua the Stylite. Cambridge, 1882, p. 22) также как кадило (*censer full of burning incense*); Evagrius, VI, 21; Анонимная сирийская хроника о времени сасанидов..., стр. 73; Ибн Русте, VII, 66, Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje (принятому благодарности Б. И. Маршаку за указание на этот источник).

⁷⁸ Moschus. MPG, LXXXVII, p. 3, 200, col. 3088—3089; X. Лопарев. Подвиги св. Модеста..., стр. 32—33.

⁷⁹ Термины *lectica, lectus, λεκτίκιον* в средневековых греческих и латинских текстах часто обозначают мощехранительницы, закрытые раки, как правило, украшенные золотом и драгоценными камнями. В древних же текстах эти термины означают лишь разного вида носилки (см. Thesaurus linguae graecae, Thesaurus Linguae latinae, Glossarium средневековой латыни, Glossarium средневекового греческого языка du Sangue). Из всех приведенных примеров это единственный случай, когда можно отметить эволюцию значения термина.

⁸⁰ Хроника Иешу Стилита, стр. 138.

ее пределами: например, ставротека в Апамее или сокровищница храма св. Сергия в Резафе. Следует учитывать также и возросшую роль церкви. Несомненно множество ремесленников работало над выполнением разного рода церковной утвари.

Приведенное перечисление указывает на многообразие вещей, бывавших в византийской Сирии. Естественно встает вопрос: идет ли речь о вещах местных, сделанных в Сирии, или о вещах привозных? Возникает и другой, более частный вопрос: что известно о производстве художественных изделий из металла в Сирии VI—начала VII в.?

Привозные вещи в Сирии действительно были. Стоит вспомнить о золотом кресте с драгоценными камнями, поднесенном в храм Сергия Юстинианом и Феодорой,⁸¹ или о серебряном кивории в церкви г. Арабиссуса, который прислал Маврикий, желая украсить свой родной город.⁸² Однако такие привозные вещи, как правило императорские дары, единичны. Основную массу перечисленных предметов, как далее будет показано, составляли изделия местного производства.

Одним из основных центров по производству изделий из металла была Антиохия. Судя по данным Либания и Златоуста, мастера-серебряники (*ἀργυροκόποι*) и золотых дел мастера (*χρυσόχοοι*) были весьма многочисленны в Антиохии. У этих авторов есть упоминания посещений мастерских серебряников или ювелиров с целью заказать какую-нибудь вещь или получить уже готовый заказ. Либаний в одной из своих речей говорит: „И раньше учителя (красноречия) являлись в мастерские серебряных дел мастеров (*τὰ ἀργυροκοπεῖα*), намереваясь заказать сосуды (*σκεῦη*), и много рассуждали с мастерами, либо критикуя изготовленное, либо показывая нечто более красивое, либо хваля быстроту исполнения, либо торопя медлящих“.⁸³ У того же автора есть чрезвычайно любопытное замечание о том, что иногда серебряных дел мастера воспроизводили на изделиях рисунок, специально выполненный для этого художником. „Он (комит Востока) был пристрастен к серебряных дел мастерству (*τῇ τέχνῃ τῇ περὶ τὸν ἀργύρον*) и, призвав этих дел мастера (*τὸν τοῦ τῶν δημιουργῶν*) и с ним живописца (*τὸν ζωγράφον*), он приказал последнему нарисовать, что он указал, а первому следовать живописцу“.⁸⁴ Или у Златоуста: „Ведь они (поклонники женщин) не отказываются передавать и сосуды (*σκεῦη*), и справляются у серебряных дел мастеров (*ἀργυροκόποις*), беспрестанно вопрошая: «Изготовлено ли зеркало (*τὸ χίτοτρον*) для госпожи? Отделали ли ковши? (*ὁ χίδος*) Отдали ли лекиф? (*τὸ ληκιδιον*)“.⁸⁵ В мастерской-лавке имелись особые места, где ремесленник обычно выставлял ювелирные изделия, изготовленные на продажу (*πρὸς τῆραι τῶν χρυσόχοων*).⁸⁶

Любопытно заметить, что один из видных вождей арианства Аэций, сириец, родом из Антиохии, в молодости был золотых дел мастером.⁸⁷

Некоторые трудности возникают с теми источниками, где серебряных дел мастера названы не *ἀργυροκόποι*, а *ἀργυροπράται*, поскольку второй термин чрезвычайно многозначен.⁸⁸ Лишь привлекая другие данные исполь-

⁸¹ Theophylact. Simocatta, V, 13.

⁸² Johannes Ephesinus, V, 22.

⁸³ Liban, XXXI, 12.

⁸⁴ Liban, XXVIII, 18.

⁸⁵ MPG, 47, col. 508.

⁸⁶ MPG, 62, col. 260.

⁸⁷ Socrates, MPG, 67, II, 35.

⁸⁸ Это и серебряных дел мастер, и продавец серебряных вещей, и меняла, и банкир. Собрание различных толкований этого термина см.: И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, стр. 27, прим. 98. Любопытно отметить, что термин „аргиропрат“ в книге Эпарха применяется только к ювелиру и торговцу ювелирными изделиями, а термин *ἀργυροκόπος* не употребляется вообще (М. Я. Сюзюмов. Византийская книга Эпарха. М., 1962, стр. 127).

зуемого текста, можно определить, в каком качестве в данном конкретном случае выступает лицо, названное аргиропратом. Следует принять во внимание, что ювелиры, имея дело с большими ценностями, были людьми богатыми. За всякого рода сосудами, естественно, могли обращаться к ним, и термин *ἀργυροπράτης* уже с самого начала мог стать синонимом банкира, ростовщика и менялы.⁸⁹ Но для обозначения „чистых“ ростовщиков употреблялись специальные термины: *τραπεζῖται*, *καταλλάκται*.⁹⁰

В житии антиохийских ювелиров Андроника и Афанасия⁹¹ об Андронике сказано, что он был *ἀργυροπράτης* (или *ἦν ἀργυροπράτης τὸ ἐπιτήδευμα* — по тексту Синаксария). Из текста жития явствует, что речь идет о ремесленнике, работавшем в мастерской (*τὸ ἐργαστήριον*) и использовавшем доходы от своего ремесла (*τὰ τοῦ ἀργυροπρατείου*) для его дальнейшего развития (*εἰς λόγον τοῦ ἐργαστηρίου*). Если принять во внимание, что Андроник был женат на дочери аргиропрата, то напрашивается вывод о профессиональной связи между мастерами одной профессии⁹² и о наличии многих мастерских серебряных дел мастеров в Антиохии.

Выше уже упоминалось о создании Диоклетианом в Антиохии, Эдессе и Дамаске оружейных „фабрик“ и о некоторых группах мастеров (*barbaricarii*), работавших на этих предприятиях и владевших художественными приемами обработки металла.⁹³ Антиохийская оружейная фабрика упоминается и в кодексе Феодосия не только в законах IV в.,⁹⁴ но и V в.⁹⁵ Данные законоположения кодекса Феодосия входят затем в кодекс Юстиниана.⁹⁶ Это указывает на то, что фабрика функционировала и в VI в. Таким образом, письменные источники сообщают о деятельности одного из крупнейших в империи предприятий, связанных с обработкой металла на протяжении IV—VI вв. Ко времени правления императора Анастасия в хронике Иоанна Малалы относится любопытное сообщение. В Антиохии появляется некий Иоанн Истмей, которого Малала называет *χειμευτής*⁹⁷ (алхимик, подделыватель⁹⁸).

Приехав в Антиохию, он начинает ходить по мастерским серебряных дел мастеров (*τὰ ἀργυροπράτεια*) и продавать мастерам части, обломки якобы золотых статуй. Мастерам он говорит, что нашел клад, где были все эти вещи. Оставаясь неразоблаченным, Иоанн Истмей переезжает в Константинополь, где наносит большой вред серебряных дел мастерам (*ἀργυροπράταις*), пока об этом не становится известно Анастасию. Даже если предположить, что сообщение хрониста носит легендарный характер и Иоанн Истмей никогда не существовал, то, несомненно, было много безымянных подделывателей. Явное доказательство этому — сирийские алхимические трактаты VI—IX вв. Кроме того, данное сообщение вполне определенно располагается и в пространстве, и во времени: дело происходит в Антиохии, затем в Константинополе, время — конец правления Анастасия.

Таким образом, источники IV—V и начала VI в. указывают на существование в Антиохии производства золотых и серебряных изделий:

⁸⁹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры... стр. 152—153.

⁹⁰ С. Butler. The Lausiac History of Palladius. Cambridge, 1904, pp. 25—26.

⁹¹ L'orfèvre Andronicus et son épouse Athanasie, pp. 370—371.

⁹² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры... стр. 151; об известной организации, существовавшей в ремеслах, связанных с обработкой металла, см.: Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город... стр. 146.

⁹³ Это была категория мастеров, прикрепленная к фабрике и не имевшая права работать на стороне.

⁹⁴ СТ, X, 22, I.

⁹⁵ СТ, VII, 8, 8, X, 22, 6.

⁹⁶ С. Iust. II, 10, 1; II, 10, 2; II, 10, 3; II, 10, 4.

⁹⁷ Malala XVII, p. 395; ср. Theophan, a. 5999, p. 150.

⁹⁸ E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods, s. v.

упоминаются как мастерские, так и отдельные мастера.⁹⁹ Разнообразие золотых и серебряных изделий, бытовавших в Антиохии, о чем сообщалось выше, лишь подкрепляет эти данные.

Другим центром, славившимся своими ремесленниками,¹⁰⁰ была Эдесса. В этом городе существовала основанная Диоклетианом фабрика. В Эдессе было кому заказать дорогую утварь и украшения: в Эдесской хронике под 440 г. упоминается стратилат Анатолий, который велел изготовить ларец для мощей, или в хронике Иешу Стилита под 496 г. — епископ Мар Кир, который побуждает горожан сделать *λεκτήριον* из серебра.¹⁰¹ Источниками также приводятся данные о разнообразной золотой и серебряной утвари¹⁰² и о богатом убранстве церквей.¹⁰³

Значительно реже упоминается источниками Амида. *χειμευτής* Иоанн Истмей был родом из этого города¹⁰⁴ (*ἀνὴρ . . . ὄν ἀπὸ πόλεως Ἀμιδῆς*), где, возможно, до переезда в Антиохию занимался своим ремеслом. Хотя прямых сведений в источниках о мастерских ювелиров и серебряных дел мастеров в Амиде у нас нет, однако довольно большое число упоминаний изделий из золота и серебра в этом городе у Сократа и Захарии Ритора позволяет предполагать, что мастера упомянутых выше профессий существовали в этом городе.¹⁰⁵

О других городах сообщения источников предельно кратки, но, что любопытно, относятся они все к VI—началу VII в. Так, в житии Анастасия Перса в Гиераполе упоминается некий серебряных дел мастер (*τινὰ χριστιανὸν Πέρσην, ἀργυροκόπον τὴν τέχνην*),¹⁰⁶ имевший мастерскую в этом городе и связанный со своими коллегами по профессии в других городах, например в Иерусалиме. Житие Иоанна Милостивого — источник приблизительно того же времени, что и житие Анастасия Перса, также упоминает в Иерусалиме мастерскую серебряных дел мастера (*ἀργυροκόπος*), который покупал раба у приехавшего из Константинополя нотариуса.¹⁰⁷ В Лимонаре Иоанна Мосха в Низибисе упоминается серебряных дел мастер (*ἀργυροπράτης*).¹⁰⁸ Относительно Апамеи и Сергиополя у нас нет свидетельств источников о существовании в этих городах мастерских по изготовлению золотых и серебряных изделий, но лишь описание предметов, бытовавших там.¹⁰⁹

Приведенные данные источников, к сожалению, не отличаются полнотой. Тем не менее они позволяют показать существование на территории Сирии самостоятельного производства изделий из золота и серебра и даже выделить отдельные центры (Антиохия, Амида, Эдесса, Гиераполь, Низибис).

Что же касается существования производства художественных изделий из металла в Сирии VI в., то данные источников позволяют решить вопрос этот положительно. Следует лишь отметить, что эти данные относятся в основном к началу VI в. (Малала) и к концу VI—началу VII в. (Жития Анастасия Перса и Иоанна Милостивого и Лимонарь Иоанна Мосха). Таким образом, нет оснований для отрицания произ-

⁹⁹ Возможно, одному из них принадлежал бронзовый штамп с надписью *Ζηροφίλου αρ.*, происходящий из северной Сирии, возможно Антиохии. L. Jalabert et R. Mouterde. . . № 1076. Если только *αρ* — *αρ* (*αργυροκόπος*), а не *αρ* (*αυτοκόπος*).

¹⁰⁰ Н. В. Пигулевская. Хроника Иешу Стилита, стр. 41—44.

¹⁰¹ Эдесская хроника, стр. 92; Хроника Иешу Стилита, стр. 137.

¹⁰² Анонимная сирийская хроника 1234 г., стр. 259.

¹⁰³ Michel le Syrien. La chronique, pp. 402—403, 411.

¹⁰⁴ Malala XVI, p. 395.

¹⁰⁵ Socrates, 67, VII, 21; Zacharias Rhetor, VII, 4 (Н. В. Пигулевская. Сирийские источники. . . , стр. 153).

¹⁰⁶ Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀναλέκτα. . . , стр. 130—131.

¹⁰⁷ H. Gelzer. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen. . . , S. 44.

¹⁰⁸ Moschus, MPG, LXXXVII, 3, col. 3060—3061.

¹⁰⁹ Procopius, II, 11; Evagrius, IV, 28.

водства изделий из золота и серебра в Сирии VI в. В этой связи любопытно отметить, что алхимические трактаты — компиляцию рецептов античных алхимиков, составленную в византийское время,¹¹⁰ начали переводить с греческого на сирийский именно в VI в.¹¹¹ Рецепты изготовления различных сплавов декоративного назначения указывают на значительное развитие художественной обработки металла у сирийцев. Вот некоторые из них. В анонимном трактате Кембриджской рукописи описан сплав, который годится для изготовления „золотых“ украшений и сосудов. Этот сплав состоял из золота и хризокала (сплав меди и цинка), сплавленного затем с другим составом, который изготовлялся из серебра, красной меди, свинца, серы и уксуса.¹¹²

В упомянутом трактате дается и другой рецепт подделки золота: „Возьми листы олова, погрузи их в уксус и квасцы, покрой их каким хочешь клеем. Затем добавь шафран и соответствующим образом помешай. Поставь вымачиваться в сафлоровой воде и в уксусе. Помести на легкий огонь древесных опилок, до тех пор пока масса не станет однородной. Пока она теплая, разрежь ее на пластины, они примут цвет золота. Не клади земляничный сок (*memecylon tinctorum*), так как он мешает в работе“.¹¹³

Рецепт золочения, описанный в этом же трактате, состоял в следующем: „Листы золота превращают в порошок с добавлением каустической соды и уксуса, сгущают с помощью пемзы. Если это медная ваза, то ее нужно потереть квасцами, без чего позолота не будет держаться“.¹¹⁴ Приготовление состава, которым можно было бы „выполнить живопись черным на золотой вазе энкаустическим способом“, состояло в следующем: „Серебро, красная медь и свинец, сплавленные вместе с добавлением серы, сгущают уксусом и подогревают на углях“.¹¹⁵ Здесь же описывается состав, которым можно писать золотыми буквами на вазах и статуях,¹¹⁶ или другие составы, которыми можно писать черными буквами на медном сосуде,¹¹⁷ серебряными буквами на меди,¹¹⁸ делать золотой рисунок на пурпурной коже.¹¹⁹

В сирийской книге Зосимы дается рецепт изготовления серебряных зеркал и их полировки.¹²⁰

Источник освещает еще один вопрос, важный для выяснения путей проникновения восточных влияний в византийское искусство.

Сирийские мастера по металлу работали не только в указанных центрах, но и за пределами Сирии. В Лимонаре Иоанна Мосха¹²¹ говорится об одном сирийском ювелире, который, взяв драгоценные камни и жемчуг (*ἔργων λίθους πολυτίμους καὶ μαργαρίτας*), отправляется в чужую страну, чтобы там заниматься своим ремеслом (*θέλων ἀπελθεῖν καὶ πραγματευεσθαι*). В другом месте у того же автора говорится о двух братьях-сирийцах, серебряниках по ремеслу (*ἀργυροπράται Σύροι*), которые имели мастерскую

¹¹⁰ M. Berthelot, pp. 1—18.

¹¹¹ Трактаты переводились частично между VI—VII вв., частично между VII—IX вв. Тогда же были добавлены и некоторые рецепты, имевшие распространение в Сирии (Н. В. Пигулевская. Сирийская алхимическая литература средневековья, стр. 331, 339—341).

¹¹² *Traité de Zosime, de Démocrite et autres*, ed. M. Berthelot, p. 206.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, стр. 208.

¹¹⁶ Там же, стр. 203—204.

¹¹⁷ Там же, стр. 208.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, стр. 233—234.

¹²¹ Moschus, MPG, LXXXVII, 3, cap. 203.

(τὸ ἀργυροπράσιον) в Константинополе.¹²² Из Антиохии в Константинополь приезжает уже упоминавшийся Иоанн Истмей.¹²³ Возможно, таким же приехавшим в Константинополь сирийцем был и аргиропрат Сергей, имя которого упоминается в посвянительной надписи на блюде из Стума, сделанном в Константинополе, но в традициях сиро-палестинского искусства: ὕπερ εὐχῆς καὶ(αἰ) σωτηρίας Σεργίου τοῦ ἀργυροπράτου καὶ(αἰ) ἀνπλασθεως Μαρίας τῆς αὐτοῦ συμβίου καὶ(αἰ) τῶν αὐτῶν γυναικῶν.¹²⁴

Обширный эпиграфический материал IV—VI вв. свидетельствует о наличии сирийских мастеров на Дунае¹²⁵ и Балканах.¹²⁶ Особенно значительными были сирийские колонии на Западе, в Италии и Галии.¹²⁷ О большой сирийской колонии в Орлеане и об изделиях из металла, привезенных с Востока в Галию, сообщает Григорий Турский.¹²⁸

Сирийские мастера были не только в Константинополе и разных центрах Западной Европы. Целые корпорации сирийских мастеров — несториан, связанных с художественной обработкой металла, существовали в Иране в VI в. Об этом свидетельствуют подписи главы мастеров серебряников, главы ювелиров и главы ремесленников, связанных с обработкой других металлов, которые были поставлены под деяниями несторианского собора 544 г.¹²⁹

Все приведенные данные о сирийских мастерах серебряниках и ювелирах за пределами Сирии относятся к VI—началу VII в. (Малала, Григорий Турский, Иоанн Мосх). Хотя наличие сирийских мастеров на Западе известно уже с первых веков нашей эры,¹³⁰ но, видимо, в VI в. выезд мастеров за пределы страны становится более частым. Это находит объяснение в политической истории Сирии VI в. Тем не менее, как выше было показано, мастерство художественной обработки металла в Сирии в это время не угасает.

Наличие мастерских ювелиров и серебряных дел мастеров в разных городах Сирии, специально разработанная технология, которой пользовались сирийские мастера (алхимические трактаты), чрезвычайное разнообразие различных изделий из металла — все это указывает на высокое развитие художественного ремесла. Мастерство художественной обработки металла в Сирии VI в., несмотря на неблагоприятную политическую ситуацию, не угасает. В VI в. меняется лишь характер упоминаемых источниками предметов.

Особо следует отметить, что сирийские мастера работали и за пределами своей страны, следовательно, они могли быть распространителями тех технических приемов, стиля и иконографии, которые были выработаны в Сирии.

¹²² Moschus, MPG, LXXXVII, 3, cap. 188.

¹²³ Malala XVI, p. 395; ср.: Theophan., a. 5999, p. 150.

¹²⁴ L. Jalabert et R. Mouterde. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, II. Paris, 1939, p. 380, N 698.

¹²⁵ J. Dobiasz. Les Syriens dans le bassin du Danube. Budluy Sbornik, Prague, 1928, pp. 15—46.

¹²⁶ V. Velkov. Kleinasiaten und Syrer in den Balkangebieten während der Spätantike (IV—VI Jh.) Études historiques à l'occasion du XIIe congrès international des sciences historiques. Vienne, août—septembre 1965. Sofia, 1965, pp. 19—30.

¹²⁷ L. Bréhier. Les colonies d'Orientaux en Occident au commencement du moyen-âge. Byzantinische Zeitschrift, XII, Leipzig, 1903, SS. 1—39.

¹²⁸ Gregorii Turonensis Historia Francorum, MPL, L. XXXI, VIII, 1; там же, col. 371; Gregorii Turonensis Miraculorum lib. I; De gloria martyrum, cap. XIV, MPL, LXXI, col. 719—720.

¹²⁹ Synodicon Oriental. . . , p. 332; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв., стр. 228—229, 236; К. В. Тревер. К вопросу о ремесленных корпорациях в сасанидском Иране. Сб. „Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран“, М., 1967, стр. 157—160.

¹³⁰ Константин из Германикии в Лионе занимался ars barbaricaria (Corpus inscriptionum latinarum, t. XIII, p. 1, 1, N 1945).

TÉMOIGNAGES LITTÉRAIRES SUR L'ÉLABORATION ARTISTIQUE DES MÉTAUX EN SYRIE BYZANTINE

Le rôle de la Syrie dans la formation de l'iconographie et du style de l'art mineur byzantin est un problème discutable. Les témoignages littéraires sur l'élaboration artistique des métaux en Syrie byzantine au IVe—VIIe ss. sont d'un grand intérêt car les données des monuments archéologiques ne peuvent pas être toujours satisfaisantes pour résoudre ce problème.

La présence d'ateliers d'orfèvres qui travaillaient l'or et l'argent dans diverses villes de la Syrie (Antioche, Amide, Edesse, Hierapole, Nisibie); la technologie spéciale des artisans syriaques (les traités d'alchimie syriaque); un grand nombre de toute sorte d'objets, laïques et ecclésiastiques, qui était répandu en Syrie au IVe—VIIe ss. — tout cela réduit à la conclusion que l'élaboration artistique des métaux y était fort développée.

Les sources littéraires montrent qu'au VIe s. l'art appliqué en Syrie ne tarit pas, quoique la situation politique y était fort défavorable.

Les sources littéraires montrent aussi que les artisans syriaques ne travaillaient pas seulement en Syrie, mais qu'on les trouve or de leur pays. Ces artisans pouvaient être propagateurs des méthodes, du style et de l'iconographie, élaborés en Syrie.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

De Santos Otero, Aurelio. *Das Kirchenslavische Evangelium des Thomas.* Berlin, 1967.

В серии *Patristische Texte und Studien*, Band 6, вышла книга, посвященная исследованию церковнославянского Евангелия от Фомы, апокрифа, нашедшего особенно широкое распространение на славянских языках. Автором тщательно просмотрены все рукописи и издания текста, проведено их сравнение, в результате которого он пришел к выводу, что их основой был древнеболгарский текст, редакции которого относятся к более позднему времени, когда сербский и среднеболгарский господствовали. Древний церковнославянский текст относится к X—XI вв., является переводом с греческого, принятым в богомильской среде, в которой позднее, в XIV в., был распространен целый цикл апокрифов. Нет сомнения, что древний славянский перевод сделан с греческого, который он в ряде случаев дословно повторяет. Немногочисленные греческие фрагменты евангельского апокрифа относятся к более позднему времени, поэтому славянский текст приобретает особенно большое значение.

На стр. 37—146 дается перевод церковнославянского текста Евангелия от Фомы с подробным филологическим и теологическим комментарием, в котором автор стремится найти греческие эквиваленты славянского текста. Комментарий свидетельствует о больших, глубоких знаниях автора как в области истории христианства, так и языков греческого и славянских. Более того, на стр. 159—168 дан греческий текст, воспроизводящий сделанный De Santos Otero перевод со славянского, с привлечением немногих уцелевших на греческом фрагментов. Это несомненно удача исследователя.

В заключительной главе, посвященной проблематике, связанной с памятником, указаны черты его гностического происхождения: целый ряд терминов — „избранные“, „силы души“, „элементы“, *στοιχεῖα*, а также „типично гностически окрашенные мотивы“ (стр. 174—5), космология, мистический смысл алфавита, теория спасения (стр. 176—7). Большое место отведено Иисусу младенцу и отроку, т. е. периоду его „сокрытой“ жизни, периоду, предшествующему его учению, „явлению народу“.

Свои выводы автор связывает со свидетельством Иринея Лионского, с апокрифом из Наг-Хаммади, данными Ипполита. Коптский текст Наг-Хаммади сближает памятник с сектой наасенов, но также и с гностической литературой вообще (стр. 180, 184).

Таким образом, древнеболгарский перевод (церковнославянский) сделан с греческого не позднее XI в. в богомильской среде. Существовало древнее греческое Евангелие детства Иисуса, которое приписывалось Фоме. Наконец, свидетельства отцов церкви указывают, что эти памятники обращались в среде различных гностических групп (стр. 185—6).

К книге приложен словарь славянских слов и соответствующих греческих эквивалентов в помощь критическому аппарату.

Характер издания, глубокие знания автора, тщательный анализ одного из важных памятников раннехристианской славянской литературы и его греческого оригинала заслуживают самой высокой оценки.

Н. Пигулевская.

Νικίφορος Κ. Ἐλεόπουλος. Ἡ βιβλιοθήκη καὶ τὸ βιβλιογραφικὸν ἐργαστήριον τῆς μονῆς τῶν Σταυδίου. Ἀθήναι, 1967. Никифор К. Елеопулос. Библиотека и книгописная мастерская Студийского монастыря. Афины, 1967, 115 страниц, из них 43 — с иллюстрациями.

Изучение истории византийских мастерских письма и византийских книжных собраний издавна привлекает внимание эллинистов, по роду своих занятий обращающихся к средневековым рукописям.¹ Однако разработку темы затруднял долгое время ряд обстоятельств: рассеянность греческих средневековых рукописей по хранилищам разных стран и городов, отсутствие печатных каталогов на многие собрания греческих рукописей, наконец, недостаточная разработка отдельных сторон истории Византийской империи, в особенности ее культурной истории.

За последние годы вышел в свет ряд трудов, посвященных византийским скрипториям и библиотекам. В качестве примеров можно назвать книгу Р. Девреесса о скрипториях греческих монастырей на юге Италии,² исследование Ж. Иригуэна о константинопольском скриптории X в.,³ статью Л. Политиса о скриптории монастыря τῶν Ὁδηγῶν,⁴ И. Шевченко — о библиотеке монастыря τῆς Χώρας.⁵

Обобщающие работы о византийских библиотеках составили С. ПадOVER и В. Бурр; к сожалению, оба автора, не будучи достаточно осведомленными в истории Византийской империи и ее культуры, не могли собрать материал достаточно полно и должным образом его оценить.⁶

Среди русских ученых для изучения византийских библиотек (главным образом Афонских монастырей) много сделали архимандрит Порфирий Успенский⁷ и архимандрит Антонин Капустин.⁸

¹ См. напр.: B. de Montfaucon. Palaeographia Graeca sive de ortu et progressu litterarum. Parisiis, 1708, liber septimus; Fr. Eckard. Uebersicht der Oerter wo die bekanntesten griechischen Schriftsteller gelebt haben, und Grundlage zur Geschichte der Bibliotheken. Giessen, 1776; P. Batiffol. L'abbaye de Rosano. Paris, 1891.

² R. Devreesse. Les manuscrits grecs de l'Italie Méridionale (Histoire, classement, paléographie). Città del Vaticano, Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1955 (-Studi e Testi, 183).

³ J. Irigoien. 1) Pour une étude des centres de copie byzantins. Scriptorium, XII (1958), pp. 208—227; XIII (1959), pp. 178—209; 2) Un groupe de manuscrits du scriptorium impérial (X siècle). Revue des études grecques, 73 (1960), pp. XXIX—XXX.

⁴ Л. Политис. Eine Schreiberschule im Kloster τῶν Ὁδηγῶν. Byzant. Zeitschrift, 51 (1958), SS. 17—36, 261—287.

⁵ Ihor Ševčenko. Observations sur les recueils des Discours et des Poèmes de Th. Métochite et sur la bibliothèque de Chora à Constantinople. Scriptorium, V (1951), pp. 279—288.

⁶ V. Burr. Der Byzantinische Kulturkreis. Sonderabdruck aus: Handbuch der Bibliothekswissenschaft. 2. Aufl. Bd. III: Geschichte der Bibliotheken. Wiesbaden, Harrassowitz, 1953, Ss. 146—187; S. K. Padover. Byzantine Libraries. В кн.: J. W. Thompson. The Medieval Library. Chicago, 1939, pp. 310—329. См. также рецензию на очерк Бурра, написанную О. Фольком (O. Volk, BZ, Bd. 48, 1955, SS. 376—380).

⁷ См. его работы: Восток христианский. История Афона. Части 1—3. Киев и СПб., 1877—1892; Восток христианский. Афон. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Части 1—2. Киев и М., 1877—1881; Второе путешествие по св. Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861 и описание скитов Афонских. М., 1880; см. также дневники Порфирия под названием: Книга бытия моего, I—VIII. СПб., 1894—1902. О Порфирии см.: М. А. Коростовцев, Э. И. Ходжа. Востоковедная деятельность Порфирия Успенского. В сб.: Ближний и Средний Восток, М., 1952,

В годы Советской власти рукописными собраниями греческих монастырей более других авторов занимались В. Н. Бенешевич, написавший историю библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае с XVII в. до 1927 г.,⁹ и М. Н. Сперанский, которого интересовали библиотеки и скриптории Синая и Палестины как центры славянской письменности.¹⁰

Итак, труд Елеопулоса посвящен важной и усиленно разрабатываемой теме, тем более что в нем идет речь об одном из наиболее известных византийских скрипториев.

Книга состоит из введения (под названием „Духовная жизнь в Студийском монастыре“), вкратце раскрывающего историю Студийского монастыря и его роль в истории византийского монашества, второй главы — о библиотеке монастыря и его скриптории и третьей главы, содержащей 40 снимков из рукописей студийского происхождения и несколько других снимков.

Книга прекрасно издана; воспроизведения миниатюр наивысшего качества (как черно-белые, так и в цвете); в конце помещено резюме на французском языке.

Во введении автор указывает использованные им источники и пособия; к сожалению, тут бросается в глаза незнакомство Елеопулоса с русской литературой вопроса; им не названо ни одно русское сочинение, касающееся Студийского монастыря или его рукописей.¹¹

Значительную часть второй главы составляют правила Феодора Студита касательно обязанностей библиотекаря; к сожалению, правила эти не комментируются. Нельзя не возразить автору в его предположении о размерах Студийской библиотеки (стр. 16). Утверждение Елеопулоса, что число книг должно было приблизительно соответствовать числу монахов, т. е. достигать нескольких сотен, представляется сомнительным. Число монахов не дает оснований для определения размеров библиотеки.

Я полагаю, что Студийская библиотека была одной из крупнейших монастырских библиотек в Византии, но каковы были ее размеры, об этом можно только гадать.

стр. 121—130. См. также мою статью: Греческие рукописи Гос. Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В кн.: Труды Гос. публичной библиотеки, т. II (V), Л., 1957, стр. 212—216.

⁸ О нем см.: А. А. Дмитриевский. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архим. Антонин Капустин. Оттиск из „Сообщений имп. Православного палестинского общества“ за 1904 г., XV, вып. 2, СПб., 1904; С. И. Пономарев. Памяти архим. Антонина. Труды Киевской духовной академии, 1894, ч. 3, стр. 636—648 (имеется список трудов Антонина).

⁹ V. N. Bénéchévitch. Les manuscrits grecs du Mont Sinaï et le monde savant de l'Europe depuis le XVIIe siècle jusqu'à 1927. Athen, 1937 (Texte und Vorschungen zur Byzantinisch-Neugriechischen Philologie, N 21).

¹⁰ М. Н. Сперанский. Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. Изв. Отд. русского языка и словесности, т. XXXII, 1927, стр. 43—118; также см.: И. Дуйчев. Центры Византийско-славянского общения и сотрудничества. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIX. М.—Л., 1963. стр. 107—129.

¹¹ Напр.: А. П. Доброклонский. Препод. Феодор исповедник и игумен студийский. Части 1 и 2, вып. 1, Одесса, 1913—1914; Б. М. Мелиоранский. Перечень византийских грамот и актов. Зап. Академии наук по ист.-фил. отд., т. IV, № 5, СПб., 1899; Г. Ф. Церетели. Палеографические этюды. I. Порфириевское Четвероевангелие 835 года. Журнал министерства народного просвещения, н. с., ч. LVII, 1915, май—июнь, стр. 271—282; G. Cereteli. Wo ist das Tetraevangelium von Porphyrius Uspenski aus dem Jahre 835 entstanden? BZ, IX, 1900, SS. 649—653. Только на стр. 13, в списке литературы, Елеопулос указывает книгу: Itinéraires Russes en Orient. Trad. par M-me Khitrovo. Genève, 1889; из этой книги автор почерпнул сведения о Студийском монастыре, содержащиеся в „Хождениях“ русских паломников (см. стр. 48). Следует особенно пожалеть, что Елеопулос не знаком с книгой Мелиоранского, где имеются наблюдения о писцах-студитах (в частности, о самом из них знаменитом Николае Исповеднике), а также об архиве Студийского монастыря.

В центральной части исследования — о студийском скриптории — отдельные параграфы посвящены значению этого скриптория, писемному материалу, чернилам и орудиям письма, записям писцов и хронологии. Орнамент и миниатюры рукописей студийского происхождения, разлиновка листов, переплеты не привлекли внимания Елеопулоса.

В этих параграфах мало сказано о характерных особенностях именно студийских кодексов. Некоторые наблюдения сделаны только относительно записей студийских писцов; отмечены также крестики, которые ставились на верхнем поле листов и являются отличительным признаком кодексов, написанных в студийском скриптории.

Очень мало сказано о минускуле, не разобраны достаточно обстоятельно условия возникновения этого письма в Византии, происхождение которого связано несомненно со скрипторием Студийского монастыря.¹²

На стр. 35—36 помещен перечень известных автору рецензируемой книги кодексов, написанных писцами-студитами; из этих кодексов 5 относятся к IX в., 9 — к X, 3 — к XI, 2 — к XI или к XII в., 2 — к XV в. В особую группу выделены 3 иллюминированных кодекса. Итого 24 рукописи.

Любопытно, что к числу студийских рукописей Елеопулос относит две псалтири — знаменитую Хлудовскую псалтирь (Гос. Исторический музей в Москве, № 129 А) IX в. и Псалтирь Британского музея (Add. 19352) 1066 г. Вторая из этих рукописей имеет запись, в которой по предположению некоторых исследователей (Г. Милле, А. Грабар) вычищено слово *Σταυδίου* (т. е. Студийского монастыря); Хлудовская же псалтирь причислена к студийским памятникам на основании косвенных соображений.¹³

Остается неясным, почему Елеопулос не включил в этот перечень еще 2 рукописи, принадлежность которых Студийскому монастырю была отмечена Р. Жанэн еще в 1953 г.¹⁴

Также не учтена рукопись Гос. Исторического музея в Москве, содержащая Апостольские послания в списке IX в. Рукопись эта была исследована и определена в качестве студийской американским филологом А. Диллером.¹⁵

Помимо перечисленных недостатков, нельзя не отметить и некоторые другие пробелы.

Так, автор почти не говорит о роли Студийского монастыря в годы иконоборчества, когда игуменом в нем был духовный вождь иконопочитателей Феодор Студит. Об этом, на наш взгляд, надо было рассказать или хотя бы напомнить во введении, посвященном духовной жизни студитов.

Далее, нам не представляется достаточно полным описание рукописей студийского происхождения; описание рукописей одного скриптория должно быть максимально полным, характеризовать каждую рукопись всесторонне. Таковы требования современного кодикологического исследо-

¹² Работа английского палеографа Т. Аллена на эту тему автору известна (стр. 39, прим. 4).

¹³ *Ἐλεόπουλος*, стр. 51—53. Я полагаю, что связывать обе эти псалтири со скрипторием Студийского монастыря вполне допустимо.

¹⁴ Одна из этих рукописей хранится в Ватикане, другая — в Венеции. См.: R. Janin. *La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. 1-e partie. Le siège de Constantinople et le patriarchat oecuménique. III.* Paris, 1953, pp. 444—455 (Publications de l'Institut Français d'études byzantines).

¹⁵ A. Diller. *A Companion to Uspenski Gospels*, BZ, Bd. 49, 1956, SS. 332—335; архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синадальной (Патриаршей) Библиотеки. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 83—85, № 93.

вания, на основании которых могут быть выявлены и другие памятники того же происхождения. Образцы такого исследования рукописей даны в упомянутых выше работах Иригуэна, Политиса и Шевченко.

Итак, книга Елеопулоса не вполне отвечает требованиям современного византиноведения.

Хотя Елеопулосу известна литература вопроса на западноевропейских языках, однако уже выработанной методикой исследования рукописей он не пользуется.

Что касается русских сочинений, то незнание их автором книги понятно — *rossica non leguntur*, как сказал когда-то в подобном же случае наш русский эллинист В. К. Ернштедт; все же эта причина не может служить оправданием для игнорирования достижений русского византиноведения.

Несмотря на сделанные замечания, мы приветствуем выход в свет книги Елеопулоса: она посвящена одной из важнейших тем в изучении рукописного наследия Византийской империи и, очевидно, является лишь началом работы, которую автор намерен продолжать.

Е. Гранстрем.

Hélène Ahreweiler. *Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII—XV siècles.* Paris, 1966.

Византия как морская держава является предметом исследования проф. Елены Арвейлер, посвятившей этой теме обширную монографию (502 стр.). Книга состоит из трех частей. 1-я часть из четырех глав озаглавлена „От Исаврийцев до Комнинов. Византия против арабов“, 2-я часть из трех глав названа „От Комнинов до падения Константинополя в 1204 г. Византия между турками и латинянами“. 3-я часть „Ласкариды и Палеологи. Восток и Запад против Византии“ состоит из трех глав. Выводы (стр. 389—395) и приложения, состоящие из специальных экскурсов и текстов, приведенных в подлиннике, дополнены индексами и картой.

Арабо-византийские столкновения прослеживаются автором на обширном материале греческих источников с привлечением литературы вопроса. Нарастает военная сила арабов, которой Византия сопротивляется с трудом, в 717 г. осада Константинополя, которая побудила реорганизовать всю систему обороны империи, а с утерей Крита, захваченного арабами, начался новый этап в истории Средиземноморья (стр. 35). Для г-жи Арвейлер иконоборческое движение было лишь вторичным признаком политического и социального движения, задачей которого была консолидация сил империи, принимая во внимание особое положение Малой Азии, сельскому населению которой „была чужда эллинизованная и христианизированная“ Византия (стр. 40). Императоры иконоборцы ставили своей целью защиту Востока, иконоборческое движение прекратилось, когда исчезла „арабская опасность“. Интересна общая мысль автора, что наземная армия служила защитой восточных областей империи, а морские силы были ориентированы на запад. Этот дуализм империи сохранился до конца ее существования (стр. 41). Подробно дан анализ управления флотом и морскими базами, изменявшимися в зависимости от угрожавшей опасности в VIII и IX вв. Привлечены в качестве источников „Тактикон“ Успенского и печати морских архонтов, друнгариев, турмархов, занявших новое положение в IX в. (стр. 71—92).

В главе, посвященной „потере и реконкисте Крита и Сицилии“, уделено много внимания организации флота и дана картина его состояния в конце X в. на основании „тактикаона Ойкодомидеса“. Издатель этого военного трактата указывает на исключительную важность, которую приобрела наземная армия (стр. 118—119), флот занимает лишь скромное положение (стр. 120). В первой половине XI в. возрождение и укрепление флота империи теснейшим образом связаны с восстановлением власти Византии в Италии (стр. 122—123). Новая опасность грозила со стороны русских, корабли которых достигли Эгейского моря в 1023 г. и были отброшены. В 1043 г. вслед за вступлением на престол Константина Мономаха корабли киевского князя Владимира проникли через Босфор в Пропонтиду. Сопротивления им оказано не было; однако Константин все же решился дать бой на старых судах и лодках; едва ли он мог увенчаться успехом, если бы сильная буря и „греческий огонь“ не уничтожили русский флот (стр. 128—129). Как система управления морские фермы пришли в упадок (стр. 130—135).

В XI в. Византия достигает апогея своей силы, это в то же время и период мира (стр. 137). Середина этого века отмечена административной реформой, созданием департаментов (*secretaria*), экономической юрисдикции (стр. 141). Реформа сената направлена против аристократических родов, сенаторы могут быть избраны из любого слоя населения (стр. 143). Что касается военной реформы, то она заключалась в „фискализации“ военной обязанности, возможности выплаты за рекрута (стр. 144—146), тем более что это способствовало пополнению государственной казны и избавляло армию от враждебных „дивизии Византии“ и „православной церкви“ рекрутов чуждого им населения (стр. 147). Полученные деньги позволяли перейти к системе наемников в византийской армии, воинов по ремеслу. По мнению автора, эта политика значительно ослабила военный потенциал Византии (стр. 149—151). Значительно ослаблена была и военная организация провинций, так как подати стали главнейшей обязанностью администрации (стр. 153). В это же время особое значение как морская флотилия, подготовленная для военных действий, приобретает *basilicon dromonion*. Но существуют суда, составляющие эскадры, которые стоят в той или иной провинции (стр. 155—163). Военная граница империи значительно увеличилась с захватом Болгарии, Киликии, Сирии, Армении и Сицилии, в то же время значительно было ослаблено ее влияние в Италии. Но контроль восточной части Средиземного моря был в руках Византии, возникают и укрепляются порты по ее побережьям, особенно большое значение приобретают городские центры Малой Азии (стр. 165, 168). Следует отметить и рост торгового флота (стр. 169). Автор делает существенный вывод общего характера, что Византия, одушевленная постоянно идеей римской политики, натолкнулась на претензии христианских государств Запада и „повернулась (лицом) к этой части мира“ и пренебрегла исторической реальностью положения в азиатских провинциях, которые были „действительной базой византийского государства“ (стр. 170).

Конец XI и начало XII в. отмечены для империи движением норманнов, захватившими Эпир, в столкновении с которыми имперский флот показал свою слабость (стр. 181). Тюрки-сельджуки в то же время наводнили всю Малую Азию. В Эгейском море один из их вождей Тзгас со своим флотом имел „потрясающий успех“ (стр. 184), им положили предел морские победы Алексея Комнина (стр. 184, 186). Автор справедливо указывает на значение византийского флота в борьбе с тюрками (188), на трудность положения с появлением крестоносцев, — трудность, которую империя стремится ослабить постройкой сильного флота (стр. 192, 194, 197). Военные играют роль правителей провинций, *katepano* объе-

диняет их гражданское и военное управление (стр. 199). Византийская армия, в том числе и морская, состоит из наемников (стр. 206), она в значительной мере напоминает армию эпохи Юстиниана, солдаты оплачиваются казной, пополнение которой производится в XII в. несколько иначе, чем в протовизантийский период (стр. 211). Основное войско находится на государственной оплате, вспомогательные и местные отряды находятся на оплате из местного бюджета провинции (стр. 215).

К началу XII в. византийцам удается стать крепко в Малой Азии, очистив ее от сельджуков (стр. 227), но военные действия не замирают, а „присутствие латинян на Востоке положило начало новой эре в морских сношениях Запада и Востока“ (стр. 229). Но при Иоанне II Комнине назревает новое опасное соперничество — усиление венецианского флота (стр. 231). Мануил I, не считаясь с реальной обстановкой, ставил себе задачи мирового господства (стр. 233), но построенный им флот не был в силах вести борьбу ни с силами 2-го крестового похода, ни с норманнами (стр. 241—251). Подробно и интересно анализирует автор отношения Византии и Венеции, экономическое соперничество и значение „морской республики“, с ней было заключено соглашение, которое неоднократно нарушалось (стр. 255—263). Продолжается непрерывная борьба за „талассократию“ на Средиземном море; но успехи Мануила I непрочны, призрачны (стр. 269). Тяжелое положение Византии, восстания, династийные споры, участие во всем этом флота, появление большого числа пиратских кораблей в морях (стр. 280—291) — все это создает представление о неизбежности падения Византии и взятии Константинополя в 1204 г. крестоносцами (стр. 292—297).

В 3-й части монографии автор рассказывает о тяжелых усилиях, которые Никея делает, чтобы утвердиться, отвоевать свое относительное господство и уберечь себя с моря и с суши (стр. 301—327). 2-я глава этой части посвящена „восстановлению империи“, в котором, по мнению автора, большую роль сыграла реконструкция флота (стр. 336—340). И последующие страницы показывают, как велико было значение морских сил для Византии, что именно в них была ее опора. Генуя оказала поддержку Константинополю, что вызвало активное неудовольствие Венеции (стр. 344—345), и только в 1268 г. Византия пришла к некоторому соглашению с республикой (стр. 349). Последняя, 3-я глава третьей части — „Отказ от флота и угасание Византии“ — раскрывает с еще большей полнотой мысль г-жи Арвейлер, что Византия была морской державой, ее мощь зависела от сохранения господства на водах, с потерей флота, с пренебрежением к его военной силе невозможно было и дальнейшее существование этой великой средневековой державы (стр. 374, 382). Выводы кратко повторяют те положения, которые были развиты автором в предшествующих главах (стр. 389—395).

В приложениях даны интересные экскурсы о составе флотилий, о форме кораблей, об арсеналах, важнейшие тексты приведены на греческом языке — это документы, фрагменты из греческих и латинских историков. Отдельно дан индекс греческих терминов и имен собственных.

Труд проф. Елены Арвейлер — большая, серьезная, документированная работа, написанная живо, интересно, она увлекает читателя. Превосходное знание греческого языка, который является родным языком автора, создает возможность живой интерпретации, точного понимания. Книга проникнута любовью к теме, к предмету исследования, к самой Византии, в серии „Bibliothèque byzantine“ она занимает достойное место.

Как в каждом исследовании, остаются, однако, вопросы, которые было бы желательно больше осветить, уделить им должное место. Так, автор не нашел возможным дать характеристику людскому составу, обслуживающему корабли, ведь нельзя оставить без ответа вопрос о том, из какой

среды вербовались эти „наемники“ византийской армии, когда рекрутский набор был заменен налогом. Кто же были эти солдаты и матросы, „воины по ремеслу“? Невольно напрашивается и вопрос, чем было вызвано и откуда появилось такое количество „пиратских кораблей“, которые в отдельные периоды в сильнейшей степени препятствовали мореплаванию. Думается, что не всегда можно провести резкое различие между коммерческим и военным судном, они часто совмещали эти функции. Инициативу постройки судов, организации флотилий, усиления морской обороны не всегда можно приписывать тому или другому императору, эта инициатива исходила от целых социальных слоев, зависела от общественных группировок.

Высказанные пожелания ни в какой мере не уменьшают значимости, весомости большой и интересной работы проф. Арвейлер, за которую историки различных специальностей, а византилисты особенно, обязаны ей благодарностью.

Н. Пигулевская.

M. Höfner. *Sabaeica. Bericht über die archäologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien von Carl Rathjens. III. Teil.* Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg, XXVIII, Hamburg, 1966, 56 стр.

Монография М. Хёфнер завершает издание археологических и эпиграфических материалов, собранных К. Ратьенсом во время его путешествий по Йемену в 1931, 1934 и 1937 гг.¹ Таким образом, материалы К. Ратьенса стали первым собранием южноарабских древностей, получившим полное научное описание, которое включает характеристику места и обстоятельств находки и археологическое описание объектов, что значительно увеличивает ценность обнаруженного эпиграфического материала.

Работа М. Хёфнер посвящена публикации надписей и включает 160 текстов, сгруппированных по местам находок: 'Амран (№№ 1—13), Гайман (№№ 14—31), Шибам ал-Каукабан (№№ 35—54) и Сан'а (№№ 55—69). Место происхождения остальных надписей неизвестно.

Некоторое число надписей, обнаруженных К. Ратьенсом, было известно и ранее по различным публикациям; в этих случаях М. Хёфнер сообщает данные о предыдущих изданиях, уточняет местонахождение и палеографию текстов и вносит исправления, иногда довольно существенные, в чтение и интерпретацию надписей. В тех случаях, когда предыдущее издание основывалось на неудовлетворительной копии, даются новое чтение и истолкование текста (RES 4979, 4988, Nami 62 и т. д.).

Вновь изданные надписи, как правило, представляют собой небольшие фрагменты и не дают важных исторических данных. Тем не менее публикация в целом содержит много новых сведений о самых различных сторонах жизни древней Южной Аравии: языке, культуре, религии и социально-экономических отношениях.

Наиболее важна надпись СІН 126 (№ 42, стр. 21—26), сабейский царский декрет III—II вв. до н. э., представляющий собой единственный известный в сабейской эпиграфике уголовный закон. Эта надпись была ранее опубликована по копии довольно плохого качества и, несмотря на

¹ C. Rathjens. *Sabaeica. I. Teil. Der Reisebericht; II. Teil, Die unlokalisierten Funde.* Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg, XXIV. Hamburg, 1953, 1955.

специально посвященное ей исследование А. Бистона,² оставалась во многом непонятной. М. Хёфнер привлекла не только новую копию К. Ратьенса, но и эстампаж текста, сделанный Э. Глазером, что позволило ей дать более полный и надежный текст и убедительную интерпретацию надписи.

Надпись № 65 с посвящением Мутибна'йан послужила М. Хёфнер основанием для исследования большой группы аналогичных текстов из Харамы (стр. 31—35). Палеография текста позволяет датировать его концом графического периода А, что дает датировку и для всей группы, совпадающую и с другими имеющимися хронологическими данными.

М. Хёфнер несомненно права, когда рассматривает эти надписи, в противоположность мнению Г. Рикманса и А. Жамма, как посвящения божеству людей. Следует только отметить, что в период мукаррибов подобные посвящения были широко распространены в сабейском государстве и не ограничивались храмами в Кутале, Джидфир ибн Мунайхир и Джисват Ал Джарадан.³

Весьма интересно, что надписи из Харамы, написанные на сабейском языке, показывают многочисленные элементы, свойственные минейской эпиграфике (употребление глагола šl' „посвящать“ наряду с сабейским hqny, обозначение рода d'hI, упоминание наряду с отцом автора надписи его сына), и свидетельствуют о сильном минейском влиянии в этом городе.

Большое значение для социально-экономической истории Южной Аравии имеет надпись № 48 (стр. 26—27), закрепляющая право собственности на мавзолей за женщиной и содержащая „запретительную“ формулу w'l/t'ly.

Издание выполнено на высоком научном уровне, очень тщательно и добросовестно. Комментарий весьма подробен и дает очень большую информацию о публикуемой надписи и имеющихся параллелях. Лишь в крайне редких случаях эту информацию можно несколько дополнить. Так, надпись № 30 находится в настоящее время в музее в Сан'а и была недавно опубликована в числе надписей этого музея.⁴ Род dmrn, упомянутый в надписи № 95, может быть идентифицирован с dmrn, ветвью сабейского эпонимного рода Хазфарам, упомянутой в надписи Фа 30.

Надписи №№ 139 и 151 представляют собой непосредственно соприкасающиеся фрагменты одного текста, что ясно показывают фотографии, приводимые М. Хёфнер.

Монография М. Хёфнер вводит в науку значительный и интересный новый материал, превосходно изданный и богато прокомментированный, и сыграет большую роль в дальнейшем изучении древнего Йемена.

А. Г. Лундин.

المقتبس في اخبار بلد الاندلس تاليف ابى مروان ابن حيان القوطى
(٣٧٧-٤٦٩ هـ) تحقيق عبد الرحمن على الحجي، دار الثقافة، بيروت — لبنان [١٩٦٥]،
ص (المكتبة الاندلسية ٤) ٣٢٧-٣٦٥ + ٢٦٤-٢٤٧ + ٢٤٦-١٩ + ١٨-١١ + ١٠-٩

Займствующий известия о стране ал-Андалус. Сочинение Абу Марвана Ибн Хаййана ал-Куртубий (377—469 гг. х.). Публикация 'Абд ар-Рахмāна 'Али ал-Хаджжй. Дар ас-Сақафа, Бейрут, Ливан (1965).

² A. F. L. Beeston. A Sabaeen Penal Law. Le Muséon, 64, 1951, pp. 305—315.

³ А. Лундин. Социально-экономические данные сабейских посвятельных надписей периода мукаррибов. ВДИ, 1962, № 3, стр. 106—108, 115—118.

⁴ А. Лундин. Новые южноарабские надписи музея в Сан'а. ЭВ, XV, № 6, 1963, стр. 41—42.

После издания в 1937 г. части анналов „Китāб ал-муқтабис“ Ибн Хаййāна (987—1076) о правлении эмира ‘Абдаллāха (888—912)¹ теперь опубликована другая их часть, касающаяся правления халифа ал-Хакāма II (961—976).

Критическое издание текста осуществил иракский ученый ‘Абд ар-Рахмāн ‘Али ал-Хаджжй, специализирующийся в области дипломатических отношений кордовского халифата с христианскими государствами севера Пиренейского полуострова в X в.

Издание имеет свою предысторию. В 1888 г. Е. Фаньян, работавший в Алжире, обратил внимание находившегося там испанского арабиста Ф. Кодеры² на одну рукопись из частной библиотеки наследников Сиди Хаммуда в г. Константине под № 339. Кодера идентифицировал ее как уникальный список части хроники Ибн Хаййāна „Китāб ал-муқтабис“ и тогда же распорядился снять с него копию для библиотеки королевской Академии Истории в Мадриде. Вскоре он опубликовал статью, специально посвященную обнаруженному унику, где дал подробное описание рукописи, переписанной по данным колофона с автографа Ибн Хаййāна в 646/1249 г. в Сеуте, и коснулся хронологических рамок и содержания повествования.³ Новые данные памятника о дипломатических связях между кордовским халифатом эпохи ал-Хакāма II и христианскими государствами севера Пиренейского полуострова легли в основу его нескольких статей на эту тему.⁴ В одной из них он опубликовал три отрывка арабского текста памятника вместе с их переводом на испанский язык.⁵

В 1942 г. стало известно, что рукопись „Китāб ал-муқтабис“, хранившаяся в библиотеке Сиди Хаммуда в г. Константине, пропала;⁶ таким образом, копия, сделанная с нее по указанию Кодеры и хранившаяся в библиотеке Академии Истории в Мадриде, приобрела значение уника. Изучением этой части хроники уже по копии занялся Э. Гарсиа Гомес, рассчитывая издать ее полный текст вместе с переводом на испанский язык.⁷ В ходе исследования он опубликовал отрывок арабского текста памятника о взаимоотношениях халифа ал-Хакāма II с сословием берберских всадников, сопроводив его испанским переводом.⁸ Данные памятника по мадридской копии использовал Э. Леви-Провансаль во втором издании своей монографии „Histoire de l'Espagne musulmane“, особенно в раз-

¹ Ibn Haiyan. Al-Muqtabis. Tome troisième. Chronique du règne du calife umayyade ‘Abd Allah à Cordoue. Texte arabe publié pour la première fois d'après le manuscrit de la Bodléenne avec une introduction par le P. Melchor M. Antuña. Paris, 1937, XXII + 175.

² Ф. Кодера совершал тогда поездку по Алжиру и Тунису во главе специальной научной миссии, в задачу которой входило выявление арабских рукописей, касающихся мусульманской Испании. См.: F. Codera. Misión histórica en la Argelia y Túnez. Madrid, 1892.

³ F. Codera. Manuscrito de Aben Hayyan en la biblioteca de los herederos de Çidi Hamouda en Constantina. „Misión histórica en la Argelia y Túnez“, pp. 85—93; ср. там же, Comisión histórica en Túnez, pp. 14—15, 16.

⁴ Там же, Embajadas de príncipes cristianos en Córdoba en los últimos años de Alhaquem II, pp. 95—107; Embajadores de Castilla encarcelados en Córdoba en los últimos años de Alhaquem II, pp. 119—126; Campaña de Gormaz en el año 364 de la hegira, pp. 127—146.

⁵ Там же, Embajadores de Castilla, pp. 119—126. В издании ал-Хаджжй они занимают около 1 л.: стр. 73, строки 3—7; стр. 75, строки 20—21; стр. 76, строки 1—3; стр. 188; стр. 189, строки 1—9.

⁶ E. García Gómez. A propósito de Ibn Haiyan. Al-Andalus, XI, Madrid—Granada, 1946, pp. 411—412.

⁷ Там же, p. 416; E. García Gómez. Al-Hakam II y los beréberes según un texto inédito de Ibn Haiyan. Al-Andalus, XIII, Madrid—Granada, 1948, pp. 209—210.

⁸ Там же, pp. 209—226. В издании ал-Хаджжй стр. 189, строка 10, стр. 194, строка 3.

деле о правлении ал-Хакима II (т. II, 1950, стр. 165—196). Неоднократно сообщалось, что подготовка к изданию текста, перевода и исследования (в трех томах) завершается, что работа сдана в печать и в скором времени должна выйти в свет в Мадриде.⁹ Однако по неизвестным для нас причинам издание Гарсиа Гомеса так и не увидело света, и только в 1965 г. иракский ученый 'Абд ар-Рахмāн 'Али ар-Хаджжй издал в Бейруте один текст этой части памятника без перевода на какой-либо европейский язык.

Как можно было уже видеть в изданной ранее части „Китāб ал-муқтабис“ о правлении эмира 'Абдаллāха, труд этот создан в форме хроники с погодным изложением событий. Опубликованная ныне часть охватывает четыре с лишним года правления халифа ал-Хакима II, а именно 360—364/971—975 гг.¹⁰ В изложении событий, однако, имеются пропуски. Так, 360 г. дан неполностью — от 26 ша'бāна до середины зў-л-хиджжа (24 VI—9 X 971),¹¹ 361 г. помещен полностью — от 1 мухārрама до 10 зў-л-хиджжа (24 X 971—22 IX 972);¹² 362 г. дан неполностью — от субботы начала джумāдā II до 23 зў-л-хиджжа (15 III—24 IX 973);¹³ 363 г., начинающийся с 8 мухārрама и кончающийся 22 зў-л-хиджжа (9 X 973—13 IX 974),¹⁴ имеет пропуск в изложении за месяцы ша'бāн—рамадāн (27 IV—24 VI 974); 364 г. дан почти полностью — от 3 мухārрама до 4 зў-л-қа'да (23 IX 974—16 VII 975).¹⁵ Пропуск в изложении событий за 360 г. объясняется повреждением первых десяти листов рукописи Константины и соответственно ее копии, по которой осуществлено издание;¹⁶ пропуск событий за 362 г. вызван, как отмечает сам Ибн Хаййāн, лакуной в тексте хроники 'Йсы ар-Рāзй, которой он пользовался при составлении „Китāб ал-муқтабис“; той же причиной он объясняет пропуск за 363 г.¹⁷

Уже из самого названия произведения — „Китāб ал-муқтабис...“ (т. е. „Книга заимствующего...“) — явствует, что повествование об Андалусии строится на цитатах и заимствованиях из сочинений других авторов. Действительно, все сохранившиеся его части, в том числе и ныне изданная, основываются почти целиком на выдержках из работ предшествовавших ему испано-мусульманских историографов, ныне в большинстве своем утраченных и приобретающих поэтому на страницах труда значение первоисточников. По сути дела „Китāб ал муқтабис“ — компиляция, хотя значение Ибн Хаййāна здесь гораздо шире роли простого компилятора. Стремясь воссоздать картину арабского господства в Испании, он резюмировал все значительное, что дала предшествовавшая ему историография. Этим сводным трудом он подводил итог целой большой эпохи, как бы в предвидении близкого конца правления кордовских Омейядов.

Текст данной части почти полностью взят Ибн Хаййāном из annales официального историографа мусульманской Испании 'Йсы ар-Рāзй

⁹ См., например: Una Crónica anónima de 'Abd Al-Rahmān III Al-Nasir editada por primera vez y traducida, con introducción, notas e índices, por E. Lévi-Provençal y E. García Gómez. Madrid—Granada, 1950, Introducción, p. 19—20, прим. 7; E. Lévi-Provençal. Histoire de l'Espagne musulmane, I. Paris, 1950, p. XIV; II, p. 165—166.

¹⁰ Ал-Хаджжй неточно приводит европейское соответствие этому периоду мусульманского летосчисления как 970—974 гг. См. введение к изданию, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 19—65.

¹² Там же, стр. 66—96.

¹³ Там же, стр. 96—141. Издатель не отмечает, что 362 г. х. изложен с пропусками, см. введение, стр. 15; ср.: F. Coder a. Misión histórica, p. 90.

¹⁴ Издание ал-Хаджжй, стр. 141—194.

¹⁵ Там же, стр. 194—239.

¹⁶ Там же, стр. 16—17.

¹⁷ Там же, стр. 95—96, 155.

(ум. 379/989), как он сам это подчеркивает.¹⁸ Исключение составляют три отрывка из сочинений североафриканских авторов X в. ал-Варрақа и Ибн ал-Джаззара.¹⁹ Самому Ибн Хаййану принадлежит из 111 л. изданного текста всего около 4 л.²⁰ Таким образом, на страницах этой части „Китаб ал-муқтабис“ читатель имеет дело с анналами 'Исы ар-Рāйз, которые сохранил Ибн Хаййан.

В центре повествования — личность халифа с его окружением и хроника событий придворной жизни столицы. Частые и подробные описания пышных приемов, процессий и ежегодных мусульманских празднеств с торжественным церемониалом и правилами придворного этикета, будь то в халифском дворце в Кордове или в Мадинат аз-Захра', подчеркивают в общем мирный характер правления ал-Хакама II. Описания мусульманских празднеств дополняются отрывками стихотворений придворных поэтов-панегиристов. В картинах внешней, чисто официальной жизни двора заключены важные данные о государственном, административном аппарате, его составе и титулатуре. В текст включены выдержки официальной переписки высших сановников:

Хроника фиксирует и внешнюю политику халифата — взаимоотношения с христианскими государствами северной части Пиренейского полуострова, которые проявляются как в дипломатических связях с различной подоплекой (описание приемов многочисленных христианских посольств в Кордове), так и порой в вооруженных конфликтах (например, военные действия против Кастилии). Сложной политической обстановкой отмечена борьба за сферы влияния в Сев. Африке (Марокко) между Омейядами и Фатимидами (столкновения берберских племен Заната и Санхаджа, вассалов двух сторон, или военные действия Омейядов против Идрисидов).

Текст „Китаб ал-муқтабис“ предваряется кратким вступлением профессора Ихсāна 'Аббāса (стр. 9—10), который содействовал его напечатанию в серии „Ал-Мақтаба ал-андалусийа“. Подчеркивая важность памятника для изучения эпохи халифа ал-Хакама II, он отмечает и свое участие в подготовке к изданию — восстановление в некоторых местах списка нужного порядка листов и критические поправки к тексту.

Следующее за ним предисловие издателя 'Абд ар-Рахмāна 'Али ал-Хаджжй (стр. 11—18) состоит из трех разделов: биографии Ибн Хаййāна, обзора его работ и очерка о той части „Китаб ал-муқтабис“, которая ныне предлагается читателю. К сожалению, ал-Хаджжй не ставит здесь целью исследовать источник как таковой или показать хотя бы его значение и место в общем процессе развития арабо-испанской историографии в эпоху Омейядов. Он кратко касается хронологических рамок повествования, истории открытия рукописи Константины, дает описание ее мадридской копии и излагает, наконец, принципы, которые положены им в основу публикации.

Исходя из сообщений источников о том, что „Китаб ал-муқтабис“ создан Ибн Хаййāном в десяти частях или книгах (обычно مجلد جزء или سفر), и из того, что часть о правлении эмира 'Абдаллāха считается третьей, ал-Хаджжй пытается с учетом недостающих звеньев цепи определить изданную им часть о более позднем времени халифа ал-Хакама II как седьмую или восьмую по счету. Такое заключение, однако, кажется пока преждевременным и шатким из-за утраты или отсутствия в распоряжении исследователей большинства частей хроники.

Мадридский список отразил все несовершенства текста алжирского списка, и издателю совместно с профессором Ихсāном 'Аббāсом пришлось

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 33—38.

²⁰ Там же, стр. 189—194, 221—222.

проделать немалую филологическую работу по исправлению погрешностей и выяснению трудночитаемых мест. В связи с критикой текста в подстрочном аппарате сделаны примечания, но не всегда издатель бывает последователен: сравнение по крайней мере с опубликованными ранее Кодерой и Гарсиа Гомесом отрывками показывает, что ряд своих поправок он не оговаривает. Кое-где лакуны восполнены небольшими вставками в виде отдельных слов. В подстрочный аппарат издатель отнес также историко-биографический комментарий с идентификацией романских имен собственных и географических названий. Помимо того, к некоторым терминам (например, *الوزير المجوس الارذمانيون*) дан отдельный, довольно обстоятельный историко-этимологический комментарий (стр. 247—259), где выясняется также роль и значение различных политических событий и лиц мусульманского и христианского миров Пиренейского полуострова, о которых повествуется в хронике (например, политика князя Кастилии Фернана Гонсалеса по отношению к кордовскому халифату). Часть поправок и дополнений к тексту ввиду их большого объема издатель счел нужным вынести за пределы подстрочного аппарата и дать отдельно (стр. 260—264).

Представляется излишним помещенный на стр. 243—246 в качестве приложения отрывок из другой части „Kitāb ал-муқтабис“ (о пристройке к кордовской соборной мечети в правление эмира ‘Абд ар-Рахмāна II), ибо он не согласуется по времени с повествованием данной части и уже ранее был опубликован Леви-Провансалем.²¹

К изданию приложено шесть указателей (стр. 265—320): 1) предметный указатель всего, что касается различных моментов придворного церемониала, гражданской и военной администрации, 2) указатель имен собственных, 3) географических, 4) этнических названий, 5) стихов с их рифмами и размерами, 6) общий предметный указатель.

Книгу заключают список использованных арабских источников и литературы на арабском и европейских языках (стр. 321—325) и перечень опечаток (стр. 327).

Несмотря на отдельные недочеты и спорные моменты, издание ‘Абд ар-Рахмāна ‘Али ал-Хаджжй выполнено в целом на уровне современных научных требований и оставляет благоприятное впечатление. Специалисты получили, наконец, для широкого пользования еще один том анналов Ибн Хаййāна — этого важного памятника испано-мусульманской историографии, публикация которого давно стала настоятельной необходимостью.

К. Бойко.

ИСТОРИЯ ИРАКСКОЙ АРАБИСТИКИ В НОВЫХ РАБОТАХ ГУРГИСА АВАДА

В европейской арабистике долгое время преобладало мнение, что лишь средневековые арабская литература и наука заслуживают внимания исследователя. Если в отношении новоарабской литературы этот тезис был опровергнут работами И. Ю. Крачковского, то наследие арабских ученых (прежде всего филологов) XIX—начала XX в. оставалось, за немногими исключениями, неизвестным даже специалистам. Попытка восстановить реальную картину культурного развития какой-либо арабской страны в новое время казалась, как это ни парадоксально, куда более

²¹ E. Lévi-Provençal. Les citations du Muqtabis d'Ibn Hayyan relatives aux agrandissements de la grande-mosquée de Cordoue au IXe siècle. Arabica, I, Leiden, 1954, pp. 89—92.

трудной, чем реконструкция средневековой культуры той же страны. И первая трудность, с которой сталкивался исследователь, — отсутствие библиографического учета и хотя бы основных биографических сведений о деятелях культуры и науки нового времени. Поэтому трудно переоценить значение той кропотливой и трудоемкой работы, которую начал известный иракский ученый, член иракской Академии наук Гургис Авад.

Исследователь и популяризатор культурного наследия своей страны, много сделавший для сохранения и описания ее археологических и книжных богатств,¹ Гургис Авад особое внимание уделяет в последние годы сбору биобиблиографических материалов, относящихся к истории иракской арабистики нового времени.

В 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве иракский ученый выступил с докладом „Вклад Ирака в публикацию арабского наследия“;² в 1965 г. выходит в свет его работа „Исследования по языковедению современных иракских ученых (с 1800 по 1965 г.)“,³ а в следующем году — монография „Арабский филолог Анастас Мари ал-Кармели. Его жизнь и его труды (1866—1947)“.⁴

В первой работе библиографического характера представлены 744 монографии иракских филологов, написанные в течение XIX—первой половины XX в. и посвященные главным образом арабскому языку. Некоторое количество работ посвящено другим языкам: из них 27 — семитским, 36 — иранским, а 15 — турецкому. Большая часть ученых в библиографии работ появилась в течение последних 3—4 десятилетий, в особенности это касается специализированных словарей (31). Однако число работ, написанных в прошлом столетии, главным образом грамматических сочинений и словарей арабского языка (всего их учтено соответственно 220 и 63), также весьма значительно. Особенно ценным представляется исчерпывающий охват автором всех сочинений иракских ученых в области языкознания, включая работы, находящиеся в рукописи.

Гургис Авад продолжает в настоящее время свою работу по составлению аналогичных библиографических указателей, относящихся к другим разделам науки. Без сомнения можно сказать, что с завершением этой серии будет заложен фундамент для изучения истории иракской науки в новое время.

Работа, посвященная Анастасу ал-Кармели (1866—1947), крупнейшему иракскому филологу нового времени, деятельность которого высоко оценена и в русской арабистике,⁵ подготовлена к столетию со дня рождения ученого. Этой книгой Г. Авад не только отдал дань уважения памяти своего старшего друга и коллеги (они были знакомы и дружны с 1934 г.), но, по существу, подвел итоги целого этапа в истории иракской арабистики.

Анастас ал-Кармели, автор 1399 работ, большая часть которых посвящена арабскому языку и его диалектам, этнографии и истории Ирака, был уникальной фигурой не только в научной среде Багдада. Человек огромной энергии, он всего себя отдавал делу просвещения своей страны —

¹ G. Awa d. 1) Ancient Libraries of Iraq. Baghdad, 1948; 2) A Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Iraq Museum Library. Baghdad, 1957—1959; 3) Bibliography of Baghdad. Baghdad, 1962; 4) Yaqoob ibn Ishaq al-Kindi. His Life and Works. Baghdad, 1962; 5) Catalogue of the Manuscripts in the Yaqoob Sarkis Collection. Baghdad, 1966.

² Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 124.

✓ ³ كوركييسى عواد، المباحث اللغوية في مؤلفات العراقيين المحدثين، بغداد 1970

✓ ⁴ كوركييسى عواد، الأب انستاس ماري الكرملي، حياته ومؤلفاته، بغداد 1971

⁵ И. Ю. Крачковский, 1) Соч., т. III, стр. 215; т. VI, стр. 81; 2) Служи об о. Анастасе. Христианский Восток, т. IV, вып. II, Пгр., 1915, стр. 198—199.

изучению и развитию ее культуры. Создатель первых иракских журналов, посвященных арабскому языку, он вместе с тем сделал свой дом центром интеллектуальной жизни Багдада. Каждую пятницу в его доме собирались вместе с его учениками несколько десятков ученых и литераторов, обсуждавших новости науки и литературы. Память об этих научных собраниях до сих пор жива в Багдаде. Не рискуя ошибиться, можно сказать, что для развития филологических исследований в Ираке первой половины XX в. дом Анастаса ал-Кармели, с его уникальной открытой всем библиотекой, насчитывавшей 20 тыс. рукописей и книг, имел большее значение, чем любой официальный центр. Поэтому книга об Анастасе ал-Кармели, написанная Г. Авадом, стала книгой о становлении современной иракской арабистики, книгой о новой иракской науке.

С. Бациева.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
М. А. Дандамаев. Вавилонский документ о незаконной продаже храмовой рабыни	3
М. Гельцер. Товарный состав и цены в торговле Древнего Угарита	7
И. Ш. Шифман. Царские люди в эллинистической Сирии и Малой Азии . .	32
М. Коростовцев. Грамматические способы новоегипетского языка	39
А. М. Газов-Гинзберг. Символика краткости—долготы в основах семитских спрягаемых форм	45
И. И. Цукерман. Вариантность как диахронический лимит языковой системы	56
М. Н. Боголюбов. К чтению Страсбургского арамейского папируса	69
А. И. Колесников. Сражение при Эу-Каре	76
О. Г. Большаков. О применении свинцовых печатей при сборе джизьи в халифате	87
А. В. Пайкова. Книга „Калйла и Димна“ как „зерцало“	94
Н. Пигулевская. Сирийская хроника пс. Дионисия Тельмахрского и византийская историография	118
Р. А. Гусейнов. Султан и халиф (Из истории сюзеренитета и вассалитета на Ближнем Востоке XI—XII вв.)	127
А. С. Боголюбов. Этико-правовые воззрения Абу Ханифы ан-Ну'мана . . .	139
С. М. Бацурева. Учение о „двойственной истине“ Аверроэса—Ибн Халдуна . .	149
М. Ф. Мурьянов. Андрей Первозванный в Повести временных лет	159
Б. Л. Фонкич. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в.	165
Л. П. Жуковская. Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР	171
А. В. Банк. Византийский складень с перегородчатыми эмалями из Сайднайского монастыря	177
В. Н. Залесская. Письменные источники о художественной обработке металла в Византийской Сирии	183
Библиографические заметки	195

CONTENTS

	Page
M. Dandamayev. A Babylonian Document concerning the illegal sale of a temple slave-girl	3
M. Heltzer. The goods and prices in the Ugaritic trade	7
I. Schiffmann. The „royal people“ in hellenistic Syria and Asia Minor . .	32
M. Korostovtzev. Grammatical methods in the New-Egyptian	39
A. M. Gazov-Ginzberg. The symbolism of the short and long bases in semitic conjugated forms	45
I. I. Tsukerman. Variants as a diachronic limit of language system	56
M. N. Bogolyubov. To the reading of the Strasburg Aramaic Papyrus . . .	69
A. I. Kolesnikov. The battle of <i>Dū-Kār</i>	76
O. G. Bolshakov. The use of leaden seals in caliphate for a raising of „ <i>ġizya</i> “	87
A. V. Paykova. The book „ <i>Kalila and Dimna</i> “ as a „mirror of the Sovereign“	94
N. Pigulevskaya. The syriac chronicle of ps. Dionysius Telmahransis and the byzantine historiography	118
R. A. Guseynov. Sultan and caliph (to the history of suzerainty and vassalage in the Near East in XI—XII centuries)	127
A. S. Bogolyubov. Abu Hanifa an-Nu'man and his ethnical and law opinions	139
S. M. Batsiyeva. Averoes—Ibn Haldun's teaching on the „Dual Truth“ . . .	149
M. F. Muryanov. St. Andrew the Apostel in the old slavonic chronicle . .	159
B. L. Fonkitch. The activity of Euphemius from the Holy Mount as a translator at the library of the Aphonian Iver monastery	165
L. P. Žhukovskaya. The ancient slavonic translations from the grec and syriac in the libraries of the USSR	171
A. V. Bank. The Byzantine Triptich from the Monastery of Saednaya (near by Damascus)	177
V. N. Zaleskaya. The Narrative Sources about the artistic metallurgy in the Byzantine Syria	183
Bibliographical Notes	195

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. 19 (82)

*Утверждено к печати
Российским палестинским обществом Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. К. Пазиле*

Технический редактор *Е. Н. Волкова*

Корректоры *Н. П. Кизим* и *А. Я. Комм*

Сдано в набор 1/VII 1968 г. Подписано к печати 5/III 1969 г.
РИСО АН СССР № 187-118В. Формат бумаги $70 \times 108^{3/16}$.
Бум. л. $6^{11/16}$. Печ. л. $13^{3/4} + 1$ вкл. ($1/8$ печ. л.) = 18.72 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 18.64. Изд. № 3700. Тип. зак. № 1170.
М-40007. Тираж 1300. Бумага № 1.

Цена 1 р. 18 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 р. 18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ